

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ЮРЫДЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ
Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
ІНСТИТУТ ПЕРАПАДРЫХТОЎКІ І ПАВЫШЭННЯ КВАЛІФІКАЦЫІ СУДДЗЯЎ,
РАБОТНІКАЎ ПРАКУРАТУРЫ, СУДОЎ І ЎСТАНОЎ ЮСТЫЦЫІ БДУ
НАЦЫЯНАЛЬНЫ ЦЭНТР ЗАКАНАДАЎСТВА І ПРАВАВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
НАЦЫЯНАЛЬНЫ ЦЭНТР ПРАВАВОЙ ІНФАРМАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
БЕЛАРУСКАЯ НАТАРЫЯЛЬНАЯ ПАЛАТА
ТАА «ЮРСПЕКТР» (ВЫТВОРЦА ДАВЕДАЧНЫХ ПРАВАВЫХ СІСТЭМ «КАНСУЛЬТАНТПЛЮС»
І ОНЛАЙН-СЭРВІСУ ГАТОВЫХ ПРАВАВЫХ РАШЭННЯЎ ILEX)

ГІСТОРЫКА-ПРАВАВАЯ НАВУКА: СПАДЧЫНА, СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ

Матэрыялы
міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння
прафесара І. А. Юх

Мінск, 19–20 сакавіка 2021 г.

Мінск
БДУ
2021

УДК 34(476)(06)
ББК 67.99(4Беи)я431
Г51

Рэдакцыя на якалегія:

Т. М. Міхалёва (гал. рэд.), Т. І. Доўнар, В. М. Гадуноў, В. Д. Іпатаў,
А. Ф. Мацельскі, Н. У. Барысенка, Д. В. Рымша, А. В. Шыдлоўскі,
С. У. Агіевец, В. А. Шаршун, С. А. Калінін, Д. В. Шчэрбік,
Л. Л. Голубева, А. І. Арлоўская, В. Ю. Вячорка

Рэцэнзенты:

намеснік дырэктара Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і прававых
даследаванняў Рэспублікі Беларусь, кіраўнік Інстытута прававых
даследаванняў, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт *A. В. Сямашка*;
намеснік дырэктара Навукова-даследчага інстытута тэорыі
і практыкі дзяржаўнага кіравання, кандыдат юрыдычных навук,
дацэнт *H. M. Юрашэвіч*

Гісторыка-прававая навука: спадчына, стан і перспектывы :
Г51 матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 100-годдзю з дня
нараджэння праф. І. А. Юхі, Мінск, 19–20 сак. 2021 г. / Беларус.
дзярж. ун-т ; рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск :
БДУ, 2021. – 251 с.

ISBN 978-985-881-226-3.

Прадстаўлены матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння вядомага беларускага гісторыка
права, прафесара І. А. Юхі, дзе асвяляюцца праблемы станаўлення і развіцця
беларускай дзяржаўнасці, нацыянальнага права, сучасных прававых сістэм.

Прызначана для юрыстаў, гісторыкаў, палітолагаў, выкладчыкаў,
аспірантаў, студэнтаў, а таксама ўсіх, каго цікавіць айчынная гісторыя.

УДК 34(476)(06)
ББК 67.99(4Беи)я431

ISBN 978-985-881-226-3

© БДУ, 2021

ПЛЕНАРНЫЯ ДАКЛАДЫ

ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО – НАЛЕЖНЫ ПАДМУРАК ДАЛЕЙШАЙ РАСПРАЦОЎКІ ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ

Т. І. Доўнар

*прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага
дзяржавнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар,
Беларускі дзяржавны ўніверсітэт,
вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
dovnar-taisa@rambler. ru*

Разглядаюцца пытанні навуковага ўклада прафесара І. А. Юхо ў развіццё юрыдычнай адукацыі і гісторыка-прававой навукі. Зроблены вывод, што навуковая спадчына навукоўца не толькі садэйнічала актывізацыі даследаванняў гісторыі права беларускага народа, але і ў далейшым будзе садэйнічаць развіццю айчыннай прававой навукі.

Ключавыя слова: І. А. Юхо; творчая спадчына; юрыдычная адукацыя; гісторыка-прававая навука Беларусі.

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR YUKHO I. A. IS AN APPROPRIATE BASIS FOR THE FURTHER DEVELOPMENT OF THE HISTORY OF THE STATE AND LAW OF BELARUS

Т. І. Dovnar

*Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State
University, Doctor of Law, Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: T. I. Dovnar (dovnar-taisa@rambler. ru)*

The article deals with the scientific contribution of Professor I. A. Yukho to the development of legal education and the historical and legal science of Belarus. It is concluded that the scientific heritage of the scientist not only contributed to the intensification of research on the history of the law of the Belarusian people, but also in the future will contribute to the development of domestic legal science.

Keywords: Yukho I. A. ; scientific heritage; legal education; historical and legal science of Belarus.

Равеснік Беларускага дзяржавнага ўніверсітэта – доктар юрыдычных навук, прафесар І. А. Юхо ўнёс вялікі ўклад у развіццё беларускай юрыдычнай адукацыі і прававой навукі. Пасля Вялікай Айчыннай вайны, непасрэдным узельнікам якой ён быў, і заканчэння Мінскага юрыдычнага інстытута ён пэўны час працаваў суддзей і адначасова займалася навуковай дзейнасцю. У 1956 г. І. А. Юхо стаў выкладчыкам юрыдычнага факультэта БДУ, у сценах якога раскрыліся яго выкладчыцкі і даследчы таленты.

Плённа працуячы на ніве падрыхтоўкі прафесійных юрыстаў, ён шмат увагі надаваў напісанню вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў. Увогуле большасць кніг Я. А. Юхо, якія і зараз выкарыстоўваюцца ў вучэбным працэсе многіх ВНУ Рэспублікі Беларусь, была непасрэдна прызначана студэнтам. Асаблівай заслугай І. А. Юхо з'яўляецца тое, што ён у 1963 г. упершыню на юрыдычным факультэце стаў выкладаць курс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Амаль з чыстага ліста ён распрацаваў адпаведны курс, а таксама вучэбную праграму па дадзеным прадмете, у якой вызначаліся мэты і задачы курса, пералік асноўных тэм і пытанняў, патрабаванні да студэнтаў адносна засваення курса і інш. [1]. Менавіта галоўным педагогічным і навукова-метадычным дасягненнем навукоўцы з'яўляецца распрацоўка і ўкараненне ў

выкладчыцкую практику БДУ гэтай новай і вельмі важнай вучэбнай дысцыпліны. Вынікам гэтага стала павышэнне самасвядомасці студэнтаў, іх павагі да гісторыі ўласнага народа і цікавасці да гісторыка-прававых даследаванняў.

Неабходна адзначыць, што важнасць увядзення ў вучэбны план гэтай дысцыпліны вынікала з таго факта, што раней у сувязі з адпаведнымі ўстаноўкамі ЦК КПСС, які фактычна і кіраваў савецкай дзяржавай, выкладалася на юрыдычным факультэце толькі гісторыя дзяржавы і права СССР. Тагачасная савецкая рэчаіснасць патрабавала ад выкладчыкаў і навукоўцаў прытрымлівання пэўных ідэалагічных установак і не дазваляла ў поўнай меры выказваць уласныя погляды па пытаннях гісторычнага развіцця беларускай дзяржжаўнасці. Гэта тычылася таксама друкаваных вучэбных і навуковых прац, адносна якіх дзейнічала цэнзура. Аднак многія выкладчыкі юрыдычнага факультэта выходзілі за межы сваіх прадметаў і выказвалі (аднак часцей у завуаліраванай форме) свае погляды на праблемныя пытанні сучаснасці і гісторычнай эвалюцыі дзяржавы і права Беларусі. Асабліва гэта было харэктэрным для выкладчыцкай дзейнасці І. А. Юхі, які на лекцыях, семінарскіх занятках, у асабістых гутарках выказваў і аргументаў вельмі цікавыя і самастойныя думкі па актуальных пытаннях грамадска-палітычнага жыцця дзяржавы, праблемных пытаннях айчыннай гісторыі дзяржавы і права, прычым часам такія, што супярэчылі афіцыйным поглядам савецкай навукі. Напрыклад, ён выказваў уласныя погляды на паняцце і сутнасць дзяржавы, права, прававых інстытутаў, гісторычнага развіцця дзяржжаўнасці Беларусі і інш. Менавіта гэта служыла падставай для асаблівай зацікаўленасці студэнтаў, аспірантаў, маладых навукоўцаў і заахвочвання іх да навуковых даследаванняў. Да таго ж, валодаючы энцыклапедычнымі ведамі і ўнікальнай інфармацыяй, І. А. Юхі не баяўся выйсці за межы выкладаемага прадмета. Так, асабістай яго зацікаўленасцю з'яўлялася творчая спадчына і грамадская дзейнасць вялікага рускага пісьменніка Льва Таўстога, адпаведна чаму ў асяроддзі выкладчыкаў і студэнтаў, у любой аўдыторыі ён актыўна прапагандаваў творчасць гэтага пісьменніка і яго неўміручую ідэю аб непраціўленні злу на сіллем. І. А. Юхі надрукаваў шэраг артыкулаў, непасрэдна прысвячаных творчасці гэтага знакамітага пісьменніка [2]. У выніку – студэнты заахвочваліся да вучобы і набыцця больш широкіх і разнастайных ведаў.

Неабходна падкрэсліць, што ў сферы выкладчыцкай дзейнасці ўвага І. А. Юхі надавалася не толькі падрыхтоўцы высокаякасных спецыялістаў-правазнаўцаў, але і выхаванню эрудіраваных, сумленных і нацыянальна-свядомых студэнтаў – патрыётаў сваёй Айчыны. У сваёй выкладчыцкай, навуковай і грамадской дзейнасці ён найперш кіраваўся пачуццем любові да сваёй Айчыны. Яго цікавіла ўсё, што тычылася роднай Беларусі: гісторычныя падзеі і іх уплыў на развіццё дзяржжаўнасці Беларусі, стан народа на тых ці іншых этапах дзяржжаўнага развіцця, лёссы дзяржжаўных дзеячоў і мысліцеляў, старажытныя традыцыі, помнікі культуры і інш. Выпрацаваныя ж ім новыя метадалагічныя падыходы да выкладання прадмета перш за ўсё давалі падставу паказаць тыя прагрэсіўныя тэндэнцыі і зрухі, што адбываліся на працягу ўсё гісторыі Беларусі, з пазіцыі духоўных і нацыянальна-беларускіх каштоўнасцей. Увогуле І. А. Юхі, працягваючы навуковыя традыцыі, закладзенныя папярэднімі навукоўцамі БДУ, у тым ліку яго першымі рэктарамі У. І. Пічэтай, актыўна займаўся даследаваннем гісторычнага мінулага Беларусі, а галоўнае – актуалізаваў ўсё тое, што тычылася айчыннай гісторыі. У сувязі з гэтым неабходна заўважыць, што доўгі час пытанні гісторыі дзяржавы і права Беларусі амаль не падвяргалася навуковай распрацоўцы. На працягу мінульых стагоддзяў айчынныя і замежныя навукоўцы ў сваіх працах хоць часам і закраналі гісторыю Беларусі, аднак у большасці – у кантэксле расійскай ці польскай гісторыі. Як неаднайчы падкрэсліваў І. А. Юхі, між тым як усе ўропейскія народы мелі права на сваю ўласную гісторыю, толькі адносна беларускага народа па тых ці іншых прычынах рабілася выключэнне [3, с. 4]. Як у дарэвалюцыйны, так і ў савецкі перыяд даследаванне прававой спадчыны, якое з'яўляецца важнейшай задачай гісторыка-прававой навукі,

стрымлівалася шэрагам аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў. Акрамя таго, закранутыя ў розных кнігах гістарычныя падзеі адносна Беларусі трактаваліся даволі адвольна і тэндэнцыйна, шмат гістарычных пытанняў асвялялася павярхойна і аднабакова, а некаторыя з іх увогуле замоўчаліся. У сувязі з гэтым гісторыка-прававая навука мала развівалася, у ёй заставаліся шматлікія і значныя прабелы. Да таго ж, амаль не друкаваўся дакументальна-прававы матэрыял адносна гісторыі Беларусі, былі мала даступнымі архіўныя матэрыялы.

З самага пачатку навукова-педагагічнай дзейнасці і на працягу ўсяго творчага жыцця І. А. Юху прыкладваў значныя намаганні перш за ўсё ў сферы актуалізацыі пытанняў гісторыі дзяржавы і права Беларусі, а па другое, – яе больш сістэмнай навуковай распрацоўкі. Падняўшы і прааналізаваўшы шырокі пласт гістарычных крыніц, ён даказваў, што многія гістарычныя дакументы непасрэдна адносяцца да нашай айчыннай гісторыі, што беларусы – самастойная і самадастатковая нацыя, якая ўжо ў старажытныя часы мела ўласную дзяржаўнасць. Адначасова ў сваіх публікацыях ён падкрэсліваў складанасць і адметнасць айчыннай гісторыі, заахвочаючы навукоўцаў да даследавання белых плям і проблемных пытанняў айчыннай гісторыі, прапагандаваў значныя дасягненні продкаў ў сферы права .

Ахопліваючы рэтраспектыўна творчую спадчыну І. А. Юху, нельга не здзіўляцца шырыні спектра навуковых, а таксама надзенных практычных проблем, закранутых у яго працах. Пры гэтым ён выказваў вельмі смелыя і наватарскія для таго часу ідэі, большасць з якіх зараз трывала замацавалася ў айчыннай гісторыяграфіі. Так, І. А. Юху аргументавана даказваў непасрэдны ўдзел у падрыхтоўцы Статута 1529 г. знакамітага беларускага мысліцеля Францыска Скарыны, што ў першую чаргу выцякала з супастаўляльнага аналізу твораў Скарыны і зместа закона. Таксама навуковец не аднойчы ў сваіх публікацыях звяртаў увагу на пытанне аб часе і прычынах паходжання беларускай дзяржаўнасці, якое дагэтуль застаецца адчыненым [4]. Гэта абумоўлена шэрагам прычын, а асабліва недастатковасцю дайшоўшых да нашага часу пісьмовых звестак, аналіз якіх дазволіў бы ўстанавіць сапраўдныя час і прычыны, што прывялі да пераходу ад дадзяржаўных формаў грамадскага існавання да палітыка-тэрытарыяльнай арганізацыі кіравання грамадствам. Вынікам гэтага стала шматлікасць тэорый і прычын паходжання дзяржаўнасці ў Усходній Еўропе і часам вельмі суб'ектыўных меркаванняў адносна гістарычнага перыяду ўзнікнення дзяржаўнасці. І. А. Юху, крытыкуючы нарманскую тэорыю і папярэдняя навуковыя погляды, што доўгі час панавалі ў гістарычнай навуцы, сістэмна прааналізаваў летапісныя звесткі і літаратурныя крыніцы, перш за ўсё творы такіх знакамітых навукоўцаў дарэвалюцыйнага і савецкага перыяду як У. Тацішчав, І. Забелін, М. Дзяяканаваў, В. Сергеевіч, С. Юшкоў, Б. Грэкаў, Б. Рыбакоў і інш., у якіх часам некалькі ў завуаліраванай форме выказвалася меркаванне аб магчымасці існавання дзяржаўнасці на стыку старой і новай эпохай, і зрабіў уласны вывод: дзяржаўнасць у народаў Усходній Еўропы паўстала задоўга да новай эры. Ён падмацоўваў гэты вывод спасылкамі на меркаванні шэрагу навукоўцаў, іншыя гістарычныя крыніцы, у тым ліку на звесткі Герадота, які засведчыў існаванне нашых продкаў – будзінаў і неўраў, што жылі на тэрыторыі сучаснай Беларусі ў VI–V стст. да н. э. [3, с. 47-55]. Нягледзячы на тое, што многія выказаныя І. А. Юху ідэі былі падтрыманы навуковым супольніцтвам, аднак да гэтага часу большасць навукоўцаў адваргнае ідэю аб існаванні дзяржаўнасці ва Усходній Еўропе задоўга да новай эры.

Асаблівая ўвага надавалася І. А. Юху даследаванню прававой спадчыны беларускага народа. Ён аргументоўваў навуковы тэзіс аб высокай духоўнай і матэрыяльнай культуры беларускага народа, адзначаў, што нашыя продкі ў вельмі старажытныя часы мелі ўласнае звычаёвае права, якое дзейнічала працяглы час і рэгулявала ўсе грамадскія адносіны (сістэму органаў улады і кіравання, судовых органаў, правы і абавязкі насельніцтва і інш.), а таксама падкрэсліваў, што галоўнай часткай звычаёвага права было копнае (вечавое) права [5 і інш.]. Шэраг яго навуковых артыкуулаў

быў непасрэдна прысвечаны помнікам права і асабліва знакамітым статутам ВКЛ 1529, 1566, 1588 гадоў [6]. Навуковец увесь час падкрэсліваў асаблівую значнасць Статута 1529 г., у аснову якога было пакладзена галоўным чынам звычаёвае права старажытных беларускіх дзяржаў-княстваў (Полацкага, Віцебскага, Турава-Пінскага, Навагрудскага і інш.). Увогуле ён лічыў статуты канстытуцыйнымі законамі і першымі ў Еўропе зводамі законаў (а не кодэксамі, як лічылі некаторыя вучоныя). Ён пазначаў, што стварэнне гэтых выдатнейшых помнікаў права стала магчымым у сувязі з актыўным развіццём у Беларусі палітыка-прававой думкі і менавіта прагрэсіўныя прававыя ідэі тагачасных беларускіх мысліцеляў і палітычных дзеячоў знайшлі ў той ці іншай ступені адлюстраванне ў гэтых законах, хоць часам толькі ў дэкларатыўнай форме .

Несумненай заслугай I. А. Юхі з'яўляеца ўвядзенне ў навуковы абыходак гісторыка-прававой навукі звестак аб дасягненнях многіх айчынных мысліцеляў і дзяржаўных дзеячоў у сферы палітыка-прававой думкі (Ф. Скарыны, М. Літвіна, А. Волана, М. Радзівіла Чорнага, А. Валовіча, Л. Сапегі, С. Буднага, П. Скаргі, М. Сматрыцкага і інш.). Пры гэтым ён адзначаў генетычную сувязь палітыка-прававой думкі і заканадаўства, падкрэсліваў, што актывізацыя палітыка-прававой думкі ў XV-XVI стст., якая ў большасці апярэджвала свай час, з'яўлялася важкай падставай для прагрэсіўнага развіцця заканадаўства [7]. Увогуле ў сваіх творах I. А. Юхі пастаянна засяроджваў увагу на мінулых айчынных прававых набытках, падкрэсліваў прагрэсіўнасць поглядаў беларускіх мысліцеляў, адзначаў дасягненні і пралікі палітычных дзеячоў. Так, некалькі навуковых прац ён прысвяціў незаслужана забытаму на той час дзеячу нацыянальна-вызваленчага руху XVIII ст., ураджэнцу Беларусі Тадэвушу Касцюшку, які пакінуў значны след у палітычным жыцці шэрага єўрапейскіх дзяржаў, а таксама Злучаных штатаў Амерыкі, дзе змагаўся за незалежнасць [8].

У другой палове XX ст. важкай падставай больш актыўнай навукова-даследчай дзеянасці ў сферы гісторыка-прававой навукі Беларусі сталі шматлікія артыкулы і кнігі прафесара I. А. Юхі, у якіх давалася харкторыстыка паштапнага гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці і нацыянальной прававой сістэмы, акцэнтавалася ўвага на праблемных і мала даследаваных пытаннях айчынай гісторыі дзяржавы і права. Так, спыняючыся на савецкім перыядзе развіцця дзяржаўнасці, I. А. Юхі адзначаў, што толькі з узнаўленнем беларускай дзяржаўнасці на пачатку XX ст. і адкрыццём у 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пачаўся больш значны этап развіцця гістарычнай і гісторыка-прававой навукі Беларусі, падкрэсліваў значны ўклад першага рэктара БДУ У. І. Пічэты і яго навуковай школы (А. В. Бурдзейка, Д. І. Даўгяла, В. Д. Дружыць, Т. І. Забэлла, К. І. Таўсталес і інш.) у даследаванне гісторыі Беларусі [9]. Таксама I. А. Юхі звяртаў увагу на актывізацыю даследаванняў у 1920-я гады, чаму садзейнічала і заснаванне Інстытута беларускай культуры (1922), дзе разам з вывучэннем актуальных праблем дзяржаўна-прававога будаўніцтва ў Беларусі даследаваліся пытанні прававой гісторыі, друкаваліся гістарычныя дакументы: трохтомны “Беларускі архіў” (1927-1930) і інш.

I. А. Юхі адзначаў, што толькі пасля Вялікай Айчыннай вайны намаганнямі беларускіх вучоных пачаліся ў Беларусі значныя зруші ў сферы распрацоўкі айчынай прававой гісторыі, у тым ліку быў пакладзены пачатак новаму накірунку гісторыка-прававой навукі – гісторыі дзяржавы і права Беларускай ССР. Значным прарывам у гэтым накірунку стала выданне ў 1958 г. у БДУ калектыўнай працы «Очерки по истории государства и права БССР» (Б. Е. Бабіцкі, Ф. І. Гаўзе, І. І. Гарэлік, Г. А. Павецьяў, Л. А. Рудзіцкі, І. С. Тышкевіч, Ю. П. Смірноў, В. Ф. Чігір), у якой з пазіцыі тагачаснай савецкай гісторыка-прававой навукі разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права БССР з моманта яе ўзнікнення да 1934 г. У 1969 г. у выдавецтве БДУ былі выдадзены калектывам аўтараў (Б. Е. Бабіцкі, А. А. Галаўко, Ф. І. Гаўзе, В. А. Дарогін і інш.) “Очерки по истории государства и права БССР» (выпуск другі), дзе разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права БССР з 1936 па 1968 гг. Адказнымі рэдактарамі і сааўтарамі кнігі быў

І. А. Юхой. У кнігу былі ўключаны вынікі кандыдацкай дысертацыі навукоўца па пытаннях уз'яднання Заходняй Беларусі з БССР у 1939 г. Увогуле гэтай праблеме быў прысвеченны шэраг яго публікацый, у якіх ён звяртаў увагу на складаны і неадназначны характар грамадска-палітычнага працэсу, звязанаму са знаходжаннем Заходняй Беларусі ў складзе Польскай дзяржавы і далучэннем яе да Беларускай ССР [10].

Таксама ў 1970-1976 гг. І. А. Юхой прыняў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы двухтомнага выдання «Істории государства и права Белорусской ССР», падрыхтаванага калектывам акаадэмічных і вузоўскіх навукоўцаў. Гэта фундаментальная кніга стала падручнікам для студэнтаў і важкай падставай для далейшых айчынных гісторыка-прававых даследаванняў, хоць у той перыяд часу як гэта кніга, так і ўсе навуковыя даследаванні адбываліся галоўным чынам у рэчышчы тагачасных савецка-парцыйных установак.

Патрэбна адзначыць, што І. А. Юхой прымаў удзел у падрыхтоўцы некалькіх падручнікаў па гісторыі дзяржавы і права СССР, у якіх ім былі напісаны раздзелы аб Вялікім Княстве Літоўскім, напісай некалькі прац па гісторыі працэсуальнага права, стаў сааўтарам падручніка па грамадзянска-парцэсуальнаму праву [11].

У 1978 г. у кантэксце распрацоўкі доктарскай дысертацыі была выдадзена манаграфія І. А. Юхой “Прававое становішча насельніцтва Беларусі у XVI ст.”, у якой былі выкладзены ўяўленні навукоўца аб структуры феадальнага грамадства ў Беларусі, правах і абавязках саслоўя і асобных груп насельніцтва. Ён раскрыў прававы статус самага прывілеянага саслоўя шляхты, якое складала даволі значны ў працэнтных адносінах і найбольш культурны пласт насельніцтва; звярнуў увагу на тое, што беларускія сяляне ў феадальны перыяд мелі пэўныя права, а не толькі вялікую колькасць абавязкаў; паказаў статус гарадскога насельніцтва, адзначаючы больш значныя права гараджан тых гарадоў Беларусі, якія атрымлівалі магдэбурскія права; падкрэсліваў, што ў аснову магдэбурскага права быў пакладзены прынцып гарадскога самакіравання, што садзейнічала не толькі палітычнаму і эканамічнаму развиццю гарадоў, але і эвалюцыі ў прагрэсіўным накірунку самой дзяржаўнасці. Увогуле пытанню развіцця самакіравання ў Беларусі навуковец надаваў значную ўвагу, бо лічыў яго адной з важнейшых дзяржаўна-прававых праблем. Гэта навукова-практычная тэма заўсёды знаходзілася ў полі яго зроку і ён заахвочваў маладых навукоўцаў да яе распрацоўкі. Тут да месца падкрэсліць, што ў сферы прававой навукі І. А. Юхой заўсёды падаваў маладым навукоўцам цікавыя навуковыя ідэі і заахвочваў да іх распрацоўкі.

У сувязі з новымі прагрэсіўнымі тэндэнцыямі ў развіцці дзяржаўнасці Беларусі на пачатку 90-х гадоў XX ст. І. А. Юхой стаў ініцыяタрам пераходу на беларускамоўнае навучанне студэнтаў і першым на юрыдычным факультэце падаў у гэтым прыклад. У той час, калі Беларусь стала на шлях пабудовы суверэнай прававой дзяржавы, стаў вельмі актуальным нацыянальна-дзяржаўны падыход у вывучэнні айчыннай гісторыі. У гэтым кантэксце была апублікавана надзвычайна важная на той час кніга І. А. Юхой – “Крыніцы беларуска-літоўскага права” (1991), якая была непасрэдна прысвячана характарыстыцы важнейшых нарматыўных актаў, якія дзейнічалі на працягу стагоддзяў у Беларусі, перш за ўсё агульназемскіх, абласных, валасных і гарадскіх грамат, а таксама Судзебніку 1468 г., Статутам 1529, 1566, 1588 гг. Характарызуочы іх, навуковец падкрэсліваў, што ў аснову пісанага заканадаўства ВКЛ было пакладзена звычаёвае права старажытных беларускіх дзяржаў (Полацкага, Турава-Пінскага і інш.), а паступовы пераход ад звычаёвага права да пісанага заканадаўства быў выкліканы больш інтэнсіўнымі міжнароднымі сувязямі, узбуйненнем тэрыторыі дзяржаў, распаўсюджваннем пісьменства сярод насельніцтва. На падставе сістэмнага аналізу помнікаў права І. А. Юхой зрабіў вывад аб нацыянальнай адметнасці айчыннага права і параўнальна высокай тагачаснай прававой культуры беларускага народа, аб чым, на яго думку, і сведчыла заканадаўства XV–XVI стст. і асабліва Статут 1588 г. – своеасаблівая феадальная

канстытуцыя. Увогуле ён лічыў статуты не толькі першымі ў Еўропе зводамі законаў, але канстытуцыйнымі законамі.

У 1992 г. была надрукавана яшчэ адна важная кніга І. А. Юхі – “Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі”, у якой выкладалася ў сціслай форме айчынная гісторыя паэтапнага развіцця дзяржавы і права, пачынаючы са старажытных часоў да расійскай Лютайскай рэвалюцыі 1917 г., прычым адпаведна ўласнаму ўяўленню навукоўцы, сфарміраванаму на падставе абагульнення шматлікіх літаратурных і дакументальных крыніц. Гэтай кнігай карыстаюцца і зараз як студэнты, так і даследчыкі.

У канцы XX ст. усведамленне грамадскасцю ўласнага гістарычнага шляху стала асновай больш дакладнага, усебаковага і праўдзівага асвялення гісторыі беларускай дзяржаўнасці і актывізацыі навуковых даследаванняў. Галоўнай падставай гэтага стала заканадаўчае замацаванне ў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, адным з распрацоўшчыкаў якой быў прафесар І. А. Юхі, факта шматвяковага існавання беларускага этнаса і беларускай дзяржаўнасці як суб'ектаў сусветнай гісторыі.

У гэты перыяд несумненай навуковай заслугай І. А. Юхі з'яўляецца актыўная распрацоўка, або пастаноўка праблемных пытанняў гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы. Перш за ўсё гэта тычылася гісторыі органаў улады, судовых органаў, крыніц права, магдэбургскага права, айчыннага канстытуцыяналізму і парламентарызму. Яго публікацыі былі прысвечаны самым розным і вельмі актуальным праблемам гісторыі дзяржавы і права Беларусі – паходжанню назвы “Беларусь”, гісторыі заканадаўства, помнікам айчыннага права, уніям Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа, прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, значэнню гісторыка-прававой навукі і інш. Ён выказаў уласныя навуковыя пазіцыі па праблеме фарміравання тэрыторыі Беларусі, аргументаваў тэзіс аб пераважна беларускім этнічным харкторы Вялікага Княства Літоўскага, сутнасці і вынікаў паланізацыйнай палітыкі кіраўніцтва Рэчы Паспалітай, прычым адзначаў, што гэта дзяржава з'яўлялася канфедэрацыяй, у складзе якой Вялікае Княства Літоўскае захоўвала суверэнітэт і шмат іншага.

Таксама значная ўвага надавалася навукоўцам перыяду знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі. Ён падкрэсліваў добра вядомы навукоўцам гістарычны факт, што беларускія землі да падзелаў Рэчы Паспалітай у канцы XVIII ст. не ўваходзілі ў склад Расіі, харкторызаваў прычыны, сутнасць і наступствы русіфікаторскай палітыкі царызму, адзначаў важнасць дзяржаўных рэформаў XIX ст. і інш. У сваіх публікацыях ён адзначаў, што на гістарычным шляху беларускага народа было шмат цяжкасцей і страт, панесеных часам з-за неразумнай палітыкі або і зрады кіруючых вярхоў (як, напрыклад, падчас Люблінскай уніі 1569 г., ці Таргавіцкай канфедэрацыі 1792-1793 гг.), аднак былі і часы выдатных здзяйсненняў і перамог (напрыклад, перамога над татарамі на Сіней вадзе ў 1362 г., над крыжакамі пад Грунвальдам у 1410 г. і інш.).

Важнай навуковай падзеяй стала выданне невялікай па памеру манаграфіі І. А. Юхі “Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі” (1999), дзе быў дадзены кароткі агляд шматлікіх навуковых публікацый, у якіх разглядаліся, або закраналіся пытанні гісторыі дзяржавы і права Беларусі, а таксама давалася іх крытычная ацэнка. У ёй навуковец падвергнуў крытыцы погляды шэрага польскіх навукоўцаў адносна несамастойнасці Беларусі і значным уплыве польскага права, адзначаў памылковасць іх поглядаў адносна ўній ВКЛ з Польшчай і інш. Увогуле І. А. Юхі звяртаў увагу на прычыны тэндэнцыйных адносін многіх замежных навукоўцаў (польскіх, літоўскіх, расійскіх і інш.) да беларускай гісторыі, у сувязі з чым доўгі час адбывалася яе замоўчванне і нават фальсіфікацыя. Адначасова ён падкрэсліваў значэнне і важнасць папярэдніх даследаванняў, на падставе навуковага аналізу якіх і шляхам навуковых дыскусій можна зрабіць новыя, аргументаваныя вывады і знайсці ісціну.

У сваіх публікацыях І. А. Юху выказаў уласнае разуменне савецкага перыяду беларускай дзяржаўнасці. Ён падкрэсліваў важнасць і дасягненні ў развіцці савецкай беларускай дзяржаўнасці і гістарычнай навукі ў перыяд актыўнага нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў 1920-я гг., адзначаў негатыўныя тэндэнцыі ў 1930-1940-я гады, рабіў агульны вывад адносна таго, што эвалюцыя Беларускай ССР адбывалася, на жаль, “не на аснове самастойнага гістарычнага развіцця беларускай нацыянальнай дзяржавы” [12, с. 3-4]. На падставе пераасэнсавання папярэдніх навуковых напрацовак, назапашанай інфармацыі і ўласнага вопыту як удзельніка Вялікай Айчыннай вайны, у апошніх падрыхтаваных з яго ўдзелам кнігах ён разважаў аб прычынах адступлення Чырвонай Арміі ў першыя месяцы Вялікай Айчыннай вайны і яе зацяжнога харкту, панесеных беларускім народам шматлікіх чалавечых ахвярах, матэрыйальных стратах і інш. Пры гэтым перамогу ў Вялікай Айчыннай вайне ён адносіў да выдатных перамог беларускага і іншых народаў СССР [13].

Несумненай заслугай І. А. Юху і адным з важных накірункаў навуковай і навукова-практычнай дзеянасці стаў яго ўдзел у падрыхтоўцы шэрага энцыклапедычных выданняў. Прычым неабходна падкрэсліць, што ён быў адным з ініцыятараў і аўтараў многіх з іх, у тым ліку першага на беларускай мове выдання “Юрыдычнага энцыклапедычнага слоўніка” (1989). Акрамя таго, па ініцыятыве І. А. Юху быў перавыдадзены шэраг помнікаў права Беларусі, у тым ліку Статут 1588 г. (1989) і Статут 1566 г. (2003), што значна садзейнічала актыўізацыі навуковых даследаванняў. Таксама навуковец прыняў непасрэдны ўдзел ў падрыхтоўцы выданняў: «Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыклапедычны даведнік» (1995), “Асветнікі зямлі беларускай” (2003), “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі у 6 т.” (1993-2004), “Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя ў 2 т.” (2005-2006).

У апошнія гады свайго жыцця І. А. Юху значную ўвагу надаваў гісторыі айчыннага канстытуцыянализму. Па яго ініцыятыве і ў сааўтарстве з Р. А. Васілевічам і Т. І. Доўнар у 2001 г. была выдадзена кніга “Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі”, у якой на падставе дакументальна-прававога матэрыялу паслядоўна разглядалася зараджэнне і развіццё канстытуцыйнага права Беларусі, пачынаючы са старажытнасці і да нашага часу. Кніга з’яўлялася першай спробай выкладаці ў храналагічным парадку працэс развіцця канстытуцыйнага права ад адасобленых норм, выклададзеных у старажытных помніках права, да высокаразвітай прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь. Ва ўводзінах да кнігі І. А. Юху адзначаў, што да нашых часоў захавалася нязначная частка самых старажытных пісаных дзяржаўна-прававых актаў, у якіх замацоўваліся канстытуцыйныя нормы, аднак многія нормы былі перанесены ў пазнейшыя помнікі права, што і дало магчымасць прасачыць гістарычны шлях развіцця айчыннага канстытуцыянализму. Кніга ўтрымлівала ў храналагічным парадку вытрымкі з грамат, статутаў, іншых канстытуцыйных актаў дасавецкага перыяду, з канстытуцыйнага заканадаўства і Канстытуцый Беларускай ССР, а таксама з канстытуцыйнага заканадаўства Рэспублікі Беларусь, што давала падставы да новых даследаванняў як у сферы гісторыі права, так і сучаснасці.

І. А. Юху прыняў ўдзел у выданні на англійскай мове кніг аб гістарычным шляху беларускай нацыі і дзяржавы, шэраг артыкулаў прысвяціў развіццю айчыннай юрыдычнай навукі, у тым ліку і ў Беларускім дзяржаўным універсітэце, дзе паказваў месца юрыдычнай навукі ў сістэме грамадскіх навук, адзначаў значэнне гісторыка-прававой навукі і навуковыя дасягненні ў гэтай сферы, харкторыздаваў уклад у яе развіццё навукоўцаў юрыдычнага факультэта [14].

Асаблівая заслуга прафесара Юху ў заснаванні навуковай гісторыка-прававой школы Беларусі. Пад яго кіраўніцтвам быў абаронены шэраг кандыдацкіх і доктарскіх дысертаций, з яго ўдзелам навукоўцы кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ, заснаванай у 1954 г., даследавалі разнастайныя пытанні айчыннай гісторыі, публіковалі навуковыя артыкулы, манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі па гісторыі дзяржавы і права

Беларусі. Усім маладым даследчыкам ён пастаянна прапаноўваў у кантэксце разглядаемых праблем абавязкова ўключаць у свае, розныя па тэматыцы прававыя даследаванні, гістарычны экспкурс па айчыннай гісторыі

У 1991 г. на Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай творчай спадчыне прафесара І. А. Юхі ў сувязі з 90-годдзем з дня яго нараджэння, галоўныя даклады і паведамленні былі прысвечаны сутнасці і вынікам навукова-педагагічнай дзеянасці прафесара І. А. Юхі, а таксама значэнню і пераемнасці яго навуковых ідэй. Замежныя і айчынныя навукоўцы, многія з якіх з'яўляліся былымі студэнтамі і аспірантамі І. А. Юхі, адзначалі ўплыў яго прац на іх навуковую дзеянасць, акцэнтавалі ўвагу на значным укладзе знакамітага вучонага не толькі ў развіццё гісторыка-прававой навукі і юрыдычнай адукацыі Беларусі, але і самой беларускай дзяржаўнасці [15].

Такім чынам, навуковыя традыцыі, закладзеныя прафесарам І. А. Юхі, а таксама памяць аб ім захоўваюцца. Увогуле творчая спадчына І. А. Юхі, якая ўключае больш за 200 навуковых прац, у тым ліку некалькі манографій, шмат вучэбных дапаможнікаў і інш., з'яўляецца тым каштоўным нацыянальным здабыткам і трывалым фундаментам, які будзе і ў далейшым садзеяньіцаць не толькі развіццю айчыннай гісторыка-прававой навукі, але ўсведамленню і ўсё большаму ўзмацненню павагі да мінульых набыткаў і дасягненняў беларускага народа, асабліва ў сферы права і прававой культуры.

Бібліографічныя спасылкі

1. Юхі, І. А. Программа по истории государства и права БССР. Минск: Высш. школа, 1964. 17 с.
2. Юхі, Я. А. Будучыня належыць Льву Талстому // Res Nova. 1997. № 1. С. 8-9; Юхі И. А. Непротивление злу // Всемирная литература. 1998. С. 153-161 і інш.
3. Юхі Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 270 с.
4. Юхі, Я. А. Паходжанне дзяржавы на Беларусі // Спадчына. 1990. № 4. С. 11-13; Юхі, Я. Фармаванне тэрыторыі беларусаў // Спадчына. 1991. № 6. С. 2-11 і інш.
5. Юхі, І. А. Звычаёвае права // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 3. Мінск: БелЭн, 1996. С. 433-435.
6. Юхі І. Хто складаў Літоўскі Статут // Беларусь. 1958. № 3. С. 31; Юхі Я. А. Статуты Вялікага княства Літоўскага // Полымя. 1966. № 11. С. 125-137; Юхі, Я. А. Скарбніца прававай культуры: аб Статутах Вялікага княства Літоўскага // Полымя. 1988. № 12. С. 166-179 і інш.
7. Юхі, Я. А. Скарэна і прававая культура Беларусі // Спадчына. 1989. № 2. С. 52-54; яго ж: Социально-политические и правовые идеи // Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / Акад. наук БССР, Ин-т философии и права ; редкол. : К. П. Буслов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Наука и техника, 1973. Гл. 2. С. 73-85; яго ж: Правовая культура [XII-XIX вв.] // Очерки истории науки и культуры Беларуси [IX-начало XX вв.]. Минск, 1996. С. 129-145.
8. Юхі, Я. А. За вольнасць нашу і вашу: Тадэвуш Касцюшко. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 52 с. ; Юхі Я. А.»Нарадзіўся я ліцьвінам...»: Тадэвуш Касцюшко. Мінск: Навука і тэхніка, 1994. 68 с. ; Юхі, Я. А. Наш нацыянальны герой [Т. Касцюшко, 1745-1817] // Сыны і пасынкі Беларусі: / С. В. Барыс, С. В. Тарасаў, Г. А. Ланеўскі [і інш.]; уклад. С. В. Барыс. Мінск : Полымя, 1996. С. 95-134.
9. Юхі, І. А. Уладзімір Пічэта [Старонкі беларус. энцыкл.] // Полымя. 1967. № 5. С. 251-252 і інш.
10. Юхі Я. А. Уз'яднанне беларускага народа ў адзінай Савецкай дзяржаве – завяршаючы этап тэрытарыяльнай кансалідацыі беларускай сацыялістычнай нацыі // Фарміраванне і развіццё беларускай сацыялістычнай нацыі / рэдкал. : П. Ф. Глебка [і інш.]; Акад. навук БССР, Ин-т філософіі. Мінск : АН БССР, 1958. С. 129-143; Юхі Я. Беларусь у новай польскай энцыклапедыі. // Полымя. 1968. № 4. С. 177-180 і інш.
11. Юхі И. А. Общественно-политический строй и право Литовского государства (XIII-XVI вв.) / История государства и права СССР : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; К. А. Сафоненко (отв. ред.) [и др.]. М. : Юрид. лит., 1967. Ч. 1,

гл. 10. С. 238–265; Юхो, И. А. Великое княжество Литовское (XIII в. –1569 г.) // История отечественного государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» // В. В. Абашмадзе, Л. В. Дюков, Ю. А. Егоров [и др.] ; под ред. О. И. Чистякова. М. : Изд-во МГУ, 1992. Ч. 1., гл. 9. С. 135–145; Юхо, И. А. Великое княжество Литовское (XIII в. –1569 г.) // История отечественного государства и права СССР : учебник / В. В. Абашмадзе, Л. В. Дюков, Ю. А. Егоров [и др.] ; под ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М. : Изд-во БЕК, 1996. Ч. 1, гл. 9. С. 131–140; Юхо, И. А. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и ГПК союзных республик // Соц. законность. 1962. № 7. С. 38-43; Юхо, И. А. Гражданский процессуальный кодекс Польской Народной республики // Советская юстиция. 1967. № 1. С. 27-28.

12. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : дапаможнік : у 2 ч. Ч. 2. Мінск : РІВІШ БДУ, 2003. 275 с.

13. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) : вучэб. дапам. для студэнтаў юрыд. і гіст. спецыяльнасцяў ВНУ. Мінск : Беларус. навука, 1998. 37 с. ; Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : дапаможнік : у 2 ч. Ч. 2. Мінск : РІВІШ БДУ, 2003. 275 с.

14. Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The history of the belarusan Nation and State / М. Біч, Р. Гарэцкі, У. Конан [і інш.] ; рэдкал. : У. Арлоў [і інш.] ; перакл. на англ. А. Бурсаў. Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2005. 440 с. ; Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы = The history of the belarusan Nation and State / М. Біч, Р. Гарэцкі, У. Конан [і інш.] ; рэдкал. : У. Арлоў [і інш.] ; перакл. на англ. А. Бурсаў. Мінск : Медисонт, 2006. 440 с. ; Юхо, Я. А. Развіццё юрыдычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце [1926– 1995 гг.] // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Права. 1969. № 1. С. 3-6; Юхо, И. А. Развитие юридической науки в БГУ // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Права. 1978. № 3. С. 44-48; Юхо И. А. Юридическая наука БССР за 60 лет // Правоведение. 1979. № 1. С. 3-10; Юхо, И. А. История юридической науки Беларуси. Минск : НО ООО «БИП-С», 2000. 95 с.

15. Матэрыялы Міжнар. навук. -практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І. А. Юхо. Мінск, 18-19 сак. 2011 г. / рэдкал. : С. А. Балашэнка (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2011. 552 с.

ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Г. А. Василевич

член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь,

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
Gregory_1@tut. by

Статья связана с ролью науки в формировании правовых позиций Конституционного суда Республики Беларусь. В статье раскрывается важность положений научной доктрины для понимания правовой материи в спорных ситуациях. Автор указывает на неизмеримо высокую роль органов судебного конституционного контроля, как и судебной власти в целом, в реализации научных идей и предложений.

Ключевые слова: конституционное правосудие; конституционная законность; Конституционный суд.

DOCTRINE AS A SOURCE OF FORMATION OF LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS (FIRST YEARS OF ITS ACTIVITY)

G. A. Vasilevich

*Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: G. A. Vasilevich (Gregory_1@tut. by)*

The article is connected with the role of science in the formation of the legal positions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus. The article reveals the importance of the provisions of the scientific doctrine for understanding legal matter in controversial situations. The author points to the immeasurably high role of the bodies of judicial constitutional control, as well as the judiciary in general, in the implementation of scientific ideas and proposals.

Keywords: constitutional justice; constitutional legality; constitutional court.

Наука как система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления является одним из самых влиятельных факторов прогресса общества. Это же касается и юридической науки, которая самым непосредственным образом воздействует на развитие национальной правовой системы, в том числе правовой идеологии, правового сознания и наиболее подвижную часть этой системы – нормотворчество.

Роль науки особенно ярко проявляется в период трансформации социально-политической системы или при нарушении устоявшегося хода развития в связи с какими-либо чрезвычайными событиями. В первом случае, например, когда начались процессы распада СССР, социалистической системы хозяйствования, перехода на рыночные отношения, развития политического плюрализма (1988–1994 гг.), именно труды ученых, а также способность представителей власти, например депутатов Парламента, воспринимать новые тенденции общественной и государственной трансформации позволили избежать крупных ошибок. Во втором случае, когда нарушается сложившийся уклад жизни в рамках той же социально-политической системы и связано с особой общественной ситуацией, например идет речь о пандемии коронавируса, именно труды ученых содержат рекомендации субъектам власти, как следует выстраивать отношения между гражданами и государством. Но это лишь частный пример, хотя и затронувший всю мировую систему, вопрос об основаниях и пределах рестрикции прав и свобод рассматривался и для иных случаев.

Неизмеримо высока роль органов судебного конституционного контроля, как и судебной власти в целом, в реализации научных идей и предложений. Уже сам факт избрания (назначения) в состав Конституционного Суда лиц, занимавшихся научными исследованиями (многие имеют ученую степень), а также практиков, которые достигли высот на государственном или общественном поприще, предполагает скрупулезное отношение и анализ высказанных в научной литературе позиций. При разрешении спора (конфликта) в суде необходимо исследование правовых принципов и норм. Без широты взгляда невозможно найти оптимальное решение. В законодательстве могут пребывать, иные дефекты, которые обуславливают необходимость нахождения в рамках рассматриваемого спора научно обоснованного решения. Конституционному Суду часто приходится выступать в роли «законодателя», восполняющего пробелы или устраняющего дефекты, а когда норма или акт признаются неконституционным, то и в роли негативного законодателя.

Собственный опыт работы в Конституционном Суде убеждает в ценности научных публикаций. Особые трудности возникали в период становления конституционного правосудия. Часто приходилось быть в ситуации, когда решение, его концепция

рождались после длительных раздумий, изучения доктринальных источников. Иногда происходили «открытия», которые сейчас кажутся сами собой разумеющимися. Полагаю, что и в современный период судьи Конституционного Суда, нацеленные на принятие оптимального правового решения, также изучают публикации представителей юридической науки, не только конституционного права. Однако автору ближе именно данная отрасль права, поэтому хотелось бы назвать тех белорусских ученых (конечно не умаляя роль советских и российских ученых), кто является признанным авторитетом в данной сфере, а также представителей теории и истории государства и права в силу их тесной связи. Назову таких корифеев белорусской конституционной науки, как А. А. Головко, А. Т. Лейзеров, Е. Н. Тагунов (кафедра конституционного права юрфака БГУ), А. М. Абрамович, С. Г. Дробязко, Ю. П. Бровка, И. А. Юхо (кафедра теории и истории государства и права). Среди действующих представителей этих кафедр назову своих коллег по кафедре А. М. Боголейко (подготовила замечательный научный труд, посвященный конституционно-правовой ответственности), Т. М. Киселева (много внимания уделяет конституционным обязанностям граждан и государства в сфере информационных правоотношений), А. В. Шавцова (имеет авторитетные публикации в области государственного суверенитета, прав и свобод граждан, их международно-правовой защите). Особенно ценными являются труды преподавателей, которые занимаются проблемами конституционного права зарубежных стран. Публикации профессора М. Ф. Чудакова, доцентов Н. М. Кондратович, Т. С. Масловской отражают их высокую квалификацию и являются важным источником определения возможных направлений развития национальной правовой системы. Конечно, среди моих коллег можно назвать и других талантливых преподавателей и ученых. На кафедре теории и истории государства и права, возглавляемой талантливым ученым С. А. Калининым, трудится целая плеяда преподавателей, которые зарекомендовали себя с самой лучшей стороны также и в науке. Особо отметим выдающегося специалиста в области теории и истории государства и права Беларуси профессора Т. И. Довнара.

С чем же сталкивался Конституционный Суд в первые годы своей деятельности и как помогали труды ученых? Много было проблемных ситуаций. Все невозможно назвать. Но обратим внимание на некоторые из них. В нормативных правовых актах не было определений «акт законодательства», «законодательный акт», «нормативный правовой акт». Казалось бы, формальности, но от них зависело решение Конституционного Суда относительно определения компетенции того или иного органа, является ли спор предметом рассмотрения в Конституционном Суде (правоприменительные акты не подлежат проверке в Конституционном Суде), какие отличительные признаки нормативного правового акта, является ли постановление Парламента о назначении референдума нормативным правовым актом или это правоприменительный акт. Какой статус специального закона (акта) и как соотносится с актом общего характера, как соотносятся статьи Общей части кодекса со статьями Особенной части, каким нормам следует отдать приоритет. Ответы на эти вопросы были найдены в трудах ученых-теоретиков права, ученых конституционалистов. Их мнение позволило судьям Конституционного Суда находить правильные решения.

Не просто происходило выявление в Конституционном Суде содержания фундаментальных прав и свобод в контексте международного и национального права. Это касалось личных прав (о праве на жизнь; на свободу и неприкосновенность, достоинство личности; о праве на национальную принадлежность и пользование родным языком; на судебную защиту и юридическую помощь), политических прав (избирательных прав, регламентации референдумов). Особый блок составили акты Конституционного Суда, касающиеся социальных, экономических и культурных прав (право на труд, на отдых, о развитии социального партнерства, право собственности, право на жилище, на социальное обеспечение, на образование и др.) [1]. В значительной степени научные подходы реализуются в ежегодных посланиях Конституционного Суда

[2]. Одной из ключевых на первом этапе деятельности Конституционного Суда была проблема равенства всех перед законом и судом. Изначально она получила свое разрешение при рассмотрении конституционности норм КоАП 1984 года, Кодекса законов о труде. Так, КоАП позволял местным органам управления и самоуправления различных областей и города Минска устанавливать разные размеры штрафы за одни и те же административные деяния. Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 24. 10. 1994 N 3-5/94 "О соответствии Конституции Республики Беларусь статьи 5 Кодекса об административных правонарушениях" внесло некоторую ясность. В нем было подчеркнуто, что статья 22 Конституции гарантирует равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Соблюдение этой конституционной нормы не может быть обеспечено, поскольку за одни и те же правонарушения местные Советы депутатов устанавливают различные размеры штрафов. Кроме того, областные и Минский городской Советы депутатов получили неограниченную возможность установления видов административных правонарушений. В Конституционном Суде выступали в качестве экспертов профессоры А. А. Головко, В. А. Кучинский, доцент А. И. Сухаркова. По их мнению, нормы статьи 5 КоАП, предоставляющие местным Советам депутатов право устанавливать административную ответственность по неограниченному кругу вопросов, а также увеличивать предусмотренные Верховным Советом размеры штрафов, не содействовали укреплению законности, приводили к возникновению правовых коллизий. Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Республики Беларусь абзац третий части первой статьи 5 КоАП и принятые на основании его решения местных Советов депутатов в части усиления административной ответственности, посчитал их утратившими силу с 1 декабря 1994 года. В то же время несколько непоследовательной, с позиции сегодняшнего дня, выглядит тот блок резолютивной части заключения, в котором предложено Верховному Совету Республики Беларусь внести изменения в статью 5 КоАП, которые бы предусматривали право местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов устанавливать административную ответственность лишь в исключительных случаях с учетом местных условий и в пределах, установленных законодательством Республики Беларусь. То есть Конституционный Суд все же допускал какие-то отступления от принципа равенства административной ответственности. Видимо для периода становления конституционного правосудия такая осторожность была понятной. Кстати, именно по причине необходимости обеспечения равенства всех перед законом и судом автор данной публикации является сторонником признания судебного прецедента в качестве источника права.

Интересно в этом контексте Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь от 23. 09. 1994 N 3-1/94 "О соответствии Конституции Республики Беларусь норм Кодекса законов о труде, предусматривающих возможность расторжения трудового договора в связи с достижением работником пенсионного возраста". Сложность заключалась в том, что согласно ст. 128 Конституции от 15 марта 1994 года нормативные правовые акты или их положения, нарушающие права и свободы человека, признанные неконституционными, считаются не имеющими юридической силы, с момента принятия акта. Изменения в КЗоТ, которые ввели указанную норму, были внесены 15 декабря 1992 года, то есть прошло почти два года с начала применения данной нормы до рассмотрения спора в Конституционном Суде. За это время множество людей было уволено по указанному основанию.

На первый взгляд, у Конституционного Суда в силу изложенной редакции статьи 128 Основного Закона не было никаких вариантов в части признания утраты юридической силы закона от 15 декабря 1992 года (если данная норма будет признана неконституционной). Тогда последовало бы восстановление на работе ранее уволенных работников, увольнение лиц, принятых на их место и др. В основу концепции

Заключения Конституционного Суда были положены подходы ученых относительно классификации прав на права человека и права гражданина. Отмечен дискриминационный характер пункта 1-1 статьи 33 КЗоТ, что проявлялось в порядке расторжения трудового договора по указанному в нем основанию увольнения. Существование в законодательстве такого основания увольнения, как достижение пенсионного возраста, признано не отвечающим нормам нравственности, предполагающим формирование уважительного отношения к старшему поколению.

Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Республики Беларусь нормы статьи 18-1 и пункта 1-1 статьи 33 КЗоТ, предусматривающие возможность расторжения трудового договора по инициативе нанимателя в связи с достижением работником пенсионного возраста. Было указано считать их утратившими силу со дня принятия Заключения, то есть с 23. 09. 1994 г.

При вынесении Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь от 19.12.1994 N 3-10/94 "О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь" пришлось взвешивать конституционные нормы и принципы с точки зрения норм нравственности и морали. Оценивались нормы, касающиеся ответственности близких родственников лица, совершившего преступления. Конституционный Суд посчитал, что они не должны нести уголовную ответственность за несообщение о готовящемся преступлении, но несут ее за укрывательство преступника. Автору данной статьи впервые пришлось писать особое мнение. По нашему мнению, нормы Конституции следовало анализировать в совокупности (не только ст. 27, но и ст. ст. 23, 24, 52 и др.), признавая приоритет права на жизнь. Поэтому за несообщение в правоохранительные органы о готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении, повлекшем гибель людей или причинение вреда их здоровью, например, в результате совершения акта терроризма, близкий родственник лица, совершившего такое преступление, должен нести уголовную ответственность. В то же время за заранее не обещанное укрывательство преступника ответственность должна быть исключена.

Важнейшей проблемой правоприменения является обеспечение непосредственного действия конституционных норм. Конституционность предполагает конституционализацию отраслевого законодательства и правоприменительной практики, т. е.»перевод» конституционных принципов и норм в практическую плоскость отраслевого регулирования с адекватным отражением духа и буквы Конституции. Существенную помощь в этом оказывают научные исследования, ценность которых подтверждается в актах Конституционного Суда.

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г. А. Конституционное правосудие. Минск: Изд. Центр БГУ, 2014. 279 с.
2. Василевич, Г. А. Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности – реальный вклад в развитие правовой системы. Минск: Право и экономика, 2007. 341 с.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ОТРАСЛЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т. И. Макарова

*заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
tamaramakarava@gmail.com*

Исследована проблема соотношения отраслей юридической науки и отраслевого деления права и законодательства. Предложено с целью сохранения связи юридической науки с системами права и законодательства остановить дробление юридической науки на узкие научные направления.

Ключевые слова: юридическая наука; отрасль права; отрасль законодательства.

THEORETICAL AND BRANCH DIMENSION OF LEGAL SCIENCE

T. I. Makarova

*Head of the Department of Environmental and Agrarian Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
tamaramakarava@gmail.com*

The problem of correlation of branches of legal science and branch division of law and legislation is investigated. It is proposed to stop the fragmentation of legal science into narrow scientific areas to preserve the connection of legal science with systems of law and legislation.

Key words: legal science; branch of law; branch of legislation.

Обратиться к вопросу измерения права с общетеоретической позиции и с точки зрения отраслевых юридических наук автора сподвигла деятельность по аттестации научных кадров высшей квалификации в качестве председателя экспертного совета по юридическим наукам Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ВАК Республики Беларусь).

В соответствии с Положением о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004 г. № 560 с внесенными в него изменениями и дополнениями (далее – Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий) на всех этапах прохождения диссертации от предварительной экспертизы и до принятия окончательного решения Президиумом ВАК эксперты, официальные оппоненты и иные лица, например, назначенные на проведение дополнительных экспертиз, должны ответить на вопрос о соответствии содержания диссертации отрасли науки и специальности, по которым она выполнена.

В соответствии с Положением о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь ученые степени кандидата и доктора наук присуждаются по отрасли науки в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников.

При формировании советов по защите диссертаций также исходят из наличия близких специальностей в рамках отрасли науки. Более того, в соответствии с пунктом 36 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий советы по защите диссертаций несут ответственность за соответствие защищаемой в нем

диссертации выбранной специальности, качество и объективность ее экспертизы, обоснованность принимаемых ими решений.

Далее в ходе рассмотрения диссертации в ВАК Республике Беларусь на первом этапе экспертный совет проводит экспертизу диссертации и готовит заключение о ней, в котором пункт о соответствии работы специальности и отрасли науки, по которым она выполнена, стоит на первом месте. В том случае, если экспертным советом установлено, что содержание диссертации не соответствует специальности или отрасли науки, по которым она защищена, Президиум ВАК Республике Беларусь вправе снять диссертацию с рассмотрения и принять решение о приостановлении либо прекращении деятельности совета по защите диссертаций.

Посмотрим на проблему с точки зрения теории права и попытаемся ответить на вопрос: насколько тесная и коррелирующая взаимосвязь существует и должна существовать между отраслями права и законодательства и отраслями юридической науки? На первый взгляд ответ на этот вопрос очевиден: преподаватели юридических высших учебных заведений демонстрируют такого рода взаимосвязь в ходе обучения при чтении лекций и проведении семинарских и практических занятий, руководства научными работами студентов, а также в собственных научных исследованиях.

И, хотя отраслевое деление законодательства, установленное Единым правовым классификатором, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 года № 1, и отраслевое деление права (правовая система) характеризуется различным утилитарным предназначением: первая – призвана организовать правовой материал для удобства работы и правильного правоприменения; вторая – направлена на структурирование правового регулирования на основе определения предмета права, или как указывал профессор С. Г. Дробязко: «В системе права имеется столько ее отраслей, сколько реально существует в обществе родов общественных отношений, упорядочиваемых правом». [1, с. 12]. Это, в свою очередь, указывает на такой аспект системы права – законодательство, как единство и дифференциация правовых норм.

Что касается такого рода единства, в отечественной юриспруденции с 1970-х гг. для его обоснования используется теория систем, с помощью которой это единство объясняется как «неотъемлемое свойство права как системы» [2]. Но вот какой характеристики не давали системе права в науке того периода, так это ее дискретность. Стремительное, во многом обусловленное развитием науки и технологий возникновение новых направлений правового регулирования ведет ко второму процессу – дифференциации при явном дефиците доктринальных исследований, обосновывающих дальнейшее дробление отраслевого деления права и законодательства. И при этом взаимосвязь отраслей юридической науки с отраслями права и законодательства считается сформировавшейся [3; 4]. Для юридической науки эта связь принципиальна, но так ли она отчетлива в нормативных документах?

Последние существенные по масштабам изменения, касающиеся юридических наук, были внесены в Номенклатуру специальностей научных работников, которая была утверждена постановлением ВАК Республики Беларусь от 8 июня 2009 г. № 4, постановлением ВАК от 7 мая 2012 г. № 3.

Эти изменения шли в фарватере Номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Минобрнауки России от 10 января 2012 г. № 5. По поводу внесенных в этот период изменений А. А. Фатьянов писал: «к настоящему моменту стали очевидны поспешность и непродуманность ряда принятых решений которые, имеют в основе существенный доктринальный дефицит в вопросе общей теории отраслевого деления права, прежде всего в раскрытии понятия «юридическая наука» [5].

Многолетний опыт работы автора настоящей публикации в системе аттестации научных кадров высшей квалификации позволяет утверждать, что во избежание выхолащивания из Номенклатуры научных специальностей самой юридической науки и

утраты ее связи с системами права и законодательства, требуются определенные корректизы, которые следует начать, по крайней мере, с остановки их продолжающегося дробления. Еще одной задачей теоретико-правовой науки должно стать сближение положений номенклатура специальностей научных работников в части юридической науки с системой самой юридической науки. В интерпретации российских ученых (точка зрения профессора А. А. Фатьянова) это означает «необходимость дальнейшего развития теории комплексных правовых образований, многие из которых в действующей Номенклатуре научных специальностей представлены в качестве отдельных научных направлений». Важным условием для развития комплексных отраслей права, – полагает этот ученый – является более тесная, чем у основных отраслей права, связь их положений с другими науками — экономикой, математикой и физикой, техническими науками, медициной, биологией и иными» [5, с. 144]. Однако вывод, который следует после обозначения особенностей комплексных отраслей, никак не говорит в пользу самих этих отраслей, за развитие которых ратует А. А. Фатьянов: «...перечень специальностей научных работников в области юридических наук следует, видимо, упростить и присуждать ученые степени исходя из наибольшей относимости диссертационного исследования к определенной основной отрасли права». Далее следует предложение выделить «блок отраслей, которые являлись бы базовыми и наибольшим образом обособляли ее (юридическую науку – прим. Т. М.) от иных социально-экономических и общественных наук» [5, с. 144]. Мы задаемся вопросом, что считать «базовыми отраслями» и находим ответ в виде примера: «...земельное с природоресурсным (право), имеющие также масштабную частноправовую составляющую, не входят в специальность 12. 00. 03...» [5, с. 141]. Автору данной публикации как ученому, специализирующемуся в экологическом праве, очевидно, что комплекс научных направлений, включаемых в специальность 12. 00. 06 – земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право включает не менее масштабную публично-правовую составляющую, что и обуславливает комплексность отраслей, объединяемых в эту научную специальность, а вовсе не их «тесная связь с другими науками». Подмеченная А. А. Фатьяновым особенность специальности 12. 00. 06, в которой «речь идет о природных объектах», утрачивается, как только мы начинаем рассматривать компоненты природной среды (землю, недра, воды, леса и т. д.) исключительно в качестве объектов гражданско-правового регулирования, что в условиях кризисного состояния окружающей среды недопустимо.

Однако остается вопрос об оптимальном для отрасли «юридические науки» количестве специальностей и их наполнении. Ответ, казалось бы, должен вытекать из практики, которая, как известно, является критерием истинности: законодатель формирует правовой массив, подразделяя его определенным образом для целей правоприменения, а юридическая наука изучает нормативный материал в целях его совершенствования. В этом прикладная задача юридической науки, но в основе оптимального нормотворчества и правильного правоприменения лежит грамотное научное обоснование и сформированная доктрина, подобно правилу «золотого сечения», которое всегда лежит в основе шедевров живописи и ваяния.

Существующая в Республике Беларусь номенклатура специальностей научных работников сохраняет как основную сформированную в советской науке тенденцию объединять в рамках одной научной специальности близкие по содержанию отраслевые юридические науки. Ряд из образовавшихся систем успешно существуют и развиваются, например, специальность 12. 00. 06 – земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, где экологическое право, безусловно, является новейшим дополнением. А вот грамотное соединение научных направлений публично-правового характера в рамках специальности 12. 00. 14 было, на наш взгляд, разрушено выделением в отдельную специальность финансового, налогового и бюджетного права (12. 00. 04) и информационного права (12. 00. 13). Выделение отрасли – информационное

право из группы специальностей, связанных с конституционно-правовым и административно-правовым регулированием, не сделали научные исследования более предметными, а лишь породило вопросы отнесения того или иного научного исследования к соответствующему научному направлению¹.

Ранее объединенные специальностью 12. 00. 09 уголовный процесс и криминалистика также были разделены под общие рассуждения о «сервисной» функции криминалистики; позднее из вновь созданной специальности 12. 00. 12 (криминалистика; оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность) выделили в отдельную специальность судебно-экспертную деятельность (12. 00. 16), защита по которой возможна не только в отрасли юридические, но и технические, химические, биологические науки.

Видя проблему дробления научных направлений в области юриспруденции, российские ученые предлагают подход, который, на наш взгляд, мягко говоря, небезупречен. Так, обосновывается следующее укрупнение: 1) общетеоретические и исторические науки; 2) отраслевые юридические науки (конституционное, гражданское, уголовное, трудовое, гражданско-процессуального права и т. д.); 3) науки, изучающие организацию и порядок деятельности государственных органов, например, прокурорский надзор; 4) международное право; 5) прикладные юридические науки, к которым отнесены судебная статистика, криминология [5, с. 139].

Практика показывает, чем чаще происходят изменения в Номенклатуре специальностей научных работников, тем больше впоследствии возникает проблем научного свойства, в том числе связанных с определением научной квалификации лиц, уже имеющих ученую степень, и ее соотношением с новыми специальностями, например, считать ли специалистом по финансовому, налоговому и бюджетному праву (12. 00. 04) ученого, который защитил диссертацию по конституционному праву, когда эти направления составляли одну специальность, в которую входило и право административное? Такого рода вопросы, которые подлежат рассмотрению на этапах назначения научных руководителей и консультантов, формирования советов по защите диссертаций и экспертного совета, не являются проблемами исключительно прикладного свойства. Они указывают на то, что разработчики номенклатуры научных специальностей и системы отраслей законодательства не задумывались о соотношении между собой отраслей законодательства и отраслей юридической науки. Иначе найти ответ на вопрос: почему рубрика 11 Единого правового классификатора называется «Законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов», а отрасль правовой науки – «земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право» (12. 00. 06) не представляется возможным, в особенности с учетом того, что в доктрине земельное право включается в природоресурсное, и они оба рассматриваются как особенная часть экологического права, а аграрному праву соответствует подрубрика 4. 05 Единого правового классификатора «законодательство о сельском хозяйстве».

Библиографические ссылки

1. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование // Нац. центр законодательства и правовых

---

¹ Например, работа на тему «Механизм совершенствования информационного законодательства в условиях перехода Республики Беларусь к информационному обществу» защищена по специальности 12. 00. 01; диссертация «Уголовно-правовая охрана информационной безопасности (на примере отдельных аспектов охраны кибербезопасности и защиты информации ограниченного распространения)» – по специальности 12. 00. 08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, а работа «Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг населению» – по специальности 12. 00. 13 – информационное право на основе методологии, свойственной специальности 12. 00. 14.

- исследований Респ. Беларусь ; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск : Право и экономика, 2010. Вып. 5. С. 11–22.
2. Дробязко, С. Г. Право как система и его закономерности // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–24.
  3. Лившиц, Р. З. Отрасль права – отрасль законодательства // Сов. госуд. и право. 1984. № 2. С. 26–32.
  4. Байгин, М. И. Соотношение отрасли права и отрасли законодательства // Правоведение. 2004. № 1. С. 35–42.
  5. Фатянов, А. А. Основные отрасли права, комплексные отрасли права и проблемы аттестации научных кадров // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 133–144.

МІЖНАРОДНА-ПРАВАВЫ І ІНТЭГРАЦЫЙНЫ ДЫСКУРС У ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ І ЮРЫДЫЧНЫХ ПОМНІКАХ БЕЛАРУСІ (ПАМЯЦІ ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО)

T. M. Mіхалёва

*дэкан юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук,
дацэнт,*

*Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
MikhaliavaT@bsu.by*

Даследующа пытанні развіцця айчыннай навукі гісторыі міжнароднага права Беларусі. Адзначаецца важкі ўнёсак І. А. Юхо ў вывучэнне крыніцай міжнароднага права, даследуецца яго месца ў шэрагу выбітных беларускіх гісторыкаў, якія аналізавалі асноўныя міжнародныя крыніцы, што мелі важнейшае значэнне для фармавання і развіцця беларускай дзяржаваўніцтва.

Ключавыя слова: міжнародныя дамовы, гісторыя міжнароднага права.

INTERNATIONAL LEGAL AND INTEGRATION DISCOURSE IN LEGAL THOUGHT AND LEGAL MONUMENTS OF BELARUS (IN MEMORY OF PROFESSOR YA YUKHO)

T. M Mikhaleva

*Dean of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: T. M. Mikhaleva
MikhaliavaT@bsu.by*

The issues of development of the domestic science of the history of international law of Belarus are studied. There is a significant contribution of Y. A. In his study of the sources of international law, Yukho explores his place among a number of prominent Belarusian historians who have analyzed the main international sources that were essential for the formation and development of the Belarusian statehood.

Keywords: international treaties; history of international law.

Навуковая школа міжнароднага права на Беларусі мае даўнія карані. Сістэмныя спецыяльныя даследванні прававога рэгулявання міжнародных зносін праводзілі ў больш познія перыяды, бліжэй да сучаснага часу, але гэта тэма гучала ў працах, заўсёды меў месца зварот і аналіз таго, што ўяўляе сабой ўзаемадзеянне дзяржаў, якія мэты мае міжнароднае права, як трэба юрыдычна афармляць зносіны з суседзямі і партнёрамі.

Калі звяртацца да эпохі XVI–XVII ст. ст., то ў С. Буднага, Л. Сапегі мы заходзімімі ваказванні, напраўленыя на ўмацаванне сувярэнных правоў дзяржавы. У XVIII ст. быў росквіт прававой думкі ў напрамку агульных тэндэнцый асветніцкага характару і немагчыма пры гэтым не адзначыць працы Т. Астроўскага, І. Страйноўскага (к. XVIII –

пач. XIX стагодзя). Той пасыл, які мы бачым ў книзе I. Страйноўскага «Навука аб натуральным и палітычным праве, палітычнай эканоміі і праве народаў» 1785 года, ў многих еўрапейскіх і расійскіх выданнях з'явіўся толькі дзесяцігоддзі пазней. Яна неаднойчы перавыдавалася, была пераведзена на рускую мову і выдана ў Пецярбурзе, выкарыстоўвалася як падручнік [1, с. 26]. Далей, на прыканцы XIX - ў пачатку XX ст., якія вызначалі самастойнасць і нацыянальную аўтаномнасць развіцця права Беларусі, звяртаючыся таксама да статутаў, Люблінскай уніі, да іншых перыяду гісторыі [1, с. 50-51].

На пачатку станаўлення беларускай сацыялістычны рэспублікі і Ў. І. Пячэта, і М. В. Доўнар-Запольскі, іншыя вучоныя праз гісторыю дзяржаўнасці данасілі ідэі асаблівасці лесу Беларусі і ў міжнародным кантэксце [1, с. 54-55]. М. М. Краўчанка ў першыя гады пасля заснавання БДУ распачаў выкладанне і даследванні ў міжнародна-прававой галіне на факультэце грамадскіх навук (з 1925г. факультэце права і гаспадаркі) ў самым пачатку савецкага перыяду [2, с. 285-293].

Працы выдатнага даследчыка другой паловы XX ст. Я. А. Юху натхняюць зірнуць больш глыбока і рэтраспектыўна – праз гісторыю крыніц права, праз аналіз норм дагавораў і прывілеяў – на канцэпт дзяржаўнасці і на канцэпт ўзаемаадносін беларускай дзяржавы с суседзямі, ў тым ліку спецыфіку ўзаемаадносін, не падобную ні на класічныя міжнародныя дагаворы, ні на класічныя аб'яднанні дзяржаў у адное цэлае (през анексию ці інкарпацыю) – на працягу стагодзіёў нашай гісторыі. Так, сярод іншага Язэп Аляксандравіч аргументаваў думку аб тым, што ВКЛ было беларуска-літоўскай дзяржавай і аб'яднанне Жамойці і Русі адбылося не ў якасці захопу, а як супрацоўніцтва ва ўмовах небяспекі і супраціўлення ворагам. Прафесар Я. А. Юху высветліў ў сваіх працах, што ўніі Крэўская, Віленска-Радамская, Гарадзельская і нават Люблінская не парушылі суверэннасці і адасобленнасці ВКЛ ад Польшчы [3, с. 85-90]. Цікавасць вызывае і тлумачэнне Язэпам Александравічам артыкулаў Статутаў. Так, у «Крыніцах беларуска-літоўскага права» ен піша: «У артыкуле 1 трэцяга раздзела гаспадар даваў абяцанне захоўваць Вялікае княства Літоўскае ва ўсей яго славе, уладзе...у артыкуле 3 таго ж раздзела ен абяцаў: «...добра княства Літоўскага не ўменшым и то, што буде че́рез неприятелей того панства нашого отданено разобрано и ку иншому панству от того панства нашого коли кольвеk упрошоно, ку Короне ку Мазовшу ку Прусам ку Инфлянтам, то за се ку власности того Великого княства привести привлацці и границы отправіти обецуем... Гэтая накіраванасць норм Статута супроць захопніцкіх тэндэнцый польскіх феадалаў – яркае сведчанне памылковасці буржуазных гісторыкаў, якія сцвярджалі, нібыта дробная і сярэдняя шляхта Вялікага княства Літоўскага імкнулася да ўніі з Польшчай і тым самым да ўключэння княства ў склад Польшчы» [4, с. 82-83]. Вывады знакамітага беларускага прававеда, паслядоўная працапоўка дакументальных помнікаў права натхняюць на гістарычна-параўнаныя аналіз міжнародна-прававой дактрыны і першакрыніц і прыводзяць да высновы аб гістарычна аргументаванай, эфектыўнай канцэпцыі інтэграцыйнага ўзаемадзеяння беларускай дзяржавы на міжнароднай арэне як узмацнення нацыянальнай бяспекі і ўмацавання суверэнітэту.

Міжнародна-прававая канцэпцыя сучаснай інтэграцыі таксама прасочвае свае сляды ў беларускай навуковай літаратуры. Выбітны тэарэтык і дзяржаўны дзеяч прафесар А. М. Абрамовіч так акрэсліваў інтэграцыйны шлях Беларусі: «Образование Союза Беларуси и России обусловлено логикой исторического развития наших народов» [5, с. 288]. Пры гэтым Аляксандр Міхалайвіч вызначаў такія безумоўныя пастулаты развіцця інтэграцыйных адносін як тое, што «во-первых, гармонизация и унификация законодательства осуществляется в рамках межгосударственного образования и должны отвечать потребностям каждого из государств-участников Союза, и, во-вторых, гармонизация и унификация законодательства должны стать средством обеспечения

более глубоких объединительных тенденций в рамках Союза» [5, с. 289]. Адносна апошняга А. М. Абрамовіч акрэсліваў і яе стратэгію: павінна быць навукова абургунтаваная, комплексная канцэпцыя, акрэслены прыярытэтныя напрамкі, межы, крытэрыі і г. д. [5, с. 300-301], што праз колькі год і рэалізуецца.

Вялізны ўнесак ў савецкую беларускую і сучасную беларускую навуку міжнароднага права з пункту гледжання аналіза суб'ектнасці Беларусі і развіцця Беларусі ва ўмовах інтэграцыі зрабіў прафесар Ю. П. Броўка. Так, ужо на прыканцы 1990-х гадоў Ю. П. Броўка адзначаў, што найбольш верагодным і карысным, абургунтаваным з'яўляецца вектар усходніх інтэграцыі, СНД [6, с. 4]. У якасці асновы для гэтага ен звяртаў увагу на гаспадарчыя сувязі, на «кошт» іншых напрамкаў, на пытанні рэгіянальной бяспекі. Адзначым, што і сацыяльны, каштоўнасны кантэкст развіцця нашай краіны сведчыць за такую выснову.

Звяртаясь да першакрыніц, можна адзначыць шэраг гістарычных перыядоў, калі актыўна праяўляеца, што лёс Беларусі як суб'екта міжнародных зносін унікальны, а росквіт суб'ектнасці цесна звязаны з эфектыўным здзяйсненнем інтэграцыйнага парадку ўзаемадзеяння ў рэгіене. Так, «дагаварныя адносіны паміж славянскімі народамі (сербамі), драгавітамі, крэвічамі, люцічамі і іншымі далі ім магчымасць арганізаваць магутныя паходы ў V-VII ст.» [7, с. 9]. Трэбы подкрэсліць цікавыя асабістасці фармулявання дагаварных палажэнняў у ўзаемадносінах паміж княствамі беларускіх зямель і заходнімі суверэнамі. Напрыклад, адным з першых паўнавартасных міжнародных дагавораў старажытных беларускіх княстваў лічыцца Крывіцкі дагавор з Рыгай і купцамі Балтыйскага ўзбярэжжа 1229 г. Звяртаюць на сябе ўвагу структура дагавора, мэты, сістэмныя характеристыцы цывільных, крымінальных, працэсуальных пастаноў, а таксама тое, што на адным баку як суверэнныя аўтаномныя суб'екты выступаюць Смаленскае, Віцебскае і Полацкае княствы, якія сумесна накіраваны будаваць тэрыторыю свабоднага гандлю ўздоўж усяго балтыйскага ўзбярэжжа і Дзвіны, на другім – прадстаўнікі Рыгі і Готскага берага [8, с. 19-23]. Гандлевыя і мірныя дагаворы складаюць большую частку ранняга развіцця зносін беларускіх зямель. Дасканалы аналіз тэксту дагавораў, дагаварных грамат, прывілеяў яшчэ многа чаго можа нам расказаць з пункту гледжання менавіта фармуліровак тыповых і нетыпічных дагаварных інструментоў, дадатковых крыніц выяўлення волі розных суб'ектаў міжнародна-прававых зносін.

Звяртаюць на сябе ўвагу і дагаворы 20-х гадоў XX стагоддзя. Напрыклад, арт. 1 Саюзнага рабоча-сялянскага Дагавора паміж РСФСР і Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай Баларуссю фіксаваў, што РСФСР і ССРБ «вступают между собой в военный и хозяйственный союз» [9, с. 228]. Параўноўваючы з сучаснымі інтэграцыйнымі пагадненнямі, можна знайсці шмат агульных тэрмінаў і падобных фармуліровак норм з дагаворамі таго перыяду. І калі мэты такіх пагадненняў насамрэч застаюцца амаль нязменнымі, то развіцце прававой навукі, ўдасканаленне нормаўтварэння прыводзіць к больш дакладнаму выкарыстоўванню метадаў інтэграцыйнага ўзаемадзеяння. Аб'яднанне ў інтэграцыйныя міждзяржаўныя арганізацыі дзеля ўзмацнення эканамічнага стану, развіцця сацыяльных і гаспадарчых сувязяў, калектыўнай бяспекі ў рэгіене з адначасовым захаваннем суверэнітэту, самастойнасці ў вызначэнні ўнутранай і зовнешнай палітыцы. Галоўная ж накіраванасць апошняй заўседы быў і застаецца мірны міжнародны парадак. Так, у 1945 г. Беларусь стала адной з краін-заснавальніц Арганізацыі Аб'яднаных Нацый. Безумоўна, гэта было прызнаннем велізарных страт беларускага народа ў Другой міравой вайне і нашага вялікага ўнеску ў стварэнне і ўмацаванне мірнай парадзігмы развіцця. Беларуская делегацыя зрабіла важны ўклад у распрацоўку Статута ААН. Нягледзячы на крытыку адсутнасці самастойнасці правядзення зовнешніх палітыцы ў савецкі перыяд, трэба адзначыць, што факты сведчаць аб вельмі актыўным ўдзеле БССР у прагрэсіўным развіцці міжнароднага права, міжнародных арганізацыях (САЗ, МАП, ЮНЕСКА, інш.) [10, с. 180, 203-204].

Такім чынам, нават кароткі рэтраспектыўны аналіз выяўляе інтэграцыйны накірунак як аксеалагічную выснову знешнепалітычнага развіцця Беларусі і заканамерны адбітак гэтай тэндэнцыі ў прававых актах. У беларускай юрыдычнай навуке, у гістарычных крыніцах права Беларусі заўседы прасочваўся тэзіс аб умацаванні дзяржаўнасці, сувярэннасці краіны пры развіцці саюзных зносін у рэгіене і агульнай мірнай павестке міжнародных зносін на ўніверсальным ўзроўні праз актыўны ўдзел у дагаварных і інстытуцыйных інструментах.

Бібліографічныя спасылкі

1. Юхо, И. История юридической науки / И. Юхо, С. Сокол. – Мн. : НО ООО БИП-С, 2000. – 95 с.
2. Яновский О. А. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (191-1941) / С. В. Абламейко [и др.] ; под общ. ред. С. В. Абламейко, науч. ред. О. А. Яновский. – Мн. : БГУ, 2017. – Основатель отечественных школ изучения международного права и истории международных отношений. Николай Николаевич Кравченко. – С. 285-293.
3. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мн. : Ўніверсітэцкае, 1992. – 267 с.
4. Юхо I. Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мн. : Беларусь, 1991. – 238 с.
5. Абрамович А. М. Горизонты сотрудничества / Избранные труды. – Мн. : Юрспектр, 2019. – С. 288-301.
6. Бровка Ю. П. Республика Беларусь в условиях интеграции / Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. - № 2. – С. 4.
7. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права: дапаможнік / Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. – Мн. : БДУ, 2000. – 127 с.
8. Дагавор Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай і Готландскай зямлёй і нямецкім землямі 1229г. (Рыжская рэдакцыя) // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): вуч. дапам., пад аг. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. – 2 выд., дап. – Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – с. 19-23.
9. Саюзны рабоча-сялянскі Дагавор паміж РСФСР і Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікай Баларуссю: 16. 01. 1921г. // Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен): вуч. дап. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо. – 2 выд., дап. – Мн. : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – С. 228-229.
10. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: дапаможнік: ў 2 ч. – Ч. 2. Мн. : РІВШ БДУ, 2003. – 275 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА УСТОЯВШИХСЯ ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. В. Шидловский

*первый заместитель директора УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь
Shidlovsky@bsu.by*

В статье доказывается, что в основе ранжирования видов наказания за нарушения охраняемых государством благ отражена принятая в обществе иерархия ценностей, которая выстраивается по степени их приоритета и значимости. Уделяется внимание духовным ценностям как критериям дифференциации наказаний.

Ключевые слова: наказание; система ценностей; пенализация; депенализация.

CRIMINAL-LEGAL PROTECTION OF ESTABLISHED VALUE AND WORLDVIEW STEREOTYPES IN THE HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE BELARUSIAN STATEHOOD

A. V. Shidlovsky

*first Deputy Director of the educational institution «Institute for retraining and advanced training of judges, employees of the Prosecutor's office, courts and justice institutions of the Belarusian state University», PhD, associate professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Shidlovsky@bsu.by*

The article proves that the ranking of the types of punishment for violations of state protected goods reflects the hierarchy of values, adopted by society, based on the degree of their priority and significance. Attention is paid to spiritual values as criteria for differentiating punishments.

Keywords: punishment; system of values; penalization; depenalization.

История показывает, что общество по-разному подходило к оценке одних и тех же ценностей, и, как следствие, к правовой охране за их нарушения. Уголовное право главным образом отражает основные ценности в существующем обществе, политические интересы государства и используется им как инструмент принуждения посредством угрозы применения наказуемости за наиболее опасные на них посягательства.

Глубокое обоснование основных направлений преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции в аспекте потребности Республики Беларусь проводится в исследованиях белорусского учёного С. А. Калинина, который доказывает, что «в успешном преодолении современного глобального кризиса следует считать мир-системный анализ, мировоззренческую исследовательскую программу, субъектный подход и пространственное измерение (геоизмерение) государства и права» [1, с. 17-23; 2, с. 5-11].

Социальная природа наказания раскрывается в том, какие ценности оно охраняет и за нарушение каких ценностей оно назначается. Ранжирование ценностей в отечественном уголовном законодательстве традиционно проводилось по группам общественных отношений, подлежащих охране в приоритетном порядке. Во всех цивилизациях наказуемость распределялась в уголовно-правовых нормах в зависимости от значимости или степени важности той или иной ценности.

Эволюция системы наказаний, равно как и самого института наказания, не утрачивает своей актуальности и в наше время [3, с. 7-29, 36-78].

Сравнение существующей системы наказаний с системами, закрепленными в ранее действовавших уголовных законах, выявляет, что белорусское государство, решая задачи борьбы с преступностью на различных этапах своего развития дифференцировало уголовные наказания на основе аксиологических критериев оценки ценностей в соответствии со шкалой, принятой в обществе. Исходя из этого, в системе наказаний сохранились только те виды наказаний, которые прошли апробацию временем и представляются наиболее эффективными в достижении целей исправления преступника, специального и общего предупреждения.

Ретроспективный анализ эволюции подходов к охране признаваемых в обществе ценностей показывает, что уголовное право зарождается вместе с государством как обратная реакция власти на возникающие конфликты интересов в обществе, а именно: социальное неравенство, деление общества на классы и сословия. Социальные конфликты между богатыми и бедными порождали формирование определённого правопорядка, выгодного для господствующего класса. Преступлениями признавались

посягательства на господствующий класс и его привилегии, с установлением за это наказаний. Так, уголовно-правовые нормы в рабовладельческом государстве отражали правовое неравенство не только между рабом и рабовладельцем, но и среди свободного населения. В феодальном уголовном праве феодалам предоставлялись широкие возможности для угнетения крепостных, а наказания соизмерялись с сословным положением виновного и потерпевшего.

Создание Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. ознаменовало венец кодификации белорусского феодального права, нормы которого применялись несколько столетий [4; 5; 6]. Статут 1588 г. был издан на старобелорусском языке и действовал почти до середины XIX в. [6]. Этот памятник права провозглашал прогрессивные правовые принципы, в том числе законности, справедливости, гуманизма и индивидуализации уголовного наказания, презумпции невиновности. Статут 1588 г. закреплял специальные юридические термины, понятия и категории, регламентировал основные уголовно-правовые институты, содержал достаточно полную систему преступлений и наказаний [7, с. 12-13].

В исследованиях профессора И. А. Юхо отмечается, что в феодальной теории и судебной практике XVI века господствовала идея, что «лепшым сродкам для папярэджання злачынстваў з'яўляецца пагроза і публічнае прымянењне жорсткіх пакаранняў з мэтай застрашыць усіх патэнцыяльных злычынцаў» [8, с. 205]. Именно с таким подходом законодатель связывал «публічныя мучыцельныя пакаранні» [8, с. 205].

Феодальное уголовное право закрепляло неравенство помещика-феодала и крепостного крестьянина, что выражалось в предоставлении феодалу широких возможностей для угнетения крепостных (оправдывались насилие и захваты со стороны феодалов, применение ими силы в решении споров, наказания соизмерялись с сословным положением виновного и потерпевшего). Сословно-классовое неравенство между капиталистом-эксплуататором и эксплуатируемыми в правовом отношении проводилось и в капиталистическом уголовном праве [7, с. 11].

Анализируя ценностно-мировоззренческие стереотипы в различных исторических срезах и подходы к правовой охране тех или иных интересов, заметим, что применение наказания к виновному в преступлении являлось не самоцелью, оно в большей мере всегда было обусловлено защитой и восстановлением нарушенной ценности. Для истории белорусского общества и государства – это та шкала ценностей, которая традиционно соизмерялась с христианским концептом.

В настоящее время следует признать наличие определённого кризиса в доминирующем до сих пор одностороннем материалистическом мировоззрении. Взгляд на систематику морально-нравственных ценностей, отличных от светского общества, несомненно, обогатит методологические ориентиры развития отечественного уголовного права.

В христианстве человек является творением Божиим, а потому основной частью человеческого достоинства является его свободная воля, позволяющая выбирать между добром и злом. В христианском учении преступник не только остаётся нашим ближним, но и является человеком, который имеет своё достоинство: грешника люби, а грех ненавидь. Совершение человеком даже самого жесткого и опасного преступления, не меняет его положения и не умаляет его достоинства.

В некоторых случаях законодатель отступает от библейских запретов. Так, в действующем УК отсутствует уголовная ответственность за скотоложство, мужеложство и лесбиянство (без насилия) (в отличие от опыта предыдущего УК БССР 1960 г. [9], несмотря на то, что христианское вероучение в целом отрицалось советской идеологией), прелюбодеяние, ворожбу, колдовство и т. д.

Критериями дифференциации наказаний в Библии являлись субъективные признаки, отражающие отношение человека к ценностям (вина, проявившаяся в поступке, мотив согрешившего). По тексту Библии встречаются категории

«злоумышление», «намерение», «коварно», «мститель за кровь» как выражения умысла. Неумышленные поступки характеризуются понятиями «не злоумышлял», «нечаянно», «без вражды», «без умысла», «согрешил по ошибке», «небрежность» и т. п. [10].

Кратко остановимся на положениях Кодекса канонического права Римско-католической (Латинской) Церкви², касающихся установления видов преступлений и системы наказаний. Система карающих санкций в каноническом праве включает три самостоятельные группы наказаний: *первую группу* составляют врачающие (исправительные) наказания или цензуры; *вторую* – испкупительные наказания; профилактические наказания и покаяния образуют *третью группу* [11].

Таким образом, видим, что основы наказуемости прямо связаны с ценностной шкалой охраняемых объектов. Христианские, как и любые другие, ценности преломляются в самом человеке. Человек в своей сущности является своеобразным информационно-аналитическим центром по оценке существующих ценностей и сам определяет шкалу их приоритета в конкретном временном и пространственном измерении.

Подводя итог, отметим, что именно человек устанавливает критерии справедливого наказания (в каждой цивилизации, в каждом обществе и государстве).

В современном национальном уголовном законодательстве установлена охрана целого ряда базовых социально-составляющих ценностей, однако выявлено, что сегодня оно недостаточно эффективно.

Большое криминологическое значение приобретает категория духовности, которая в механизме человеческого поведения формирует его направленность (мотивацию) как в позитивном, так и негативном аспектах. Именно поэтому, на наш взгляд, центральное место в современном учении о наказании по праву должны занять аксиологическая и антропологическая методология.

Во-первых, христианские, как и любые другие, ценности преломляются в самом человеке. Человек в своей сущности является своеобразным информационно-аналитическим центром по оценке существующих ценностей и сам определяет шкалу их приоритета в конкретном временном и пространственном измерении.

Во-вторых, белорусское государство на различных этапах своего развития дифференцированно подходило к установлению системы уголовных наказаний на основе аксиологических критериев оценки принятой в обществе шкалы ценностей и с учётом эффективного обеспечения ею достижения целей исправления преступника, специального и общего предупреждения.

В-третьих, эволюция отечественного уголовного права показывает коренное преобразование сущности цели наказания, а именно: из «мести» государства за преступления карательная цель переходит в плоскость исправления лица, преступившего закон.

В-четвёртых, сопоставляя систему наказаний по каноническому праву и отечественному уголовному законодательству, видим, что общими базовыми целями наказания являются исправление виновного и предупреждение совершения новых преступлений. Именно в причинении страданий лицу за совершенное им преступление выражается внутреннее содержание применяемой меры наказания.

---

² Кодекс канонического права (лат. *Codex Iuris Canonici*, СIC) – свод канонов или законов (юридических норм общего и универсального характера), действующих в Римско-католической церкви (латинского обряда) с 27 ноября 1983 г.; издан по постановлению Тридентского собора (1545-1563 г. г.), переработан и провозглашён 25 января 1983 г. в Апостольской конституции Папы Римского Иоанна Павла II «*Sacrae disciplinae leges*».

Библиографические ссылки

1. Калинин, С. А. Об исходных принципах преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции / С. А. Калинин // Право. by. - № 5 (49). 2017. С. 17-23.
2. Калинин, С. А. Об основных направлениях преодоления концептуально-методологического кризиса в юриспруденции: парадигмально-субъектное измерение / С. А. Калинин // Право. by. - № 1 (51). 2018. С. 5-11.
3. Шидловский, А. В. Назначение наказания по уголовному праву Беларуси / А. В. Шидловский. Минск : БГУ, 2015. 295 с.
4. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонского. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. 254 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. М. : Изд. Имп. Моск. о-ва рос. истории и древностей, 1855. 242 с.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 : Юблейнае выданне / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Юрдычны факультэт : транскрыпція тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай. Мінск : Прынткорп, 2010. 612 с.
7. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. 863 с.
8. Юхно, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Я. А. Юхно. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 270 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Верх. Сов. БССР 29 дек. 1960 г.; введён в действие с 1 апр. 1961 г. (с изм. и доп. по сост. на 1 мая 1994 г.). Минск : Репринт, 1994. 208 с.
10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : в русск. пер. с параллельными местами и приложениями / по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М. : Росс. библ. общ-во, 2005. - 1375 с.
11. Кодекс канонического права / науч. совет изд. : о. М. Арранц (SJ, предс.) [и др.] ; пер. с лат. А. Н. Коваль ; науч. ред. о. С. Тимашов. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.

ПЕРАЕМНАСЦЬ У ВЫВУЧЭННІ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ: І. А. ЮХО, С. Ф. СОКАЛ

Л. Л. Голубева

дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
lyudmila.golubeva@mail.ru

Разгледжана дасягненне прафесара І. А. Юхо ў распрацоўцы новага навуковага і навучальнага накірунку ў беларускай навуцы: гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Абаснавана, што прафесар С. Ф. Сокал з'яўляецца заснавальнікам беларускай навуковай школы гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. Паказана пераемнасць у вывучэнні палітыка-прававой спадчыны беларускага народа на прыкладзе навуковай дзейнасці І. А. Юхо і С. Ф. Сокала.

Ключавыя слова: палітычныя і прававыя ідэі; навуковая школа гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі; пераемнасць у вывучэнні палітыка-прававой спадчыны.

**CONTINUITY IN STUDYING POLITICAL AND LEGAL HERITAGE OF BELARUS:
I. A. YUHO, S. F. SOKAL**

L. L. Golubeva

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the
Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
lyudmila.golubeva@mail.ru*

The achievement of Professor I. A. Yukho in the development of a new scientific and educational direction in Belarusian science: the history of the state and law of Belarus. It is substantiated that Professor S. F. Sokol is the founder of the Belarusian scientific school of the history of political and legal thought in Belarus. Continuity in the study of the political and legal heritage of the Belarusian people is shown on the example of the scientific activities of I. A. Yuho and S. F. Falcon.

Keywords: political and legal ideas; scientific school of the history of political and legal thought of Belarus; continuity in the study of political and legal heritage.

Прафесар Т. І. Доўнар у сваіх навуковых даследаваннях правільна адзначае, што для належнага развіцця прававой навукі неабходны пэўныя ўмовы і падставы, і ў першую чаргу дзяржаўная стабільнасць, пераемнасць і традыцыяналізм у праве [1]. Аднак за апошнія 200 гадоў прававая сістэма ў Беларусі змянялася тройчы: спачатку даволі дасканалае заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ), палітыка-эканамічным цэнтрам якога былі беларускія землі, было заменена расійскім, затым расійскае – савецкім, і нарэшце, савецкае – беларускім нацыянальным заканадаўствам. Усё гэта аказала значны ўплыў на эвалюцыю права і перашкаджала развіццю айчыннай гісторыка-прававой навукі, тым больш, што на пэўных гістарычных этапах кіруючыя вярхі тых дзяржаў, у склад якіх уваходзілі беларускія землі, не толькі не былі зацікаўлены ў даследаваннях гісторыі беларускага народа, але і забаранялі іх.

Адным з галоўных навукова-педагагічных дасягненняў I. A. Юхі (19.03.2021 – 29.07.2004) з'яўляецца распрацоўка новага навуковага і навучальнага накірунку ў беларускай навуцы: гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Прафесар даследаваў паходжанне назваў «Беларусь», «Белая Русь», «Літва»; высветліў і даказаў, што статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., а таксама агульназемскія, абласныя і валасныя граматы мелі сваёй галоўнай крыніцай беларускае старажытнае права; даказаў, што статуты ВКЛ былі першымі ў Еўропе зводамі законаў (а не кодэксамі), створанымі на аснове мясцовага беларускага звычаёвага і пісанага права; даследаваў гісторыю паходжання дзяржаў на тэрыторыі Беларусі і ВКЛ; даказаў, што Крэўская 1385 г., Віленска-Радамская 1401 г., Гарадзельская 1413 г. і нават Люблінская 1569 г. уніі ВКЛ з Польшчай не прывялі да ліквідацыі ВКЛ і не парушылі яго адасобленасці і суверэннасці; аргументаваў сцвярджэнне, што Рэч Паспалітая была канфедэратыўнай дзяржавай, у склад якой уваходзілі дзве суверэнныя дзяржавы: ВКЛ і Польшча, а пасля прыняцця Канстытуцыі 1791 г. Рэч Паспалітая павінна была пераўтварыцца ў федэратыўную дзяржаву. Даследаваў паўстанне 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі, яго беларускае паходжанне і ўдзел у барацьбе Злучаных Штатаў Амерыкі з Англіяй [2].

Не засталіся без увагі Прафесара і палітыка-прававых поглядыш, якія выказваліся на тэрыторыі Беларусі ў розныя перыяды станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці.

Палітычнае і прававое ідэі цесна звязана з жыщчым грамадства, дзяржавы, яе палітыка-прававымі інстытутамі, з палітычнай і прававой рэчаіснасцю. Без іх вывучэння немагчыма дакладнае веданне гісторыі дзяржавы і права Беларусі, і, наадварот. Як правільна адзначае прафесар В. Ф. Шалькевіч, “ідэйны змест як поглядаў таго ці іншага мысліцеля, так і цэлага перыяду гісторыі палітыка-прававой думкі нельга зразумець без сувязі з гістарычнай эпохай, з сацыяльна-эканамічнымі адносінамі таго ці іншага этапа

гісторыі Беларусі” [3]. Менавіта кожнаму перыяду развіцця беларускай дзяржаўнасці, пачынаючы са старажытных часоў і заканчваючы сучаснасцю, адпавядае пэўны этап у станаўленні і развіцці палітычнай і прававой думкі Беларусі, жыццё і дзейнасць знакамітых асветнікаў, якія, у сваю чаргу, выказвалі ідэі наконт дзяржавы, права, палітыкі, заканадаўства.

Прафесар І. А. Юхो з’яўляецца аўтарам звыш 200 работ, сярод якіх, акрамя навуковых прац па гісторыі дзяржавы і права Беларусі, значнае месца займаюць і даследаванні па гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. Так, у 1967 г., у журнале “Полымя” быў надрукаваны артыкул І. А. Юхо, у якім даследаваліся грамадскія і прававыя погляды Ф. Скарыны. Прычым, заслугай Прафесара з’яўляецца тое, што ён высветліў, што Ф. Скарына аказаў значны ўплыў і на распрацоўку Статута 1529 г. [4]. У далейшых даследаваннях І. А. Юхо таксама аналізаваў погляды Ф. Скарыны [5].

У 1968 г. у журнале “Полымя” быў надрукаваны артыкул І. А. Юхо, у якім аўтар прааналізаваў сацыяльна-палітычны трактат М. Літвіна “Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян” [6]. Даследаваў І. А. Юхो і дзейнасць і погляды першага рэктара БДУ У. І. Пічэты [7]. Шмат артыкулаў прысвячаны аналізу поглядаў Т. Касцюшкі, а таксама Л. Талстога [8; 9].

У 1989 г. І. А. Юхо напісаў абагульняючы артыкул наконт развіцця прававой думкі Беларусі [10].

Гэтыя ідэі асветнікаў, прааналізаваныя прафесарам І. А. Юхо, былі пазней даследаваны ў працах яго вучняў.

Так, у 1972 г. была абаронена дысертация С. Ф. Сокалам на суісканне навуковай ступені кандыдата філософскіх навук на тэму “Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века”; у 1986 г. – С. Ф. Сокалам дысертация на суісканне навуковай ступені доктара юрыдычных навук на тэму “Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII века”; у 1985 г. – В. М. Сікорскім дысертация на суісканне навуковай ступені кандыдата юрыдычных навук на тэму “Прогрессивная общественно-политическая и правовая мысль в Белоруссии в первой половине XIX века”; у 1999 г. – А. Я. Лясковым дысертация на суісканне навуковай ступені кандыдата юрыдычных навук на тэму “Прававая і палітычныя ідэі ў Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя” [2].

Найбольш поўна даследаванні палітыка-прававых ідэй, якія праводзіў І. А. Юхо, былі прадоўжаны ў працах прафесара С. Ф. Сокала (8. 1. 1943 – 8. 12. 2020) [6].

С. Ф. Сокал – выдатны беларускі навукоўца, вучоны-юрыст, гісторык права, філосаф, кандыдат філософскіх навук, доктар юрыдычных навук, прафесар, заснавальнік навуковай школы гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі, заснавальнік Саюза юрыстаў Беларусі і першай у нашай краіне недзяржаўнай вышэйшай навучальнай установы – Беларускага інстытута правазнаўства. Пад яго кіраўніцтвам было абаронена больш 10 дысертаций на суісканне навуковай ступені кандыдата юрыдычных навук.

Упершыню ў беларускай навуцы С. Ф. Сокал даў ацэнку поглядаў і ўвёў у навуковы абарот працы Л. Сапегі, А. Волана, П. Раізія, Т. Цішкевіча-Скуміновіча; з улікам розных арыентацый палітыка-прававой ідэалогіі таго часу паказаў спецыфіку праваразумення Ф. Скарыны, С. Буднага, М. Сматрыцкага і інш. С. Ф. Сокал з’яўляецца аўтарам першага ў рэспубліцы навучальнага дапаможніка па гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі ў перыяд яе ўваходжання ў склад ВКЛ і Рэчы Паспалітай [11]. Таксама ім быў выдадзены і шэраг іншых навуковых прац [12]. Асаблівай увагі заслухоўвае яго праца “Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі (лекцыйны матэрыял)” (1999), у якой навукоўца паслядоўна разглядае станаўленне і развіццё палітыка-прававой думкі Беларусі са старажытных часоў да 1991 г. [13].

С. Ф. Сокал прапанаваў сваю ўласную перыядызацыю гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі, адрознную ад перыядызацый, прапанаваных іншымі навукоўцамі [13].

Так, па яго меркаванню ў развіцці палітычнай і прававой думкі Беларусі можна вылучыць наступныя перыяды (пры вызначэнні перыядызацыі ўзнікнення і развіцця палітычнай і прававой думкі Беларусі прафесарам С. Ф. Сокалам ў аснову быў пакладзены крытэрый сацыяльна-эканамічнага жыцця дзяржавы, а таксама развіццё грамадства):

Палітычнай і прававая думка Беларусі Сярэднявечча (старажытнай Беларусі) (IX – XII стст. – пачатак XIII ст.).

Палітычнай і прававая думка Беларусі ў эпоху Адраджэння і Рэфармацыі (канец XV – XVI стст. – першая палова XVII ст.). XIII – XIV стст. і большая частка XV ст. – гэта прамежак часу, які не ўключаны ні ў які перыяд перыядызацыі, таму што, на думку прафесара С. Ф Сокала, вельмі мала захавалася крыніц, з дапамогай якіх можна было б даследаваць і адлюстраваць палітычную і прававую думку прапушчанага перыяду.

Палітычнай і прававая думка Беларусі перыяду Контррэфармацыі і феадальна-каталіцкай рэакцыі (другая палова XVII – сярэдзіна XVIII стст.).

Палітычнай і прававая думка Беларусі эпохі Асветы (Асветніцтва) (другая палова XVIII – прыкладна трэць XIX стст.).

Палітычнай і прававая думка Беларусі XIX ст. (больш чым дзве трэці стагоддзя).

Палітычнай і прававая думка Беларусі пачатку XX ст., альбо перыяд беларускага адраджэння.

Палітычнай і прававая думка Савецкай Беларусі і беларускага замежжа (1919 – 1991 гг.).

Сучасны перыяд – перыяд узнікнення і існавання незалежнай Беларусі.

І. А. Юху ў сваіх даследаваннях адзначыў, што цікавай з'яўляецца і прапанаваная Ф. Скарынам класіфікацыя нормаў права ў залежнасці ад іх зместу. Усё земскае права Ф. Скарына падзяляў на права паспалітае (агульнае), якое, на яго думку, «от всех народов посполите соблюдаємо ест». Сюды ён адносіў, у асноўным, нормы так званага прыватнага права. Паводле свайго зместу, у гэта права ўваходзілі ўсе праваадносіны, незалежна ад іх зместу, калі яны ўзнікалі паміж грамадзянамі. Другой галіной права ён лічыў міжнароднае права, ці, як ён яго называў «языческое», «от многих убо языков ухвалено ест, яко земель чужих мечем достование, градов и мест утверждение, послов без переказы отпущение, миру до часу прирченого выполнение, войны неприятелем своим оповедание». Трэцій галіной ён лічыў царскае права, да якога адносіў нормы дзяржаўнага, фінансавага і частковага крымінальнага права. Паводле свайго зместу, царскае права было сходнае з вядомым у феадальнай Еўропе публічным правам [4; 5]. Акрамя гэтага, ёй вылучаў яшчэ права «рицерское или военное, еже на войне соблюдаємо бывасть», потым права «местьское», г. зн. гарадское, а таксама права марскіе і купецкіе.

Ф. Скарына выказваўся і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права — аб мэце крымінальнага пакарання. На яго думку, мэта заканадаўства — застрашыць злачынцу. Крымінальны закон выдаецца «для людей злых, абы боячися казни усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрыи межи злыми в покой жити могли». Гэты погляд на нормы права як на галоўны сродак стрымліваць злачынцаў быў успрыняты некаторымі беларускімі юрыстамі.

І. А. Юху правільна адзначыў, што многія прававыя ідэі, выказаныя Ф. Скарынам, знайшлі сваё практичнае прымененне пры падрыхтоўцы статутаў ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. [5].

С. Ф. Сокал працягнуў даследаванне палітыка-прававых поглядаў Ф. Скарыны і справядліва адзначыў, што Ф. Скарына з'яўляўся, па сутнасці, першым асветнікам Беларусі, які паставіў і разгледзіў праблему суадносін права і закону. Пры гэтым пад паняццем права ў яго выступала сістэма раннегрэсіянскіх маральных нормаў, якія ствараюць яго ідэал – “прирожоное право”. На аснове гэтых нормаў, на думку Ф. Скарыны, павінна будавацца сістэма нормаў “пісанага права”, гэта значыць існуючае

заканадаўства. Пры гэтым “прирожоное право” выступала асноўным, зыходным у дачыненні да “пісанага права” [11].

У працах С. Ф. Сокала адзначана, што значным крокам наперад быў зварот Ф. Скарыны да ідэй народнага суверэнітэту, асабліва ў галіне прававорчасці. Не адмаўляючы пры гэтым ролю правадыроў, старэйшын, манархаў, Ф. Скарына разумеў працэс прававорчасці, як узаемадзеянне, супрацоўніцтва народа і ўлады, так як сцвярджаў, што існуючае заканадаўства ўзнікла шляхам “еже каждый народ своими старейшинами ухвалили суть подле, яко же ся им наилепей видело быти”. Мэты гэтай дзейнасці закладзены яшчэ ў вядомым са старажытных часоў прынцыпе агульной карысці. Таму законаворчасць будзе паспяховай і карыснай толькі ў той дзяржаве, дзе законаворцы кіруюцца “соединением ласкі и згодаю”. Ф. Скарына пашырыў свае патрабаванні да закону, каб той абавязкова быў “почтывый, справедливый, можны, потребны, пожиточный, подлуг прирожения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный не имея в себе закритости, не к пожитку единого человека, но к посполитому добру написаный”. У гэтых словах, як адзначае прафесар С. Ф. Сокал, заключаецца яшчэ адна скарынінская палітыка-прававая ідэя – ідэя прыярытэту мясцовага (нацыянальнага) заканадаўства. Гэта ідэя адмаўляла імкненні царквы і некаторых рэакцыйных сярэдневяковых юрыстаў аб вяршэнстве рымскага, візантыйскага, нямецкага або іншага іншаземнага права. Дарэчы, прынцып першаснасці мясцовага права знайшоў адлюстраванне ўжо ў змесце Статута ВКЛ 1529 г. [11; 12; 13].

Аналізуе С. Ф. Сокал і класіфікацыю права, прапанаваную Ф. Скарынам. Ён адзначае, што станоўчае значэнне ва ўмовах інтэнсіўнай дзейнасці па сістэматызацыі і кадыфікацыі заканадаўства ў Беларусі ў пачатку XVI ст., мелі ідэі Ф. Скарыны па класіфікацыі прававых нормаў. Па паходжанні і крыніцах Ф. Скарына падзяляў права на натуральнае і пісанае. Пісанае, у сваю чаргу, – на Боскае (“книги Моисеевы и святое Евангелие”), царкоўнае (“правила святых отец, па сберах (саборах) прописаные”), “земскіе” (існуючае пазітыўнае права). Земскае права ўключала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права; нормы міжнароднага права; нормы дзяржаўнага, крымінальнага, гарадскога, марскога і гандлевага права [13].

С. Ф. Сокал прадоўжыў і даследаванне поглядаў М. Літвіна на дзяржаву, права, палітыку, заканадаўства, пачатое яшчэ ў свой час І. А. Юху [6; 11; 12; 13].

М. Літвін з’яўляўся знакамітым гуманістам XVI ст. У сацыяльна-палітычным трактаце “Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян” (выдадзены ў 1615 г. на лацінскай мове). асветнік параўноўваў норавы, звычаі, традыцыі, законы, арганізацыю кіравання і суда ў татарскай, літоўскай і маскоўскай дзяржавах. Як правільна адзначае С. Ф. Сокал, М. Літвін у сваій творчасці шырока выкарыстоўваў параўнальныя метад. Моцную дзяржаўнасць ён звязваў з разумнасцю законаў, з мараллю штодзённага жыцця грамадства, са стабільнасцю сям’і. Адлюстраваў погляды тых, хто кіраваўся ў сваей дзейнасці нацыянальнымі інтарэсамі ВКЛ. У трактаце М. Літвін узняў пытанні сацыяльна-палітычнага ўдасканалення грамадства, рэфармавання існуючых грамадскіх інстытутаў. Аснову гарманічнага грамадства ён бачыў у маёмаснай роўнасці, прытрымліваўся канцэпцыі ідэальнага правіцеля, справядлівага кіравання і правасуддзя. Грамадскія праблемы разглядаў з пазіцыі проціпастаўлення дрэнных і добрых звычаяў. Так, імкненням да багацця і раскошы проціпастаўляў самаабмежаванне, памяркоўнасць. Выступаў супраць заняволення адных людзей другімі. М. Літвін закрануў праблему сацыяльнай роўнасці перад законам. На яго думку павінен быў быць аднолькавы прынцып абкладання падаткамі простага чалавека і шляхціча: чым большая маёмасць, тым большым павінен быць падатак. Шмат месца ў трактаце адведзена пытанням удасканалення правасуддзя. Аноўнае з іх – ахова жыцця простага чалавека. Прынцып “кроў за кроў” павінен быць аднолькавы да ўсіх злачынцаў незалежна ад іх сацыяльнага становішча. Таму М. Літвін лічыў неабходным вызваліць працоўнае насельніцтва з-пад юрысдыкцыі феадалаў, а права на вынясенне смяротнай кары дазволіць толькі

вышэйшым судам. Пропаноўваў увесці агульнасаслоўныя суды. Звяртаюць увагу І. А. Юху і С. Ф. Сокал на недахопы судовай сістэмы, якія вылучыў М. Літвін у сваім трактаце: адсутнасць апеляцыйных судоў; адсутнасць галоснасці; хібы ў сістэме паказанняў сведак; адсутнасць нормаў судовай пісьменнасці. Асветнік XVI ст. падкрэсліваў, што сістэма непадзельнасці судовай і адміністрацыйнай улад, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасад вядуць да страты самой ідэі справядлівасці і незалежнасці суда. М. Літвін крытыкаваў карыслівасць і распусту духавенства, падтрымліваў ідэю верацярпімасці, выступаў супраць умяшання каталіцкай царквы ў свецкія справы.

Праблемы, узнятые М. Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны ў час судовай рэформы 1564 г. : удасканалена дзяржаўнае кіраванне і правасуддзе, удасканалена працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судовая інстанцыя – Трыбунал ВКЛ, падрыхтаваны кваліфікаваны ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда. Некаторыя ідэі М. Літвіна атрымалі адлюстраванне ў статутах 1566 і 1588 гг. У прыватнасці, у Статут 1588 г. была ўведзена норма, якая ўстанаўлівала для шляхціча смяротную кару за забойства чалавека “простага стану” [6; 13].

Як вядома, сярод асветнікаў апошняй трэці XVIII ст. асаблівай папулярнасцю карыстаўся фізіяратызм. Прадстаўнікі фізіяратызму ў Беларусі сапраўднай крыніцай багацця лічылі зямлю, сапраўднай прадукцыйнай працай – земляробскую працу. Яны крытыкаў прыгоннае права, якое стрымлівала развіццё сельскай гаспадаркі, пропаноўвалі розныя праекты адмены прыгонніцтва, даказвалі неабходнасць фермерскага спосабу вядзення сельскай гаспадаркі. прытрымліваліся тэорыі натуральнага права і дагаворнага паходжання дзяржавы. У сваіх працах Я. А. Юх адзначыў, што “фізіяратызм – гэта таэратычная аснова рэфармавання грамадскага ладу ў краіне” [14]. С. Ф. Сокал больш увагі надаў аналізу гэтага накірунку ў развіцці палітыка-прававой думкі Беларусі. Так, навукоўца прааналізаваў працы і даследаваў погляды такіх фізіярататаў Беларусі як К. Багуслаўскі (1754-1819), І. Страйноўскі (1752-1815), І. Храптовіч (1729-1812), А. Тызенгаўз (1733-1785), І. Масальскі (1729 – 1794). С. Ф. Сокал адзначыў, што К. Багуслаўскі з’яўляецца аўтарам кнігі “Пра дасканалае заканадаўства” (1786). Побач з натуральным правам як асновай справядлівага заканадаўства К. Багуслаўскі разглядаў чалавека як адзінства двух субстанцый – матэрыяльнай і духоўнай. Лічыў, што чым больш будзе адукаваным народ, тым дасканалей будуць яго законы. Ён аргументаваў неабходнасць канстытуцыйай формы кіравання, крытыкаў самадзяржаўе, як і І. Страйноўскі [13].

Прааналізаваўшы працу І. Страйноўскага “Навука аб прыродным і палітычным праве, палітычнай эканоміі і праве народаў” (Вільня, 1785 г., на польскай мове). С. Ф. Сокал адзначае, што асновай вучэння І. Страйноўскага, як і ўсіх тагачасных фізіярататаў, было вучэнне пра натуральны парадак і як вынік яго – натуральнае права. Натуральны парадак рэчаў ён разглядаў як адзінства фізічнага і маральнага парадку, г. зн. як сукупнасць законаў прыроды і грамадства. Людзі, на яго думку могуць быць шчаслівія толькі праз глыбоке пазнанне і поўнае захаванне гэтага натуральнага права; адыход чалавека або грамадства ад дакладных і разумных законаў прыроды выклікае пакаранне – няшчасці, бедствы, беспарадкі і г. д. Натуральныя ж законы выяўляюць толькі натуральныя права і абавязкі чалавека, да якіх належыць яго імкненне да самазахавання, задавальнення сваіх патрэб у ежы, адзенні, жыллі, прыладах працы. З натуральных правоў і абавязкаў асобнага індывіда ён выдзяляў сацыяльныя права і абавязкі (вечныя і нязменныя права асабістай свабоды, узаемнай дапамогі, прыватнай уласнасці).

Паводле І. Страйноўскага, ніхто не мае права пазбавіць чалавека яго натуральнай свабоды. Ён павінен абараніць ад гвалту сваю ўласнасць і свабоду і, адпаведна, не рабіць замаху на чужую прыватную ўласнасць, не ўжываць сілы ў адносінах да іншых людзей, за выключэннем выпадкаў самаабароны. Прынцыпы натуральнага права ён разглядаў у

якасці крытэрыяў “ісцінасці” або “ніправільнасці” таго ці іншага сацыяльна-палітычнага ладу.

I. Страйноўскі лічыў Бога творцам і першапрычынай прыроды. На яго думку назіранні за нябеснымі целамі, даследаванні рознага рода стварэнняў, развагі пра будову чалавека вымушаюць чалавечы разум прызнаваць існаванне вышэйшага сілы і мудрасці.

Найбольш поўнае ўяўленне пра светапогляд I. Храптовіча, адзначыў С. Ф. Сокал, даюць яго творы: “Пра штогодніе аднаўленне краіны” і “Пра натуральнае права”. I. Храптовіч адзначаў аб наяўнасці ў грамадстве “натуральнага парадку”, які ўстанаўлівае правы і абавязкі ўсіх членаў грамадства. Для падтрымання такога парадку ў супольным жыцці заключаюцца дагаворы. Чым бліжэй закон да натуральнага права, тым больш ён справядлівы. У цэнтры ўсяго знаходзіцца чалавек з яго патрэбамі, інтарэсамі, правамі і абавязкамі. Паколькі задавальненне патрэб чалавека магчыма толькі ў грамадсве, то кожны павінен лічыцца з патрэбамі іншых членаў грамадства. Але людзі значна адрозніваюцца адзін ад аднаго сваім маемасцю становішчам. Як вынікае з натуральнага парадку рэчаў, кожны павінен працаваць на тым месцы, якое яму натуральна наканавана, не ікнучыся пранікнуць у закрытую для яго сферу.

Прагрэсіўным момантам ў яго вучэнні з’яўляецца тое, што маральны парадак ён ставіць у залежнасць ад фізічнага парадку прыроды. Маральныя законы, на яго думку, цалкам адпавядаюць таму, што карысна і неабходна чалавеку ў яго жыцці.

I. Храптовіч, як і ўсе фізіякраты грамадства разглядаў як натуральны арганізм, што складае частку прыроды, у якую ўваходзяць чалавек і яго маральныя прынцыпы. Калі ж чалавек не мае свабоды ці бяспекі або пазбаўлены ўласнасці ён становіцца ізгоем, бескарысным для сябе і грамадства. I. Храптовіч лічыў чалавека і яго здольнасці (перш за ўсе разумовыя) галоўным элементам вытворчасці. Гаспадарчымі рэформамі і вызваленнем сялян ад прыгоннай залежнасці I. Храптовіч аргументаваў магчымасць узнаўлення грамадства. Ён верыў, што пры належнай арганізацыі грамадскага жыцця ў адпаведнасці з патрабаваннямі “натуральнага права” ўзнікае магчымасць стварэння пастаянна растучай зябяспечанасці і асветы для ўсіх [11; 12; 13].

A. Тызенгаўз з’яўляўся кіраўніком каралеўскіх эканомій у Беларусі і Літве. Па яго ініцыятыве ў 1760 – 1780 гг. побач з г. Гродна быў пабудаваны прамысловка-культурны цэнтр з 85 будынкаў рознага прызначэння, што ўтварылі 3 асобныя зоны: адміністрацыйную, вытворчую і навучальную, якія пазней увайшлі ў межы г. Гродна. У прадмесцях г. Гродна A. Тызенгаўз заснаваў фабрыкі: суконную, шаўковую, збройную, а таксама завод жалезных і медных вырабаў.

Значную ўвагу надаваў A. Тызенгаўз і земляробству. З намерам пашырэння асветы ў краі A. Тызенгаўз заснаваў у г. Гродна кадэцкі корпус, гандлевую, зямлямерную, медыцынскую і інш. школы. Заснаваў дзясяткі мануфактур, навучальных установ, стварыў і свой тэатр, у які запрашаў замежных артыстаў, музыкантаў, спевакоў. Для падрыхтоўкі ўласных артыстаў з прыгонных сялян ён стварыў тэатральную школу. У гэтай школе выкладаліся і агульнаадукацыйныя прадметы (пісьмо, арыфметыка, французская і італьянская мовы, маляванне). Выхаванцы гэтай школы пазней праславіліся ў польскім тэатры. На сцэне тэатра была паставлена камедыя “Севільскі цырульнік”. У 1775 – 1776 гг. ён арганізаваў першую друкарню ў г. Гродна [11; 12; 13].

Менавіта вывучэнне палітычных і прававых ідэй, якія выказваліся беларускімі мысліцелямі ў той ці іншай форме ў розныя перыяды развіцця беларускай дзяржавы-нацыі садзейнічае фарміраванню юрыдычнага мышлення, цвёрдага светапогляду, дапамагае бачыць перспектывы будучыні. Вывучэнне ўзнікнення і развіцця тэарэтычных палажэнняў аўтарства, праве, палітыцы і заканадаўстве, якія выказваліся беларускімі мысліцелямі садзейнічае больш грунтоўным ведам галіновых дысцыплін.

Вывучэнне палітычных і прававых ідэй садзейнічае фарміраванню палітычнай культуры, нацыянальной самасвядомасці, удасканалівае і алагачае навуковы

светапогляд, выхоўвае гуманізм і патрыятызм, а таксама садзейнічае ўсебаковаму духоўнаму развіццю асобы.

На сенняшні дзень існуюць працы, у якіх аналізуецца палітычныя і прававыя погляды беларускіх асветнікаў са старажытных часоў да нашых дзён. Разглядаюцца ў цэлым асаблівасці развіцця кожнага перыяду палітычнай і прававой думкі Беларусі, а таксама погляды асобых яго прадстаўнікоў. Прычым думкі беларускіх мысліцеляў на палітыку, права, заканадаўства сутучны з сучаснымі ідэямі... Пачатак вывучэння гэтых ідэй быў пакладзены такімі знакамітымі навукоўцамі Беларусі як Я. А. Юхой і С. Ф. Сокал.

Бібліографічныя спасылкі

1. Доўнар Т. І. Самы дасканалы звод законаў Вялікага Княства Літоўскага // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамоцка 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2018. С. 3–11.
2. Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юхой. Да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал. : С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск: БДУ, 2011. 175 с.
3. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск: Маладзежнае навуковае суполніцтва, 2002. 248 с.
4. Юхой, І. Грамадскія і прававыя погляды Скарыны // Полымя. 1967. № 6. С. 175–180; Юхой, Я. Скарыне, аўтару “Статута...” : [Аб удзеле Ф. Скарыны ў падрыхт. Статута Вялікага княства Літоўск. 1529 г. на беларус. мове] // ЛіМ. 1991. 24 мая (№ 21). С. 15.
5. Юхой, Я. А. Скарына і прававая культура Беларусі // Спадчына. 1989. № 2. С. 52–54;; Конан, У. М. Скарына (Скарыніч) Францішак (Францыск; 1490?–1551?) // Асветнікі зямлі Беларускай : энцыкл. даведнік / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. С. 389–398.
6. Юхой, Я. А. Міхайла Цішкевіч (Міхалон Літвін) “Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян” [Старонкі беларус. энцыкл.] // Полымя. 1968. № 4. С. 251–252; Юхой, Я. А. Міхалон Літвін // Беларус. сав. энцыкл. : у 12 т. Мінск, 1974. Т. 7. С. 269.
7. Юхой, І. А. Уладзімір Пічета [Старонкі беларус. энцыкл.] // Полымя. 1967. № 5. С. 251–252; Юхой, І. А. Владимир Иванович Пичета – першый рэктар Беларускага государственного университета // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 1972. № 3. С. 18–22.
8. Юхой, Я. А. За вольнасць нашу і вашу: Тадэвуш Касцюшко. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 52 с. ; Юхой, Я. Хто такі Тадэвуш Касцюшко? // Наша слова (Мінск). 1993. № 3. С. 6; Юхой, Я. А.»Нарадзіўся я ліцьвінам. . .»: Тадэвуш Касцюшко / Я. А. Юхой, У. Емяльянчык. Мінск : Навука і тэхніка, 1994. 68 с. ; Юхой, Я. За вольнасць нашу і вашу [Тадэвуш Касцюшко] : урывак з нарыса / Я. Юхой / Бацькаўшчына : зб. гіст. літ. : для сярэд. і ст. шк. узросту / уклад., прадмова С. С. Панізініка. Мінск. : Юнацтва, 1994. С. 96–98. ; Юхой, Я. Наш нацыянальны герой [Т. Касцюшко, 1745–1817] // Сыны і пасынкі Беларусі: зб. нарысаў / С. В. Барыс, С. В. Тарасаў, Г. А. Ланеўскі [і інш.] ; уклад. С. В. Барыс. Мінск : Полымя, 1996. С. 95–134. ; Юхой, Я. А. Касцюшко Андрэй Тадэвуш Банавентура (30. 11. 1745–15. 10. 1817) // Асветнікі зямлі Беларускай : энцыкл. даведнік / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2001. С. 218–223. ; Юхой Я. А. Палітычныя і прававыя погляды Андрэя Тадэвуша Банавентуры Касцюшкі // Беларусь і Тадэвуш Касцюшко: спадчына, час, здабыткі : матэрыялы Міжнар. семінара. Сустрэча другая, Мінск, 28–29 лістапада 2000 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал. : Я. А. Юхой, К. І. Козак (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : НА РБ, 2002. С. 13–15. ; Юхой, Я. А. “Акты паўстання Касцюшкі” // Вялікае княства Літоўскага : энцыкл. : у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2005. Т. 1 : Абаленскі–Кадэнцыя. С. 215.
9. Юхой, Я. А. Будучыня належыць Льву Талстому // Res Nova. 1997. № 1. С. 8–9. ; Юхой, И. А. Против насилия и террора: Л. Толстой о нравственности в искусстве // Всемирная литература. 2000. № 6. С. 148–165. ; Юхой, И. А. Критика политической системы царского самодержавия Львом Толстым // Конституционный процесс и развитие политической системы общества : материалы Междунар. науч. -практ. конф., Минск, 17–18 окт. 2002 / Белорус. гос. ун-т ; рэдкол. : Г. А. Васілевіч (гл. рэд.) [и др.]. Мінск : ФУСТ БГУ, 2002. С. 152–154.
10. Юхой, Я. А. Статут і развіццё прававой думкі // Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. С. 28–38.

11. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. Минск: Наука и техника, 1984. 186 с.
12. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль Белоруссии во второй половине XVI в. Минск, 1974. ; Сокол, С. Ф. История юридической науки Беларуси. Минск, 2000.
13. Сокал, С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі (лекцыйны матэрыял). Марілэй : Абласная друкарня, 1999. 142 с.
14. Юх, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. Мінск: РІВШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с. ; Юх, Я. А. Кароткі нарыйс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 270 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ ПАРАМЕТРОВ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

С. А. Калинин

*заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
Kalinin@bsu. by*

В статье анализируется сущность исторической и современной белорусской государственности, которая рассматривается как постсоциалистическое полупериферийное национальное государство, возникшее в рамках сложных процессов развития новоевропейской государственности, порожденной цивилизацией Модерна и капиталистической мир-системой.

Ключевые слова: белорусская государственность; новоевропейская государственность; кризис современной государственности; методология теоретической юриспруденции.

CONCEPTUAL AND THEORETICAL ISSUES OF UNDERSTANDING OF THE ESSENTIAL PARAMETERS OF THE BELARUSIAN STATEHOOD

S. A. Kalinin

*Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Kalinin@bsu. by*

The article analyzes the essence of the historical and modern Belarusian statehood, which is considered as a post-socialist semi-peripheral national state that emerged within the complex processes of development of New European statehood, generated by the Modern civilization and the capitalist world-system.

Keywords: Belarusian statehood; New European statehood; crisis of modern statehood; methodology of theoretical jurisprudence.

Стоящая перед теоретической юриспруденцией проблема адекватного изучения современного финального кризиса капиталистической мир-системы и поиска Республикой Беларусь путей выхода из него, в том числе в рамках конституционной реформы, требует переосмысливания устоявшихся концептов и понятий, одним из которых является государство. Так, содержательно-динамическая природа оказывается вне анализа при использовании формально-статического подхода, описывающего государство в качестве суверенной обладающей монополией на насилие (принуждение) политической организации, объединяющей население определенной территории.

Изучение содержательно-динамической природы, на наш взгляд, нуждается в одновременном учете следующих параметров:

- 1) государство – это тип распространяемой на определенную территорию субъектной публичной власти, отделенной от населения, предназначеннной для разрешения общих проблем и противоречий, реализуемой посредством формализованных правил и процедур и обладающей правом (возможностью) легального принуждения. В результате государство может быть описано и через объединяющий термин, и через понятие, характеризующее сущность конкретного типа публичной власти;
- 2) реальное бытие государства связано с его концептуализацией;
- 3) субъекты публичной власти всегда находятся в конфронтационных отношениях, что обуславливает их возникновение, развитие и гибель;
- 4) в истории любой государственности всегда присутствуют различные модели публичной власти.

Вышеизложенное подчеркивает объективную важность использования историко-детерминированной методологии, позволяющей холистически и взаимодополняемо рассматривать государство в конкретно-историческом (Республика Беларусь, Российская Империя, Великое княжество Литовское, Русь и т. д.) и концептуально-теоретическом (раннефеодальное, капиталистическое, теократическое и т. д.) измерениях. При этом важной и соответствующей специфике социально-гуманитарного знания и постнеклассической парадигмы научной и управленческой рациональности особенностью осмыслиения государства является ценностно-оценочная рефлексия, как правило, определяемая отношением познающего субъекта к конкретной власти. Одновременно развитие и осмыслиение государства осуществляется в рамках векторных концептуально осмысленных ретроспективных и перспективных (футурологических, обращенных в Будущее) историософских процессов. При этом образы Прошлого и Будущего объективно детерминируют деятельность государства, стремящегося не стать объектом иных субъектных воздействий.

Концептуально-теоретически современная Республика Беларусь является постсоциалистическим полупериферийным государством, связанным с новоевропейским типом государственности, который возник в рамках цивилизации Модерна и капиталистической мир-системы (мир-экономики). Однако терминальный кризис данной мир-экономики и переход к иной неопределенной социально-экономической формации, влекущие и упадок новоевропейской модели, объективно требуют переосмыслиения государства, в том числе, в контексте белорусской государственности.

Цивилизация Модерна (капиталистическая мир-система) исторически зародилась в XVI в. в Западной Европе в качестве локального способа мироустройства и, постепенно, включив в себя иные цивилизационные модели, стала единственной глобальной исторической системой, достигнув к настоящему времени пределов своего бытия [3; 7], а новоевропейское государство приобрело статус универсальной модели публичной власти. Однако такой подход игнорирует иные формы государственности (теократии, полисы, империи и т. д.) [8; 10; 11].

Генетически новоевропейская государственность, возникшая в ходе разрушения основанных на религиозно-культурной идентификации общеевропейских образований (Папский Престол и Священная Римская империя германской нации), восходит к возникшим в конце XV в. в Испании, Франции и Англии «новым (абсолютным) монархиям». Данные монархии, по сути, создали качественно иные (инновационные) формы управления и регулирования и, противопоставив себя иным уровням и типам власти, используя принципы суверенитета и взаимопризнания в рамках межгосударственной системы, осуществляли в интересах экономики централизацию и унификацию всех социальных сфер [5, с. 401-413]. Это породило неразрывную связь

единой глобальной экономики, а также множества обладающих формальным суверенитетом, входящих в межгосударственную систему и ведущих борьбу за гегемонию государств, представленных господствующим полюсом-гегемоном и концентрической структурой (срединная, промежуточная и периферийная зоны, ядро, полупериферия и периферия) [5, с. 95-97; 2, с. 117-120]. Однако добиться недолгой гегемонии удавалось лишь трем державам в результате всемирных «тридцатилетних войн» (Нидерланды – Тридцатилетняя война против Габсбургов (1618–1648 гг.); Великобритания – Наполеоновские войны против Франции (1792–1815 гг.); США – военное противостояние с Германией (1914–1945 гг.)).

Государства – соседи «новых монархий» – также начали использовать концепт абсолютного (новоевропейского) государства [1], существенными признаками которого стали суверенитет, инновационно-инвестиционная и индустриально-техногенная природа, позднее дополненные признанием народа источником легитимности государственной власти. Инновационно-инвестиционная природа породила зависимость государств от технологических укладов (циклов Кондратьева), сменяемых в рамках глобальных кризисов [9], выход из которых требует реальной суверенности государства, зависящей от его места в мир-системе [5, с. 397-398].

Признание народа источником суверенитета, вследствие переноса на него прерогатив монарха в рамках «демократической» борьбы против «абсолютизма», придало новоевропейской государственности качества национального государства (государства-нации), что позволило «вынести» социальные противоречия в иные регионы, перераспределить социальные блага и объединиться перед лицом общего врага.

Породившие национализм «старые» новоевропейские страны (Великобритания, Франция, Испания, Нидерланды) в реальности состояли из национальной метрополии, на европейском уровне позиционирующей себя демократическим правовым и социальным государством, и колоний, эксплуатируемых в рамках империи. Континентальные территориальные империи (Австро-Венгрия, Оттоманская Порта, Россия и т. д.), сложившиеся в ходе борьбы с подобными субъектами (московский, литвинский и польский имперские проекты; Оттоманская Порта и балканские страны; Австрия и государства европейско-турецкого пограничья), не могли консолидировать метрополию, лишь эксплуатируя присоединенные территории. Это требовало инкорпорации региональной знати в общегосударственную элиту, но одновременно усиливало весь спектр социальных противоречий [12].

На момент формирования классической новоевропейской государственности территория Беларуси находилась в составе Великого княжества Литовского, состоящего в униональных отношениях с Польским Королевством, завершившихся созданием неоднозначно воспринимаемого в историографии государства – Речи Посполитой. Данная держава в противовес мировым тенденциям стремилась минимизировать полномочия короля в интересах демократических свобод (вольностей) политической католической полонизированной магнатско-шляхетской нации, противопоставившей себя иному населению через идеи сарматизма. Однако упадок данной страны и раздел ее территории соседними территориальными империями, совпавший с общеевропейскими тенденциями формирования единых рынков, стимулирующих создание отдельных наций, стремления к социальной справедливости и перераспределению земельной собственности, появления в рамках исторической школы и романтизма слоя национальной интеллигенции, изменили сущность представлений об идеальной модели власти, породив иллюзию разрешения указанных противоречий в отдельном национальном государстве.

По сути, названные тенденции, характерные для большинства национальных меньшинств, особенно апеллировавших к прерванным имперским проектам, были реализованы после Первой мировой войны, вызванной борьбой Германии и Великобритании за гегемонию в мир-системе [6, с. 19-62], в результате распада

континентальных империй, чем была достигнута основная цель ангlosаксонского ядра в данной войне, направленная на формирование глобального рынка в рамках совокупности небольших слабых государств [13]. Применительно к белорусским землям это проявилось в революционных событиях 1917 г., которые, уничтожив легитимную власть и обусловив распад Российской империи, стимулировали остроконкурентное национальное (российское, польское, украинское, литовское и т. д.) строительство, в том числе в рамках фантомных имперских притязаний.

В этом контексте исходной точкой конституирования современной белорусской национальной государственности стал Первый Всебелорусский съезд 1917 г., инициированный Советской властью в Петрограде, но разогнанный Областным исполнительным комитетом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта и Советом народных комиссаров области и фронта [4]. Разгон, по сути, породил две конкурирующие модели государственности, которые всегда тяготели бы к определенному крупному субъекту (Россия, Германия, Польша), определив (отстояв) условия взаимодействия с ним, а также избрав социалистический либо капиталистический вектор развития.

Первой моделью белорусской государственности стала советская социалистическая модель, представленная двухуровневой структурой (наднациональный центр и национальная республика), которая позволила разрешить существовавшие противоречия и обеспечить победу в будущей войне, неизбежность которой требовала соответствующей государственной политики. Белорусская народная республика, ставшая второй и исторически виртуальной моделью государственности, провозгласила себя в условиях немецкой оккупации, но без призыва к изгнанию захватчиков, реальной властью не обладала, что в перспективе влекло поглощение белорусских земель иными государствами. При этом виртуальность БНР позволила ей приобрести статус оторванного от реальности идеала, соотносимого с имеющимися негативными аспектами жизни советской и постсоветской Беларуси.

Третьим этапом формирования национальных новоевропейских государств стал распад социалистического лагеря и СССР, стимулировавший обращение к виктимной версии национализма, рассматривающей титульную нацию в качестве исторической жертвы социализма и (или) России, имеющей право на «восстановление исторической справедливости». Беларусь избежала данной модели, противопоставив этническому национализму преемственную с советским наследием идею общегражданской политической нации и сохранив в качестве основы суверенной легитимности статус Победителя в Великой Отечественной войне. Именно Победа, основанная на чрезвычайной и мобилизационной сущности как общерусской, так и советской государственности, социалистических идеях о всеобщем равенстве и справедливости, коллективизме и жертвенности, творческом служении и самоограничении, противостоящих античеловеческим идеологиям, обеспечила выживание народа и государства в условиях перспектив тотального уничтожения. Это объективно предопределило сущность социально-ориентированной и взвешенной («соборной») политики (стремление к мирному сосуществованию, поддержание связей с Россией и постсоветским пространством, сохранение социальных функций государства, минимизация негативных сторон капитализма и т. д.). Подрыв легитимности Победы в перспективе аннулирует статус Беларуси как державы-основательницы ООН, переводя ее из субъектного статуса победителя в несубъектный статус «жертвы» тоталитарных режимов.

Таким образом, осмысление сущности белорусской государственности в ее историческом и футурологическом измерении, актуализированное сменой социально-экономической формации, требует пересмотра исходного для теоретической юриспруденции понятия «государство». Целью такого пересмотра должно стать отражение содержательно-динамической природы государства в контексте присутствия

в истории белорусской государственности ряда различных типов публичной власти, которое [присутствие] предопределяет возможность некорректного «переноса» существенных моделей власти, свойственных одним историческим периодам, на иные.

Сущностно современная белорусская государственность, связанная с различными тенденциями развития форм публичной власти, характерных для цивилизации Модерна и капиталистической мир-системы, является постсоциалистическим национальным полупериферийным государством, конституированным в ходе распада Российской империи и СССР, однако отказавшимся от использования модели виктимного национализма. При этом сохранение преемственности с СССР и самолегитимация через Победу в Великой Отечественной войне позволяет Беларуси поддерживать общенародную сущность за счет поиска инновационных моделей социального регулирования.

Библиографические ссылки

1. Андерсон, П. Родословная абсолютного государства. М. : Территория будущего, 2010. 512 с.
2. Бродель, Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 128 с.
3. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. = *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. М. : Весь Мир, 2006. Т. 1-3.
4. Брыгадзін, П. І. Першы Усебеларускі з’езд (снежань 1917 г.): да стагоддзя // Журнал Белорусского государственного университета. История. = *Journal of the Belarusian State University. History*. 2017. № 3. С. 37-43.
5. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном виде / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под ред. : Б. Ю. Кагарлицкий. СПб. : Университетская книга, 2001. 414 с.
6. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира : Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва. М. : Логос, 2004. 353 с.
7. Валлерстайн, И. Мир-система Модерна [Текст] = *The Modern world-system* : в 4 т. / [предисл. Г. М. Дерлугьяна ; пер. с англ., лит. ред., comment. Н. Проценко, А. Черняева]. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. Т. 1-4.
8. Джессоп, Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. Д. Карасева. М. : ИД Дело, 2019. 504 с.
9. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева [и др.]. М. : Экономика, 2002. 765 с.
10. Кревельд, М. ван. Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006. 462 с.
11. Лахман, Р. Государства и власть / пер. с англ. М. Дондуковского ; под науч. ред. И. Чубарова. М. : ИД Дело, 2020. 352 с.
12. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 316 с.
13. Фурсов, А. И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты [Текст] М. : Книжный мир, 2017. 510 с.

СЕКЦЫЯ I. СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ Ў БЕЛАРУСІ

АБ УПЛЫВЕ І. А. ЮХО НА ФАРМІРАВАННЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ ШКОЛЫ ДАСЛЕДЧЫКАЎ ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

У. Е. Снапкоўскі

*прафесар кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар гістарычных науک, прафесар,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 20, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
ulsnap44@inbox.ru*

Разглядаеца ўплыў прафесара І. А. Юхо на фарміраванне нацыянальнай школы даследчыкаў зневіннепалітычнай гісторыі Беларусі. Аўтар на ўласным навукова-педагагічным вопыте паказвае ўклад І. А. Юхо ў станаўленне новай навуковай і вучэбнай дысцыпліны “Гісторыя зневіннепалітычнай Беларусі” ў гістарычных даследаваннях і адукацыйнай практыцы вышэйшай школы Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя слова: зневіннепалітычнай гісторыя Беларусі; гісторыя дзяржавы і права Беларусі; навуковая школа; адукацыйны працэс у вышэйшай школе; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

ON THE INFLUENCE OF IOSIPH A. YUKHO FOR THE FORMATION OF THE NATIONAL SCHOOL OF RESEARCHERS OF FOREIGN POLITICAL HISTORY OF BELARUS

V. E. Snapkovsky

*Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the
Belarusian State University, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Belarusian State University, 20, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
ulsnap44@inbox.ru*

The influence of Professor Iosiph A. Yukho for the formation of a national school of researchers of the foreign policy history of Belarus is considered. The author on his own scientific and pedagogical experience shows the contribution of I. A. Yukho in the formation of a new scientific and educational discipline "History of Foreign Policy of Belarus" in historical research and educational practice of higher education in the Republic of Belarus.

Keywords: foreign policy history of Belarus; history of the state and law of Belarus; scientific school; educational process in higher school; Belarusian State University.

Паводле прызнання сваіх калегаў, прадстаўнікоў юрыдычнай науки Рэспублікі Беларусь, Іосіф Аляксандравіч Юхо з'яўляецца заснавальнікам беларускай, нацыянальнай школы даследчыкаў гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Гэта высокая ацэнка грунтуецца на агульнавядомым укладзе гэтага выдатнага вучонага і выкладчыка, абазнанага практыка ў сферы юрыспрудэнцыі і арганізатора ў галіне вышэйшай юрыдычнай адукацыі і навуковых даследаванняў у гісторыка-прававой науцы Беларускай ССР/Рэспублікі Беларусь. Яго кандыдацкая дысертация была прысвечана дзяржаўна-прававым аспектам усталявання савецкай улады ў Заходній Беларусі ў 1939 г. і абаронена пад кіраўніцтвам вядомага беларускага прававеда С. П. Маргунскага. Доктарская праца аднак скіравала даследчыка ўглыб вякоў, да гісторыі Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай і была прысвечана грамадска-палітычнаму ладу ВКЛ у ХVI ст. Напэўна гэты паварот быў абумоўлены выкладаннем ім курса “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі”, пачатага ў 1963 г. на юрыдычным факультэце БДУ па кафедры гісторыі і тэорыі дзяржавы і права [5, с. 8-9].

Несумненна, што вучоны ўбачыў, якія глыбокія і недаследаваныя пласты гісторыі беларускай дзяржаўнасці схаваныя ў мінулых часах, у розных гістарычных формах

дзяржаўнасці Беларусі, пачынаючы ад яе зараджэння ў першых стагоддзях нашай эры ў форме дзяржаўна-племянных саюзаў, працягваючы Палацкім і іншымі княствамі перыяду Кіеўскай Русі. Пытанні зараджэння беларускай дзяржаўнасці прааналізаваны І. А. Юхой са смелых, піянерскіх пазіцый, што выразілася ў разглядзе ім яе пачаткаў з больш далёкіх часоў і на падставе сведчанняў аntyчных аўтараў, а не згадак у старажытнарускіх летапісах [3, с. 22; 17, с. 4-17, 47-54]. Пры даследаванні гэтага перыяду Іосіф Аляксандравіч у сваіх апошніх публікацыях выйшаў на знешнепалітычную тэматыку [16; 18], хаця яна прысутнічала ў яго публікацыях па дагаворах і граматах старажытнай Беларусі (палацкі і вялікакняжацкі перыяды) значна раней [11; 15]. Але прадметам галоўнай увагі даследчыка была гісторыя дзяржавы і права ВКЛ, асабліва далюблінскага часу [16; 17; 19].

Прадмет навукі “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі”, паводле вызначэння, дадзенага І. А. Юхой ў “Энцыклапедыі гісторыі Беларусі”, заключаецца ў тым, што яна “вывучае ход падзеяў у дзяржаўным будаўніцтве, іх канкрэтныку і храналагічную паслядоўнасць, працэс узнікнення і развіцця дзяржаўных устаноў, іх дзейнасць, а таксама эвалюцыю дзяржаўнага права на Беларусі са старажытных часоў. Выяўляе асноўныя заканамернасці развіцця дзяржаўных органаў кіравання і ўлады, праваадносін у грамадстве, змены ў прававым становішчы класаў, саслоўяў і сацыяльных груп насельніцтва; даследуе крыніцы права, якія існавалі на тэрыторыі Беларусі ў мінульым, вывучае перадумовы ўзнікнення і развіцця асобых галін права. З’яўляецца арганічнай часткай агульнай гісторыі і культуры беларусаў” [14, с. 37; 17, с. 3]. Гэта азначэнне асноўных кірункаў вывучэння і даследавання гісторыка-прававой навукі Беларусі сведчыць аб вельмі шырокім храналагічным (ад узнікнення беларускай дзяржаўнасці да нашых дзён) і тэматычным (ад дзяржаўных органаў кіравання і ўлады да крыніц і галін права) дыяпазоне навуковай і вучэбнай дысцыпліны “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі”. Для прадстаўнікоў гістарычнай навукі істотна, што прадмет і аб’ект гэтай юрыдычнай дысцыпліны цесна звязаны з агульнай гісторыяй беларускага народа і гэта стварае шырокое поле супрацоўніцтва паміж гісторыкамі і правазнаўцамі [2, с. 40-42].

І. А. Юхой ў акрэсленні значэння, прадмету і задач навукі гісторыі дзяржавы і права беларускага народа падкрэсліваў яе маральна-этычныя і гнасеалагічныя аспекты. На яго думку, яна дапамагае бачыць поспехі і памылкі ў грамадска-палітычным жыцці людзей, усведамляць сваё месца ў ланцу грамадства, правільна кіраваць сваімі паводзінамі ў грамадстве. Таксама вывучэнне заканамернасцей развіцця дзяржаўнасці патрэбна беларусам для ўсведамлення свайго нацыянальнага светапогляду і вызначэння годнага месца сярод народаў свету. Таму вучоны рапчуя выступаў супраць аntyнавуковай і аntyпатрэчнай канцепцыі, паводле якой нібыта беларускі народ не меў сваёй дзяржаўнасці да Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. Як вядома, гэта сцвярджэнне было зафіксаванае ў акадэмічных выданнях савецкага часу па гісторыі Беларусі, гісторыі дзяржавы і права Беларускай ССР і Канстытуцыі БССР 1978 г. На самой справе, паводле яго цвёрдага пераканання, “беларускі народ меў у мінульым не менш слаўную і багатую гісторыю дзяржавы і права, нічым не горшую, чым у іншых народаў” [17, с. 4]. Тэзіс аб глыбокіх традыцыях беларускай дзяржаўнасці ўключаны ў Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь 1994 г.

У сваіх даследаваннях дзяржаўна-прававой гісторыі Беларусі эпохі феадалізму (дзяржаўнасці і права старажытнабеларускіх княстваў, ВКЛ і Рэчы Паспалітай) І. А. Юхой праналізаваў крыніцы беларускага права, у тым ліку першыя міжнародныя дагаворы беларускіх княстваў з замежнымі дзяржавамі (Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкімі гарадамі), саюзныя дагаворы (уніі) ВКЛ з Польшчай, дзяржаўна-прававы статус Рэчы Паспалітай як федэратыўна-канфедэратыўнай дзяржавы, Статуты ВКЛ ХУІ ст. і Канстытуцыю Рэчы Паспалітай 1791 г. [11; 13; 15; 17-19]. Гэта праблематыка мае непасрэднае дачыненне да знешнепалітычнай гісторыі Беларусі як новага навуковага кірунку і адукацыйнай дысцыпліны ў сацыяльна-гуманітарных ведах нашай краіны.

I. А. Юху разам з А. Ф. Вішнеўскім, В. А. Круталевічам і Л. К. Сокал апублікаў ў вучэбныя дапаможнікі па гісторыі дзяржавы і права Беларусі, у тым ліку асобныя выданні па перыяду 1917-1945 гг., і хрэстаматыю па гэтым курсе, дзе змяшчаліся прававыя дакументы і матэрыялы па ўсіх перыядах гісторыі беларускай дзяржаўнасці і права, уключаючы Рэспубліку Беларусь [1; 4; 10]. У сумесным выданні з А. Ф. Вішнеўскім змешчаны шэраг крыніц, якія з'яўляюцца важнымі дакументамі па гісторыі знешняй палітыкі Беларусі: гэта дагавор Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай, Готландскай зямлёй і нямецкім гарадамі («Смаленская гандлёвая праўда») 1229 г. (Готландская і Рыжская рэдакцыі), дагаворная грамата князя Гердзеня з інфлянцкім магістрам і гарадамі Рыгай, Полацкам і Віцебскам 1263 г., мірны дагавор ВКЛ з Лівонскім ордэнам і Рыгай аб міры, межах і свабодным плаванні па Заходнім Дзвіне 1338 г., акт Крэўскай уніі 1385 г., Канстытуцыя Рэчы Паспалітай 1791 г. Раздзел хрэстаматыі “Беларусь у складзе Расійскай імперыі” змяшчае дакументы другой паловы XIX-пачатку XX ст., якія не звязаны са знешнепалітычнай тэматыкай, што ў прынцыпе часткова абрэгнавана, паколькі Беларусь згубіла сваю дзяржаўнасць пасля падзелаў Рэчы Паспалітай. Праўда яе тэрыторыя заставалася аб'ектам знешняй і ваенай палітыкі іншых дзяржаў-напалеонаўскай Францыі ў час вайны 1812 г. і кайзераўскай Германіі ў гады Першай сусветнай вайны. Гэта знайшло адлюстраванне ў выданнях, больш звязаных з гісторыяй міжнародных адносін і палітычнай гісторыяй Беларусі, чым гісторыяй дзяржавы і права нашай краіны [8, с. 17-81].

Раздзел “Савецкі перыяд беларускай дзяржаўнасці” уключае такія дакументы агульнадзяржаўнага і знешнепалітычнага характару як, пратакол Усебеларускага з’езду 1917 г., трэ Устаўная граматы БНР, рэзалюцыі I с’езда КП(б)Беларусі аб абавязчэнні БССР, Маніфест Часовага рабоча-сляянскага ўрада аб абавязчэнні БССР, пастанову Прэзідыта Усерасійскага цэнтральнага выканаўчага камітэта аб прызнанні незалежнасці БССР, рашэнні I Усебеларускага з’езда саветаў, рашэнні Вярхоўнага Савета СССР аб уключэнні Заходній Беларусі ў склад СССР і ўз’яднанні яе з Беларускай ССР 1939 г., закон СССР аб наданні саюзным рэспублікам знешнепалітычных паўнамоцтваў 1944 г., Канстытуцыі СССР і БССР 1977 і 1978 гг. адпаведна.

Раздзел “Абавязчэнне і станаўленне суверэнай Рэспублікі Беларусь” узбагачае чытацеля такімі дакументамі дзяржаўна-прававога і знешнепалітычнага зместу, як Дэкларацыя аб дзяржаўным суверэнітэце БССР (Рэспублікі Беларусь) і закон аб наданні ёй статуса канстытуцыйнага закона, Усебеларускі дэкларацыйны правадле чалавека, Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 г. і яе змены паводле рэферэндума 1996 г., дагавор аб ставарэнні Супольніцтва Беларусі і Расіі, мемарандум аб супрацоўніцтве паміж урадам Рэспублікі Беларусь і ЮНЕСКА [1].

Пасля абавязчэння незалежнасці Беларусі I. А. Юху скіраваў сваю ўвагу на дзяржаўна-прававыя і знешнепалітычныя аспекты нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на тэрыторыі Беларусі пасля 1917 г. Несумненна смелы і наватарскі характар меў яго артыкул у “Беларускім гістарычным часопісе” пра паўнамоцтвы ўрадаў БНР і ССРБ/БССР у 1918-1921 гг. У ім абрэгнаваны канстытуцыйны і юрыдычны характар Трэцяй Устаўной граматы БНР ад 25 сакавіка 1918 г. і легітымнасць абавязчэння незалежнасці БНР, што вынікала з рашэнняў Усебеларускага з’езда і дэкрэта СНК РСФСР аб несапраўднасці актаў аб падзелах Рэчы Паспалітай [12, с. 66]. Супрацьлеглым чынам адбываўся працэс канстытуіравання Беларускай савецкай рэспублікі, вырашальную ролю ў якім адыгрывала савецкая Расія. Паводле аўтара, урад РСФСР пасля адыходу немцаў з тэрыторыі Беларусі вырашыў стварыць тут “паслухмяны сябе ўрад” і ўтварэнне ўрада ССРБ адбывалася па рашэнню ЦК РКП(б), што ставіць пад пытанне яго паўнамоцтвы. Падводзячы выснову сваім разважанням, I. А. Юху канстатуе, што “адзіным законным беларускім урадам у 1918-1919 гг. быў Народны Сакратарыят Беларускай Народнай Рэспублікі, створаны Выканаўчым камітэтам Рады Усебеларускага з’езда на падставе яго рашэнняў” [12, с. 67].

У артыкуле разгледжаны юрыдычны статус ССРБ у 1920-1922 гг., які быў вельмі няпэўным і супярэчлівым. Фармальна яна лічылася незалежнай савецкай рэспублікай, а фактычна з'яўлялася аўтаномнай вобласцю РСФСР. Яе адносіны з РСФСР будаваліся не на раўнапраўных, федэратыўных пачатках, а на аснове аўтаноміі. Некаторае размежаванне кампетэнцыі паміж дзяржаўнымі органамі абедзвюх рэспублік адбылося пасля заключэння Дагавора аб ваенным і гаспадарчым саюзе паміж РСФСР і ССРБ ад 21 студзеня 1921 г. Выбраны на II Усебеларускім с'ездзе саветаў (снежань 1920 г.) урад пад старшынствам А. Чарвякова ахарактарызаваны як “першы законна ўтвораны беларускі савецкі ўрад”, які ў сваёй большасці складаўся з беларукіх камуністаў-бальшавікоў і абараняў па меры сваіх сіл інтарэсы беларускага народа [12, с. 68]. Асноўныя палажэнні гэтага артыкула атрымалі пацвярджэнне і развіццё ў дапаможніку В. А. Круталевіча і І. А. Юху і ў майі артыкуле аб знешнепалітычнай дзейнасці БССР [4, с. 129; 6].

Пасля знаёмства з працамі І. А. Юху, якое адбылося ў сярэдзіне і другой палове 1990-х гг., надышла чарга асабістага знаёмства з вядомым прафесарам. Нагодай стала міжнародная навуковая канферэнцыя “Знешняя палітыка Беларусі ў гістарычнай перспектыве”, арганізаваная ў Мінску Цэнтрам міжнародных даследаванняў БДУ і Міжнародным адукацыйным цэнтрам у маі 2002 г. Будучы членам аргкамітэта, я персанальна запрасіў Іосіфа Аляксандравіча на канферэнцыю. Наша размова адбылася па тэлефоне і ён, выслушавшы мае аргументы, якія датычыліся блізкасці дысцыпліны “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі” з яго любімым курсам “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” і маіх спасылак на яго “Кароткі нарысы гісторыі дзяржавы і права Беларусі” і іншыя працы, адразу ж пагадзіўся выступіць. Прафесар выступіў на пленарным пасяджэнні з прывітальным словам і не даў тэкста, аб чым папярэдзіў загадзя, у матэрыялы канферэнцыі, якія выйшлі асобнай кнігай. Выслушавшы мой даклад “Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі як вучэбная і навуковая дысцыпліна” [9], ён у перапынку пасля пленарнага пасяджэння сказаў мне вельмі важныя слова. Іх сэнс заключаўся ў тым, што я адкрываю новы кірунак у гістарычных даследаваннях, значэнне якога будзе ўзрастаць. Звярнуўшы ўвагу на мой узрост (а я яшчэ не разменяў пяцідзесяткі), І. А. Юху сказаў, што я магу зрабіць яшчэ шмат у сваёй працы і шчыра пажадаў поспехаў на гэтым шляху. Я зразумела падзякаваў за яго ўдзел у канферэнцыі, добрыя слова пажадання на дарогу. На гэтым мы развіталіся, прафесар пакінуў канферэнцыю і мы больш не ўбачыліся. Значэнне нашай размовы да мяне дайшло пазней, калі даведаўся, як Іосіф Аляксандравіч адкрываў новую дысцыпліну на юрыдычным факультэце БДУ ў 1960-я гг. Можа гэта гучыць высокапарна, але я лічу, што ён перадаваў мне эстафету ў развіцці навуковых даследаванняў і распрацоўцы новых вучэбных курсаў у галіне юрыдычнай і гістарычнай навукі і на іх памежжы, якім з'яўляюцца дзяржаўна-прававая і знешнепалітычная гісторыя Беларусі.

Вучэбны курс «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі» я пачаў чытаць на Аддзяленні міжнародных адносін БДУ з верасня 1993 г., калі быў прыняты на працу на пасаду прафесара кафедры міжнародных адносін. Гэта была новая вучэбная і навуковая дысцыпліна ў навучальным працэсе вышэйшай школы і беларускай гістарычнай навуцы Беларусі. Адукацыйная, навуковая, грамадска-палітычная запатрабаванасць навучальнага курсу па знешнепалітычнай гісторыі Беларусі (гэты тэрмін аўтар ужывае як аналог назве «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі») была выклікана найважнейшай палітычнай падзеяй ў гісторыі Беларусі XX ст.: абвяшчэннем незалежнасці Беларусі. Як вядома, кафедра міжнародных адносін стваралася для падрыхтоўкі дыпламатаў для Міністэрства замежных спраў новай незалежнай дзяржавы. А беларускі дыпламат павінен быў ведаць гісторыю знешнепалітычнай дзейнасці і дыпламаты беларускіх дзяржаў. Таму гэта дысцыпліна становілася адной з асноўных вучэбных предметаў нашай кафедры.

Пры падрыхтоўцы падручніка (вучэбнага дапаможніка) па дысцыпліне важным вучэбна-метадычным і метадалагічным арыенцірам і пэўным узорам быў “Кароткі нарыс

гісторыі дзяржавы і права Беларусі” І. А. Юх. Зразумела, даваліся ў знакі значныя адрозненні нашых дысцыплін, што належалі да розных навук. Прафесар закончыў свой дапаможнік 1917 г., а я другую частку сваёй кнігі прысвяціў як раз перыяду 1918-1991 гг. [8]. Але бліжэйшай па духу і разуменню гістарычнай працы аб дзяржаўнасці Беларусі, чым “Кароткі нарыс”, у мяне не было. Таму я лічу І. А. Юх адным са сваіх настаўнікаў і натхняльнікаў у высокароднай і нялёгкай справе спасціжэння гістарычнай праўды нашай мінуўшчыны і яе перадачы новым пакаленням.

Традыцыі Іосіфа Аляксандравіча працягваюць яго калегі па кафедры і юрыдычнаму факультэту БДУ, беларускія даследчыкі гісторыі дзяржавы і права, палітычнай і прававой думкі, зневенапалітычнай гісторыі Беларусі. Яго вучаніца, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Таісія Іванаўна Доўнар, вядомая як аўтар класічных прац і вучэбных дапаможнікаў па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Сёння асноўнай задачай беларускіх гісторыкаў права яна лічыць паслядоўную і сістэматычную распрацоўку дзяржаўна-прававой гісторыі Беларусі з мэтай пераасэнвасавнія гістарычнай спадчыны і выпрацоўкі новых механізмаў удасканалення нацыянальнай дзяржаўнасці [2, с. 44]. Служэнню гэтай вялікай навуковай і адукацыйнай місіі прысвяціў сваё жыццё і прафесійную дзейнасць прафесар, педагог-настаўнік, грамадзянін і патрыёт Іосіф Аляксандравіч Юх.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах са старажытных часоў да нашых дзён: вучэб. дапам. Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. 320 с.
2. Довнар, Т. И. Белорусская государственность и историко-правовая наука // Беларусь-Китай: сб. науч. тр. Государство и право. 2009. Вып. 5. С. 7-44.
3. Доўнар, Т. І. Прыклад служэння навуцы, праву і Айчыне // Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юх: да 90-годдзя з дня нараджэння: [зборнік / рэдкалегія: С. А. Балашэнка і інш.]. Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2011. С. 21-25.
4. Круталевіч, В. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917—1945 гг.): вучэб дапам. для студ. юрыд. і гіст. спец. ВНУ / В. А. Круталевіч, Я. А. Юх. 2-е выд. Мінск, Беларуская навука, 2000. 237 с.
5. Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юх: да 90-годдзя з дня нараджэння: [зборнік / рэдкалегія: С. А. Балашэнка і інш.]. Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2011. 175 с.
6. Снапкоўскі, У. Е. Зневенапалітычнай дзейнасць Беларускай ССР (1919—1929 гг.) // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 28—41.
7. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя зневенай палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачатка дзяржаўнасці да канца ХVIII ст. / У. Е. Снапкоўскі. Мінск: БДУ, 2003. 281 с.
8. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя зневенай палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку ХХI ст. Мінск: БДУ, 2004. 303 с.
9. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя зневенай палітыкі Беларусі як вучэбная і навуковая дысцыпліна // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: материалы междунар. науч. конф., 24—25 мая 2002 г. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2002. С. 224—235.
10. Юх, І. А. Гісторыя дзяржавы і права Рэспублікі Беларусь: паслякастрычніцкі перыяд: вучэб. дапам. Мінск : НА ТАА “БІП-С”, 2004. 138 с.
11. Юх, Я. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск: Беларусь, 1991. 238 с.
12. Юх, Я. Беларускія ўрады 1918-1921 гг. і іх паўнамоцтвы // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С. 63-68.
13. Юх, Я. Вытокі дзяржаўнага права Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2001. № 3. С. 3-13.
14. Юх, Я. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэд. кал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 1996. Т. 3: Гімназія-Кадэнцыя. С. 37-37.

15. Юхो, Я. Документы полацкага феадальнаага права // Помінкі гісторыі і культуры Беларусі. 1983. № 2. С. 28—32.
16. Юхо, Я. Канцэпцыі фарміравання Вялікага княства Літоўскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. №9. С. 10—12.
17. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучб. дапам. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 270 с.
18. Юхо, Я. Міжнародныя дагаворы сярэдневяковай Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. 2004. № 11. С. 3—10.
19. Юхо, Я. Уніі Вялікага княства Літоўскага з Польшчай // Полымя. 1972. № 1. С. 207-226.

ТРИ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРОВ ПРАВА БГУ 1920-Х ГОДОВ: Н. Н. КРАВЧЕНКО, Б. В. ЧРЕДИН, В. Н. ШИРЯЕВ

К. Л. Томашевский

*профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин образовательного учреждения Федерации профсоюзов Беларуси “Международный университет “MITSO”, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор, Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
k_tomashevski@tut. by*

В статье на основе архивных и опубликованных исторических материалов представлены три научно-педагогические биографии профессоров Н. Н. Кравченко, Б. В. Чредина и В. Н. Ширяева, которые преподавали правовые дисциплины в 1920-е гг. в недавно учрежденном Белорусском государственном университете. Приводятся некоторые ранее не публиковавшиеся архивные данные и малоизвестные страницы их научной карьеры, а также их основные научные труды.

Ключевые слова: Н. Н. Кравченко; Б. В. Чредин; В. Н. Ширяев; профессор; БГУ.

THREE BIOGRAPHIES OF BSU LAW PROFESSORS OF THE 1920S: KRAVCHENKO N. N., CHREDIN B. V. AND SHIRYAEV V. N.

K. L. Tomashevsky

*Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Educational Institution of the Federation of Trade Unions of Belarus International University MITSO, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
k_tomashevski@tut. by*

The article based on archival and published historical materials, the article presents three scientific and pedagogical biographies of professors N. N. Kravchenko, B. V. Chredin and V. N. Shiryaev, who taught legal disciplines in the 1920s at the newly established Belarusian State University. Some previously unpublished archival data and little-known pages of their scientific career, as well as their main scientific works, are given.

Key words: N. N. Kravchenko; V. B. Chredin; V. N. Shiryaev; Professor; BSU.

В настоящем докладе, подготовленном к конференции, посвященной 100-летию профессора И. А. Юхо, чьи лекции по истории государства и права Беларуси были проникнуты идеями истинного патриотизма, мы коснемся кратких биографий трех профессоров Белорусского государственного университета (далее – БГУ): Н. Н. Кравченко, Б. В. Чредина и В. Н. Ширяева. Они преподавали в 1920-х годах, т. е. после образования БГУ, который отмечает в 2021 г. свое 100-летие. Их жизненные пути, начавшиеся в дореволюционный период – пример служения юриспруденции и яркий образец для нового поколения юристов современной Беларуси.

Кравченко Николай Николаевич (1880–1955)

Родился Николай 30. 10. 1880 г. в г. Могилеве в семье потомственных дворян. Отец его работал преподавателем; среднее образование получил в гимназии родного города (1891–1899 г.), по окончании которой поступил в Новороссийский университет (г. Одесса) на юридический факультет, одновременно проходя и курс исторического отделения историко-филологического факультета (1899–1903 гг.). В университете с особым увлечением и интересом занимался государственными науками. Окончив в 1903 г. университет с дипломом 1 степени и золотой медалью за сочинение «Иностранные в России», был оставлен по кафедре международного права для приготовления к профессорскому званию. В 1906–1907 г. выдержал установленные магистерские испытания и, после прочтения в том же году двух пробных лекций, избирается приват-доцентом. С 1907–1908 учеб. года начал преподавательскую деятельность в Новороссийском университете [4].

Затем с осени 1908 г. провел около трех лет в заграничных научных командировках (в Берлине, Базеле, Берне, Риме, большую же часть в Париже), завершая свою научную подготовку, занимаясь ознакомлением с общей постановкой преподавания за границей юридико-политических наук и работал также над диссертацией.

К началу 1912–1913 г. Н. Н. Кравченко занял, согласно избранию, кафедру международного права в Томском университете – первоначально в качестве приват-доцента (фактически был единственным представителем этой кафедры), а после успешной защиты магистерской диссертации – ординарного профессора (с 20.08.1913 г.).

Тема магистерской диссертации: «Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.» (Томск, 1913). Н. Н. Кравченко написал ряд статей на русском и французском языках. Они касались тем кодификации международного права, Гаагской конференции мира 1899 г. и мирных средств решения международных споров, вопросов права войны.

Осенью 1917 г., избранный на кафедру международного права Казанского университета, Н. Н. Кравченко переехал в г. Казань. С 25. 09. 1918 г. до середины февраля 1919 г. был деканом юридического факультета. Затем после преобразования юридического факультета Казанского Университета в факультет общественных наук стал деканом этого факультета и занимал эту должность до весны 1921 г., когда вследствие нездоровья, сложил с себя деканские полномочия. Профессором же Казанского Университета оставался до последнего, т. е. до последовавшего осенью 1922 г. закрытия в данного Университете факультета общественных наук.

В 1923 г. Н. Н. Кравченко получил от Научно-политической секции ГУС предложение занять кафедру международного права в Саратовском государственном университете и был туда избран. Тогда же состоялось приглашение его и в Минск – в БГУ на одноименную кафедру. Благодаря интенсивности преподавания (в удвоенном количестве часов) подобное совместительство оказывается возможным без ущерба академическому делу и с 1923 г. профессорская работа Н. Н. Кравченко протекает, таким образом, в обоих названных университетах. С ликвидацией осенью 1925 г. факультета общественных наук в Минске и открытия взамен факультета хозяйства и права первоначально в составе только 1 курса кафедра международного права (приуроченная к 3 курсу) была расформирована и связь Н. Н. Кравченко с БГУ прервалась до 1927 г. Постановлением Народного Комиссариата Образования по представлению Правления БГУ Н. Н. Кравченко был утвержден на должности профессора кафедры международного права БГУ с 01. 11. 1927 г. сроком на 7 лет. Причем в 1927/1928 уч. году он руководил в БГУ пятью темами дипломных работ, связанными с трудовым правом, что выяснил В. И. Кривой [3, с. 292-293].

Помимо преподавания курса международного права он читал и некоторые другие дисциплины: общую теорию государства и права, историю политической мысли,

государственное право (русское и иностранное), международные экономические отношения и трудовое право [3, с. 270-272].

Преподавание Н. Н. Кравченко в БГУ прослеживается с 1923 по 1929 гг. Его научные публикации преимущественно были по вопросам международного права, в том числе международного трудового права.

Его основными трудами являются: Альберт де-Мен, как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих (журнал «Право» за 1914 г.); Памяти Эд. Вальяна, как одного из сторонников международного рабочего права (журнал «Право» за 1916 г.) и др.

Чредин Борис Васильевич (1885–1930)

Родился 10. 06. 1885 г. в г. Москве в семье присяжного поверенного Московской судебной палаты, там же окончил первую мужскую гимназию, затем юридический факультет Московского университета в 1908 г., был удостоен диплома первой степени и работал помощником присяжного поверенного. В 1910–1912 гг. преподавал законоведение в ряде мужских гимназий г. Москвы. В 1913 г. сдал экзамен на звание магистра римского права в Варшавском университете. В 1914 г. избирался приват-доцентом по кафедре гражданского процесса Демидовского юридического лицея (г. Ярославль), где преподавал курсы гражданского процесса, гражданского права и институции римского частного права [1, с. 71-72].

В 1915 г. временно вернулся в Варшаву, где продолжил преподавание в Варшавском университете и Высшей женской гимназии. Летом 1915 г. в связи с военными действиями на территории Польши в рамках Первой Мировой войны был вместе с университетом эвакуирован в Ростов-на-Дону. В 1917 г. был избран по должности профессора. После установления советской власти Б. В. Чредин переехал в Москву и стал преподавать в МГУ. В ноябре 1918 г. был избран Советом Демидовского юридического лицея профессором по кафедре римского права. После реорганизации демидовского юридического лицея в Ярославский государственный университет занимал должность профессора кафедры истории государства и права, читал лекции и по дисциплинам других кафедры, в частности: историю институтов частного права, учение об основных экономических правах, спецкурсы по судебному праву и гражданскому процессу. С 1919 по 1923 гг. Б. В. Чредин был деканом экономического отделения факультета общественных наук Ярославского государственного университета.

Правлением БГУ 09. 02. 1923 г. был утвержден профессором по кафедре истории институтов частного права, а 23. 02. 1923 г. главным научным советом Наркомобразования данное решение было подтверждено.

В марте 1925 г. Б. В. Чредин направлялся из г. Ярославля в г. Минск для чтения лекций в БГУ. С 18. 12. 1925 по 15. 02. 1926 г. был командирован в Москву и Ярославль с научной целью. Такие же командировки были оформлены с 09. 04. 1926 по 15. 09. 1926 г. и с 30. 10. 1926 г. по 10. 02. 1927 г., с 29. 03. 1927 по 15. 09. 1927 г.

До 1930 г. Б. В. Чредин преподавал в БГУ историю институтов частного права, римское, гражданское, промышленно-торговое право. Совместно с профессором М. О. Гредингером разработал первую программу для аспирантов кафедры гражданского права БГУ. Он был членом Общества истории, философии и права Варшавского университета, Минского научного общества, автором более 15 научных работ [5].

Его основными трудами являются: Суд и жизнь. Ярославль, 1914; Всемирное и вечное владычество Древнего Рима. Ростов-на-Дону, 1916; К вопросу об индивидуализации права. Харьков, 1916.

Ширяев Валерьян Николаевич (1872–1937)

Родился Валерьян 15. 04. 1872 г. в г. Ярославле. По окончании гимназии и Демидовского юридического лицея в г. Ярославле со степенью кандидата юридических

наук и награждением серебряной медалью, работал под руководством проф. Петроградского университета Н. Д. Сергиевского и М. Я. Файницкого. В 1899–1900 гг. находился в заграничной командировке, в течение которой слушал лекции и работал в криминалистической семинарии проф. Ф. Ф. Листа в г. Берлине.

В 1902 г. выдержал испытание на степень магистра уголовного права и получил право преподавания в звании приват-доцента. В 1904 г. вступил в состав приват-доцентов Демидовского юридического лицея в г. Ярославле.

В 1910 г. защитил диссертацию на степень магистра уголовного права под заглавием: «Религиозные преступления. Историко-догматические очерки» (422 стр. 1909 г.) в Петроградском университете. В том же году избран экстраординарным, а в 1916 г. – ординарным профессором по кафедре уголовного права. В 1916 г. был избран ординарным профессором по кафедре уголовного права Казанского университета. С 1917 по 1918 гг. преподавал в МГУ [2, с. 217].

В 1917 г. в Юрьевском (Дерпском) университете В. Н. Ширяев защитил докторскую диссертацию на тему: «Взяточничество и лиходатальство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование» (570 стр.). В том же году вернулся в Демидовский юридический лицей в качестве его профессора и директора согласно избранию Совета Лицея. После преобразования Лицея в Ярославский университет состоял профессором по кафедре уголовного права, возглавляя деканат юридического отделения ФОН, занимая до 1922 г. должность ректора университета, а затем должность члена Правления, заведующего научно-учебной частью до закрытия университета 01. 10. 1924 г. Он боролся за сохранение Ярославского университета, был его патриотом [1, с. 73].

25. 05. 1923 г. Ширяев В. Н. утвержден в должности профессора БГУ по кафедре уголовного права. 30. 11. 1925 г. В. Н. Ширяеву сообщили, что он утвержден во вновь открываемом Факультете хозяйства и права БГУ в должности профессора по кафедре истории русского права. В период с 1925 по 1928 г. неоднократно направлялся в научные командировки в г. Москву и г. Ярославль.

Ширяев В. Н. владел шестью иностранными языками, в т. ч. латинским, греческим, немецким, французским, английским. Он специализировался в уголовном праве и процессе, а также был специалистом по истории русского права. Помимо вышеуказанных двух диссертаций Ширяевым В. Н. было опубликовано более 14 крупных научных работ.

В 1937 г. Ширяев В. Н. был арестован, репрессирован и расстрелян [6].

Его основными трудами являются: Уголовное законодательство Японии (Журнал Министерства юстиции, 1900 г.), Врачебная деятельность и уголовное право (Журнал Министерства юстиции, 1906 г.), К вопросу о рецидиве (Журнал Министерства юстиции, 1903 г.), Историческое изучение права, 1904 г.; Дисциплинарная ответственность служащих. М., 1926 и др.

Библиографические ссылки

1. Лушников, А. М. Трудовое право и гражданское право: жизнь и научное наследие Н. Л. Дювернуа, В. М. Гордона, Б. В. Чредина и А. В. Венедиктова // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2006. Вып. 1. С. 96–101.
2. Гущина, Е. В. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль, Рыбинск: Рыбинск. дом печати, 2008. 253 с.
3. Кривой, В. И. Профессор-доктор Н. Н. Кравченко – первый преподаватель международного и трудового права в БГУ. Минск: Кнігазбор, 2020. С. 264–321.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. №4115.
5. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. №8977.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Ед. хр. №9256.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е. А. Фролова

профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, 119991, г.
Москва, Российская Федерация,
Frolova.msu@mail.ru

В статье рассматриваются методологические проблемы фундаментальной юриспруденции: соотношение теории государства и права, философии права, истории политических и правовых учений. Отстаивается диалогический характер философии права. Утверждается приоритет теоретико-правовой науки в формировании юридического мышления и повышении правового сознания.

Ключевые слова: методология юридической науки; теория и философия права.

THEORETICAL AND LEGAL SCIENCE: HISTORY, CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Е. А. Fralova

Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Moscow State
University. M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, Moscow, Russia,
Frolova.msu@mail.ru

The article examines the methodological problems of fundamental jurisprudence: the relationship between the theory of state and law, philosophy of law, history of political and legal doctrines. The dialogical nature of the philosophy of law is defended. The priority of theoretical and legal science in the formation of legal thinking and increasing legal consciousness is affirmed.

Keywords: methodology of legal science; theory and philosophy of law.

Историко-теоретические (фундаментальные) науки о праве и государстве (теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений, философия права, социология права) формируют юридическое мышление. Уже по одной этой причине к ним не ослабевает интерес. Современные авторы уделяют большое внимание исследованию их содержания, соотношению с отраслевыми юридическими науками, а также между собой [2; 3; 6; 7]. Отношение к назначению фундаментальных юридических наук на протяжении истории нашего государства не оставалось неизменным. Споры о соотношении предметов и методов теоретико-правовых наук идут давно и не без оснований, что проявлялось, в том числе, и в изменениях названий учебных курсов этих дисциплин. Так, история политических и правовых учений в разные исторические времена называлась: «История философии законодательства» (курс К. А. Неволина), в соответствии с пятитомным курсом Б. Н. Чичерина – «История политических учений», позднее – «История философии права» (П. Г. Редкин, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич), «История общих учений о праве и государстве» (курс лекций А. Н. Фатеева), в советский период: «История политических учений», «История учений о праве и государстве», «История политических и правовых учений».

В советское время проблемы теории государства и права и философии права ни методологически, ни содержательно не разделялись. В этот период теория государства и права представляла собой нерасчлененный материал по философии права, социологии права, теории государства и права. Такое соединение было предопределено запросом со

стороны государства на идеологическое единство и возводилось к достижениям социалистической науки. Развитие юридической науки и образования в послевоенное время во многом было обусловлено постановлением ЦК ВКП (б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». В постановлении отмечались недостатки, которые были обнаружены в подготовке правоведов в довоенное время – плохое качество специалистов, запущенность научной работы в области юриспруденции. За последнее время, как замечалось в постановлении, не подготовлено серьезных научных работ по юриспруденции, не издавались учебники по важнейшим юридическим наукам – теории государства и права, советскому государственному праву, истории политических и правовых учений и др. В связи с этим было рекомендовано, в том числе, пересмотреть учебные планы, издать новые учебники по юридическим дисциплинам, улучшить научную работу. Разнообразие правовых школ в научной и учебной литературе объявлялось уделом буржуазной науки государства и права. Единение на идеологическом фронте требовало методологического монизма. Плюралистический подход исследования доктрина выглядел излишним для советской системы образования – в условиях единственно верного учения о государстве и праве все иные точки зрения признавались субъективными, ненаучными, результатом антиисторического измышления.

В постсоветский период отношение к социальным наукам меняется. На рубеже XX-XXI вв. в юриспруденции происходят существенные изменения в исследовании государства и права: в условиях деидеологизации признается, что методы познания, которыми оперируют правовые школы, могут быть различны и даже исключать друг друга. Обращается внимание на то, что методология задает угол зрения, под которым исследователь оценивает право, а поскольку эти методы противоположны или, как минимум, плохо совместимы, разные взгляды на сущность права и государства есть объективная реальность. Следствием плюралистического подхода к изучению правового феномена выступила необходимость разграничения смежных наук историко-теоретического цикла. Кроме того, в современных условиях издается большое количество научной литературы, в частности, работы дореволюционных юристов и философов права, которые были сложно доступны в советское время (Б. Н. Чичерин, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич и др.), обращение к текстам которых поднимает общий уровень исследований права и государства.

Соотношение наук теории государства и права, философии права, истории политических и правовых учений видится специалистами по-разному. Большинство юристов исходит из того, что наука теории права (общая теория права, теория государства и права) исследует право как систему общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством и охраняемых от нарушений мерами государственного принуждения. Предмет изучения теории права основывается на достижениях концепции юридического позитивизма и его основная цель – создание юридического понятийно-категориального аппарата на основе обобщения политической и правовой действительности. Теория государства и права ставит перед собой задачу создать логически законченную систему правовых понятий, построить конструкции правовых институтов, свести отдельные правовые положения к общим понятиям и выявить вытекающие из этих понятий логические следствия. Это есть, если отвлечься от момента исследования норм действующего права, чисто логическая работа мысли, для выполнения которой нет другого средства, кроме формальной логики. В результате такой обработки норм положительного права разрозненный эмпирический материал выстраивается в целостную систему, в которой связи между элементами установлены, противоречия устраниены, общие принципы найдены и из них извлечены частные их применения [1, с. 21]. Иными словами, общая теория права по своей сути положительна. На этот важный в методологическом и в содержательном плане аспект науки теории

права обращали внимания русские правоведы более ста лет назад: «То направление науки, которое называется общей теорией права, может быть охарактеризовано как позитивизм» [4, с. 5-7]. Современные авторы справедливо полагают, что идеологическая составляющая теории государства и права, вполне понятная для советского этапа развития нашей государственности, не должна определять ее содержание. Общая теория права, в отличие от философии права, выражает содержание права в системе юридически четких понятий формально-догматической юриспруденции (норма права, правовое отношение, юридическая ответственность, юридический факт и др.). Теория права исследует понятия, лежащие в основании положительного права разных стран, времен, народов, выявляя тем самым закономерности политico-правовой действительности и обобщая их, создавая методологию исследования права.

Юристы всех времен, школ и направлений сходятся в том, что право – очень сложное и по содержанию, и по формам проявления, и по идеологическим ориентирам (идеалам) социальное явление. Рассматривать данный феномен только лишь в ракурсе науки общей теории права явно недостаточно – постижение правовых основ предполагает исследование исторического развития и философского бытия права. Содержание фундаментальных юридических наук предполагает разные методологические основы – историзм, рационализм, социологию, психологию и др.

В методологическом плане важно разграничивать философию права, теорию права, историю политических и правовых учений. Проблему соотношения данных наук разрабатывали многие мыслители в разные исторические периоды, однако и к настоящему времени не сложилось единого понимания их предметов и методов исследования. Справедливо утверждается, что предмет исследования философии права по сравнению с теорией более широк и абстрактен – это учения о предельных основаниях права, его сущности, качественных отличиях от иных социальных норм, основах бытия права с позиции истории и социально-философского познания. Например, Л. И. Петражицкий считал, что философия права включает в себя теорию права,teleологию, политику права. По его мнению, параллельно с позитивно-догматической юриспруденцией в XVII-XVIII вв. развивалась и разрабатывалась, главным образом философами и в связи с философией, особая наука, «посвященная разработке начал естественного права под именем «философии права» или «естественного права»» [5, с. 474].

Различия философии права, теории государства и права, истории политических и правовых учений проявляются в следующем. Философия права ставит задачу познания идеального права; предметом теории является право как социальное явление (существующее реально, без учета ценностных ориентиров). Суждения философов права в качестве регулятивных идей адресуются законодателю с обоснованием необходимости проведения государственных реформ и разъяснением тенденций развития самого права. Предписания теории права обращены в основном к правоприменительным органам государства, от которых зависит процесс реализации права. Теория права систематизирует основные понятия юриспруденции, используя формально-логический метод, а философия права работает главным образом с метаюридическими понятиями.

Наука истории политических и правовых учений отражает в понятиях теории права и государства меняющиеся исторические условия и идеалы различных социальных групп. Предмет этой науки образуют концепции, содержащие решения наиболее общих и значимых проблем государства и права разных эпох у различных народов (происхождение государства и права, их соотношение с обществом и личностью, проблемы форм государства, форм (источников) права, задач и методов политической деятельности и др.).

Историю политических и правовых учений справедливо называют историей теории государства и права. Однако в отличие от истории политических и правовых учений теория государства и права - наука объяснительная. Ее цель - на основе обобщения большого массива исторического материала, правоприменительной практики разных

времен и народов создавать понятия, давать их систематизацию, предлагать критерии классификации различных категорий права и государства. Поэтому теорию государства и права можно считать не только (и не столько) классификационной и описательной наукой, а систематической. Этим объясняется значение теории государства и права как методологической основы для отраслевых юридических наук. История политических и правовых учений относится к описательным и классификационным наукам; она предоставляет фактический материал и задает своеобразный масштаб для исследований и оценок в рамках теории государства и права, философии права, социологии права.

Теоретико-правовые дисциплины справедливо относят к фундаментальным юридическим наукам – они позволяют глубже понять связь права с другими социальными регуляторами, уяснить, что знание правового феномена должно основываться не только (и не столько) на детальном запоминании многочисленных фактов, но, главным образом, на выработке собственного профессионального отношения к действующему праву и правовому порядку с учетом разных возможностей и желательных перспектив его развития.

Библиографические ссылки

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999.
2. Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия и юридическая наука. М., 2019;
3. Захарцев С. И., Сальников В. П. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.
4. Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1917.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. т. 2.
6. Философия права. Словарь / Общ. ред. и сост. В. Н. Жуков. М., 2020.
7. Фролова Е. А. Рациональные основания права: классика и современность. М., 2020.
8. Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. М., 2020.

РАЗВІЦЦЁ АЙЧЫННАЙ КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ

C. A. Гур'еў

дацэнт кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных наукаў, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, raramfor@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца прычыны згортвання крымінальна-прававых даследаванняў у Беларускай ССР у канцы 1930-х – пачатку 1940-х гг., а таксама асноўныя этапы адраджэння і развіцця айчыннай навуковай школы крымінальнага права ў другой палове XX стагоддзя. Пералічаны асноўныя фактары, якія ўпłyвалі на навуковыя працэсы. Акцэнтуецца ўвага на ўнёску ў даследаванні гісторыкаў крымінальнага права.

Ключавыя слова: навука крымінальнага права; гісторыя права.

THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN CRIMINAL LAW SCIENCE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

S. A. Guryev

Associate Professor of the Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus raramfor@gmail.com

In the article are considered the reasons for the curtailment of the research of criminal law in the Byelorussian SSR in the late 1930s - early 1940s, as well as the main stages of the revival and development of the national scientific school of criminal law in the second half of the 20th century. The main factors that influenced the scientific process are listed. Special attention is paid to the contribution to the research of historians of criminal law.

Key words: science of criminal law; history of law.

На змену значнаму росквіту беларускай савецкай крымінальна-прававой навукі і заканадаўства, які адбываўся пачынаючы з 1920-х гг., у перадваенны і асабліва ваенны перыяд прыйшоў пэўны заняпад у дадзенай сферы [2-4].

Наступствамі ідэалагічнага дагматызму ў савецкай навуцы 1930-х гг., які суправаджаўся палітычнымі рэпрэсіямі ў адносінах да айчынных навукоўцаў-прававедаў (У. І. Пічэта, Г. Е. Парэчын, Н. М. Гуткоўскі, В. Д. Дружчыц і інш.), а таксама стратаў, панесеных навукай і адукацыяй у перыяд Вялікай Айчыннай вайны, сталіся практычна поўнае зруйнаванне айчыннай школы крымінальнага права, яе матэрыяльна-тэхнічнай і ў пэўнай ступені кадравай асновы, адбылося амаль поўнае згортванне якіх-небудзь маштабных навуковых даследаванняў.

Акрамя таго, тагачасная цэнтралізацыя крымінальнага заканадаўства, якая выявілася ў прыняці ўніверсальнага агульнасаюзных крымінальных законаў і падрыхтоўцы праекту агульнасаюзнага крымінальнага кодэкса, прывяла да змяншэння неабходнасці ўласных крымінальна-прававых даследаванняў у саюзных рэспубліках, у тым ліку Беларускай ССР.

Тым не менш, да другой паловы XX стагоддзя большасць згаданых акалічнасцяў была пераадолена і ў Беларускай ССР была створана ізноў уласная крымінальна-прававая школа. Мы кажам аб “новым нараджэнні” дадзенай з’явы менавіта зважаючы на апісане фактычна поўнае зруйнаванне даваенай разглядаемай навуковай школы і звязанае з гэтым парушэнне ў пераемнасці навуковых даследаванняў.

Па-першае, Мінскі юрыдычны інстытут, які аднавіў сваю працу ў жніўні 1944 г. ужо ў 1954 г. быў ператвораны ў юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [1, с. 4]. Некалькі пазней (1 сакавіка 1965 г.) у выніку рэарганізацыі ў БДУ у якасці самастойнага навуковага і вучэбна-метадычнага падраздзялення была створана кафедра крымінальнага права.

Па-другое, у гэты перыяд саюзныя рэспублікі пасля меўшага месца перарыву пачалі зноў надзяляцца заканадаўчай камітэтэнцый па распрацоўцы ўласнага крымінальнага заканадаўства, што пабудзіла айчынных навукоўцаў (І. І. Гарэлік, М. М. Меркушаў, І. С. Цішкевіч, В. А. Шкурко, П. К. Еўдакімаў, Е. В. Кічыгіна, Я. А. Мацвіенка, С. П. Маргунскі і інш.) актыўна заняцца распрацоўкай пытанняў Агульнай і Асаблівой частак крымінальнага права. У сукупнасці згаданыя фактары зрабілі магчымым прыняцце Беларускай ССР уласнага Крымінальнага кодэкса (КК) 1960 г., які меў пэўныя адрозненні ад адпаведных законаў іншых саюзных рэспублік і па некаторых аспектах пераўзыходзіў іх у сваёй тэарэтычнай распрацаванасці.

Па-трэцяе, з канца 1950-х гг. актыўнымі крымінальна-прававымі даследаваннямі занялося Міністэрства юстыцыі БССР, а пасля яго ліквідацыі ў 1960 г. – Юрыдычнай камісіі пры Саўміне БССР, асноўнай задачай якой з’яўлялася кадыфікацыя і сістэматызацыя заканадаўства, разгляд законапраектаў. Прычым варта адзначыць, што Юрыдычнай камісіі шчыльна ўзаемадзейнічала з айчыннымі навукоўцамі ў сваёй працы [5].

Прыняцце КК БССР 1960 г., тэрмін дзеяння якога стаў самым працяглым сярод беларускіх савецкіх крымінальных законаў, прывяло да патрэбы ў далейшых даследаваннях асноўных крымінальна-прававых інститутаў і нормаў. Ужо ў 1963 г. групай вядучых выкладчыкаў крымінальнага права БДУ (І. І. Гарэлік, М. М. Меркушаў, І. С. Цішкевіч, В. А. Шкурко, С. Т. Шардыка, Г. Ф. Басава і інш.) быў падрыхтаваны каментарый да КК [6].

У 1960–80-я гг. беларускія навукоўцы актыўна займаліся даследаваннямі найбольш важных пытанняў крымінальна-прававой галіны, такіх як падставы крымінальнай адказнасці, тэарэтычныя праблемы вызначэння злачынства і прычыны злачыннасці, віна і яе формы, матывы злачынных паводзін, крытэрыі адрознення злачынных і незлачынных паводзін, саўдзел, тэарэтычныя асновы кваліфікацыі злачынстваў, множнасць злачынстваў і яе формы, пакаранне і інш. Прадпрымаліся спробы выяўляць заканамернасці функцыяновання крымінальнага права ў барацьбе са злачыннасцю, прычыны і ўмовы, якія параджаюць злачыннасць, распрацоўваліся навуковыя рэкамендацыі па ўдасканаленні дзеючага крымінальнага заканадаўства і практыкі яго прыменення [4, с. 100].

Акрамя ўжо згаданых навукоўцаў, значныя навуковыя распрацоўкі ў адзначаны перыяд існавання Беларускай ССР ажыццяўлі С. Т. Шардыка, Л. В. Багрый-Шахматаў, Э. А. Саркісава, А. В. Садоўскі, П. А. Дубавец, В. С. Шыкуноў, А. У. Баркоў, І. А. Грунтоў, В. М. Хоміч, М. М. Бажанаў, А. А. Прымачонак, Н. А. Бабій, Р. З. Мархасеў, В. Т. Калмыкаў, Г. А. Шумак і інш.

Нягледзячы на тое, што беларускім навукоўцамі ажыццяўляліся спробы пераадолення дагматычных метадаў даследавання, у навуцы 1950-1980-х гг. піранейшаму дамінаваў класава-партыйны падыход з харктэрнымі спробамі паказваць перавагі савецкай крымінальна-прававой палітыкі над іншымі. Толькі з абавязчэннем незалежнасці Рэспублікі Беларусь сталі магчымымі аб'ектыўныя навуковыя даследаванні ў галіне крымінальнага права.

Асноўныя крымінальна-прававыя распрацоўкі 1990-х гг., звязаныя з пабудовай уласнай беларускай прававой сістэмы і пераходам да незалежнай і дэмакратычнай дзяржаўнай крымінальна-прававой палітыкі, значным вынікам чаго з'явілася распрацоўка і прыняцце КК Рэспублікі Беларусь 1999 г., над канцэпцыямі якога працавалі А. У. Баркоў, І. І. Гарэлік, І. С. Цішкевіч, В. А. Шкурко, Н. А. Бабій, І. А. Грунтоў, П. А. Дубавец, У. М. Хоміч, В. В. Марчук, Ю. Л. Шаўцоў і інш.

Разглядаючы пытанне развіцця айчыннай крымінальна-прававой навукі нельга абысці ўвагай даследаванні гісторыі крымінальнага права, асабліва шмат якіх было ажыццёўлена з набыццём незалежнасці Рэспублікай Беларусь. У кнігах беларускіх гісторыкаў права (А. Ф. Вішнеўскага, Т. І. Доўнар, В. А. Круталевіча, С. Ф. Сокала, М. У. Сільчанкі, В. А. Шаўкапляс, Я. А. Юхі і інш.) пачалі разглядацца пытанні развіцця дзяржаўнасці і права Беларусі [1, с. 7-8].

Я. А. Юхі, Т. І. Доўнар, Л. В. Паўлава і інш. удзельнічалі ў перавыданні Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г., у якім змяшчаліся, ў тым ліку, крымінальна-прававыя палажэнні.

Асабліва варта адзначыць унёсак у развіццё гісторыі айчыннага права, у тым ліку крымінальнага, выбітнага навукоўцы Я. А. Юхі, які стаў заснавальнікам навуковай гісторыка-прававой школы Беларусі і якому належыць такія працы, як “Крыніцы беларуска-літоўскага права” (Мінск, 1991), “Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі” (Мінск, 1992), “Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі” (Мінск, 1999 г.), “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” (Мінск, 2000) і інш.

Такім чынам, у другой палове XX стагоддзя адбылося адраджэнне беларускай савецкай навуковай школы крымінальнага права. Нягледзячы на аб'ектыўныя цяжкасці, з якімі давялося сутыкнуцца айчыннай юрыспрудэнцыі, крымінальна-прававыя даследаванні ў разглядаемы перыяд ажыццяўляліся на высокім навуковым узроўні і з набыццём Рэспублікай Беларусь незалежнасці назапасілі канцэптуальныя і практычныя асновы для пабудовы сучаснага беларускага крымінальнага права і дзяржаўнай крымінальна-прававой палітыкі.

Бібліографічна спасылкі

1. Доўнар, Т. І. Зараджэнне айчыннай гісторыка-прававой навукі і яе развіццё ў Беларускім дзяржаўным універсітэце // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філософія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 3. С. 3–9.
2. Гур'еў, С. А. Першы Крымінальны кодэкс Беларускай ССР: аналіз і харкторыстыка асноўных прававых тэорый і палажэнняў // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філософія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2010. № 3. С. 82–85.
3. Гур'еў, С. А. Развіццё крымінальнага права Беларускай ССР пасля прыняцця Крымінальнага кодэкса 1928 года // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філософія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2012. № 1. С. 85–89.
4. Гур'еў, С. А. Тэндэнцыі станаўлення і развіцця беларускага крымінальнага права ў 1920–80-я гг. // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2015. № 3. С. 97–101.
5. Протоколы заседания юридической комиссии при Совмине БССР (1961 г.) // НАРБ. – Ф. 1271. Юридическая комиссия при Совете Министров БССР. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 24–25.
6. Уголовный кодекс Белорусской ССР : комментарий / И. И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. С. Т. Шардыко, Г. Ф. Басова. Минск : Гос. изд-во Белорус. ССР, 1963. 278 с.

ИНСТИТУТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVI ВЕКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА И. А. ЮХО

С. Г. Ковалёва

*доцент кафедры истории и теории государства и права Черноморского национального университета имени Петра Могилы, кандидат юридических наук, доцент,
Черноморский национальный университет имени Петра Могилы, ул. 68 Десантников, 10, 54000,
г. Николаев, Украина,
svetkovaleva0902@gmail.com*

В статье рассматривается вклад профессора И. А. Юхо в исследование института преступления в правовой системе Великой княжества Литовского в XVI в. Выявлены многие аспекты такого института, а также эволюция методологических и мировоззренческих позиций. Показана роль И. А. Юхо как основоположника белорусского советского и постсоветского ученого.

Ключевые слова: литовско-русское право; уголовное право; история права; научное наследие И. А. Юхо; институт преступления.

THE INSTITUTE OF CRIME IN THE LEGAL SYSTEM OF GREAT DUCHESS OF LITHUANIA (XVI CENTURY) IN PROFESSOR J. A. JUKHO'S SCIENTIFIC HEREDITY

S. G. Kovaleva

*Associate Professor of the Department of History and Theory of State and Law of the Black Sea University of Peter the Great, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Petro Mohyla Black Sea National University, 10, 68 Paratroopers Str., 54000, Nikolaev, Ukraine,
svetkovaleva0902@gmail.com*

This article deals with the contribution of professor J. A. Jukho in the investigation of the institute of crime in the legal system of the Great Duchess of Lithuania in XVI century. Lots of aspects of this institute studied by the scientist is revealed as well as the evolution of his methodological and worldview positions. J. A. Jukho's role as the founder of Belarusian Soviet and post-Soviet Lithuanistic studies is shown.

Key words: Lithuanian-Russian law; criminal law; legal history; scientific heredity of J. A. Jukho; the institute of crime.

В классическом наследии белорусской историко-правовой науки одно из наипочётнейших мест принадлежит Иосифу Александровичу Юхо. Научные интересы

профессора охватывали широкий круг вопросов истории белорусского и зарубежного государства и права на разных этапах их развития; исследовательский талант, энциклопедические знания и творческая энергия учёного немало способствовали созданию целостной концепции истории белорусской государственности и права. Профессора И. А. Юху интересовали в первую очередь те этапы бытия отечественного права, когда оно развивалось особенно интенсивно, совершая переход на качественно иной уровень. Одним из таких периодов учёный справедливо считал XVI век, когда белорусские земли вместе с украинскими пребывали в составе Великого княжества Литовского, определяя характер и направленность его государственности и правовой системы, вследствие чего оно по сути стало Литовско-Русским государством. Как следствие, львиная доля научных работ профессора была посвящена вопросам права и государства Великого княжества Литовского, а самого учёного считают одним из зачинателей белорусской советской и постсоветской литературистики. Среди его наиболее значительных работ следует отметить монографию «Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке», ряд научных статей, учебников и учебных пособий, в которых, в частности, профессор дал характеристику основным правовым институтам системы литовско-русского земского права. Целью настоящей статьи является определение вклада И. А. Юху в изучение института преступления в праве Великого княжества Литовского XVI века.

В научном наследии И. А. Юху нашли отражение множество аспектов института преступления и смежных институтов в литовско-русском праве XV–XVI веков: учёным исследованы источники уголовного права того периода, состав преступления, стадии преступной деятельности, институты соучастия, необходимой обороны и крайней необходимости, классифицированы виды преступлений. Обобщив основные выводы классиков литературистики – представителей научной школы западнорусского права, – И. А. Юху творчески развил сформулированные ними положения, дополнив их собственными размышлениями и выводами. Разумеется, это стало возможным благодаря глубокому знанию источников – областных и общеземских привилеев, Судебника Казимира 1468 года, статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, сеймовых конституций. Так, Иосиф Александрович установил, что общее понятие преступления, близкое к современному, было впервые упомянуто в привилее 1447 года; для его обозначения был употреблён термин «проступка» [1, с. 97]. Развивая данное положение, профессор обоснованно утверждал, что в Судебнике Казимира 1468 года преступление впервые трактовалось как противоправное деяние, на что, по его наблюдению, указывали использованные в тексте памятника термины «ис права выступает», «над право сягнул» [6, с. 641]. Отмечая, что в содержании привилея 1492 года определены основы государственного, административного, гражданского и уголовного права, учёный высказал мысль о том, что этот привилей, по сути, был первой конституцией Великого княжества Литовского [2, с. 468].

Характеризуя состав преступления, И. А. Юху остановился прежде всего на исследовании субъекта преступного деяния. Сделав вывод о том, что субъектами преступления в XV–XVI вв. признавались индивидуальные лица и группы лиц, учёный справедливо заметил, что привлечение к уголовной ответственности группы лиц, отвечающих за чужую вину, отвечало интересам тогдашней администрации, поскольку перекладывание обязанности отыскания преступника на плечи общины было едва ли не единственным доступным властям эффективным средством поддержания правопорядка [1, с. 97]. Считая Беларусь XVI в. неотъемлемой частью европейского правового пространства, профессор указывал на то, что её общество разделяло европейские ценности того времени. Так, закрепление в Статуте Великого княжества Литовского 1529 года принципа недопустимости наказания без вины, по мнению И. А. Юху, было следствием распространения в Беларуси идей гуманизма [3, с. 631]. Учёный отметил влияние гуманистических идей и на нормы уголовного права Статутов 1566 и 1588 годов

[4, с. 633; 5, с. 634], указал на прогрессивность и гуманизм норм, закрепляющих уголовную ответственность шляхтича за убийство простолюдина [1, с. 99], презумпцию невиновности [1, с. 100; 4, с. 633]. Вместе с тем, непредвзятый анализ материалов судебной практики дал основания учёному утверждать, что прогрессивные идеи нередко приходили в противоречие с практикой произвола феодалов по отношению к непривилегированному населению [1, с. 98].

Анализируя динамику норм, закрепляющих возраст привлечения к уголовной ответственности, И. А. Юхो заметил, что новеллами для статутов 1566 и 1588 годов было увеличение такого возраста соответственно до 14 и 16 лет [1, с. 98; 4, с. 633], что, по мнению учёного, отвечало требованием разумности и было следствием дальнейшего развития теории права и судебной практики в Великом княжестве Литовском [1, с. 98].

При исследовании субъективной стороны преступления, И. А. Юхо придерживался научной традиции, заложенной И. А. Малиновским, относительно различия в статутах двух форм вины – умышленной и неосторожной. Анализ текстов статутов привёл Иосифа Александровича к выводу о том, что в ряде случаев неосторожная вина влекла не уголовное наказание, а обязанность выплатить головщину (и таким образом возместить ущерб) потерпевшему [1, с. 99]. Новаторским было утверждение профессора, что законодатель XVI в. стремился предусмотреть не только различные формы вины, но и те случаи, когда было очень трудно или невозможно определить степень вины и назвать виновное лицо [1, с. 99].

Разделяя научную позицию И. А. Малиновского, профессор И. А. Юхо высказал убеждение, что необходимая оборона и крайняя необходимость были основаниями для освобождения от уголовной ответственности. Развивая и углубляя данное положение, И. А. Юхо делает вывод о том, что Статуты «безразлично относились к превышению необходимой обороны», квалифицируя действия обороняющегося как необходимые, если имелся факт агрессии со стороны нападающего [1, с. 100].

Стадиями преступной деятельности в уголовном праве XVI в. учёный считал умысел, приготовление и покушение, хотя и указывал, что эти стадии далеко не всегда разграничивались достаточно чётко [1, с. 100]. Характеризуя институт соучастия в преступлении, И. А. Юхо обратил внимание на его динамику, указав, что в раннефеодальном праве степень участия лица в преступлении не бралась во внимание, но в писаном праве, в частности, в Статутах, оценка степени соучастия становилась всё более квалифицированной [1, с. 100–101].

Вкладом профессора И. А. Юхо в изучение института преступления в праве Великого княжества Литовского является и проведённая классификация преступлений.

Научный путь Иосиф Александрович начал в БССР, поэтому было закономерным то, что исследование институтов права Великого княжества Литовского он осуществлял с позиций марксистско-ленинской методологии. Так, в вышедшей в 1978 г. монографии «Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке» учёным декларировались классовая сущность и эксплуататорский характер уголовного права [1, с. 96]. Но объективность научного изучения приводила профессора к выводам о том, что большинство правовых норм, регулировавших общественные отношения в сфере борьбы с преступностью, имело общесоциальный характер, защищая интересы всего общества, а не только его элиты. Продолжая научные изыскания уголовного права Великого княжества Литовского в независимой Беларуси, И. А. Юхо сохранял объективный взгляд на характер литовско-русского права, признавая в нём наличие общесоциальных элементов, но не отрицая наличия и классовых. Например, отдавая должное прогрессивности индивидуализации наказания для представителей крестьянского сословия, закреплённой в нормах Судебника Казимира 1468 года, учёный считал, что созданию этих норм способствовало стремление правящей феодальной элиты сохранить крестьянское семейное хозяйство как единицу налогообложения [6, с. 641].

Подытоживая вклад профессора Иосифа Александровича Юхो в изучение института преступления в праве Великого княжества Литовского XVI века, следует отметить, что он творчески продолжил научные изыскания предшественников – учёных-представителей школы западнорусского права и сам создал научную школу белорусских литуанистов, основав традицию изучения отечественного государства и права.

Библиографические ссылки

1. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. В кн. : Памяць і слава: Іосіф Аляксандравіч Юхо. Да 90-годдзя з дня нараджэння / рэдкал. : С. А. Балашэнка [і інш.]. Мінск: БДУ, 2011. С. 45–144.
2. Юхо, Я. А. Прывілеі // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. Т. 2: К – Я. С. 468.
3. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. Т. 2: К – Я. С. 630–632.
4. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. Т. 2: К – Я. С. 632–633.
5. Юхо, Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. Т. 2: К – Я. С. 633–634.
6. Юхо, Я. А. Судзебнік 1468 // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. Т. 2: К – Я. С. 641–642.

ВОЗЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Е. И. Орловская

*доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь
Orlovskaia@bsu.by*

Статья посвящена основателю белорусской научной криминалистической школы, создателю новых направлений в теории и практике криминалистики профессору А. В. Дулову. В ней на примере научных изысканий ученого прослеживается история развития белорусской криминалистики.

Ключевые слова: история; А. В. Дулов; криминалистика; белорусская наука.

VIEWS OF PROFESSOR A. V. DULOV IN THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF MODERN CRIMINALISM

E. I. Orlovskaia

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Orlovskaia@bsu.by*

The article is dedicated to the founder of the Belarusian scientific forensic school, the creator of new directions in the theory and practice of forensic science, Professor A. V. Dulov. It traces the history of the development of Belarusian forensic science on the example of the scientist's scientific research.

Key words: history; A. V. Dulov; forensics; belarusian science.

Перефразируя Библию, можно с уверенностью утверждать, что храм науки, разделенный в себе, не устоит конструктивно. Строить будущее можно только на

твёрдом фундаменте, созданном предшественниками. Предавать забвению основы, заложенные ими, творчески не развивать их научное наследие – это путь не созидания, а разрушения научного фундамента, на котором стоит наша научная юридическая школа, созданная поколением великих белорусских ученых. К ним, бесспорно, относится и А. В. Дулов. Поэтому еще раз обратиться к его творческому наследию – это способ сфокусировать внимание на сегодняшних проблемах правоприменения.

Выдающийся правовед, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор Андрей Васильевич Дулов свой научный путь начал с 1952 года, когда занялся проблемой применения судебных экспертиз в процессе расследования. Он начал изучать историю научных экспертных знаний и их использования при раскрытии преступлений. Его идеи были отражены в научных публикациях: «Некоторые вопросы подготовки к производству экспертизы на предварительном следствии», 1955г.; «Экспертиза на предварительном следствии в советском уголовном процессе», 1955г.; «О взглядах Д. И. Менделеева на судебную экспертизу», 1956 г. и многих других.

В 1955 году А. В. Дулов успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Экспертиза на предварительном следствии». В 1959 году в свет выходит монография «Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе», которая, по сути, явилась одной из первых работ, посвященных концептуальному исследованию института судебной экспертизы в уголовном процессе. В данной работе А. В. Дуловым комплексно рассмотрены вопросы сущности и метода судебной экспертизы, принципы проведения и пределы использования судебной экспертизы, соотношение судебной экспертизы и других видов доказательств, пределы компетенции эксперта, роль уголовно-процессуальной науки в развитии судебной экспертизы [1].

Еще одним фундаментальным трудом ученого стала монография «Права и обязанности участников судебной экспертизы», изданная в 1962 году. В ней был рассмотрен широкий круг проблем, возникающих в процессе проведения экспертизы при расследовании и рассмотрении судом уголовных дел. Ученым вносится ряд предложений, направленных на дальнейшую демократизацию советского уголовного процесса, аргументируется необходимость четкого разделения двух процессуальных форм проведения экспертизы, значительного увеличения круга ее участников. Особое внимание обращают на себя предложения А. В. Дулова, направленные на подробную регламентацию прав и обязанностей участников процесса при сборе сравнительного материала, при проведении экспертизы через судебно-экспертное учреждение, которые впервые так детально были рассмотрены в советской процессуальной и криминалистической литературе [2].

Тема докторской диссертации была посвящена проблемам теории судебной экспертизы. Так были созданы предпосылки к формированию общей теории криминастики, созданию белорусской научной криминалистической школы.

Ряд научных трудов А. В. Дулова посвящен юридической психологии. В своей работе «Введение в судебную психологию», 1969 г. ученый изложил наиболее сложные и спорные вопросы того времени, правильное решение которых крайне необходимо для развития науки судебной психологии. Существенное внимание уделено рассмотрению предмета судебной психологии, детально обосновано понятие судебно-психологических методов, их сущность и значение [3]. В учебном пособии «Судебная психология», 1970 г. А. В. Дуловым рассматриваются предмет и метод судебной психологии, подвергается исследованию психологическая структура деятельности по осуществлению правосудия, излагаются цели и способы изучения личности, воздействия на нее, психологические основы следственной тактики и ряд других важнейших вопросов, от решения которых зависит правильная деятельность органов правосудия [4]. Также вопросы судебной психологии рассматриваются в таких работах, как «Судовая або прававая (юрыдычна)

психологія», 1970 г., «Структурный анализ в системе методов судебной психологии», 1972 г., «Основы психологического анализа на предварительном следствии», 1973 г. и др.

Использование системно-структурного подхода позволило сформировать несколько новых направлений в теории и практике криминалистики, что проявилось при разработке и формировании теории криминалистического изучения преступления. А. В. Дулов сосредоточился на том, что до него никто не делал. Он отметил, что из большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление. Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления. Криминалистическая структура преступления – разработка школы профессора А. В. Дурова, поставившая под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступлений, значительное время доминировавшего в отечественной науке [5, с. 8].

Еще одним направлением в криминалистике, созданным на основе применения системного подхода, является вывод о том, что следственные действия недостаточно изучать каждое в отдельности. Будучи средствами тактических задач расследования, они применяются в определенных комплексах. Наличие самостоятельного тактического средства расследования преступлений – тактических операций, разработка которых способна внести существенный вклад в процесс совершенствования предварительного расследования, есть еще одно достижение научной школы под руководством профессора А. В. Дурова. Опубликованная им в 1979 г. монография «Тактические операции при расследовании преступлений» была по меркам того времени революционной. В ней рассмотрены процессуальные, логические, психологические и этические проблемы нового средства решения криминалистических задач, которыми, собственно, и явились тактические операции. Автор определил принципы построения их моделей [6].

В деятельности многих государственных структур и институтов, не занимающихся непосредственно расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. Ряд государственных органов в той или иной мере выявляют нарушения законов, в том числе и преступления. Должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых в сфере их деятельности, уметь отличать случайные признаки от закономерных, оценивать их значение, обеспечивать сохранность будущих доказательств, знать и применять положения криминалистической тактики. Все это относится к сфере криминалистики. Никакая другая наука не дает теоретического обоснования и практических рекомендаций по осуществлению этих функций. Такое расширение границ при изучении криминалистической деятельности позволило на более прочной научной основе подойти к решению многих проблем криминалистики. Стало возможным шире рассмотреть проблему криминалистической профилактики. Этот тезис был последовательно развит А. В. Дуловым в своих работах. Предметом самостоятельных диссертационных исследований, осуществленных под руководством профессора А. В. Дурова, были методы психологического анализа, системный анализ в криминалистической деятельности, метод экономического анализа, метод бухгалтерского анализа, метод матрицирования, метод ретроспекции, метод рефлексии, метод анализа генезисного развития преступления и др. Все они в совокупности привели к формированию одного из общих методов криминалистики – метода криминалистического анализа. Изучение общих тенденций развития науки позволило выявить еще один новый элемент в структуре научного знания и использовать его для развития криминалистики – «стратегия развития науки». Следует отметить, что долгое время в криминалистике доминировала четырехзвенная система науки: теоретические основы криминалистики; криминалистическая техника; тактика;

методика расследования отдельных видов преступлений. Профессор А. В. Дулов обогатил ее новым разделом – криминалистическая стратегия.

А. В. Дулов рассматривал криминалистику как сущностную основу доказывания, сложную, многоуровневую и многофункциональную систему деятельности целого ряда субъектов, органов, ведомств, которые осуществляют свою деятельность по трансформации следовой картины преступления из материальных сред, показаний, документов в процессуальные источники доказательств в рамках уголовного процесса. Он всегда шел на шаг впереди развития традиционной криминалистической науки, всегда развивал, поддерживал и подчеркивал весомость и значимость исследования классических задач, стоящих перед криминалистикой – тактики, методики проведения отдельных следственных действий, расследования отдельных видов преступлений, судебно-экспертного и криминалистического обеспечения расследования. В то же время именно идеи А. В. Дурова легли в основу формирования современных направлений развития отечественной криминалистики и судебной экспертологии, которые являются уже не только темой для научных дискуссий, но и настоятельной потребностью практики сегодняшнего дня.

Библиографические ссылки

1. Дулов, А. В. Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе. Минск : Изд-во БГУ, 1959. 188 с.
2. Дулов, А. В. Права и обязанности участников судебной экспертизы / под ред. Д. С. Карева. Минск : ИМВССиПО БССР, 1962. 408 с.
3. Дулов, А. В. Введение в судебную психологию. М. : Юрид. лит., 1970. 159 с.
4. Дулов, А. В. Судебная психология : учеб. пособие. Минск : Выш. школа, 1975. 464 с.
5. Балащенко, С. А., Шабанов, В. Б., Шумак, Г. А., Веренчиков, И. Р. Андрей Васильевич Дулов: развитие теории и практики криминалистики. / Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч. -практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дурова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 5-11.
6. Дулов, А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск : Изд-во БГУ, 1979. 128 с.

I. А. ЮХО І ЯГО ПАЧАТКОВЫ ШЛЯХ У ГІСТОРЫЮ ПРАВА БЕЛАРУСІ

I. А. Саракавік

*дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
вул. Маскоўская 17, 220007, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
i. sorokovik@yandex. by*

Артыкул прысвечаны пачатковаму этапу навуковай дзейнасці прафесара I. А. Юхо.

Ключавыя слова: I. А. Юхо; Беларусь; Мінскі юрыдычны інстытут; сектар права; аспірантура; дысертация.

I. A. Sarakavik

*Associate Professor of Theory and History of State and Law of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Academy of the Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya Str.,
220007, Minsk, Republic of Belarus,
i.sorokovik@yandex.by*

The article is devoted to the initial stage of the scientific activity of Professor I. A. Yukho.

Keywords: Yukho; Belarus; Minsk Law Institute; law sector; postgraduate study; dissertation.

Праходзіць час і ў людской памяці застаюцца толькі тыя асобы, якія здзейснілі нешта каштоўнае не толькі і не столькі для сябе, колькі для грамадства, свайго народа. Такой асобай, безумоўна, застаўся Іосіф Аляксандравіч Юхно. Міжволі задумваешся аб tym, як стала гэта магчымым. Што паўплывала на яго ці хто найбольш паўплывала? У мяне няма канкрэтнага адказу, аднак ёсць пэўныя разважанні.

Жыццёвы шлях Іосіфа Аляксандравіча не быў адназначным. Нарадзіўся ў Заходній Беларусі, дзе людзям прыходзілася спадзявацца не столькі на суседзяў, колькі найперш на самога сябе. Вось гэта першая аснова, харэктэрная для яго харктару: не спадзявацца на некага, а дабівацца выніка самастойна. Пацвярджэннем гэтаму з'яўляецца яго няпросты жыццяпіс. Пасля заканчэння сярэдняй школы ў 1938 г. паступіў у Беларускі палітэхнічны інстытут, але не змог завяршыць вучобу, бо быў прызваны ў шарэнгі Чырвонай Арміі. Актыўна ўдзельнічаў у Вялікай Айчыннай вайне, пачэсна заслужыў дзяржаўныя ўзнагароды, даслужыўся да маёра і перад ім адчынялася паспяховая вайсковая перспектыва.

І тут рэзкі паварот у жыцці: паступленне ў Мінскі юрыдычны інстытут у 1946 г., калі 5 кастрычніка 1946 г. прымаецца пастанова ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» [1, с. 1 – 3]. У сувязі з гэтым загадам міністра вышэйшай адукацыі СССР № 614 ад 5 лістапада 1946 г. прадугледжваўся шэраг мераў па яе выкананню, у tym ліку адкрыццё юрыдычнага факультэта ў Беларускім дзяржаўным універсітэце ў 1949 г. (п. 2) [6, с. 73]. Аднак, як вядома, ён быў адкрыты толькі ў 1954 г.

Для Іосіфа Аляксандравіча было важна тое, што ён сустрэў тут многіх аднагодак, якія прайшлі вайну. Некаторыя з іх ваявалі ў дзеючай арміі, іншыя – у партызанскіх атрадах, былі тут і інваліды Вялікай Айчыннай [2. Арк. 1]. З некаторымі стаў працаваць на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Сярод выкладчыкаў інстытута сустрэў Б. Е. Бабіцкага, І. І. Гарэліка, Ф. І. Гаўзе, П. У. Грышановіча, В. А. Дарогіна, Р. А. Левіна, Г. М. Ліўшыца, Г. А. Павецьева, Л. А. Рудзіцкага, Е. М. Семерыхіна і інш.

Другая палова 1940-х гг., асабліва ў 1947 – 1949 гг., у СССР адзначана вострымі дыскусіямі па розных галінах навукі. Часам тон іх задаваў сам І. В. Сталін. Характэрна, што яны папярэднічалі пачатку масавых рэпрэсій. Гэта атмасфера не магла не закрануць і прафесарска-выкладчыцкі склад і студэнтаў Мінскага юрыдычнага інстытута. Да прыкладу, на паседжанні кафедра дзяржаўнага права 10 красавіка 1948 г. разглядаўся макет вучэніка А. І. Дзянісава «Теория государства и права» (М. : Юрид. изд. МЮ СССР, 1948. – 532 с.). Выступілі Л. А. Рудзіцкі і Я. М. Семерыхін [3. Арк. 34]. Па іх заключэнню, Дзянісаў не паказвае ў вучэніку месца тэорыі дзяржавы і права ў сістэме юрыдычных дысцыплін, адсутнічае дакладнасць пра дзяржаву пры камунізме, калі існуе капіталізм у іншых краінах свету і пры яго адсутнасці, не раскрыты формы дзяржаўнага ўладкавання СССР і саюзных рэспублік. Ёсць і іншыя пагрэшнасці і недакладнасці [3. Арк. 72, 77].

Другі тон абмеркавання назіраўся на паседжанні кафедры 11 верасня 1948 г. пры абмеркаванні вучэніка В. А. Власава і І. І. Евціхеева «Советское административное

право». Гэта праца абмяркоўвалася ў Інстытуце права АН СССР з запрашэннем вядучых спецыялістаў у гэтай галіне права. Удзельнікі нарады прыйшлі да высновы, што вучэнік «страдае сэрьеznыми порокамі, он не всегда основываеца на марксистско-ленинскай теории и испытываеца на себе заметное влияние буржуазной науки административного права... В определении советского административного права учебник проповедует буржуазную теорию полицейского права». Аўтары выключылі з прынцыпаў савецкага дзяржаўнага кіравання важнейшы з іх – «руководящую роль ВКП(б)». Таму не выпадковай была і пастанова кафедры: «учытывая, что учебник Евтихеева и Власова по административному праву содержит сэрьеznые политические и методологические пороки, считать невозможным рекомендовать его студентам Минского юридического института. Для прохождения курса пользоваться первоисточниками и законодательными материалами, а также материалами периодической печати» [3. Арк. 40.].

У 1949 г. паследавала ўзмацненне барацьбы «с проявленіями космополітізма в юридической науке» у адпаведнасці з загадам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 9 мая 1949 г.» О мерах по павышэнню ідэйно-теоретического уровня преподавания юридических наук в высшей школе». Асабліва дасталася маскоўскім прафесарам Г. С. Гурвічу, І. Д. Левіну, якія былі вызвалены ад працы ў ВНУ, а таксама акадэміку П. П. Трайніну, прафесарам А. К. Стальгевічу, М. А. Аржанаву, А. А. Герцэнзону, Е. А. Флейшыцу, С. В. Юшкову і інш. [4. Арк. 103]. З мэтай ідэйна-тэарэтычнага кантролю вучэбных праграм саюзнымі Міністэрствам вышэйшай адукацыі былі ўтвораны спецыяльныя камісіі [4. Арк. 213].

У такой атмасфэры працякала навучанне студэнта І. А. Юху, які прайшоў жахі вайны, адчуў з-за яе разбурэнне роднай Беларусі, жадаў яе росквіту. Інстытут закончыў з адзнакай, аднак у яго аспірантуру не пайшоў. МІОІ яшчэ ў 1945/1946 н. г. атрымаў права мець сваю аспірантуру. У 1949/ 1950 н. г. у яе было прынята 5 чалавек, а ўсяго мелася 7 аспірантаў: па кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права – Зімніна, С. Р. Драбязка, Н. А. Кудзінаў; па кафедры крымінальнага права – І. С. Тышкевіч і П. К. Еўдакімаў, па кафедры крымінальнага працэсу – І. І. Марціновіч, па кафедры грамадзянскага права – В. Ф. Чыгір [5. Арк. 95]. Напэўна, так здарылася з-за сямейных абставін і ён трох гады адпрацаваў народным суддзей. Практычна дзейнасць дазволіла яму лепш спазнаць жыццё народа, выявіць праблемы ў судаводстве, сцвердзіцца юристам.

Наспелыя праблемы як з часоў вучобы ў МІОІ, так і працы народным суддзей падштурхнулі дапытлівы разум І. А. Юху паступіць у 1952 г. у аспірантуру Інстытута філасофіі і права АН БССР. Ён стаў адным з першых аспірантаў сектара дзяржавы і права. Яго кірауніком з'яўляўся Галоўны вучоны сакратар АН БССР, яе член-карэспандэнт, загадчык названага сектара па сумяшчальніцтву С. П. Маргунскі, які быў кандыдатам юрыдычных навук пасля паспяховай вучобы ў аспірантуры Акадэміі грамадскіх навук пры ЦК ВКП(б). Сектар, да якога прыматацавалі І. А. Юху, быў невялікім. На пачатак 1952 г. у ім застаўся толькі адзін малодшы навуковы супрацоўнік, але на канец года – загадчык сектара С. П. Маргунскі, 3 старшых навуковых супрацоўнікі: кандыдаты юрыдычных навук – А. І. Апурэн, В. А. Кікаць, і Ю. В. Шабанаў [7. Арк. 8, 53, 119] і 3 малодшых навуковых супрацоўнікі [8. Арк. 4]. У гэтым асяроддзі і стаў працаваць І. А. Юху над кандыдацкай дысертацияй на тэму «Установление Советской власти в Западной Белоруссии в 1939 г.», якую паспяхова ў 1954 г. абараніў у Інстытуце дзяржавы і права АН СССР [9. Арк. 21].

З першых дзён знаходжання ў сектары, ён прымай ў актыўны ўдзел у яго працы, адстойваючы інтарэсы навуковых супрацоўнікаў. Так, 30 студзеня 1953 г. Вучоны Савет Інстытута філасофіі і права абмяркоўваў артыкул часопіса «Коммунист Белоруссии» (1952, № 12) аб недахопах у працы інстытута – мала навуковай прадукцыі надрукавана. Многія пагаджаліся з такой высновай і заяўлялі аб неабходнасці палепшыць справу. Аднак канкрэтных прапаноў не было. І. А. Юху, адзін з немногіх, не столькі прызнаў

крытыку правамернай, колькі звярнуў увагу кіраўніцтва на тое, што гэта адбываецца «не столько по вине научных работников, а главным образом из-за издательства Академии наук БССР. А это ведет к потере стимула в работе» [10. Арк. 6]. Складанасць надрукавання падрыхтаванай працы прадаўжалася і ў наступныя гады.

19 кастрычніка 1954 г. па заканчэнні аспірантуры І. А. Юху прызначалі на пасаду малодшага навуковага супрацоўніка сектара тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. Ён працаваў над тэмай «Роль местных Советов в обеспечении крутого подъема сельского хозяйства Белоруссии» [11. Арк. 138, 155]. У 1955 г. праца аб'ёмам 12 друк. арк. у супрацоўніцтве з А. А. Галаўко была завершана. На працягу 1955 г. яны неаднаразова выязджалі па лініі Прэзідыта Прэзідыта Савета БССР і Савета Міністраў БССР у раёны рэспублікі для вывучэння практычнай дзейнасці раённых Саветаў. Рукапіс быў аблеркаваны на паседжанні сектара і адбраны для надрукавання і гэта ва ўмовах, калі ў 1955 г. І. А. Юху быў задзейнічаны на вайсковыя зборы [12. Арк. 1, 2].

Адначасова І. А. Юху быў падключаны да распрацоўкі тэмы «Возникновение и развитие белорусской социалистической нации», якая з'яўлялася састаўной часткай навуковай праблемы «Закономерности развития советского социалистического общества». Згодна са справаўдзачай сектара ў распрацоўцы тэмы прыняў удзел і кандыдат юрыдычных навук І. А. Юху са сваёй тэмай «Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве» (1,5 друк. арк.) [13. Арк. 4].

У 1957 г. нарэшце была выдадзена манаграфія А. А. Галаўко і І. А. Юху аб'ёмам 8 друк. арк. «Местные Советы – организаторы колхозного производства» (Мінск: Белгосиздат, 1957). Гэта стала своеасаблівым вынікам навуковай дзейнасці І. А. Юху ў сектары тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Інстытута філасофіі і права АН БССР. Ён заклаў дабротную аснову для далейшай навуковай дзейнасці, прычыніў яго да даследавання праблем гісторыі дзяржавы і права Беларусі. На яго выбары бачны і пэўны ўплыў яго навуковага кіраўніка С. П. Маргунскага, які ў пасляваенны час заклаў асновы даследавання тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ў Беларусі. І. А. Юху пайшоў далей і заснаваў школу гісторыі дзяржавы і права Беларусі. У сённяшніх умовах гэту справу прадаўжае прафесар Т. І. Доўнар.

Бібліографічныя спасылкі

1. Выше качество юридического образования // Социалистическая законность. 1949. № 9. С. 1 – 3.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 2.
3. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 15.
4. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 44.
5. НАРБ. Ф. 1110. Воп. 1. Спр. 28.
6. Приказ министра высшего образования СССР от 5 ноября 1946 г. № 614 «О мероприятиях по реализации постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г.» О расширении и улучшении юридического образования в стране // Советское государство и право. 1947. № 1. С. 73 – 75.
7. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі (далей – ЦНА НАНБ). Ф. 12. Воп. 1. Спр. 95.
8. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 105.
9. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 129.
10. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 115.
11. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 123.
12. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 141.
13. ЦНА НАНБ. Ф. 12. Воп. 1. Спр. 154.

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С. Е. Чебуранова

декан юридического факультета УО “Гродненский государственный университет им. Я. Купалы”
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, ул. Ожешко, 22230023, г. Гродно, Республика
Беларусь,
cheburanova@mail.ru

В статье анализируется влияние процесса цифровизации на развитие высшего юридического образования. Делаются предложения по его совершенствованию. Автор выделяет основные этапы в структуре высшего юридического образования, которые будут отвечать вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова. цифровизация образования; компетенция; юридическое образование

PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION IN THE DIGITAL AGE

S. Y. Chaburanova

Dean of the Law Faculty of the Grodno State University named after Kupala, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko str., 22230023, Grodno, Republic of Belarus,
cheburanova@mail.ru

The article analyzes the impact of the digitalization process on the development of higher legal education. Suggestions are made for its improvement. The author identifies the main stages in the structure of higher legal education that will meet the challenges of the digital age.

Keywords. digitalization of education; competence; legal education

Цифровое измерение, в котором живет современный мир, ставит перед системой высшего образования новые задачи. Целый ряд ученых посвятили свои исследования ряду проблем цифровизации и ее влияния на процессы в системе образования. (1) Модернизация и трансформация высшего образования в этих условиях неизбежна, но в конечном счете высшее образование должно быть направлено на подготовку высококвалифицированных специалистов, характеристикой которых будет являться не только владение информационными технологиями, но, в первую очередь, сформированными компетенциями. Следовательно, цифровизация высшего образования должна способствовать формированию необходимых компетенций.

Чем же является цифровизация для высшего образования? Это не новое направление, это применение цифровых технологий в процессе обучения, обеспечение учебного процесса новыми инструментами. Это технология, которая обуславливает необходимость использовать новые формы и методы обучения, и которая должна служить целям, которые поставлены перед высшим образованием в целом.

Развитие информационных технологий, в том числе цифровых обуславливает необходимость осмыслиения подходов к качеству образования.

Высшее юридическое образование характеризуется особенностями, характерными для гуманитарного образования. К выпускникам предъявляется ряд требований, одним из которых является умение применять нормы права в конкретных ситуациях. Но прежде чем применить норму необходимо определить, какие отношения требуют применения норм права и какие нормы могут быть применены. Таким образом, мы выходим на проблему формирования определенных компетенций в процессе образовательной деятельности. Вопрос о том, что умеет выпускник, имеет основополагающее значение. В рамках компетентностного подхода этот тезис является основным для оценки подготовки выпускника и в целом образовательного процесса.

Как определить качество юридического образования? Это навыки поиска информации (которые формируются достаточно быстро ввиду готовности молодых людей к использованию информационных технологий) или навыки обработки информации, толкования правовых норм с целью определения их применимости к данному случаю, оценка возможных вариантов разрешения ситуации и оценка рисков в каждом конкретном варианте разрешения ситуации.» В условиях цифровизации гуманитарного знания массив информации заполоняет собой все пространство познания в ущерб смыслам познания» (1) Следствием этого является утрата способности к научному творчеству, умению думать, анализировать и делать самостоятельные выводы. Таким образом, возрастаёт значимость правового анализа.

Представляется, что в процессе обучения должна быть сформирована многоступенчатая система в образовательной среде юридических вузов, которая может включать следующие этапы:

- теоретическая подготовка – без которой юридическое образование не представляется и на современном этапе; на данном этапе применение информационных технологий возможно для выполнения теоретических заданий, но правовая информация может быстро утрачивать свою актуальность;

- правовая аналитика, которая позволяет сконцентрировать внимание на применении правовых норм к конкретным ситуациям. Сюда включается работа с правовыми информационными ресурсами, иными программными продуктами, которые позволяют оперативно знакомиться с изменениями нормативных актов либо с новыми нормативными актами; информационные технологии позволяют изучить правоприменительную практику, рассматривая конкретные судебные споры и вынесенные по ним решения, делать выводы по принятым судебным решениям. Необходимость толкования, анализа, экспертизы возрастаёт, так как цифровизация не заменяет процесса формирования навыков мышления.

- использование проектного метода в подготовке юристов и формирование навыков командной работы, развитие творческого потенциала, междисциплинарность и коммуникация. Информационные технологии позволяют объединиться виртуально, дистанционно для работы над проектом ввиду значительного объема времени, необходимого для выполнения проекта.

В современных условиях цифровая грамотность является необходимым качеством современного юриста и профессиональные навыки могут быть сформированы с использованием инновационным форм и методов обучения.

Библиографические ссылки

1. Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121-136; Чернышов А. Г. стратегия и философия цифровизации // Власть. 2018. №5. С. 13-21 ; Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства /пер. с англ. С. Филина. М. : Манн, Иванов и Фербер. 2013. С. 368.
2. Строков А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы. Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. №2. С. 15.

ВКЛАД УЧЕНЫХ БЕЛОРУССКОЙ ССР В РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

А. И. Голубева

*преподаватель кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета, магистр юридических наук, Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
agolubeva1602@gmail.com*

Проанализирован вклад белорусских ученых Н. Т Арапова, Т. А. Беловой, И. И. Верховодко, О. Н Здрок, В. Г. Тихини, И. М. Казей (1958 – 2021), И. Н Колядко, С. В. Курьлев (1919 – 1968), О. Н. Романовой, Т. В. Сысуева, В. В. Тихоновича, Е. А. Унукович, Н. Г. Юркевича (1928 – 2017), Г. В. Яковлевой в развитие гражданского процессуального права второй половины XX века.

Ключевые слова: научная школа; институты гражданского процессуального права; исследования.

CONTRIBUTION OF SCIENTISTS OF THE BELARUSIAN SSR TO THE DEVELOPMENT OF CIVIL PROCEDURAL LAW OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

A. I. Golubeva

*Lecturer of the Department of Civil Procedure and Labor Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Master of Law,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
agolubeva1602@gmail.com*

The contribution of Belarusian scientists N. T. Arapov, T. A. Belova, I. I. Verkhovodko, O. N. Zdrok, V. G. Tikhini, I. M. Kazei (1958 - 2021), I. N. Kolyadko, S. V. Kurylev (1919 - 1968), O. N. Romanova, T. V. Sysueva, V. V. Tikhonovich, E. A. Unukovich, N. G. Yurkevich (1928 - 2017), G. V. Yakovleva in the development of civil procedural law of the second half of the XX century.

Keywords. scientific school; institutions of civil procedural law; research.

В послевоенный период исследования в области гражданского процессуального права наибольшего расцвета достигли к середине 1950 – 1960-х гг. Основными направлениями научных исследований советских процессуалистов этого периода стали такие вопросы гражданского процессуального права, как понятие и предмет гражданского процессуального права и его принципы; гражданские процессуальные правоотношения; понятие иска, его элементы и виды исков; право на иск и право на судебную защиту в гражданском судопроизводстве; участие общественности в отправлении правосудия; доказательства; судебное решение и его юридическая сила; стадии гражданского процесса, в особенности подготовка дел к судебному разбирательству; проверка и пересмотр судебных актов. Однако вопросы истории развития гражданского процессуального права в них не рассматривались.

Отдельные сведения по этой проблеме можно найти в учебных пособиях по гражданскому процессуальному праву под редакцией белорусских процессуалистов Н. Г. Юркевича (1928 – 2017), В. Г. Тихини [1]. Также общие вопросы, касающиеся процессуально-правовых исследований Белорусской ССР второй половины XX в. встречаются в научных работах и учебниках по истории государства и права Беларуси [2].

Вопросы становления и развития советского гражданского процессуального права Белорусской ССР в первой половине XX в. рассматривала И. М. Казей (1958 – 2021) в кандидатской диссертации «Становление и развитие гражданского процессуального

права Белорусской ССР (1917 – 1937 гг.)», успешно защищенной в 1990 г. В диссертации исследованы вопросы гражданского судопроизводства на территории Беларуси в первые годы советской власти (1917 – 1920 гг.); гражданское процессуальное право Белорусской ССР в 20-е гг. (1921 – 1927 гг.); гражданское процессуальное право Белорусской ССР (1927 – 1937 гг.) [3].

С. В. Курылев (1919 – 1968) заложил основы современной теории судебных доказательств [4]. В настоящее время являются актуальными взгляды классика гражданского процесса на оценку доказательств; пределы и предмет доказывания; правило, согласно которому факты, не подлежащие доказыванию, не должны включаться в понятие предмета доказывания; закрепление обязанности представлять суду необходимые для установления истины по делу доказательства; распределение обязанности по доказыванию таким образом, чтобы обеспечить достоверное установление всех существенных для дела фактов, а при невозможности этого – чтобы вывод суда о фактах был как можно ближе к истине.

Его идеи, касающиеся актуальных проблем гражданского процессуального права, опережающие свое время не потеряли своей значимости и до настоящего времени. Они получили дальнейшее развитие в исследованиях известных белорусских ученых в области гражданского процесса Н. Г. Юркевича, Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Г. В. Яковлевой, И. М. Казей, О. Н. Здрок, И. И. Верховодко, О. Н. Романовой, Т. В. Сысуева, Е. А. Унукович и других ученых, которые в своих трудах показывают исторические корни отечественной школы гражданского процессуального права и ее современные достижения [1; 3].

Успешно защищенная С. В. Курылевым кандидатская диссертация на тему «Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе» (1953), легла в основу монографии «Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе» [4], в которой ученый сделал попытку исследовать вопрос о сущности и процессуальном значении объяснений сторон.

С. В. Курылев успешно работал в БГУ в 1960 – 1968 гг. Результатом его научных исследований явилась защита докторской диссертации в 1967 г. на тему «Установление истины в советском правосудии» [4]. Представляет научный интерес и монография «Основы теории доказывания в советском правосудии» (1969 г.) [5].

К числу современных и актуальных относятся взгляды ученого на оценку доказательств (установление судом и лицами, участвующими в деле, достоверности полученных сведений и их доказательственной силы); пределы и предмет доказывания (как совокупность юридических фактов материально-правового характера); правило, согласно которому факты, не подлежащие доказыванию, не должны включаться в понятие предмета доказывания; закрепление обязанности представлять суду необходимые для установления истины по делу доказательства; распределение обязанности по доказыванию таким образом, чтобы обеспечить достоверное установление всех существенных для дела фактов, а при невозможности этого – чтобы вывод суда о фактах был как можно ближе к истине.

Актуальность и востребованность научных трудов С. В. Курылева по вопросам доказывания сохраняется в науке не только гражданского процессуального права, но и административного, и уголовного процесса, а также теории правосудия и правоприменения в целом. В настоящее время в условиях нарастающей тенденции интеграции правового регулирования усиливается взаимосвязь, взаимообусловленность норм разных отраслей права; все более очевидны процессы их взаимопроникновения.

Можно с уверенностью утверждать, что С. В. Курылев является основателем белорусской научной школы гражданского процесса, классиком гражданского процессуального права, заложившим основы современной теории судебных доказательств. Его идеи, касающиеся актуальных проблем гражданского

процессуального права, опережающие свое время не потеряли своей значимости и до настоящего времени.

Исследованием вопросов гражданского процессуального права занимался доцент В. В. Тихонович, который рассматривал вопросы, касающиеся принципов процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве [6].

Большой вклад в становление научной школы гражданского процесса внесли член-корреспондент НАН Беларуси В. Г. Тихиня, доктор юридических наук, профессор Н. Г. Юркевич (1928 – 2017). Только в тезисах «Историко-правовое исследование понятия доказательств в гражданском процессе» (1985) В. Г. Тихиня проводит историко-правовое исследование понятия доказательств в гражданском процессе [7]. Ученый справедливо отмечает, что судебные доказательства в первые годы Советской власти определялись как средство убеждения суда сторонами и другими заинтересованными лицами [7, с. 71 – 74]. Подобный взгляд на судебные доказательства был характерен и для русской дореволюционной науки гражданского процессуального права [8]. Однако в целом вопросы развития гражданского процессуального права автор не рассматривал.

Под редакцией В. Г. Тихини и Н. Г. Юркевича в 1980-е гг. были изданы учебное пособие и практикум по гражданскому процессу, а также научно-практический комментарий к ГПК Белорусской ССР 1964 г., в издании которых приняли активное участие белорусские ученые-процессуалисты Н. Т Арапов, Т. А. Белова, И. Н. Колядко, В. В. Тихонович, Г. В. Яковлева [1; 9; 10].

Несмотря на имеющиеся публикации и важность исследуемой проблемы, гражданское процессуальное право Белорусской ССР второй половины XX в. комплексному изучению не подвергалось ни в советский, ни в современный периоды, что свидетельствует о наличии в историко-правовой науке Беларуси пробела в этой сфере. В связи с этим необходимо дальнейшее изучение истории развития институтов гражданского процессуального права Белорусской ССР второй половины XX в. с учетом лучших достижений ученых советского периода.

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс БССР, : в 4 ч. / под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск : Выш. Школа, 1979 – 1982. 4 ч.
2. История государства и права Белорусской ССР (1937 – 1975 гг.) / С. П. Маргунский [и др.]; под ред. С. П. Маргунского. Минск: Наука и техника, 1976. – 656 с.; Очерки истории государства и права БССР / Б. Е. Бабицкий [и др.]; отв. ред. И. А. Юхно. Минск : Изд-во БГУ, 1969. 384 с.; Юхно, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. Мінск: РІВІШ БДУ, 2003. Ч. 2. 275 с.; Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. 319 с.; Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск: Адукцыя и выхаванне, 2014. 416 с.
3. Казей, И. М. Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917 – 1937 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 03. Минск, 1990. 144 с.; Казей, И. М. Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917 – 1937 гг.): автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12. 00. 03. Минск, 1990. 19 с.
4. Избранные труды / С. В. Курылев; МГУ им. М. В. Ломоносова, юр. фак., каф. гражд., арбитражного процесса и труд. права. Краснодар: Совет. Кубань, 2010. 832 с.; ил.
5. Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск : Изд-во БГУ, 1969. 204 с.
6. Тихонович, В. В. Принцип процессуальной экономии в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 03. Минск, 1975. 30 с.
7. Тихиня, В. Г. Историко-правовое исследование понятия доказательств в гражданском процессе // Актуальные вопросы развития советского государства и права : науч. -практ. конф. профес. -препод. сост. юрид. фак., Минск, 26 дек. 1985 г. : тез. докл. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : В. Г. Тихиня, В. Н. Бибило, Г. А. Воробей. Минск, 1985. С. 71-74.
8. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса. М. : Изд. Бр. Башмаковы, 1914. 571 с.

9. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР / Т. А. Белова [и др.] ; под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск : Беларусь, 1989. 541, [1] с.

10. Практикум по гражданскому процессу БССР / Т. А. Белова [и др.] ; под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Минск: Выш. школа, 1984. 198 с.

ПЫТАННЕ ПРАВАВОГА СТАНОВІШЧА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ПРАЦАХ ПРАФЕСАРА І. А. ЮХО

A. V. Кожар

*аспірант юрыдычнага факультета Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта,
Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
lobuzova@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца пытанні навуковага ўклада прафесара І. А. Юхо ў развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі, асабліва па праблеме прававога становішча беларускага насельніцтва ў XVI ст.

Ключавыя слова: Юхо Я. А.; творчая спадчына; гісторыка-прававая навука Беларусі; прававое становішча насельніцтва.

THE ISSUE OF THE LEGAL POSITION OF THE POPULATION OF BELARUS IN THE WORKS OF PROFESSOR I. A. YUHO

A. V. Kozhar

*graduate student of the Faculty of Law of the Belarusian State University,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
lobuzova@mail.ru*

The article discusses the issues of the scientific contribution of Professor I. A. Yukho to the development of historical and legal science, especially on the problem of the legal status of the Belarusian population in the 16th century.

Keywords: Yukho I. A.; scientific heritage; historical and legal science of Belarus; legal status of the population.

Доктар юрыдычных навук, прафесар І. А. Юхо ўнёс вялікі ўклад у развіццё айчыннай прававой навукі. Навуковай заслугай І. А. Юхо з'яўляецца актыўная распрацоўка і пастановка праблемных пытанняў гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы. Перш за ўсё гэта тычыцца гісторыі органаў улады, судовых органаў, крыніц права, магдэбургскага права, айчыннага канстытуцыяналізму і парламентарызму. Яго публікацыі былі прысвячаны самым вельмі актуальным праблемам гісторыі дзяржавы і права Беларусі – паходжанню назвы “Беларусь”, гісторыі заканадаўства, помнікам айчыннага права, уніям Вялікага княства Літоўскага з Польшчай, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа, прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, значэнню гісторыка-прававой навукі і інш. Ён выказаў уласныя навуковыя пазіцыі па праблеме фарміравання тэрыторыі Беларусі, аргументаваў тэзіс аб пераважна беларускім этнічным характары Вялікага Княства Літоўскага, сутнасці паланізацыйнай палітыкі кіраўніцтва Рэчы Паспалітай, прычым адзначаў, што гэта дзяржава з'яўлялася канфедэрацыяй, у якой захоўваўся суверэнітэт Вялікага Княства Літоўскага і г. д. [1, с. 133-134].

Значная ўвага прафесарам I. A. Юху надавалася перыяду знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі. Ён падкрэсліваў добра вядомы навукоўцам гістарычны факт, што толькі ў канцы XVIII ст. беларускія землі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай увайшлі ў склад Расіі, харектарызаваў прычыны, сутнасць і наступствы русіфікаційскай палітыкі царызму.

Шмат увагі ён надаваў напісанню вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў, якія і зараз выкарыстоўваюцца ў вучэбным працэсе многіх ВНУ Рэспублікі Беларусь. У большасці з іх надавалася значная ўвага прававаму становішчу насельніцтва Беларусі на розных гістарычных этапах развіцця дзяржаўнасці (“Крыніцы беларуска-літоўскага права” (1991), “Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі” (1992), “Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі” (1999) і інш. Адна з яго кніг “Прававое становішча насельніцтва Беларусі ў XVI ст.” (1978) непасрэдна была прысвечана гэтай праблеме [2].

Гэтая манаграфія Я. А. Юху была выдадзена ў кантэксце распрацоўкі доктарскай дысертацыі. У ёй былі выкладзены ўяўленні знакамітага навукоўца аб структуры феадальнага грамадства ў Беларусі ў XVI ст., правах і абавязках саслоўя і асобных груп насельніцтва. Ён раскрыў прававы статус самага прывілеяванага саслоўя шляхты; звярнуў увагу на тое, што беларускія сяляне ў феадальны перыяд мелі пэўныя права, а не толькі вялікую колькасць абавязкаў; паказаў статус гарадскога насельніцтва, адзначаючы больш значныя права гараджан тых гарадоў Беларусі, якія атрымлівалі магдэбурскія права; падкрэсліваў, што ў аснову магдэбурскага права быў пакладзены прынцып гарадскога самакіравання, што садзейнічала не толькі палітычнаму і эканамічнаму развіццю гарадоў, але і эвалюцыі ў прагрэсіўным накірунку самой дзяржаўнасці.

Значная ўвага надавалася праблемаму пытанню фарміравання шляхецкага саслоўя на працягу XV–XVI стст. I. A. Юху адзначаў, што калі ў XV ст. найбольш багатыя і ўплывовыя вольныя землеўласнікі, якія не мелі тытула князёў, менаваліся панамі, сярэднія і дробныя зваліся па-рознаму (баяры, баяры-шляхта або зямяне-шляхта і інш.), то статутамі 1529, 1566, 1588 г. ўводзіцца адзіная назва – шляхта. Працэс прававога афармлення становішча шляхты, якая фарміравалася як вайсковае саслоўе, зацягнуўся да другой паловы XVI ст. Юрдычнае замацаванне правоў шляхты пачалося ў другой палове XIV–XV стст. з прыняццем агульназемскіх прывілеяў (грамат) 1387, 1413, 1432, 1447 гг. Варта адзначыць, што прывілеі 1387 і 1413 гг. замацоўвалі права толькі шляхты каталіцкага веравызнання. А прывілеі 1432 г. у значнай ступені надзяліў такімі ж правамі і праваслаўную шляхту. Наступныя граматы 1447 і 1492 гг. амаль поўнасцю ўраўнялі ў правах праваслаўную і каталіцкую шляхту, дазволіў і праваслаўным феадалам судзіць сялян у сваіх маёнтках. Гэта дазволіла аб'яднацца усім феадалам у адзінае саслоўе. Шляхта стала замкнёным саслоўем, якому давалася права распараджацца (купляць, прадаваць, замяняць і г. д.) зямельную маёмасць разам з сялянамі (спачатку Статут 1529 г. – толькі 1/3 часткай, а Статут 1566 г. – поўнасцю). Закон рэгламентаваў і палітычныя права шляхты – права праз сваіх прадстаўнікоў удзельнічаць у працы сойма, выбіраючы на павятовых сойміках дэлегатаў на сойм, а таксама іншыя права. Адначасова ўдакладняўся і галоўны абавязак шляхты – вайсковая служба. Статут 1566 г. патрабаваў «конна і збройна» (г. зн. уласнымі затратамі) з'яўляцца на службу. Менавіта шляхта на працягу свайго існавання зімала пануюча становішча ў дзяржаве і адыгрывала галоўную ролю ў гаспадарчым, палітычным і культурным жыцці дзяржавы.

Надаючы значную ўвагу становішчу сялян, Я. I. Юху пазначаў, што сяляне падзяляліся на розныя катэгорыі і сярод іх у парадку на лепшым становішчы знаходзіліся сяляне-данныкі («людзі даннія») – асабіста вольныя людзі, што плацілі зямельную рэнту (як правіла, даніну прадукцыяй сельскіх гаспадарак) у дзяржаўную казну. Аднак паступова адбываўся працэс частковай або поўнай замены даніны

грашовым аброкам і пераўтварэння даннікаў у больш залежныя катэгорыі – сялян цяглых і асаднікаў. Увогуле, як ў кожнай феадальнай дзяржаве, паступова ў Беларусі адбываўся працэс запрыгоњвання сялян, што знайшло адлюстраванне ў законах, перш за ёсё ў агульназемскіх граматах, а таксама Судзебніку 1468 г. і статутах. Значная колькасць сялян да XVI ст. яшчэ захоўвала асабістую «волю», г. зн. права на выхад, права пераходзіць ад аднаго феадала на землеўладанні іншых феадалаў. Перш чым адысці, сяляне павінны былі выканаць шэраг умоў: разлічыцца з абавязкамі, вярнуць «запаможанне» – маёмасць і сродкі вытворчасці, што атрымалі ад феадалаў пры пасяленні, заплаціць за выхад («куніца выходная»), атрымаць афіцыйны дазвол феадала («ліст выходны», або «вызвалены») і інш. Умовы сялянскага выхаду ў розных землях некалькі адрозніваліся.

Значны ўклад у працэс запрыгоњвання ўнесла аграрная рэформа, вынікам якой стала распаўсюджанне новай формы зямельнага гаспадарання – фальваркава-паншчыннай сістэмы. Фальваркі, заснаваныя на працы прыгонных сялян і арыентаваныя на рынак, пачалі з'яўляцца ў Беларусі ў другой палове XVI ст. Памеры іх былі рознымі – ад 8 да 15 валок зямлі. Навукоўцы правільна пазначаюць, што канчатковага заканадаўчага замацавання прыгонніцкіх адносін, як гэта было зроблена ў Расіі Саборным Улажэннем 1649 г., у Беларусі не было. Нават у XVIII ст. сустракаюцца выпадкі, калі селянін прадаваў зямлю як уласную [3, с. 56].

Звяртаючы ўвагу на гарадское насельніцтва, Я. А. Юхі пазначае, што яно складалася таксама з некалькіх сацыяльных груп. Багатыя гараджане, асабліва гандлёв-рамесная вярхушка, што валодалі сродкамі вытворчасці або ажыццяўлялі буйны гандаль, мелі ўласныя зямельныя маёнткі і цесна змыкаліся з групай землеўласнікаў. Іншыя жыхары гарадоў, што працавалі ў купцоў або рамеснікаў, знаходзіліся амаль у аднолькавым прававым становішчы з залежнымі сялянамі, а некаторыя з іх прыраўноўваліся да чэлядзі нявольнай, асабліва гэта тычылася парабкаў [4, с. 75]. Маёмасныя права гараджан доўгі час рэгламентаваліся старажытным звычайным правам. Пачынаючы з канца XIV ст., на базе гарадскога насельніцтва ў працэсе актыўнай урбанізацыі фарміруеца саслоўе мяшчан Займаючыся рамеснай дзейнасцю, гараджане адной ці некалькіх блізкіх прафесій паступова, па прыкладзе заходнегурапейскіх гарадоў, аб'ядноўваліся ў цэхі (цэхавыя брацтвы). Цэхі ствараліся з мэтай абароны рамеснай вытворчасці ад дамаганняў землеўладальнікаў, каб манапалізаваць вытворчасць і збыт тавараў, ліквідаваць канкурэнцыю з боку іншых рамеснікаў. Адначасова цэхі ўяўлялі сабой і вайсковыя адзінкі. Гэтыя грамадска-прафесійныя аб'яднанні ў межах канкрэтнага горада з'яўляліся і формай выражэння палітычных правоў і свабод мяшчан, якія пачынаюць усё больш актыўна заяўляць аб сваім праве ўдзелу ў грамадска-палітычным жыцці дзяржавы.

Такім чынам, прафесар І. А. Юхі ў сваіх працах, на аснове аналізу нарматыўных актаў Вялікага Княства Літоўскага, вылучыў этапы і ўмовы фарміравання розных саслоўяў у Вялікім Княстве Літоўскім, выказаў уласныя меркаванні адносна прававога становішча розных катэгорый насельніцтва Беларусі, чым унёс неацэнны ўклад у гісторыка-прававую навуку.

Бібліографічныя спасылкі

1. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў працах прафесара БДУ І. А. Юхі // Веснік БДУ. Серыя 3. Права, 2011. № 3. С. 132–137.
2. Юхі, І. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке. Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 144 с.
3. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. 416 с.
4. Юхі, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучб. дапам. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 70 с.

СЕКЦЫЯ II. ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫІ ПАЛІТЫЧНАЙ і ПРАВОВОЙ ДУМКІ

МЕТОДОЛОГІЧЕСКИЙ ПОТЕНЦІАЛ ТЕЛЕОЛОГІЧЕСКОЇ ТЕОРІИ Р. ФОН ІЕРІНГА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. В. Скоробогатов

профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), д. и. н., доцент, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), ул. Московская, 42, 420111, г. Казань, Российская Федерация, av.skorobogatov@mail.ru

Статья посвящена исследованию теории цели в праве Р. фон Иеринга в теоретико-методологическом аспекте. Сделан вывод, что сформулированные Р. фон Иерингом идеи оteleологической детерминированности правового развития сохраняют свой эвристический и интерпретационный потенциал до настоящего времени и могут выступить методологическим базисом для современных интегративных историко-правовых исследований правовой реальности.

Ключевые слова: телеология; методология; Р. фон Иеринг; историко-правовые исследования; постклассическая рациональность.

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF THE TELEOLOGICAL THEORY RUDOLF VON JHERING IN RESEARCH OF THE HISTORY OF LAW

A. V. Skorobogatov

*Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Legal Disciplines, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasova (IEML), Doctor of Historical Science, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasova (IEML), 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, Russia
av.skorobogatov@mail.ru*

The article is devoted to the study of the theory of law as a means to an end of Rudolf von Jhering in the theoretical and methodological aspect. It is concluded, Rudolf von Jhering's ideas about the teleological determinism of legal development have a heuristic and interpretive significance for modern integrative studies of historical-legal reality.

Keywords: teleology; methodology; Rudolf von Jhering; historical and legal research; postclassical rationality.

Современный этап социального развития характеризуется обновлением всех сторон жизни. Это обновление затрагивает и юридическую науку, которая призвана не только адекватно объяснить закономерности и особенности развития национальной и глобальной правовой реальности, но и сформировать научно обоснованный прогноз ее дальнейшего развития. Речь при этом идет о том, что эволюция правовой реальности, как объективно-субъективной категории, должна предполагать учет не только онтологического аспекта, но и аксиологического. Все это актуализирует смещение акцентов исследовательского интереса с формально-догматических исследований к антропологическим и феноменологическим. Однако в большей степени эта закономерность характерна для исследований современной правовой реальности и в меньшей степени затрагивает ее исторические аспекты.

Историко-правовая наука, несмотря на появление отдельных работ, основанных на постклассической методологии, в целом остается на позициях методологии позитивизма. Нам представляется, что обновление историко-правовых исследований, как и юридической науки в целом, должно осуществляться на освоении характерной для

постклассической науки полипарадигмальности и интегративности, которые позволяют максимально широко охватить все аспекты формирования, развития и функционирования правовой реальности в широком историческом и социокультурном контексте. При этом речь должна идти не только о хронологических исследованиях прошлого, но и о темпоральных, что позволит синтезировать объективные и субъективные аспекты историко-правового процесса.

Однако это не только разработка принципиально новой методологии исследования, но и переосмысление теоретических возможностей классических идей. Одним из таких незаслуженно забытых учений является телеологическая теория, разработанная в конце XIX в. крупнейшим немецким юристом Рудольфом фон Иерингом [10, р. 83].

Идея о телеологической направленности правового развития, сформулированная Р. Иерингом в оставшемся незавершенным двухтомном сочинении «Цель в праве», явилась логическим завершением разработки им социологической доктрины правопонимания [4, с. 141-142] и стала своеобразным подведением итогов детерминистских изысканий причинно-следственных связей в правовом развитии, которые велись в немецкой юриспруденции во второй половине XIX в. [3, с. 24].

Исходя из идеи целевого закона как высшего закона мироздания, Р. Иеринг считал, что этот закон выражается в разной форме для живой и неживой природы. Для «неживых предметов» действует закон причинности («потому что»), в то время как для живых существ – закон цели («для того, чтобы»). Это позволяет утверждать, что в отличие от причины, которая относится к прошедшему времени, цель направлена в будущее [5, с. VI, 2]. Тем самым телеологическая теория Р. Иеринга предвосхитила современные исследования права прогностической направленности и артикулировала временной вектор исследования историко-правовой реальности не только в хронологическом, но и темпоральном контексте. Как явление цель существует в настоящем времени (сущее), в то время как преследуемая ею цель относится к будущему (должное) [5, с. 3]. Цель при этом выступает как представление о будущем, которое пытается реализовать воля [5, с. 6-7], т. е. связана с социальными представлениями о направленности правового развития на удовлетворение не только реальных, но и потенциальных интересов общества [9, с. 147].

Значимым для исследователя становится не только рассмотрение особенностей историко-правового процесса, но и его рефлексия как в сознании акторов, так и в сознании исследователей. Это позволяет интерпретировать государственно-правовое развитие не только в контексте историзма, но и с учетом ретроспекции, возможности использования национальной правовой традиции, в т. ч. институционального характера для совершенствования национальной правовой системы на современном этапе [1].

Хотя сам Р. Иеринг не сформулировал дефиницию цели в праве, герменевтический анализ его работ позволяет ее реконструировать следующим образом: Правовая цель – это идеально предполагаемая и гарантированная государством, обществом или локальным сообществом модель какого-либо социального процесса, к достижению которого при помощи правовых средств стремятся субъекты правовой деятельности [5, с. 14-16]. Выявление глобальной или локальной цели правового развития в рамках определенного социокультурного хронотопа позволяет вывести историко-правовые исследования на философский уровень и рассмотреть в контексте синтеза уникального, например, в рамках интеллектуальной истории или истории понятий, и общецивилизационных работ историософского характера.

Руководствуясь мыслью о том, что право является целесообразным понятием, Р. Иеринг утверждал, что «цель есть творческая сила всего права, что нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели» [5, с. III]. При этом цель целенаправленность выступает свойством социального развития, а целесообразность связывается с субъективным стремлением лица достигнуть

определенной цели, связанной с удовлетворением индивидуальных и социальных интересов [5, с. VII].

Будучи ценностно ориентированной категорией, цель определяет не только общее направление правового развития, но и содержание правовой системы [7, с. 15] как в рамках определенного хронотопа, так и в глобально диахронном аспекте. При этом обеспечение жизненных условий общества является не только общей целью правовой системы, но и составляет цель ее отдельных элементов (отраслей), хотя реализация этой цели в различных отраслях осуществляется по-разному [6].

Это позволяет Р. Иерингу подойти к интерпретации цели инструментально. Отмечая, что деяние само по себе никогда не является целью, он подчеркивает, что деяние выступает лишь средством, направленным на достижение цели. Лежащая в основе деяния причина может быть трансформирована в цель, тем самым придавая первому телеологический характер. По мнению Р. Иеринга, не существует бесцельных деяний. Подчеркивая наличие целеполагания даже в деяниях, в т. ч. правовых, совершенных под принуждением или бессознательно [5, с. 8, 74], он подходит к постклассической фрактальной интерпретации детерминизма. Даже реализация государством противоречащей на первый взгляд интересам общества цели в праве в конечном итоге приводит к удовлетворению социальных интересов [5, с. 325-326], хотя зачастую внешне это выражается в удовлетворении интересов политической элиты [5, с. 327]. Историко-правовое исследование целеполагания акторов правовой коммуникации позволяет не только изучить особенности правового развития определенного общества или региона, но и выявить факторы, влияющие на эффективность правового воздействия на сознание и поведение субъектов права. В этих рассуждениях Р. Иеринг выходит на уровень исследования легитимности права. Однако в отличие от современных исследований, преимущественно рассматривающих этот вопрос через призму естественно-правового или социологического правопонимания, делает это в контексте телеологии. Применение этого подхода позволяет вывести историко-правовые исследования на историософский уровень и рассмотреть историко-правовую реальность не только в контексте прошлого, но и будущего, с учетом прогностической составляющей как позитивного, так и социального права.

Р. Иеринг рассматривает цель объективно-субъективно, подчеркивая взаимосвязь каузальности внешнего мира и телеологии человеческой воли [5, с. 13-14]. Поскольку воля, имеющая целесообразный характер, является первопричиной изменений во внешнем мире, цель в концепции Р. Иеринга приобретает трансцендентальную интенцию [5, с. 16]. Однако целесообразность права является субъективной категорией и зависит от социокультурных факторов.

В качестве внутреннего гаранта реализации цели в праве Р. Иеринг называет правосознание, под внешним – он понимает «юстицию», подразумевая под этим термином систему правосудия [5, с. 275]. Признание роли ментального элемента в целеполагании фактически подводило Р. Иеринга к признанию о конструируемом характере правовой цели, характерном для постклассической философии права. Использование этой методологии при исследовании историко-правовых явлений позволяет проанализировать содержание и результаты конвенциональных процессов социального конструирования правовой реальности [2].

Социологический подход к определению цели права обусловил понимание Р. Иерингом субъектов целеполагания, которых он рассматривал как носителей и выражителей практических потребностей и целей, обеспечиваемых посредством права [8]. В качестве субъектов целеполагания по его мнению выступали не только государство и общество, но также различные общественные объединения и отдельный индивид [5, с. 323-326]. Благодаря целеполаганию, именно в правовой сфере наиболее ярко прослеживается солидарность между интересами индивида и интересами общества [5, с. 404] и прослеживается конвенциональный характер правового развития.

Таким образом, телеологическая теория Р. Иеринга заложила основы изучения различных аспектов целеполагания в праве не только для социологической юриспруденции, представителем которой он являлся, но и для иных концепций правопонимания и не утратила свое значение до настоящего времени. Эвристический и интерпретационный потенциал этой теории может служить методологическим базисом для современных интегративных историко-правовых исследований правовой реальности.

Библиографические ссылки

1. Азми, Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938-1946 годы). М. : Юркомпани, 2009. 285 с.
2. Бабаева, Ю. Г., Пашенцев, Д. А., Ситдикова, Л. Б. Особенности конструирования преступности в первый период Советского государства (к 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР) // Образование и право. 2019. № 9. С. 261-265.
3. Беляева, О. М. Цель права и цель в праве: взгляд через призму учения Р. фон Иеринга // История государства и права. 2015. № 7. С. 23-27.
4. Горбань, В. С. Диалектика понятия против диалектики цели: о проблеме преемственности и новизны с позиции сравнения философии Гегеля и философии Иеринга // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 138-144.
5. Иеринг, Р. Цель в праве / пер. В. Р. Луцкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюженского; под ред. В. Р. Лицкого. СПб. : Изд-е Н. В. Муравьева. Т. 1. II, VIII, 412 с.
6. Севостьянов, А. А. Соотношение цели в праве и иных правовых категорий // Вестник ТИСБИ. 2012. № 4. С. 228-233.
7. Чулюкин, Л. Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 103 с.
8. Helfer Chr. Rudolf von Jhering als Rechtssoziologe. Eine Erinnerung zum 150. Geburtstag // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1968. Bd. 20. S. 553-571.
9. Rapone, V. Der Zweckbegriff im Werk Rudolf von Jherings // Journal der Juristischen Zeitgeschichte. Bd. 13. Н. 1. S. 141-165.
10. Seagle, W. Rudolf von Jhering: Or Law as a Means to an End // University of Chicago Law Review. 1945. Vol. 13. Iss. 1. Art. 4. P. 71-89.

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ АЗАРЕВИЧ: ЮРИСТ, УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ

В. В. Седельник

*заведующая кафедрой теории и истории государства и права Гродненского государственного университета им. Купалы, кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, ул. Ожешко, 22230023,
г. Гродно, Республика Беларусь,
v. sedelnik58@mail.ru*

В. В. Скитович

*профессор кафедры гражданского права РГУ им. Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Стремянный переулок, д. 36, 117997, г.
Москва, Российская Федерация,
v. sedelnik58@mail.ru*

В статье обосновывается необходимость изучения творческого наследия Д. И. Азаревича – дореволюционного российского правоведа белорусского происхождения. Отмечается его вклад в исследование истории древнего права. Предлагается включить труды Д. И. Азаревича в электронный вариант издания «Наследие права».

Ключевые слова: история право; римское право; юриспруденция; правовое наследие.

DMITRIJ IVANOVICH AZAREVICH: LAWYER, SCIENTIST, TEACHER

V. V. Sedelnik

*Head of the Department of Theory and History of State and Law, Grodno State University named after Kupala,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko str., 22230023, Grodno, Republic of Belarus,
v.sedelnik58@mail.ru*

V. V. Skitovich

*Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University. G. V. Plekhanova, Doctor of Law,
Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny lane, 117997, Moscow, Russia,
v.sedelnik58@mail.ru*

The article substantiates the need to study the creative heritage of D. I. Azarevich, a pre-revolutionary Russian lawyer of Belarusian origin. His contribution to the study of the history of ancient law is noted. It is proposed to include the works of D. I. Azarevich in the electronic version of the publication «Heritage of Law».

Keywords: history of law; Roman law; jurisprudence; legal heritage.

Столетие со дня рождения известного белорусского правоведа профессора Иосифа Александровича Юхно – хороший повод для размышлений об отечественном правовом наследии и судьбах тех, кто его создавал. Жизненный и творческий путь этих людей складывался по-разному: идеи некоторых из них сразу же получили признание научного сообщества, творчество же других в силу различных причин осталось недооцененным. Характерным примером в этом смысле является жизнь и деятельность Дмитрия Ивановича Азаревича, имя которого до недавних пор было известно в Беларуси сравнительно узкому кругу специалистов в области истории права.

Так, в энциклопедическом справочнике 1995г.»Мысліцелі і асветнікі Беларусі», указан только год его рождения – 1848, сведения же о годе его смерти отсутствуют [5, с. 345]. Между тем, во второй половине XIX–начале XX столетия исследования Д. И. Азаревича по истории римского и византийского права занимали видное место в доктрине того времени; в дореволюционных работах ссылки на его труды широко распространены.

Д. И. Азаревич родился в 1848 г. в семье профессора законоведения Горы-Горецкого земледельческого института Могилевской губернии. После событий 1863 года этот институт был реорганизован, и семья Азаревича оказалась в Петербурге. Детство и юность ученого связаны со столицей Российской империи – там он с золотой медалью заканчил классическую гимназию и в 1866 году поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Можно сказать, что занятия юриспруденцией стали для него продолжением дела отца.

Становление Д. Азаревича как ученого происходило типичным для того времени образом. Уже во время обучения на юридическом факультете проявляются его склонности к науке, причем предметом его интереса в студенческие годы стало древнее право. Об этом говорит факт получения им золотой медали за конкурсную работу «De mandato». Неудивительно, что Д. И. Азаревич был оставлен на кафедре римского права для подготовки к преподавательской деятельности. В 1872 году он успешно защитил магистерскую диссертацию «О различии между опекой и попечительством по римскому праву» и через год, в соответствии с принятой в то время практикой, был послан за границу для углубленного изучения юриспруденции. По возвращению в Россию Д. И. Азаревич занял должность экстраординарного профессора в Демидовском юридическом лицее Ярославля. Годы жизни Д. Азаревича в этом городе смело можно

считать для него временем весьма плодотворным: именно тогда выходит его сочинение: «Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование» (в двух томах), а спустя несколько лет изданы такие работы, как «История византийского права», «Брачные элементы и их значение», а также «Античный мир и христианство».

В 1882 году он был избран ординарным профессором Новороссийского университета в Одессе и через несколько лет стал деканом юридического факультета. Однако пребывание на этой должности не продлилось долго, и уже в 1887 году ученый начинает работать в Варшавском университете на кафедре гражданского судоустройства и судопроизводства. Примечательно, что Д. Азаревич не только быстро освоил преподаваемые учебные курсы, издав соответствующие пособия для студентов, но и приступил к освоению новой для российского правоведения дисциплины – торгового права.

В последние десятилетия в современной историко-правовой науке, как зарубежной, так и отечественной, жизненный и творческий путь Д. Азаревича рассматривается в русле исследования особенностей развития университетского образования в дореволюционной России. Так, профессор МГУ В. А. Томсинов в книге, посвященной российским правоведам XVIII–XX веков, сообщает, что научное наследие Д. И. Азаревича включает полтора десятка книг, статьи и рецензии, переводы иностранных произведений[6]. Профессор БГУ Т. И. Довнар правильно замечает, что многие выходцы из Беларуси внесли серьезный вклад в развитие российской правовой науки (В. Д. Спасович, Л. И. Петражицкий и др.) [4, с. 26]. Тем не менее, жизнь и творчество многих правоведов, родившихся на белорусских землях, изучены недостаточно. Сказанное относится к деятельности и научному творчеству Д. И. Азаревича.

Обращение к его трудам позволяет говорить не только о научных интересах ученого, которые охватывали прежде всего проблемы истории древнего права, но и о его стремлении к их самостоятельному, новаторскому исследованию. Дело в том, что во второй половине XIX века одним из авторитетнейших ученых в этой области являлся немецкий правовед Р. Иеринг, снискавший широкое признание своим фундаментальным трудом «Дух римского права на разных ступенях его развития». В этот период в российской юриспруденции влияние Иеринга также было весьма заметным. Нужно было обладать научной смелостью и решительностью, чтобы усомниться в правильности трактовки немецким правоведом истории римского права.

Д. И. Азаревич, отдавая должное трудам Иеринга, полагал, что понимание немецким ученым истории римского права во многом базируется на априорных основаниях, взятых из психологии, этики, этимологии и т. д. Российский же ученый считал, что нужно опираться на «положительные исторические факты», и на их основе найти «ту основную форму древнейшего римского общежития», которая позволила бы понять и объяснить всю последующие формы римской государственности. Такой основной формой, по мнению Д. Азаревича, является род (gens), характеризующийся единоличной неограниченной властью отца семейства. Именно род, по его мнению, был прототипом римского государства, и, с его точки зрения, все главнейшие институты римского семейного и наследственного права могут быть объяснены особенностями этой формы[1].

Труды молодого правоведа, рискнувшего усомниться в правильности выводов европейских ученых-романистов, столкнулись с резкой критикой со стороны тех российских исследователей, которые разделяли идеи Р. Иеринга. В частности, С. А. Муромцев выступил с критикой взглядов Д. Азаревича, столь резкой, что это стало препятствием к защите им докторской диссертации. Однако это обстоятельство не помешало дальнейшим научным поискам Д. И. Азаревича. Докторская диссертация «Прекариум по римскому праву» была защищена им в 1877 году. Тогда же он публикует работу «История византийского права», которое в то время в России было очень слabo

исследованным. Под византийским правом Д. И. Азаревич понимал «кримское право, отмеченное особенностями византийского элемента». При этом он указывал на преимущества, которыми обладает в исследовании византийского права русский ученый по сравнению с западноевропейскими авторами. Таким преимуществом он считал возможность опираться на источники древнерусского права. Исследовав историю византийского права, Д. И. Азаревич пришел к выводу о наличии элементов византизма в древнерусском праве, как частном, так и публичном.

В период работы в Императорском Варшавском университете (около полутора десятилетий) Д. И. Азаревич, наряду с подготовкой лекционных курсов по гражданскому праву и процессу и торговому праву, проявляет интерес к глубинным истокам права, его культурным нравственным основаниям. Ученый был убежден, что действующее право пронизывает всю жизнь народа и, образно говоря, является зеркалом своего времени [2]. Мы же убеждены, что оригинальный исследователь, блестящий знаток юридических древностей Д. И. Азаревич должен быть включен в число тех правоведов белорусского происхождения, которые внесли заметный вклад в дореволюционную российскую юриспруденцию, хотя их творческая судьба непосредственно и не связана с нашей страной. Считаем, что его творческое наследие заслуживает отдельного глубокого изучения.

Нужно продолжать работу по сабиранию и изданию научных трудов уроженцев Беларуси, тем более, что ими написано немало страниц, интересных и полезных и сегодня для тех, кто посвятил себя служению юридической науке. Именно в этом русле, начиная с 2011 года, осуществляется в Беларуси проект “Наследие права”, цель которого заключается в сохранении и популяризации работ отечественных и зарубежных классиков права. Представляется, что перспективы развития данного проекта связаны с современными цифровыми технологиями: электронная публикация может стать разумной альтернативой традиционному печатному изданию.

Библиографические ссылки

1. Азаревич, Д. И. Патриции и плебеи в Риме: историко-юридическое исследование: В 2-х т. Спб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1875.
2. Азаревич, Д. Соблюдение законов. Варшава. 1890. 31с.
3. Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Том 1. Выпуски 1 – 21. С. Петербург, 1889. 1200с.
4. Довнар, Т. И. Историко-правовая наука Беларуси: проблемы и перспективы // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ. 2009. Вып. 20. С. 5 -31.
5. Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. Энцыкл.; Гал. рэд.»Беларуск. энцыкл.»: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш.; мас. Э. Э. Жакевіч. Мн. :БелЭн. 1995. 671с.
6. Томсинов, В. А. Российские правоведы XVIII-XX веков. Очерки жизни и творчества: В двух томах. Т. 1. М., 2007. 672с.

УПЛЫЎ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВЫХ ІДЭЙ АНТЫЧНАСЦІ НА ПАЛІТЫЧНУЮ І ПРАВАВУЮ ДУМКУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПАД ЧАС РЭФАРМАЦЫІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI СТАГОДДЗЯ

Д. С. Жук

*выкладчык агульнавайсковой кафедры ваеннага факультэта Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта,
кандыдат юрыдычных навук,
Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
c0sm1c@yandex.ru*

У артыкуле разглядаюцца пытанні ўплыву палітыка-прававых ідэй Антычнасці на палітычную і прававую думку ВКЛ падчас Рэфармацыі ў другой палове XVI ст. Вызначаюцца прадстаўнікі палітыка-прававой думкі ВКЛ, на якіх быў аказана найбольшы ўплыў палітыка-прававых ідэй мысліцеляў Антычнасці, а таксама фактары, якія садзейнічалі такому ўплыву

Ключавыя слова: уплыў; палітычная і прававая думка ВКЛ; палітыка-прававыя ідэі мысліцеляў Антычнасці; Рэфармацыя.

THE INFLUENCE OF POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF ANTIQUITY ON THE POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA DURING THE REFORMATION IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY

D. S. Zhuk

*lecturer of the military department of the military faculty of the Belarusian State University, candidate of legal sciences,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
c0sm1c@yandex.ru*

The article examines the influence of the political and legal ideas of Antiquity on the political and legal thought of the Grand Duchy of Lithuania during the Reformation in the second half of the XVI century. The representatives of the political and legal thought of the Grand Duchy of Lithuania are determined, who were most influenced by the political and legal ideas of the thinkers of Antiquity, as well as the factors that contributed to this influence

Key words: the influence; political and legal thought of the Grand Duchy of Lithuania; political and legal ideas thinkers of Antiquity; Reformation.

Уплыў гісторыка-прававой і палітычнай спадчыны антычных мысліцеляў зведала на сабе палітыка-прававая думка эпохі Рэфармацыі шэрагу ўсходніх краін. Не стала выключэннем і Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае (далей – ВКЛ), прадстаўнікі якога, дзеячы Рэфармацыі актыўна звярталіся да ідэй, поглядаў, думак мысліцеляў Антычнасці і перапрацоўвалі іх у дачыненні да свайго часу згодна з яго патрабаваннямі. Гэта несумненна фарміравала ўласны почырк беларускай палітыка-прававой думкі, але нягледзячы на важнасць вышэйакрэсленага факту цалкам уплыў ідэй мысліцеляў Антычнасці на прадстаўнікоў палітычнай і прававой думкі ВКЛ, асабліва яе другой паловы XVI ст., пакуль не даследаваны ў навуковай літаратуры. Даследчыкі І. І. Лапо [4, с. 155–156, 213–214], С. А. Падокшын [6, с. 150–153], І. А. Юхно [11], С. Ф. Сокал [8, с. 51, 72; 9, с. 19–20], Г. В. Дземчанка [2, с. 160–161], Т. І. Доўнар [3] і іншыя даследавалі палітыка-прававыя погляды і ідэі дзеячаў ВКЛ рэфармацынага перыяду, і толькі часткова разглядалі пытанні ўплыву на іх палітыка-прававой спадчыны эпохі Антычнасці.

Яскравымі прадстаўнікамі палітыка-прававой думкі ВКЛ разглядаемага перыяду былі А. Валовіч (каля 1520 – 1587), А. Ратундус Мялецкі (каля 1520 – 1582), С. Будны (каля 1530 – 1593), А. Волан (1530 – 1610), Л. Сапега (1557 – 1633). Кожны з іх звяртаўся да антычнай спадчыны пры разглядзе палітычных і прававых аспектаў функцыянування дзяржавы і грамадства.

Адным з выбітных прадстаўнікоў палітычнай і прававой думкі ВКЛ быў А. Волан, які навучаўся ва ўніверсітэтах Франкфурта-на-Одэры і Кёнігсберга. Там ён вывучаў аntyчную філософію, гісторыю, прававыя навукі [1, с. 138].

Яго прававая і палітычная дзеянасць засноўвалася на трох катэгорыях: свабодзе, роўнасці і справядлівасці, якія і ў наш час з'яўляюцца першапачатковымі накірункамі пры будаўніцтве дэмакратычных дзяржаў і развіцці іх прававых сістэм. У рэлігійных справах ён знаходзіўся на перадавых пазіцыях і лічыўся «бацькам літоўскіх кальвіністаў» [10, с. 79].

Яго пяру належыць шмат твораў, дзе закранаўца грамадска-палітычныя, прававыя, дзяржаўныя і маральна-этычныя пытанні жыцця дзяржавы, грамадства і чалавека: «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе» (1572), «Прамова да сената Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага, або якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля» (1573), «Прадмова на кнігу Андрэя Фрыча Маджэўскага «Аб удасканаленні Рэчы Паспалітай» (1577), «Пяць кніг супроць Скаргі» (1582), «Paraenesis» (1582), «Зварот да жыхароў Каралеўства Польскага» (1585), «Пра шчаслівае жыццё або найвышэйшыя чалавечыя вартасці» (1596), «Пахвальнае слова вяльможнаму пану Мікалаю Крыштафу Радзівілу» (1598), «Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістых вартасці» (1608). На творчасць А. Волана моцны ўплыў аказалі палітыка-прававыя ідэі мысліцеляў Аntyчнасці.

Найболыш яскрава гэта праявілася ў творы «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе», дзе А. Волан для вырашэння грамадска-палітычных, прававых і этика-маральных праблем актыўна выкарыстоўваў гісторыка-прававы і палітычны вопыт эпохі Аntyчнасці. У дадзеным творы ён рабіў шмат спасылак на Платона (12 разоў) [1, с. 17–18, 19, 22, 53, 71, 90, 91, 95, 97], Арыстоцеля (11 разоў) [1, с. 19, 22, 26–27, 35, 47, 88, 90, 93, 97] і Цыццэрана (19 разоў) [1, с. 12, 15, 21, 26, 41, 42, 51, 62, 86, 89–90, 91, 97].

А. Волан прыводзіў іх думкі наконт асуджэння рабства [1, с. 12, 15], супастаўлення рабства і свабоды [1, с. 17–18, 21], тлумачэння закона [1, с. 26, 26–27], яго мэты [1, с. 62] і недахопаў [1, с. 90], шанавання законаў у грамадстве [1, с. 22], паняцця ўлады, закона і іх суаднясення [1, с. 89–90, 97], неад'емнасці добрых законаў і добрай улады [1, с. 97], неабходнасці для суддзі кіравацца прынцыпамі добра і справядлівасці [1, с. 90], сапраўднага правасуддзя [1, с. 91], вызначэння свабоды [1, с. 51], справядлівасці і несправядлівасці [1, с. 95], суаднясення права, добра і справядлівасці [1, с. 88] і іншыя думкі.

Таксама варта адзначыць, што ў сваім творы «Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе» А. Волан упамінаў трактаты аntyчных мысліцеляў да тэкстаў якіх звязтаўся. Сярод іх можна назваць платонаўскія «Законы» [1, с. 19, 22, 97], «Аб дзяржаве» [1, с. 17], «Эўфідэм» [1, с. 19] і «Менон» [1, с. 95], «Аб законах» [1, с. 26, 89] Цыццэрана і «Вялікая этика» [1, с. 90] Арыстоцеля.

Пералічаныя намі прадстаўнікі палітычнай і прававой думкі ВКЛ абапіраліся ў сваёй творчасці і палітычнай дзеянасці на аўтарытэт аntyчных аўтараў, палітычныя і прававыя ідэі якіх аказвалі ўплыў на мысліцеляў ВКЛ.

Важным момантам у пытанні ўплыву палітыка-прававых ідэй мысліцеляў Аntyчнасці на палітычную і прававую думку ВКЛ пад час Рэфармацыі ў другой палове XVI ст. з'яўляеца высвятынне пытання стаўлення яе дзеячаў да аntyчнага ідэйнага багацця, у тым ліку палітыка-прававога.

Звязтае на сябе ўвагу той факт, што ў ВКЛ прыхільнікамі Рэфармацыі зачастую з'яўляліся прадстаўнікі яго палітычнай і прававой думкі. Так, калі мы паглядзім на канфесійную прыналежнасць пералічаных намі вышэй прадстаўнікоў дадзенай думкі, то ўбачым, што ў сваёй большасці яны вызнавалі пратэстантызм і былі прыхільнікамі Рэфармацыі. Гэта адбывалася альбо на працягу ўсяго сталага жыцця (А. Валовіч, С. Будны, А. Волан) альбо ў пэўныя яго перыяд (Л. Сапега).

Вядома, што ў пратэстанцкай па накіраванасці прадмове да Брэсцкай Бібліі 1563 г. яе перакладчыкі выразілі сваю прыхільнасць і ўсхвалялі мудрасць антычных мысліцеляў, асабліва Платона, Арыстоцеля, Сенекі і Цыццэона [12, с. 1]. Аднак не ўсе ідэолагі Рэфармацыі ставіліся да яе прыхільна. Напрыклад, прадстаўнік радыкальной плыні рэфармацыйнага руху М. Чаховіц (1532–1613) у прадмове да свайго твора «Хрысціянская дыялогі» (1575) звінавачваў прадстаўнікоў крайніх плыняў у тым, што яны адракліся ад Бога для таго каб весці людзей «по путі согласно... Платону, Аристотелю и другим языческим філософам» [7, с. 14].

Варта адзначыць, што галоўныя ідэолагі еўрапейскай Рэфармацыі М. Лютер і Ж. Кальвін таксама абапіраліся на антычную спадчыну і прызнавалі аўтарытэт антычных мысліцеляў, называючы іх язычнікамі.

Прымячу, што дзеячы Рэфармацыі ў ВКЛ, якія зачастую адначасна з'яўляліся і прадстаўнікамі яго палітычнай і прававой думкі, а таксама галоўныя ідэолагі Рэфармацыі Ж. Кальвін і М. Лютер, станоўча ставіліся да Антычных трактатаў, можна зрабіць выснову аб тым, што эпоха Рэфармацыі, як мінімум не супярэчыла, а часам і садзейнічала пранікненню антычнага ўплыву ў рэлігійны, палітычны і прававы асяродак жыцця ВКЛ. У той жа час нельга забываць і аб звяртанні прадстаўнікоў каталіцтва і, у меншай ступені праваслаўя, да антычнай спадчыны з яе багатым ідэйным здабыткам многіх стагоддзяў, што сведчыла аб уплыве на іх ідэй Антычнасці.

Існавала шэраг фактараў, якія садзейнічалі ўплыву ідэй Антычнасці на палітычную і прававую думку ВКЛ другім палове XVI ст. Гэта распаўсюджанасць у XVI–XVII стст. на тэрыторыі ВКЛ трактатаў антычных аўтараў, галоўным чынам твораў Платона, Арыстоцеля і Цыццэона [6, с. 150–152], вывучэнне ў пратэстанцкіх, праваслаўных брацкіх і каталіцкіх школах антычнай літаратуры [5, с. 172], а таксама атрыманне адукациі прадстаўнікамі палітыка-прававой думкі ВКЛ у заходніх еўрапейскіх універсітэтах, дзе ім даводзілася знаёміца з антычнымі аўтарамі.

Такім чынам, уплыў палітыка-прававых ідэй Антычнасці на палітычную і прававую думку ВКЛ пад час Рэфармацыі ў другой палове XVI ст. адбываўся праз мысліцеляў ВКЛ (А. Валовіча, А. Ратундуса Мялецкага, С. Буднага, А. Волана, Л. Сапегу), якія цытавалі ў сваіх творах антычных аўтараў, выказвалі сугучныя з іх думкамі погляды і ідэі. Большасць з іх адначасова з'яўлялася дзеячамі Рэфармацыі ВКЛ і прытрымлівалася таго або іншага напрамку пратэстантызму.

Раней за нашых мысліцеляў уплыў ідэй Антычнасці зведалі на сабе галоўныя ідэолагі еўрапейскай Рэфармацыі М. Лютер і Ж. Кальвін, якія самі абапіраліся на антычную спадчыну і прызнавалі аўтарытэт антычных мысліцеляў. Спачатку яны, а следам за імі мысліцелі ВКЛ, выкарыстоўвалі і спасылаліся на іх палітычныя, прававыя і філософскія ідэі для аргументавання ўласных рэлігійных, філософскіх, палітыка-прававых поглядаў. У гэтых ідэях мелі патрэбу і дзеячы каталіцкай і, у меншай ступені, праваслаўной цэркви, што таксама вяло да імплементацыі гэтых ідэй у ідэалогію дадзеных накірункаў хрысціянства.

Улічваючы гэта, можна зрабіць вывад, што Рэфармацыя больш садзейнічала, чым замінала ўплыву ідэй Антычнасці на палітычную і прававую думку ВКЛ пад час Рэфармацыі ў другой палове XVI ст.

Бібліографічныя спасылкі

1. Волян, А. Аб грамадзянскай або палітычнай свабодзе. Пер. з лац. У. Шатона. Мінск : Зміцер Колас, 2009. 142 с.
2. Демченко, Г. В. Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ (1529, 1566 и 1588 гг.). Кіевъ : Типографія Імператорскага Університета Св. Владіміра В. І. Завадзкага, 1894. Ч. 1. [2], V, 273, II с.
3. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэбнае выданне. Мінск : Амалфея, 2007. 400 с.

4. Лаппо, И. И. Литовский Статут 1588 года : в 2 т. Т. 1 : Исследование, ч. 1. Каунас, 1934. XV, 473, [1] с.
5. Падалінская, А. А. Выкарыстанне ідэй антычнай філософіі прадстаўнікамі праваслаўнага, каталіцкага і рэфармацыйнага напрамкаў у другой палове XVI – першай палове XVII ст. у Беларусі // Гісторыя філософскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філософіі ; рэдкал. : В. Б. Евароўскі [і інш.]. Мінск, 2013. Т. 3. С. 170–196.
6. Падокшын, С. А. Філософская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі : ад Францыска Скарыны да Сімяона Палацкага. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 283 с.
7. Сербента, В. А. К истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии XVI – начала XIX в. // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI – начала XIX в. / АН БССР, Институт философии и права ; под общ. ред. В. А. Сербента [и др.]. Минск, 1962. С. 5–22.
8. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половины XVII в. Мінск : Наука и техника, 1984. 186, [2] с.
9. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половины XVI века. Минск : Наука и техника, 1974. 142, [2] с.
10. Шалькевіч, В. Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск : Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. 248 с.
11. Юхно, И. А. Правовое положение населения в Белоруссии в XVI в. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 144 с.
12. Biblia święta, tho iest, Księgi Starego y Nowego Zakonu, właśnie z Żydowskiego, Greckiego, y Łacińskiego, nowo na Polski ięzyk, z pilnością y wiernie wyłożone. Brześć Litewski : Nakł. M. Radziwiłła, 1563. 1186 s.

ПРАЦА Л. АКІНШЭВІЧА “ПРАВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА” (1953) І ЯЕ ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ ГІСТАРЫЯГРАФІІ БЕЛАРУСІ

У. А. Падалінскі

загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржавнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржавны ўніверсітэт, вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
ulpadalinski1978@gmail.com

У артыкуле разглядаецца змест даследавання беларуска-ўкраінскага гісторыка Льва Акіншэвіча, прысвяченага гісторыі вывучэння права Вялікага Княства Літоўскага. Паказана этапнае значэнне работы для беларускай гістарыяграфіі. Робіцца выснова, што большасць пастаўленых у кнізе даследчых задач усё яшчэ з'яўляюцца актуальнымі для вывучэння прававой гісторыі Беларусі.

Ключавыя слова: гісторыя права; Вялікае Княства Літоўскае; гістарыяграфія.

“THE LAW OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA” BY LEO OKINSHEVICH (1953): CONTENT AND IMPORTANCE

V. A. Podolinsky

*Head of the Department of the History of Belarus of Antiquity and the Middle Ages, Faculty of History,
Belarusian State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 6, Krasnoarmeiskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
ulpadalinski1978@gmail.com*

The article examines the content of Belarusian-Ukrainian historian Leo Okinshevich' work, dedicated to the history of the study of the Grand Duchy of Lithuania law. It shows the significant importance of the work for the Belarusian historiography. The author concludes that most of the research tasks set in this manuscript are still relevant for the study of the legal history of Belarus.

Key words: history of law; Grand Duchy of Lithuania; historiography.

У красавіку 1953 г. у Нью-Ёрку было надрукавана даследаванне “The Law of the Grand Duchy of Lithuania: Background and Bibliography” [8]. Яго аўтарам з’яўляўся беларуска-ўкраінскі гісторык права Леў Акіншэвіч. Работа складалася з кароткага агляду асаблівасцей утварэння і дзяржаўнага развіцця ВКЛ, а таксама аналізу і падрабязнага пераліку навуковых выданняў XIX–першай паловы XX ст., прысвеченых розным аспектам велікакняжацкага права (больш за 320 пазіцый). На жаль, кніга “Права Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя пытання і бібліографія” да гэтага часу застаецца амаль невядомай не толькі шырокаму колу чытачоў, але нават спецыялістам [адну з нешматлікіх рэцэнзій на яе гл. : 1, с. 364–368, 377]. У артыкуле раскрыем змест і структуру дадзенай работы Л. Акіншэвіча, а таксама акрэслім яе значэнне для вывучэння гісторыі права ВКЛ.

Леў Аляксандравіч Акіншэвіч (1898–1980 гг.) – гісторык беларускага і ўкраінскага права XVI–XVIII стст. Беларус па паходжанні, ён нарадзіўся ў Расіі, а сцвердзіўся, як даследчык ва Украіне. Вучыўся на юрыдычным факультэце Кіеўскага ўніверсітэта, з 1921 па 1933 г. з’яўляўся супрацоўнікам Усейкраінскай Акадэміі навук. Пры гэтым, Л. Акіншэвіч не парываў сувязей з этнічнай Радзімай. У 1918 г. ён прыняў грамадзянства Беларускай Народнай Рэспублікі, з сярэдзіны 1920-х гг. некалькі разоў наведваў БССР і актыўна даследаваў мінулае Беларусі. Так, у часопісе “Полымя” выйшлі яго артыкулы па гісторыі беларускага казацтва і беларускай юрыдычнай тэрміналогіі, а таксама шэраг рэцэнзій [1, с. 82–137, 162–217, 374–376]. Аднак навуковае жыццё было перарвана рэпрэсіямі 1930-х гг. Пад час Вялікай Айчыннай вайны ён патрапіў у нямецкі палон, затым жыў і працаваў ва Украіне. У 1944 г. выехаў у эміграцыю, а з 1949 г. пастаянна жыў у ЗША. З 1951 па 1954 г. Л. Акіншэвіч з’яўляўся стыпендыятам даследчыцкай праграмы Калумбійскага ўніверсітэта (Нью-Ёрк) па вывучэнні СССР [1, с. 8–17, 259–279, 368–372; 2; 5]. Гэты перыяд быў вельмі плённым для яго даследаванняў беларускай проблематыкі. Сярод іншага, у часопісе “Запісы БІНіМ”, ён надрукаваў артыкул па гісторыі парламентарызму на землях Беларусі, які разгледзеў у кантэксце станаўлення ўсходніх прадстаўнічых інстытутаў (1952 г.), і наватарскую работу, прысвяченую цывілізацыйным асновам беларускага гістарычнага практэсу (1953 г.) [1, с. 56–82, 374–376; 4, с. 211–234]. Менавіта ў час выканання праграмы Л. Акіншэвіч падрыхтаваў даследаванне, якое з’яўляецца прадметам нашага аналізу.

Даследаванне распачынаецца з кароткіх уводзін у гісторыю Вялікага Княства Літоўскага, у якіх былі разгледжаны практэс утварэння ВКЛ і яго роля ў развіцці Усходняй Еўропы. Адзначалася, што князі раздробленых зямель Русі, часта добраахвотна, становіліся васаламі вялікага князя літоўскага, але пры гэтым самі княствы захоўвалі сваю палітычную і судовую сістэму, уласнае культурнае жыццё. Прызнаючы актыўную ролю літоўцаў ва ўтварэнні дзяржавы, Л. Акіншэвіч падкрэсліваў, што вялікія князі прынялі афіцыйнай мовай “рускую”, асновай якой была мова беларускіх зямель [8, р. 2–3]. Значэнне уніі з Польшчай у гісторыі ВКЛ ацэньвалася негатыўна. Аўтар называў дзве прычыны паступовага аслаблення дзяржавы: цяжкую барацьбу з суседнімі краінамі і саюз з Каралеўствам Польскім. На яго думку, польская культурныя ўплывы і выкліканая імі паланізацыя паглыблялі разрыў паміж вышэйшымі сацыяльнымі групамі, перш за ўсё, шляхтай, і астатнім насельніцтвам. А пасля заключэння ў 1569 г. Люблінскай уніі Вялікае Княства Літоўскае ўжо не магло разлічваць на ролю “цэнтра ўсходнеўрапейскай культуры” [8, р. 5]. Разам з тым, ВКЛ не знікла ў складзе Рэчы Паспалітай. Са спасылкай на працы расійскага гісторыка права І. Лапы і беларускага гісторыка В. Дружыца, Л. Акіншэвіч даводзіў, што “беларуска-літоўская” дзяржава праіснавала да канца XVIII ст. Так, захоўвалася асобная прававая сістэма, аб чым яскрава сведчыў трэці Статут ВКЛ [8, р. 5–6]. Заўважым, што аўтар з пункту гледжання дзяржаўнага кіравання і сацыяльнай арганізацыі акрэсліваў Вялікае

Княства ў XIII–XV стст., як імперыю [8, р. 3, 6]. Хіба, гэта была адна з першых спроб выкарыстаць дыскурс імперыі ў адносінах да гісторыі ВКЛ, што набыло пэўную папулярнасць у навуцы толькі ў XXI ст. [гл. напр.: 7].

Уласна гісторыю вывучэння права Вялікага Княства Літоўскага Леў Акіншэвіч падзяляў на тры перыяды: першая палова XIX ст.; з 1850-х гг. да 1914 г.; ад Першай да Другой Сусветнай вайны. Перыяд да сярэдзіны XIX ст. быў прадстаўлены работамі польскіх і “польска-беларускіх” даследчыкаў Т. Чацкага, С. Ліндэ, І. Даніловіча, Ю. Ярашэвіча. У гэты час рабіліся спробы вывучаць права і дзяржаўную арганізацыю ВКЛ. На думку Л. Акіншэвіча, дадзеныя работы харкторызироваліся абмежаванай базай крыніц, наяўнасцю памылак і адсутнасцю абагульнення. Па меры развіцця даследавання ў галіне гісторыі права, яны хутка састарэлі. Разам з тым, падкрэслівалася, што ў выданнях першай паловы XIX ст. ставіліся надзвычай важныя праблемы, а некаторыя іх высновы не страцілі значэння і ў XX ст. (у прыватнасці, высновы Ю. Ярашэвіча аб існаванні феадальных адносін у ВКЛ) [8, р. 6–8].

У другой палове XIX–пачатку XX ст. на першае месца ў вывучэнні гісторыі права Вялікага Княства выходзяць расійскія даследчыкі, якія распачалі сістэматычнае вывучэнне “заходнярускага” права. Шмат у чым гэта тлумачылася жаданнем даследаваць гісторыю не толькі Маскоўскай Русі, але і іншых “рускіх” (беларускіх і ўкраінскіх) зямель, што пазней сталі часткамі Расійскай імперыі. Нягледзячы на пэўную палітычную зададзенасць такой мэты, даследаванні права т. зв. Літоўскай Русі вызначаліся вельмі высокім навуковым узроўнем [8, р. 8–9]. Паводле ацэнкі Л. Акіншэвіча, у гэты перыяд павялічылася як колькасць, так і якасць работ па гісторыі права ВКЛ, у навуковы зварот уводзілася шмат новых крыніц, ставіліся новыя даследчыя праблемы, засноўваліся навуковыя школы. Асабліва адзначаліся грунтоўныя даследаванні У. Антановіча, С. Бяршадскага, М. Грушэўскага, М. Доўнар-Запольскага, М. Любайскага, М. Максімейкі, А. Маліноўскага, І. Лапы, У. Пічэты, Ф. Тараноўскага, М. Ясінскага, М. Уладзімірскага-Буданава. Падкрэслівалася важнасць напрацовак польскіх правазнаўцаў: С. Кутшэбы і О. Бальцэра. У цэлым, у другой палове XIX–пачатку XX ст. першасная ўвага надавалася гісторыі канстытуцыйнага права ВКЛ, у той час як вывучэнне іншых яго галін знаходзілася ў “зародковым стане”. На думку Л. Акіншэвіча, гэта было абумоўлена зацікаўленасцю навукоўцаў пераважна праблемамі дзяржаўнай арганізацыі Вялікага Княства Літоўскага [8, р. 10].

Для гэтага перыяду быў складзены і асобны бібліографічны спіс, які ўтрымліваў 127 пазіцый на рускай, польскай, украінскай і нямецкай мовах. Бібліографія падзялялася на дзевяць раздзелаў. Асобна ўказваліся работы па крыніцах права, грамадзянскім, крымінальным, фінансавым, вайсковым і аграрным праве, арганізацыі судаводства, уніі паміж ВКЛ і Польшчай [8, р. 10–13, 21–24]. У раздзеле “Кіраванне” (*The Government*) аўтар змясціў даследаванні, прысвечаныя генезісу дзяржаўнай улады ў ВКЛ, прававому становішчу розных сацыяльных, этнічных і канфесійных груп насельніцтва, вялікаму князю літоўскому, вальнаму сойму, панам-радзе, рэгіянальнаму падзелу і мясцовому самакіраванню [8, р. 13–21]. Таксама пералічваліся абагульняючыя і гістарыяграфічныя работы па гісторыі дзяржавы і права ВКЛ [8, р. 24–25]. Заўважым, што ўсе пазіцыі бібліографіі былі перакладзены на англійскую мову. А гэта стала важным крокам у развіцці англамоўнай навуковай тэрміналогіі, звязанай з гісторыяй Вялікага Княства.

Перыяд паміж дзвюма сусветнымі войнамі быў для вывучэння права ВКЛ, паводле Л. Акіншэвіча, вельмі неадназначным. З аднаго боку, распад Расійскай імперыі спрыяў афармленню новых нацыянальных гістарыяграфій (беларускай, літоўскай, украінскай) і росту колькасці даследавання. Новы ўздым зведала польская гісторыка-прававая навука. З'явіліся таксама работы на нямецкай, сербскай, французскай, чэшскай мовах. З другога, у Расіі даследаванні па праблеме фактычна спыніліся, за выключэннем навуковай дзейнасці І. Лапы, які выехаў у эміграцыю. Шмат работ, якія мелі інфармацыйны харктор або былі напісаны пачынаючымі даследчыкамі, не прыносілі ў

навуку нічога новага. Выяўлалася тэндэнцыя бяздоказна разглядаць прававую спадчыну Вялікага Княства Літоўскага, як частку толькі нейкай адной нацыянальнай гісторыі [8, р. 26–27]. Другая Сусветная вайна прывяла да рэзкага скарачэння даследаванняў па гісторыі права ВКЛ. Аднак Л. Акіншэвіч станоўча ацэніваў дасягненні гэтага перыяду, асабліва ў галіне вывучэння агульных праблем дзяржавы і права ВКЛ, грамадзянскага, крымінальнага і працэсуальнага права, метадалогіі гісторыка-прававых даследаванняў [8, р. 27–28]. Сярод найбольш арыгінальных, названы работы навукоўцаў Польшчы (Я. Адамус, О. Галецкі, Г. Лаўмянскі), Расіі (І. Лапа), Украіны (І. Чаркаскі, М. Чубаты, А. Якаўлеў). Асобна, як адны з важнейшых, Л. Акіншэвіч адзначаў работы былога супрацоўніка Акадэміі навук у Кіеве, беларуса С. Барысёнка, якія закраналі праблемы нацыянальнага характару Статута ВКЛ і метадалогіі даследавання гісторыі права [8, р. 28].

Змешчаны спіс выданняў трэцяга перыяду налічваў 194 пазіцыі і меў, у цэлым, туую ж структуру, што і ў папярэднім раздзеле [8, р. 28–50]. У спіс увайшлі таксама шэсць работ, выдадзеных ужо пасля завяршэння Другой Сусветнай вайны. Сярод літаратуры перыяду былі прадстаўлены таксама і беларускамоўныя работы Л. Акіншэвіча, С. Барысёнка, А. Бурдзейкі, В. Дружчыца, Ф. Забелы, М. Любабускага, У. Пічэты, І. Сосіца, А. Таўсталес, М. Шкляёнка. Уважліва сістэматызаваная аўтарам бібліографія можа і зараз быць асновай для даследаванняў прававой гісторыі ВКЛ.

У заключэнні сваёй кнігі Леў Акіншэвіч акрэсліў шэраг актуальных, на яго думку, даследчых задач, якія стаялі ў той час перад гісторыкамі права Вялікага Княства Літоўскага [8, р. 50–51]. Па-першае, неабходным было правядзенне парайонаўчага даследавання характэрных рысаў дзяржаўнай арганізацыі ВКЛ, у прыватнасці, пытанняў існавання феадальных адносін і станаўлення абмежаванай манархіі. Па-другое, важна было ацаніць развіццё ўладных інстытутаў і прававой сітэмы ВКЛ, як дзяржавы, якая ў свой час імкнулася да гегемоніі ва Усходняй Еўропе. Прычым, ацаніць у парайонні з іншымі дзяржавамі рэгіёну. Па-трэцяе, патрэбна было надаць большую ўвагу “забытым” аб'ектам даследавання, перадусім, гісторыі грамадзянскага, працэсуальнага і крымінальнага права. Па-чацвёртае, бачылася неабходным значна пашырыць вывучэнне асобных складовых частак ВКЛ, якія ў XV–XVI стст. захоўвалі свой ранейшы сацыяльна-палітычны і прававы лад. Напрыканцы кнігі аўтар яшчэ раз падкрэсліваў, што ў дзяржаўным жыцці ВКЛ важную ролю адыгралі ўсе народы, якія яго ўтваралі: беларускі, літоўскі і ўкраінскі. Спадчынай першага з іх з'яўляецца афіцыйная мова дзяржавы і ўласная сістэма пісьмовага і звычаёвага права [8, р. 51]. Пасля выхаду работы Л. Акіншэвіча айчынная навука сур'ёзна звярнулася да прававой гісторыі ВКЛ толькі ў 1970-я гг., калі ў сценах БДУ Іосіф (Язэп) Юхі паклаў пачатак сучаснай навуковай школе вывучэння гісторыі права Беларусі [3; 6].

Такім чынам, работа “Права Вялікага Княства Літоўскага: гісторыя пытання і бібліографія” стала этапнай для беларускай гісторыяграфіі гісторыі права ВКЛ. Леў Акіншэвіч упершыню абагульніў вынікі і паказаў асноўныя тэндэнцыі вывучэння велікакняжацкага права ў XIX–першай палове XX ст. Ацэнкі папярэдніх напрацовак і падбор літаратуры зроблены максімальна аб'ектыўна і навукова. Л. Акіншэвіч вызначыў важнейшыя шляхі далейшых даследаванняў права ВКЛ. Большасць паставленых ім даследчых задач з'яўляюцца актуальнымі і для сучаснай гісторыка-прававой навукі Беларусі.

Бібліографічныя спасылкі

1. Акіншэвіч, Л. Выбранае / Леў Акіншэвіч; уклад., падрыхтоўка тэкстаў, агульнае рэдагаванне, камент., паказ. Н. Гардзіенкі, Л. Юрэвіча. – Мінск: Кнігазбор, 2021. – 408 с.
2. Аўсянай, М. Акіншэвіч Леў Аляксандравіч / М. Аўсянай, В. Пазднякоў // Вялікае княства Літоўскасе: Энцыклапедыя. У 2 т. – Т. 1. – Мінск: БелЭн, 2005. – С. 211–212.

3. Доўнар, Т. Зараджэнне айчыннай гісторыка-прававой навукі і яе развіццё ў Беларускім дзяржаўным універсітэце / Т. І. Доўнар // Веснік БДУ. Серыя 3. Права. – 2010, № 3. – С. 3–9.
4. З гісторыяй на “Вы”: Артыкулы, дакументы, успаміны / Уклад. і ўводнае слова Я. Запрудніка. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 347 с.
5. Партоў, А. Леў Акіншэвіч – гісторык украінскі і беларускі / А. Партоў // Беларускі гістарычны агляд. – 1999. Т. 6, сш. 1–2. – С. 248–255.
6. Юх, И. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юх. – Минск: Издательство БГУ, 1978. – 144 с.
7. Norkus, Z. An Unproclaimed Empire: the Grand Duchy of Lithuania: From the Viewpoint of Comparative Historical Sociology of Empires / Z. Norkus. – New York: Routledge, 2017. – 426 p.
8. Okinshevich, L. The Law of the Grand Duchy of Lithuania: Background and Bibliography / L. Okinshevich. – New York: Research Program on the USSR, 1953. – 53 p.

УЛАДА І ПРАВА Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ СВЯДОМАСЦІ ЖЫХАРОЎ СТАРАЖЫТНАЙ БЕЛАРУСІ

Д. В. Шчэрбік

*дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржавнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржавны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
shcherbikdv@bsu.by*

У артыкуле даследуецца узаемасувязь традыцыйнай культуры і генезіса дзяржаўнай і прававой сістэмы. Разглядаючы міфы аб паходжанні ўлады, нараджэнні яе носьбітаў, крыніцах правапарадку, якія былі пашыраны сярод жыхароў старажытнай Беларусі, адзначаецца іх уплыў на дзяржаўную і прававую рэчаіснасць усходнеславянскіх княстваў і Вялікага княства Літоўскага.

Ключавыя слова: традыцыя; міфы; улада; дзяржаўнасць; правапарадак.

POWER AND LAW IN THE TRADITIONAL CONSCIOUSNESS OF THE RESIDENTS OF ANCIENT BELARUS

D. V. Shcherbik

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the
Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
shcherbikdv@bsu.by*

The article examines the relationship between traditional culture and the genesis of the state and legal system. The author describes myths about the origin of power, sources of law and order, which were widespread among the inhabitants of ancient Belarus, their influence on the state and legal reality of the East Slavic principalities and the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: traditions; myths; power; statehood; law and order.

Вывучэнне абставінаў фармавання і станаўлення дзяржаўнасці і права на тэрыторыі Беларусі немагчымае без даследавання дахрысціянскай традыцыі і яе ўплываў. Традыцыйная культура насельніцтва старажытнай Беларусі фармавалася як вынік узаемадзеяння індаеўрапейскай культуры розных плыніяў перасяленцаў на дадзеную тэрыторыю (балтаў, славянаў), якія ў розныя часы адрываліся ад агульнага “індаеўрапейскага масіва” [3, с. 154] і з-за гэтага мелі некаторыя своеасаблівасці, і мясцовага клімата-геаграфічнага абшару, які вылучаў ці адціняў адпаведныя абставінам пражывання яе аспекты. Новыя хвалі перасялення, гісторыя міграцыі перасяленцаў, яшчэ больш дадавалі своеасаблівасця мясцовым вераванням і традыцыям, адразнівалі

мясцовую культуру ад падобных традыцый германскіх і іншых індаеўрапейскіх народаў.

Хуткі распад радавых адносінаў у славян як вынік самога перасялення, культурных контактаў з грэкамі і рымлянамі падчас яго [3, с. 187], неабходнасць абжываць вялікай абшары Усходній Еўропы і фармаванне і доўгае існаванне сельскай тэрытарыяльнай абшчыны і абшчыннага землегаспадарання, якое адпавядала фізіка-геаграфічным асаблівасцям мясцовасці, аказвалі ўплыў на прадстаўленне славян аб законе і парадку.

Пытанні ўлады ў традыцыйнай культуры перш за ўсе, як даводзіць С. Санько, фармаваліся ў рэчышчы “царскага наратыву” і міфаў аб блізнятах [5]. Першапачаткова ўлада звязваецца з легендарным заснавальнікам племені, які калісьці прыйшоў у гэты край і з сям’і якога бяруць пачаткі шматлікія мясцовыя плямёны. У дадзеным выпадку можна ўзгадаць і легендарнага Скіфа з “Сказания о Словене и Русе и городе Словенске”, чые сыны Словен і Рус заснавалі Ноўгарад і далі пачатак тамтэйшай славянскай дзяржаўнасці, ці аналагічную ролю Пана і яго сыноў Чэха, Ляха і Руса з чэшскіх і польскіх хронікаў. З беларускіх казак мы бачым і мясцовы варыянт “царскага наратыву” ў выглядзе аповеду пра Бая (Буя, Боя) – першага чалавека, адзін з сыноў якога – Белаполь, з’яўляеца продкам беларусаў [5, с. 165-166]. Белаполь атрымлівае зямлю ў спадчыну ў тым памеры, які абягуць сакральныя жывелы – сабакі Стайры і Гаўры. Адзначым, што для павелічэння свайго надзелу Белаполь выкарыстоўвае і кемліваць – нацкоўвае сабак на птушак злойленых з берагоў паўдневага і заходняга мораў. Дадзены міф з’яўляеца мясцовым варыянтам шырока распаўсюджанага сярод старажытных народаў патрыярхальнага погляду на ўзнікненне дзяржаўнасці і ўлады. Пры гэтым ўлічваеца і досціп прэтэндэнта на ўладу, што адпавядала этапу генэзіса дзяржаўнасці, калі не столькі сваяцкія сувязі, колькі якасці правадыра з’яўляліся падмуркам для яе атрымання.

Міф аб блізнятах (нараджэнне якіх ужо само па сабе праява ўмяшання боскага), якія народжаныя ўдавой ці дзяўчынай, якая не была ў шлюбе, і якія былі адпраўленыя вадою для іх абароны ў чужыя краі, і якія праз дзясяткі гадоў вяртаюцца і атрымліваюць уладу, сустракаеца ў розных варыяцыйах не толькі ў старажытным Рыме, але і ў іншых народаў. Распаўсюджаны ён і сярод насельнікаў Беларусі [5, с. 172].

Даследчыкі адзначаюць у дадзеным міфе і пераход ад элементаў матрыярхату да патрыярхату, і тэмы пераадолення і забароны інцесту (калі яны жаніліся неведаючы гэтага на маці і сястры), і хаўрусу сакральны ўлады цара-святара і царыцы-жрыцы, і выпрабаванні для прэтэндэнтаў на ўладу (падарожжа як ардалія) [5, с. 174-177]. Дадаткова адзначым, што дадзены міф распачынае пэўную сакралізацыю ўлады, адзначае актыўны пачатак у дзеяннях прэтэндэнтаў на яе.

С. Санько адзначае, што пры транспазіцыі «царскага наратыву» ў наратыву (квазі)гістарычны структура першага істотна спрашчаеца, але, як правіла, захоўваеца наратэма «вяртання (прыбыцця) з-за мора» і рэфлексы блізнечнай міфалогіі [5, с. 185]. Народжаныя з боскай дапамогай ці падтрымкай, улюблёныя багоў, пра што сведчыць поспех падарожжа-выгнання-выпрабавання, паступова адціскаюць ад ўлады радавую знаць. Гэты міф, шырока распаўсюджаны сярод шматлікіх, у тым ліку індаеўрапейскіх народаў, у тым ліку адлюстроўваў як практику змешвання і ўзаемаўплываў мясцовага насельніцтва і новапрыбыўшых перасяленцаў, так і рост значэння вайсковых лідараў і іх дружынаў ва ўмовах рассялення на бяскрайніх і малалюдных абшарах Усходній Еўропы. Апошня ўзвышаліся ва ўмовах, калі рабаўніцтва было выгаднейшым за прадукцыйную працу, і для абароны ад нападаў земляробам было эканамічна мэтазгодна ўтрымліваць прафесійных вайскоўцаў [4, с. 47-49]. У якасці апошніх маглі выступаць нават іншапляменнікі.

Міф, які паказваў прыбыўшых (вярнуўшыхся) чужых (сваіх згубленых), аблігчаў узаемадзеянне з апошнімі, нават калі яны паходзілі з іншых плямёнаў. Так, з-за мора прыплываюць браты Аскольд і Дзір ў Кіеў, Рагвалод і Тур ў Палац і Тураў, Рурык з

братамі ў Ноўгарад. Асіміляцыя нарманаў або княжанне Міндоўга ў Наваградку, такім чынам, шмат у чым адпавядалі традыцыйным уяўленням мясцовага насельніцтва, з'яўлялася легітымным у іх вачах.

З архаічнай традыцыі з яе дыхатамічным космасам, праявай якога з'яўляюцца і міфы пра блізнятаў, і іх спрашчэнне да ўзаемадзеяння братоў вынікалі і традыцыі падзелу ўладаў на духоўную і свецкую. Так, у прусаў прыплыўшыя «сын удавы» Відэвут з братам Брутэнам даюць тубыльцам законы і дзеляць свецкую і духоўную ўлады. Падобны падзел назіраецца і ў Літве, дзе кіруюць князь-кунігас і жрэц Крывэ-Крывайціс, а потым, па меркаванні С. Санько, дадзеныя ўяўленні ўплывалі на існаванне дыархіі Кейстута і Альгерда, Вітаута і Ягайлы, і нават далей працягвалі існаваць у формуле «Рэч Паспалітая абодвух народаў», хаця апошняя ўжо не паслугоўвалася дыяскурычнай ідэалагічнай падтрымкай [5, с. 185]. Праявай міфа аб найдзенышах, пасля яго паступовага спрашчэння і манархізацыі, з'яўляецца і гісторыя легендарнага Ліздзейкі.

Такім чынам, беларуская традыцыйная культура захоўвае ў сабе наратывы “царскага міфа”, блізнячай міфалогіі і «вяртання (прыбыцця) з-за мора», якія адлюстроўвалі як патрыярхальную канцэпцыю ўзікнення дзяржавы, так і пераход улады ад родавай знаці да вайсковых правадыроў – князей-кунігасаў. Аднак, улада князёў сягала перш за ўсе вайсковых спраў. Пытанні ж кіравання і права доўгі час знаходзіліся пад уплывам традыцыяў і сакральнасці.

Увесь сусвет, ва ўяўленні старажытнага чалавека, быў цэласным і заканамерна звязаным адзінымі касмічнымі законамі. Само слова “закон” бярэ свой пачатак ад старажытнаславянскага “кон” (кън), якое азначала “пачатак”, “мяжа” (“предел”) [3, с. 173], што паказвае сувязь этымалогіі гэтага юрыдычнага паняцця з касмічным першапачаткам.

Канцэпцыя ж самога касмічнага “парадку” з'яўляецца агульнай для старажытных народаў, а ў індаеўрапейскіх мовах яна прадстаўленая і аднакарэннымі словамі: вед. *ṛta* «касмічны закон, які кіруе сусветам і абсягам чалавечых дачыненняў», авест. *aša* (*arta*) «справядлівае, праўдзівае», ст. -перс. *arta*- «закон, права, святое права», лац. *ritus* «абрад, звычай», блр. парадак, рад. [2, с. 234; 3, с. 171]. “Парадак” уладкоўваў сусвет і, пры гэтым выражаў агульную згоду, дамоўленасць чальцоў чалавечай супольнасці. Адсюль потым у славянскіх мовах з'яўляецца корань “ряд” у словах “урад”, “рада”, “радзіцца”. Апошняя значэнні адлюстроўваюць паступовае насычэнне права не толькі нормамі, што арганічна паходзілі і вынікалі з гаспадарчай і іншай дзейнасці, але і канвенцыянальнымі нормамі, якія паўставалі ў выніку дамоваў, абмеркаванняў, пагадненняў.

І хоць існуе спрэчка наконт магчымасці ў поўнай ступені прымяніць да славянаў Дзюмізелеўскую трыяду інтэрпрэтацыі сакральнасці [2, с. 236; 3, с. 157], з-за адносна слабай персаналізацыі вайсковай і юрыдыка-магічнай функцыі багоў старажытнаславянскага пантэону, але цесная сувязь судаводства з сакральным з'яўляецца відавочнай. Само слова “суд” этымалагічна цесна звязанае з “судьбой” (лёсам чалавека), а “права” з “правью” – міравым законам, усяленскай гармоніяй, “справядлівасцю”, “праўдай”. Касмаганічны міф пра змаганне Пяруна ды Вялеса, дзе апошні парушыў парадак і скраў жонку (скаціну, маёмасць), за што і будзе пакараны, адзначаў неабходнасць аднаўлення *status quo* [2, с. 234]. Права патрабавала аднавіць традыцыю, вярнуцца да старых парадкаў. Таму цалкам зразумела, што дадзеную функцыю выконвалі найбольш паважаныя людзі, старэйшыны, знаўцы традыцый.

У паганскія часы правасуддзе належала да жрацоў. У сваім абагульненні шэрагу даследаванняў балцкай і усходнеславянскай традыцыі А. В. Дзерман адзначае цікавы момант: замест лагічнай апазіцыі правы-левы, правы-ніправы, у славянскіх і балцкіх мовах часам ужываецца супрацьпастаўленне праўда – крýуда, *ргавъ-krivъ*, прычым крýвізна, як здольнасць выкарыстаць боскія законы на карысць чалавека, як раз і гарантую шлях да дабрабыту. Апошняя акалічнасць адбілася на спецыяльнай тэрміналогіі, звязанай з рэлігійнай сферай: прус. *Krive* «вярхоўны святар», літ. *krivis*,

krivē, krivaitis, лат. krīvs «святар», літ. krivūlē, krivē «скрыўленае на канцы жазло святара; сімвал злучанай пэўнай рэлігійнай традыцыяй тэрытарыяльна-свяцкай грамады» і інш. [2, с. 236-237]. Магчыма, дадзеная сувязь адлюстроўвала ў светапоглядзе людзей паступовы пераход ад спракавечнага права-праўды паводле звычаяў, да права дзяржаўнага, якое яшчэ спасылалася на традыцыю, але ўжо мадыфіковалася і вынікала з вуснаў святароў.

Падобнае стаўленне да боскага закона можна вынайсці і ў міфах ды казках, якія паказваюць адносіны славян да Долі і Нядолі. І калі апошнюю лепш не чапаць, то першую варта злавіць і прымусіць, “пабіць” і “тады яна пачне працаваць і дапамагаць свайму гаспадару” [3, с. 182]. Падаецца, што якраз даволі аптымістычнае стаўленне да “лёсу”, “судьбы”, уяўленні пра магчымасці ўплываць на іх, і адрозніваюць славяна-балцкую традыцыйную культуру ад значна больш песімістычнай напоўненай кроўнай помстай і вайной культуры германскіх плямёнаў: «Добро против зла; юность против старости; Жизнь против смерти; свет против тьмы; Войско против войска; недруг против недруга; Враждебное будет всегда сражаться с враждебным, Воевать за землю и мстить за обиду. Мудрый должен задуматься над борьбой в этом мире» [1, с. 71]. Узнікшы ў славян з салідарнай гаспадарчай дзейнасці нормы ў адрозненне ад германскіх, якія паўсталі дзеля прымірэння крывавых міжусобіц ды канфліктаў, падвяргаліся меншай сакралізацыі [3, с. 203], даўжэй захоўваліся ў жыцці народа, перш за ўсе ў жыцці сялянскай абшчыны.

Адсутнасць звестак пра афіцыйнае хрышчэнне Полацка, на думку даследчыкаў, паказвае марудны шлях распаўсюджвання хрысціянства на абшарах Беларусі і Літвы, дзе княжацкая ўлада доўгі час імкнулася да бесканфліктнага суіснавання з звычаўным правам, пацвярджаючы захаванне “старыны” і дауніх звычаяў [2, с. 241]. Копы-крывулі, хоць і пазбайленыя паганскай сакральнасці, працягвалі існаваць і разглядаць па звычаўску праву справы і ў XVI- XVII стагоддзях.

Такім чынам, традыцыйная дахрысціянская культура на працягу яшчэ доўгіх стагоддзяў аказвала свае ўплывы як на функцыянованне дзяржаўнай, так і прававой сістэмы на тэрыторыі беларускіх земляў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Берман, Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ ; Издательская группа ИНФРА-М. : НОРМА, 1998. 624 с.
2. Дзерман, А. В. Архаічнае права і традыцыйная правасвядомасць // Гісторыя філософскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэд. кал. : В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філософіі. Мінск: Беларус. навука, 2008. С. 232-241.
3. Малыцев, Г. В. Культурные традиции права : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 608 с.
4. Новікаў, Я. У. Ваеннае гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). Том 1. Мінск : Логвінаў, 2007. 208 с.
5. Санько, С. І. Архаічныя беларускія міфалагічныя наратывы // Гісторыя філософскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 1. Эпоха Сярэднявечча / В. Б. Евароўскі [і інш.]; рэд. кал. : В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філософіі. Мінск: Беларус. навука, 2008. С. 160-232.

ПАЛІТЫЧНАЯ І ПРАВАВАЯ ДУМКА ЛЬВА САПЕГІ

В. М. Бічун

*выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта,
Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
Bichun@bsu.by*

Артыкул прысвечаны аналізу палітычнай і прававой думкі Льва Сапегі – дзяржаўнага дзеяча Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя слова: Вялікае Княства Літоўскае; Статут; Трыбунал; канцлер.

POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF LEV SAPIEHA

V. M. Bichun

*Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Bichun@bsu.by*

The article deals with the analysis of the political and legal thought of Lev Sapieha, a statesman of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: the Grand Duchy of Lithuania; Statute; Tribunal; chancellor.

Леў Сапега – выдатны прадстаўнік палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI стагоддзя, прафесійны юрыст, дыпламат, палітык.

Л. Сапега паходзіў са знатнага магнацка-княжацкага роду, другога па магутнасці ў Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) пасля Радзівілаў. На працягу XV-XVIII стст. яго прадстаўнікі займалі важныя дзяржаўныя пасады ў ВКЛ, адзначаліся высакароднымі грамадзянскімі дабрачыннасцямі, але ў найбольшай ступені яны былі ўласцівы Льву Сапегу.

Л. Сапега нарадзіўся 4 красавіка 1557 года недалёка ад Віцебска ў радавым маёнтку Астроўна Віцебскага ваяводства. У сямігадовым узросце бацькі паслалі яго (так тады было прынята) для атрымання належнага, адпаведнага яго паходжанню, шляхецкага выхавання, у Нясвіж, дзе некалькі гадоў ён жыў пры двары Мікалая Радзівіла Чорнага. Потым, разам з сынамі М. Радзівіла, Л. Сапега выехаў на вучобу за мяжу, у Германію, у Лейпцигскі ўніверсітэт, дзе на працягу некалькіх гадоў слухаў лекцыі на юрыдычным факультэце мясцовага ўніверсітэта. У час знаходжання ў Германіі малады Л. Сапега захапіўся рэфармацыйнымі ідэямі і перайшоў з праваслаўя ў пратэстантызм.

Пасля вяртання на радзіму пачалася бліскучая дзяржаўная кар'ера Л. Сапегі, якая завяршылася заняццем самых прэстыжных дзяржаўных пасад у ВКЛ. У 1581-1585 гг. – ён пісар вялікі літоўскі, у 1585-1589 гг. – падканцлер літоўскі, у 1589-1623 гг. – канцлер вялікі літоўскі і з 1623 г. – гетман Вялікага Княства Літоўскага. Памер Л. Сапега 7 ліпеня 1633 г. на 77 годзе жыцця і быў пахаваны ў касцеле св. Міхаіла ў Вільні.

Л. Сапегу належыць заслуга рэфармавання судаўладкавання ВКЛ, стварэння ў 1581 годзе Трыбунала ВКЛ – саслоўнага шляхецкага суда другой і апошняй інстанцыі, які праіснаваў да канца XVIII ст. Суддзямі Трыбунала з'яўляліся прадстаўнікі шляхты, якія выбіраліся на павятовых сойміках тэрмінам на адзін год па аднаму, альбо па два ад ваяводства (альбо павета). Апрача шляхты ў склад Трыбунала ўваходзілі таксама прадстаўнікі духавенства. На чале Трыбунала стаяў выбіраемы з ліку суддзяў маршалак. Да 1599 года Трыбунал засядаў толькі ў Вільні, а з 1599 года яго паседжанні адбываліся

таксама па чарзе ў Навагрудку і Мінску. У 1775 годзе паседжанні Трыбунала ВКЛ былі перанесены з Мінску ў Гродна.

Трыбунал разглядаў апеляцыі па рашэннях земскіх, гродскіх і падкаморскіх судоў, што тычыліся крымінальных і грамадзянскіх спраў. Справы разглядаліся канчаткова. У выпадку недахопу неабходнай большасці галасоў (суд складаўся з 46 суддзяў-дэпутатаў) справа перадавалася ў соймавы суд.

Адна з самых яркіх і велічных старонак у біографіі Л. Сапегі – удзел у работе камісіі па стварэнню Статута ВКЛ 1588 года, яго прыняццю і выданню. Неабходнасць перагляду Статута ВКЛ 1566 года паўстала ўжо падчас Люблінскага сойму 1569 года. З гэтай мэтай Люблінскі сойм стварыў Статутавую камісію, якая распачала працу па перагляду зместу Статута 1566 года. На заключным этапе значную ролю ў распрацоўцы праекту Статута адыграў Л. Сапега, які ўзначаліў Статутавую камісію. У 1584 годзе праект Статута быў адобранны на Генеральным з'ездзе беларуска-літоўскай шляхты ў Ваўкавыску, пасля чаго Стэфан Баторый паабяцаў разгледзець яго на бліжэйшым сойме і канфірмаваць (г. зн. зацвердзіць). Нечаканая смерць С. Баторыя адцягнула гэту працэдуру да часу абрання новага караля.

У 1587 годзе праект Статута ВКЛ разглядаўся на элекцыйным сойме ў Варшаве, а на пачатку наступнага 1588 года быў зацверджаны на каранацыйным сойме ў Кракаве. Пасля гэтага 28 студзеня 1588 года Статут быў канфірмаваны прывілеем новаабранага караля Рэчы Паспалітай – Жыгімонта III Вазы. Пра ўсё гэта сказана ў прывілеі караля, які надрукаваны разам са Статутам 1588 года.

Адначасова з канфірмацыяй Л. Сапега атрымаў ад караля прывілей на выданне Статута. Прывілей даваў яму выключнае права Статут «пісьмом беларускім і польскім друкаваці і ў паветы рассылаці».

Пасля гэтага ў віленскай друкарні братоў Мамонічаў (на сродкі Л. Сапегі) распачалося друкаванне Статута на старабеларускай мове. Яно было скончана ў канцы 1588 (альбо ў самым пачатку 1589) года. Пры жыцці Л. Сапегі Статут выдаваўся яшчэ троны разы – у 1592 і ў 1594 гадах (як і ў 1588 годзе) – на старабеларускай мове і ў 1614 годзе ў перакладзе на польскую мову. Тыраж выдання ў дасягнуў 4 000 экзэмпляраў, што нават для нашых дзён з'яўляецца значнай лічбай.

Статут ВКЛ 1588 г. юрыдычна замацаваў эвалюцыю палітычнага ладу ВКЛ ад магнацкай алігархіі да шляхецкай дэмакратыі, дамінуючую ролю шляхты ў дзяржаўным жыцці, а таксама адносіны, якія склаліся паміж ВКЛ і Каралеўствам Польскім пасля Люблінскай уніі. Ён адлюстраваў значную дзяржаўна-палітычную самастойнасць Княства, адасобленасць яго тэрыторыі, дзяржаўных устаноў, арміі, заканадаўства, суда, казны, дзяржаўнай беларускай мовы ад Каралеўства Польскага, што было дасягнута дзяякуючы ўсебаковым намаганнем Льва Сапегі. Важна адзначыць, што арыгінал Статута, менавіта той, які разглядаўся і быў зацверджаны соймам і каралём, напісаны на старабеларускай мове. Менавіта гэты беларускі тэкст, выданы ў канцы 1588 года (альбо ў пачатку 1589 года), і лічыўся на працягу ўсяго перыяду дзеяння Статута арыгіналам закона. Польскамоўныя выданні, якія пачалі друкавацца з 1614 года такога значэння не мелі і наслілі прыватны (інфармацыйны) характар. Менавіта таму ў «Звароце» да ўсіх саслоўяў ВКЛ, змешчаным у якасці прадмовы да гэтага выдатнага помніка нацыянальной прававой думкі Л. Сапега з гонарам адзначаў: «...Не обычым (г. зн. не чужым) якім языком, але сваім уласным (г. зн. беларускім) права пісаныя маем».

Галоўнымі крыніцамі для вывучэння палітычных і прававых поглядаў Л. Сапегі з'яўляюцца: «Прысвячэнне» выдання Статута каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму – Жыгімонту III Вазе [3, с. 44-45]; «Зварот» да ўсіх саслоўяў (г. зн. грамадзян) ВКЛ [3, с. 47-48]; сам «Статут 1588», на змест якога глыбока паўплывалі і адлюстраваліся ў ім палітыка-прававыя погляды Л. Сапегі; эпістолярная спадчына Л. Сапегі (перш за ўсё ліст Льва Сапегі да Іасафата Кунцэвіча, напісаны ў 1622 годзе) [2, с. 93-109]; а таксама самастойная праца Л. Сапегі «Выклад трыбунальскіх праў» (1616).

У першую чаргу неабходна звярнуцца да вывучэння «Прысвячэння» і «Звароту», які па сутнасці справы, увенчваюць стройную архітэктоніку велічнага будынку Статута ВКЛ 1588 года – гэтага выдатнага помніка нацыянальнай юрыдычнай думкі. Па зместу, іх можна разглядаць як невялікія, напісаныя ў духу лепшых гуманістычных традыцый эпохі Адраджэння палітычных трактаты, у якіх выкладаецца канцэпцыя прававой дзяржавы.

Погляды Л. Сапегі на дзяржаву і права склаліся пад уплывам вучэнняў палітычных мысліцеляў і дзяржаўных дзеячаў антычнасці. Як рэнесансны мысліцель-гуманіст ён прытрымліваўся арыстоцелеўска-цыцэронавскай канцэпцыі паходжання і прызначэння дзяржавы. Л. Сапега лічыў, што дзяржава паўстала натуральным шляхам і прызначаецца для дасягнення магчыма лепшага жыцця. Яна засноўваецца на прынцыпах унутранага адзінства, цэнтралізма, правапарадку і законнасці.

Цэнтральний катэгорыяй філасофіі права Л. Сапегі з'яўлялася катэгорыя свабоды.» Мудрацы ўсіх вякоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку нічога не можа быць даражэй за свабоду», – менавіта такімі словамі пачынае Л. Сапега «Зварот» да ўсіх саслоўяў ВКЛ.

Сутнасць свабоды складаюць неадчужальная права чалавека – уласнасці і асабістай недатыкальнасці.» А для прыстойнага чалавека няма большай асалоды, – пісаў Л. Сапега, – як жыць у сваёй айчыне ў поўнай бяспечы, ні з кім не біцца і не сварыцца і каб ніхто яго не зняславіў ці пакалечыў або паквапіўся на яго дабро».

Менавіта для абароны грамадзянскіх свабод і існуе права, якое Л. Сапега разглядаў як сапраўднае прайўленне разуму чалавека, «вартавога ўсеагульнай свабоды». «Галоўнай мэтай законаў ва ўсім свеце, – адзначаў Л. Сапега, – з'яўляецца падтрыманне ў грамадстве такога становішча, каб кожны мог захоўваць у непарушнасці добрае імя, здароўе і маёмысць і не цярпець з боку іншых ніякай шкоды. У гэтым і заключаецца наша свабода, якой мы ганарымся перад іншымі хрысціянскімі народамі». Права павінна забяспечыць дзяржаве ўнутраны парадак, стабільнае і ўстойлівае развіццё, сацыяльны мір. Таму жыццё ў адпаведнасці з законамі – абавязковая ўмова існавання дзяржавы. Л. Сапега любіў паўтараць і ўжываць у сваіх творах крылаты афарызм Цыцэrona: «Естесмо невольнікамі прав для того, абысь мы вольности уживати могли». У перакладзе на сучасную беларускую мову гэта можа гучыць так: «Мы павінны з'яўляцца рабамі законаў для того, каб мець магчымасць карыстацца свабодай». Гэта катэгарычны імператыў грамадства. Толькі павага да права дае магчымасць быць сапраўды свабоднымі. «А пра тое ён, вялікі і паважаны філосаф грэчаскі Арыстоцель сказаў, – спасылаўся Л. Сапега на аўтарытэт другога выдатнага мысліцеля антычнасці, – што там...дзе права альбо статут пануе, там сам бог усім кіруе».

Кожны чалавек павінен ведаць межы сваёй свабоды, а для гэтага, на думку Л. Сапегі, неабходна вывучаць законы. «Кожнаму прыстойнаму чалавеку належыць іх ведаць, і будучы дасведчаным у іх, стрымліваць сябе ў сваіх учынках, дзейнічаць у адпаведнасці з пісаным законам і нікога не крываць, а калі б сам кім быў пакрыўджаны, ведаў, дзе абарону і лекі ад крываў сваёй шукаць». Больш того, «кожны жыхар заслугоўвае ганьбавання, калі сваімі вольнасцямі пахваляеца, а карыстацца законам і разумець яго як асабістую засцярогу не жадае».

Л. Сапега лічыў, што закон павінен быць аднолькавым і абавязковым для ўсіх станаў. Разам з тым, ён павінен быць накіраваны супраць асobных правапарушальнікаў. Закон – гэта «аброць і цуглі, каб стрымліваць кожнага нахабніка ад усялякага гвалту і самавольства і не даваць яму магчымасці здзеквацца над слабейшымі і бяднейшымі ды прыгнітаць іх». Калі ў грамадстве, заўважаў Л. Сапега, адсутнічае павага да права, пануе свавольства і беззаконнасць, яно не можа лічыцца чалавечым і справядлівым, а з'яўляецца воўчай зграйей. Пры гэтым ён зноў спасылаўся на аўтарытэт Арыстоцеля, на слова апошняга пра тое, што «там дзікі звер пануе, дзе чалавек выкарыстоўвае ўладу паводле асабістага меркавання». Права павінна не дапусціць выкарыстання дзяржаўнай

улады ў карысных мэтах правіцеля, прадухіліць выраджэнне манархіі ў тыранію і, такім чынам, абараніць падданых ад злойжывання вярхоўнай улады. Тыранію Л. Сапегу лічыў несумяшчальнай з патрабаваннямі чалавечага розуму і справядлівасці.

Усё гэта дае падставу разглядаць Л. Сапегу як прыхільніка ідэі прававой дзяржавы.

Ужо сучаснікі добра разумелі значэнне дзейнасці Льва Сапегі. Яны называлі яго «літоўскім Салонам». Зразумела, што тэрмін «літоўскі» мае не этнаграфічны, а дзяржаўна-тэрытарыяльны сэнс і азначае прыналежнасць да ВКЛ.

Наступныя пакаленні таксама высока цанілі дзейнасць і духоўную спадчыну Л. Сапегі. У прыватнасці, адзін са стваральнікаў Канстытуцыі 3 мая 1791 года, выдатны польскі асветнік XVIII стагоддзя Гуга Калантай (1750-1812), выступаючы на сойме Рэчы Паспалітай 28 чэрвеня 1791 года ў сваёй прамове сказаў: «Гаворачы аб «Літоўскім статуте», я маю на ўвазе тую кнігу, пра якую нельга ўспамінаць без вялікага захаплення. Гэты твор у сваёй сукупнасці (г. зн. разам з «Прысвячэннем» і «Зваротам») прынёс бессмяротную славу Льву Сапегу.» Літоўскі статут» робіць гонар чалавечаму розуму... «Літоўскі статут» складзены настолькі разумна, што яго можна лічыць самай дасканалай кнігай законаў ва ўсей Еўропе» [1, с. 347].

Пацвярджэннем слоў Г. Калантая з'яўляецца тое, што Статут ВКЛ 1588 года дзейнічаў на тэрыторыі Беларусі і Літвы больш за 250 гадоў і быў адменены Мікалаем I толькі пасля лістападаўскага паўстання 1830-1831 гадоў. Такім чынам, ён дзейнічаў некалькі дзесяткаў гадоў нават пасля таго, як беларускія землі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай у 1772, 1793, 1795 гг. паміж Аўстрый, Прусіяй і Расіяй былі інкарпараваны ў склад Расійскай імперыі. У 1832 годзе дзейнасць Статута была спынена на тэрыторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў, а ў 1840 годзе – на тэрыторыі Гродненскай, Мінскай і Віленскай губерняў.

Бібліографічныя спасылкі

1. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т. 1. С. 347.
2. Памятники философской мысли Беларуси XVII - первой половины XVIII в. Минск, 1991. С. 93-109.
3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989. С. 44-48.

ІДЭАЛАГІЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ РЭФОРМ 1760-Х ГАДОЎ У РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

А. В. Валеўка

старши выкладчык кафедры канстытуцыйнага права і дзяржаўнага кіравання УА “Полацкі дзяржжаўны ўніверсітэт”, Полацкі дзяржжаўны ўніверсітэт, вул. Блахіна, 29, 211446,
г. Наваполацк, Віцебская вобл., Рэспубліка Беларусь,
a. valevko@psu. by

Пытannі рэформ дзяржаўнага ладу ў Рэчы Паспалітай у айчыннай гісторыка-прававой навуцы пакуль не зусім падрабязна даследаваны. Вельмі важным з'яўляецца вывучэнне ідэалагічнага падмурку працэсу рэфармавання дзяржаўных установаў. У артыкуле разгледжаны асноўныя тэорыі і праграмы рэфармавання дзяржаўнага ладу, якія сфармаваліся ў першай палове XVIII ст.

Ключавыя слова: Рэч Паспалітая; парламентарызм; рэфармаванне.

IDEOLOGICAL BACKGROUND OF THE REFORMS OF THE 1760S. IN RZECZPOSPOLITA

A. V. Valevka

*Senior Lecturer, Department of Constitutional Law and Public Administration, Polotsk State University,
Polotsk State University, 29 Blokhin Str., 211440, Vitebsk Region, Novopolotsk, Republic of Belarus,
a.valevko@psu.by*

The issues of state reforms in the Polish-Lithuanian Commonwealth have not yet been studied in detail in our historical and legal science. It is very important to study the ideological basis of the process of reforming state institutions. The article examines the main theories and programs of reforming the state system, formed in the first half of the 18th century.

Key words: rzechpospolita; parliamentary; reform.

Першая палова XVIII ст. у гісторыі Рэчы Паспалітай адзначана паглыбленнем крыйісу дзяржавы. Своеасаблівы дзяржаўны лад у сукупнасці з панучай сярод кіруючай эліты ідэалогіі, а таксама шэрагам зневажлівых фактараў завёў грамадства і дзяржаўныя ўстановы ў тупіковую сітуацыю. Шматлікія войны на тэрыторыі дзяржавы, сярод якіх асабліва цяжкія наступствы мела Паўночная вайна, знішчалі гаспадак і не давалі нават магчымасці яе аднавіць і развіваць далей. Барацьба паміж буйнымі магнацкімі родамі за дамінаванне ў Рэчы Паспалітай набыла небывалы размах. Не лічачыся з дзяржаўнымі інтарэсамі, развязваючы сапраўдныя войны паміж сабою, магнацкія групоўкі імкнуліся ажыццяўіць уласныя палітычныя праграмы.

Дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай, які шляхта лічыла ідэальным, не даваў магчымасці не толькі праводзіць рэформы, але і, часцей за ўсё, вырашаць бягучыя дзяржаўныя пытанні. Сойм, будучы вышэйшым органам дзяржаўной улады, праста не дзейнічаў, бо цалкам кантраліваўся гэтымі самымі магнацкімі родамі. Сітуацыя, калі кожны прадстаўнік шляхты мог блакаваць любое рашэнне сойма, рабіла вельмі проблематычным вырашэнне многіх важных пытанняў. Акрамя таго, унісенне зменаў у палітычны лад магло расцэньвацца як парушэнне правоў шляхты і было падставай для непадпарадковання дзяржаўной уладзе.

Паступова ў грамадстве Рэчы Паспалітай пачалі ўзнікаць ідэі аб неабходнасці змянення існуючага парадку. У творах такіх палітыкаў і публіцыстаў як: Ляшчынскі, Карвіцкі, Канарскі, Сташыц і Калантай – выказваліся прапановы аб зменах у дзяржаўным ладзе Рэчы Паспалітай, ідалагічнай падставай якім з'яўляліся ідэі Асветніцтва [3, с. 178]. У гэты час вельмі развівалася палітычная і памфлетычная літаратура. У самым пачатку XVIII ст. з'явіліся «Віленская пастанова» (1700), «Зацімненне Польшчы» падканцлера ВКЛ С. Шчукі (1709). Пераломным момантам у развіцці палітычнай думкі саксонскіх часоў сталі 40-я гг. Тады з'явіліся ў друку «Вольны голас, які волю абяцае» Станіслава Ляшчынскага, «Лісты зямяніна» ваяводы мазавецкага Станіслава Панятоўскага і «Анатомія Рэчы Паспалітай» С. Гарчынскага (1751) [1, с. 210]. Аб рэформатарскіх памкненнях сведчаць дэбаты на соймах і сойміках, асабліва тыя, якія тычыліся рэформаў скарбу (фінансаў) і войска [1, с. 210]. Такім чынам, пачалося фармаванне ідэалагічнай асновы для ажыццяўлення рэформ у Рэчы Паспалітай.

У Рэчы Паспалітай пачалі распаўсюджвацца ідэі фізіякратыі. Зямля, згодна з гэтым вучэннем разглядалася як галоўная крыніца багацця краіны, а сельская гаспадарка павінна была забяспечыць пастаянны прыток гэтых багаццяў [2, с. 229]. Прадстаўнікі фізіякрататаў падымалі таксама пытанне аб вызваленні сялян з-пад феадальнага ўціску і забеспячэнні іх правоў. Але такія погляды не заўсёды знаходзілі падтрымку сярод шляхты.

У палітычнай сферы прадстаўнікі фізіякратыі таксама бачылі негатыўны ўплыў права “liberum veto”. Адной з найбольшых праблем бычылася становішча дробнай шляхты, якія таксама валодалі правам вета, але часта маглі прадаваць свой голас, бо не былі дастаткова матэрыяльна забяспечаны [2, с. 227]. З пункту гледжання фізіякатаў палітычнае грамадства павінна ўяўляць сабой аб’яднанне уласнікаў зямлі. Такім чынам, беззямельная шляхта павінна была быць выключана з удзелу ў кіраванні дзяржавай [2, с. 227]. Адносна сістэмы галасавання ў сойме прапаноўвалася адмовіца ад колькаснага крытэрыю. На думку Мерс’ера дэла Рыёра «меркаванне большасці не заўсёды з’яўляецца слушным, таму неабходна стварыць сістэму кааліцый, дзе меньшасць праз саступкі і кампрамісы можа пераканаць першапачатковых апанентаў» [2, с. 227].

Увогуле, погляды фізіякатаў былі даволі гнуткімі адносна палітычнага ладу. Таму прыхільнікаў ідэяў фізіякратызму можна было знайсці як сярод кансерватыўных, так і сярод прагрэсіўных колаў шляхты.

Я. А. Юху адзначаў, што ў першай палове XVIII ст. разгарнулася барацьба паміж прагрэсіўным колам шляхты, якія выступалі за шырокія рэформы, і рэакцыйнай магнатэрыяй, якая імкнулася да захавання састарэлага ладу Рэчы Паспалітай [4, с. 283].

Упершыню ідэю аб неабходнасці пераўтварэння парадку правядзення соймікаў выказаў яшчэ ў часы Аўгуста III Ф. Радзэўскі – падкаморы познаньскі. Шмат ідэяў для рэформ сойма Рэчы Паспалітай было адлюстравана яшчэ ў працы С. Канарскага «Oskutecznym rad sposobie» [5]. Менавіта там была прадстаўлена тэарэтычнае праграма пераадолення крызісу ў дзейнасці вышэйшай прадстаўнічай установы дзяржавы. Ён прапаноўваў, па-першае, упрадаваць лік паслоў ад ваяводстваў і паветаў, так як раней адны абіралі на сойм шматлікія пасольскія дэлегацыі, а іншыя – толькі па два амбасадара. Для гэтага, паводле задумы Канарскага, вынікала павялічыць лік соймікаў, або каб кожны павет выбіраў бы сваіх прадстаўнікоў на асаблівым з’ездзе. Дзякуючы гэтаму лік паслоў на сойм значна б узрос перш за ўсё за кошт ваяводстваў Вялікай і Малой Польшчы, у якіх меліся шматлікія паветы. Каб не ўшчаміць такім чынам праваў літоўскай шляхты, Канарскі прапаноўваў падзяліць буйныя паветы ў Літве. Новыя павятовыя соймікі павінны былі абіраць на два гады чатырох паслоў і іх двух намеснікаў, г. з. званне пасла ўсталёўвалася на ўвесь перыяд да наступных выбараў, а не толькі на час працы сойма. Пропаноўвалася складанне рэестра выбаршчыкаў, у які ўключаліся б шляхцічы, якія жывуць у ваяводстве і якія мелі там маёнткі [5, 1. 23].

Такім чынам, у пачатку XVIII ст. у Рэчы Паспалітай пачалі складацца тэарэтычныя і ідэалагічныя перадумовы рэформавання дзяржавы ладу. Менавіта гэтыя фактары далі магчымасць ажыццяўлення першапачатковых рэформ на сойме 1764 г.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2007. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII ст.) / Ю. Бокан [і інш.]. 2007. 344 с.
2. Гісторыя філософскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. Т. 4. Асветніцтва / аўтары тома : І. М. Бабкоў [і інш.] ; рэдкал. тома : В. Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. аkad. навук Беларусі, Ін-т філософіі. Мінск : Беларус. навука, 2017. 431 с.
3. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / Пер. с польского и вступительная статья Н. В. Ястребов. С.-Петербург, изд-во А. С. Суворина, 1907. 231 с.
4. Юху, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучб. дапам : у 2 ч. Мінск: РІВІШ БДУ, 2000. Ч. 1. 352 с.
5. Konarski, S. O skutecznym rad sposobie i inne pisma polityczne / Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo ; Warszawa : we spółpr. z De Agostini Polska, cop. 2005. 347 l.

ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЕІ ПАРТЫЙ І АРГАНІЗАЦІЙ У БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Д. А. Праневіч

аспірант Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь,
Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь,
бул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
pronevich_dima@mail.ru

Разгледжаны некаторыя ідэі палітычных партый і арганізацый у Беларусі ў пачатку XX ст. Выяўлена, што ў грамадска-палітычнай думцы пачатку XX ст. аргументаўвалася нацыянальнае самавызначэнне, абуджэнне беларускай свядомасці, а таксама ў краіне назіраўся ўздым нацыянальнага руху.

Ключавыя слова: сацыял-дэмакратычны напрамак; ідэі палітычных партый і арганізацый; нацыянальнае самавызначэнне.

SOME IDEAS OF POLITICAL PARTIES AND ORGANIZATIONS IN BELARUS IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. A. Pranovich

post-graduate student of the National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus,
Master of Laws,
National Center of Legal Information, 1a, Berson Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
pronevich_dima@mail.ru

Some ideas about political parties and organizations in Belarus at the beginning of the 20th century are considered. It turned out that in the socio-political thought of the early twentieth century. The national self-determination and the awakening of the Belarusian self-consciousness have been substantiated, the rise of the national movement is observed in the country.

Keywords: social democratic direction; ideas of political parties and organizations; national self-determination.

У 1900—1903 гг. у Беларусі пераважаў напрамак сацыял-дэмакратычнай думкі, якога прытрымліваўся Бунд (Усеагульны яўрэйскі рабочы саюз у Літве, Польшчы і Расіі), камітэты якога разгарнулі актыўную дзеянасць амаль ва ўсіх павятовых гарадах і многіх мястэчках Беларусі, а таксама арганізацыі Сацыял-дэмакратыя Каралеўства Польскага і Літвы (далей — СДКПІЛ). Толькі ў канцы 1903-пачатку 1904 гг. у шэрагу гарадоў узніклі арганізацыі Расійскай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі (далей — РСДРП), якія стаялі на пазіцыях газеты «Іскра» і актыўна дзеялічалі ў іншым накірунку.

У гэты перыяд існавала мноства палітычных партый і арганізацый. У той жа час узікненне розных палітычных партый і беларускіх патрыятычных суполак з'явілася штуршком для станаўлення нацыянал-патрыятызму ў Беларусі.

У 1903 г. ствараецца Беларуская рэвалюцыйная партыя, перайменаваная неўзабаве ў Беларускую Сацыялістычную Грамаду (далей — БСГ), якая поруч з сацыялістычнымі ідэямі на першы план ставіла патрабаванні нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі. Сацыяльна-палітычныя ідэі БСГ, якія адпавядалі імкненням працоўнага народу, знайшлі шырокое распаўсюджанне ў Беларусі. Програма гэтай сацыяльна-палітычнай арганізацыі ўласабляла асноўныя дасягненні дэмакратычнай грамадска-палітычнай думкі таго часу. У ёй спалучыўся рэвалюцыйны дэмакратызм з народніцкім (сялянскім) сацыялізмам.

Нелегальныя выданні БСГ выходзілі пад марксісцкім лозунгам «Пralегары ўсіх краін, яднайцеся!». У якасці канчатковай мэты праграма абвяшчала знішчэнне

капіталістычнага ладу і пераход у грамадскую ўласнасць зямлі, сродкаў вытворчасці і камунікацыі. Бліжэйшай палітычнай задачай было звяржэнне самадзяржаўя ва ўзаемадзеянні “з пралетарыятам усіх народаў Расійскай дзяржавы”. Дзяржаўнай формай забеспячэння свабоды прызнавалася незалежная дэмакратычная рэспубліка, палітычнью аснову якой павінны былі скласці «спаўненне найвышэйшай уласці праз Канстытуцыйны сход», народнае заканадаўства з правам ініцыятывы і санкцыі, прамое, агульнае роўнае выбарчае права з тайным галасаваннем, бясплатны суд, выбарныя суддзі, падсуднасць чыноўнікаў, раўнапраўе людзей незалежна ад полу, нацыянальнасці і веравызнання, свабода слова, друку, сходаў, таварыстваў, забастовак. Прадугледжвалася і скасаванне пастаяннай арміі з заменай яе агульным апалучэннем народа. У праграме знайшлі адлюстраванне такія агульнадэмакратычныя ідэі, як увядзенне восьмігадзіннага працоўнага дня, устанаўленне мінімальнай зарабатнай платы, роўнай платы пры роўнай працы, бясплатнай медыцынскай дапамогі, дзяржаўнага страхавання ад няшчасных выпадкаў, хваробы, старасці і інш.

Інтарэсам сялянства, яго палітычнаму настрою адпавядала патрабаванне праграмы БСГ аб скасаванні прыватнай зямельнай уласнасці, абавяшчэнне права кожнага чалавека на апрацоўку зямлі «сваімі рукамі без скарыстання чужой працы», зяйўленне аб неабходнасці пропаганды «ідэі ўсебаковага сябравання і таварыстваў з мэтай пераходу да сацыялістычнай гаспадаркі».

Аб гэтым яскрава сведчыла тэарэтычна і практычна-пропагандысцкая дзейнасць БСГ – самай значнай палітычнай арганізацыі таго часу. У пракламацыях 1905 г. БСГ пропагандавала неабходнасць прадстаўлення кожнаму народу права мець свой сойм, які “вёў бы яго справы”. У лістоўцы «Царова дума» зяйўлялася: «Патрабуем, каб кожны народ меў права сам пастанаўляць аб сваіх справах і патрэбах, выбіраць сабе сваіх чыноўнікаў і судзіць іх, гаварыць, пісаць і вучыцца па-свойму. . . Хай жыве народнае прайўленне і Канстытуцыйны сход у Вільні».

У праграме, прынятай у 1906 г. на II з'ездзе БСГ, адзначалася, што партыя арганізуе «працавітую беднату Беларускага краю без адрознення нацыянальнасцей», выказвалася неабходнасць утварэння Расійскай федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі са свободным самавызначэннем і культурна-нацыянальнай аўтаноміяй народнасцей. Для Беларусі БСГ патрабавала дзяржаўнай аўтаноміі з мясцовым соймам у Вільні.

У 1904 – 1905 гг. у Беларусі распаўсюджваліся беларускамоўныя лістоўкі «Братцы мужыкі», «Прызыўныя», «Царская гаспадарка» і інш., выдадзенія Сацыялістычнай партыі Белай Русі (далей – СПБР). Як сведчаць матэрыялы гэтых дакументаў, партыя заклікала да барацьбы за звяржэнне самадзяржаўя і ўстанаўленне выбарнай народнай улады, каб народ «усім камандаваў сам».

Партыя СДКПіЛ, якая ўтварылася на з'ездзе ў Мінску ў 1900 г., выступала ў цесным саюзе з расійскім рэвалюцыйным рухам за звяржэнне царызму, змагалася супраць Польскай сацыялістычнай партыі (далей – ППС), якая адмаўляла ідэю польска-расійскага рэвалюцыйнага саюза. Разам з гэтым СДКПіЛ лічыла нацыяналістычным і непрымальнym патрабаванне аб утварэнні незалежных дзяржаў, у тым ліку і Польшчы.

Партыя Сацыялістаў-рэвалюцыянероў (эсэраў) пропагандавала неабходнасць знішчэння самадзяржаўя і памешчыцкага землеўладання, устанаўлення ў Расіі федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі, пабудовы сацыялістычнага ладу на аснове сацыялізацыі зямлі з ураўнядлівым землекарыстаннем і распаўсюджаннем кааперацыі. Прадстаўнікі гэтай партыі лічылі маральна апраўданым палітычны тэрор.

Яўрэйская незалежная рабочая партыя (далей – ЯНРП), што была створана ў Мінску ў 1901 г., абронтоўвала неабходнасць павышэння па меры магчымасці эканамічнага і культурнага ўзроўню яўрэйскага пралетарыята шляхам стварэння эканамічных арганізацый, кас узаемадапамогі, асветніцкіх клубаў. Гэта партыя апраўдвалася існаванне самадзяржаўя як надкласавай формы кіравання і, зыходзячы з

гэтага, выступала за неабходнасць паслушэнства ўладам і поўнае неўмяшанне рабочых у палітыку.

Пэўнае распаўсюджанне ў Беларусі ў пачатку XX ст. мелі і сіяніцкія ідэі. У 1902 г. у Мінску нават адбыўся Усерасійскі з'езд сіяністаў. Ідэйна-палітычны змест іх поглядаў зводзіўся да таго, што яўрэі ўсяго свету маглі знайсці «праваахоўны прытулак», пазбавіцца ганенняў, пагромаў і іншых праяўлення ў антысемітызму толькі на радзіме продкаў. У сувязі з гэтым яны аб'яўлялі бессэнсоўным, шкодным уздел яўрэяў у вызваленчым руху ў краінах дыяспары. Сіяністы зыходзілі з таго, што сярод яўрэяў адсутнічалі антаганістычныя класы, што і буржуазія, і пралетарыят аднолькава прыгнечаны і бяспраўны ў краінах выгнання. Важнае месца ў сіяніцкай ідэйна-тэарэтычнай канцепцыі займалі палажэнні аб «богавыбранасці» яўрэйскага народа, што давала падставу прапаведаваць сярод яўрэйскіх працоўных нацыянальна-рэлігійны фанатызм, недавер да іншых нацыянальнасцей.

Наогул, усе рэвалюцыйныя партыі, якія дзейнічалі ў Беларусі ў пачатку XX ст., свае ідэйна-тэарэтычныя погляды, агітацыйна-прапагандысцкую дзейнасць так і ці інакш звязвалі з адносінамі да вайны. Усе яны выкрывалі яе антынародны характар. Пры гэтым бальшавікі заклікалі да далейшых намаганняў з мэтай звяржэння самадзяржаўя і пераўтварэння міждзяржаўнай вайны ў грамадзянскую. Меншавікі, праводзячы антываеннную агітацыю, лічылі мэтазгодным хутчэйшае заключэнне міру ў інтарэсах народа. З падобнымі ідэямі выступаў і БУНД. БСГ у час руска-японскай вайны фактычна выступіла з пазіцый паражэння ўрада сваёй краіны ў вайне. Яна заклікала народ не ісці добраахвотна на вайну, хавацца ад мабілізацыі, не даваць грошай ні на флот, ні на «Чырвоны Крыж», рабіць усё дзеля таго, каб цар прайграў вайну.

У грамадска-палітычнай беларускай думцы пачатку XX ст. абронтоўвалася нацыянальнае самавызначэнне. Менавіта ў гэты час пачалася хвала абуджэння беларускай свядомасці, названага яго ідэолагамі беларускім адраджэннем. Рэвалюцыя 1905—1907 гг. выклікала ўздым нацыянальных рухаў усіх народаў Расіі, у тым ліку і беларускага.

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УЧЕНИИ А. ГРАМШИ

А. А. Сулейков

*младший научный сотрудник ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»,
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», ул. Сурганова, 1, 220072, г. Минск, Республика Беларусь,
suleykov@bk.ru*

Статья посвящена пониманию таких институтов, как государство и гражданское общество в учении А. Грамши. В частности, автором анализируются сущностные черты доктрины о «гегемонии» итальянского философа, а также определяется характер взаимоотношений государства и гражданского общества в учении А. Грамши. Автор приходит к выводу о том, что в рамках концепции «культурной гегемонии» развитое гражданское общество является ключевым фактором обеспечения стабильности и устойчивости государства.

Ключевые слова: культурная гегемония; молекулярное сопротивление; гражданское общество; государственный аппарат; интегральное государство.

STATE AND CIVIL SOCIETY IN A. GRAMSCI'S DOCTRINE

А. А. Suleikau

*junior researcher SSI «The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus»,
SSI «The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus», 1, Surganova Str., 220072,
Minsk, Republic of Belarus,
suleykov@bk.ru*

The article is devoted to the understanding of such institutions as the state and civil society in the A. Gramsci's doctrine. The author analyzes the essential features of the Italian philosopher's "cultural hegemony" doctrine and also determines the nature of the relations between the state and civil society. The author comes to the conclusion that, within the framework of the concept of "cultural hegemony", a well-developed civil society is a key factor in ensuring the stability and sustainability of the state.

Keywords: cultural hegemony; molecular resistance; civil society; state apparatus; and integral state.

Антонио Грамши, будучи видным деятелем итальянского левого движения (участвовал в основании и руководил Итальянской коммунистической партией, считается одним из виднейших теоретиков марксизма) во многом заложил теоретико-методологические основы неомарксистского движения. Ключевой чертой подхода Грамши к применению марксистского метода анализа общественно-политической сферы является существенный акцент на культурной составляющей жизни общества. Это было детерминировано тем, что особое внимание Грамши уделял вопросам поражения революционных процессов в ряде стран Европы. В частности, проблемным моментом было выявление причин провала применения в западноевропейских странах тактики борьбы с существующей политической системой, аналогичной использованной коалицией левых сил, возглавляемой большевиками, в Российской империи и, затем, в Российской республике [1]. Главным результатом теоретических изысканий Грамши можно назвать формирование концепции «культурной гегемонии», которая, в последствии, легла в основу ряда общественно-политических доктрин и идеологий некоторых политических движений.

Однако, трактовка понятия «гегемония», выработанная Грамши, существенно отличается от той, что использовалась Плехановым или Лениным. Так, по мнению Джереми Лестера, можно выделить три существенных момента, отличающих позиции Грамши и Ленина на данный вопрос.

Так, если для Ленина гегемония была просто стратегией или предписанием к действию, вытекающему из специфики социально-экономической ситуации, сложившейся в российском обществе (отсталость экономики, неразвитость капиталистических отношений), то для Грамши гегемония это не только и не столько тип тактики или стратегии, адаптированный для нужд левых сил в Западной Европе. Грамши переводит внимание с сугубо утилитарной трактовки гегемонии к ее общетеоретическому значению. «Гегемония» из одного из метода борьбы трансформируется в общую системную теорию политической борьбы, которая может быть применена к изменению любой политической системы.

Во-вторых, в отличие от традиционной классовой трактовки процесса завоевания и осуществления гегемонии, Грамши расширяет поле борьбы и список акторов, в ней участвующих. Он вводит в анализ борьбы за гегемонию новые плоскости, выходящие за рамки классического классового подхода.

И, в-третьих, главным отличием трактовки сути и роли гегемонии в политике, выдвигаемой Грамши, является утверждение позиционного, затяжного характера борьбы. Если в случае с завоеванием власти в России гегемония заключалась в объединении ряда общественных сил в целях реализации интересов рабочего класса (что позволило совершить революцию путем кратковременного «штурма»), то в европейских странах победа, по мнению Грамши, может быть достигнута посредством постепенного выявления интересов различных внеклассовых или межклассовых групп, достижения консенсуса и продолжительного процесса перехода гегемонии у правящего класса.

Согласно Грамши, культурная гегемония представляет собой господство идеологии правящего класса как формы ложного сознания над мировоззрением и интересами культурно и классово неоднородного общества. Картина мира, закрепленная в обществе и считающаяся эталоном «здравого смысла» является искусственно созданным конструктом, продуцированным правящим классом, во многом ложным по

своей природе.»Здравому смыслу» противопоставляется т. н.»хороший смысл» - точка зрения и форма мировоззрения, присущая неоднородным по своей природе угнетенным массам и как соответствующая их интересам, так и продуцируемая непосредственно условиями их существования и общественно-экономическим положением [3].»Здравый смысл» как форма ложного сознания, продуцируется институтами гражданского общества. Под самим же гражданским обществом теоретик марксизма понимает сеть частных организаций господствующего класса, прямо не включенных в аппарат государственной власти: профессиональные, культурные, общественные, религиозные, благотворительные организации и политические партии, средства массовой информации [2]. Посредством таких институтов как школа, церковь, коммерческий и некоммерческий сектор господствующий класс и прививает свои идеологические установки и свою картину мира как основному угнетенному классу (пролетариату), так и смежным и «пограничным» социальным группам.

Таким образом, развитое гражданское общество является неотъемлимым элементом «интегрального государства», включающего в себя также и политическое общество (аппарат государственного управления, непосредственно сами политические институты). Сам Грамши дает «интегральному государству» следующее определение: «Это — целый комплекс практической и теоретической деятельности, посредством которой правящий класс не только оправдывает и поддерживает свое господство, но и преуспевает в получении активного согласия тех, кем он управляет» [3]. Именно этот момент является наиболее существенным фактором, отличающим Восток и Запад и обусловившим успех Октябрьского переворота, ставшего началом новой революции. По мнению Грамши, на Востоке «государство было всем, гражданское общество было первобытным и желатинообразным. На Западе существовали соответствующие отношения между государством и гражданским обществом и, когда государство шаталось, сразу же обнаруживалась крепкая структура гражданского общества. Государство было только внешним рвом, за которым существовала мощная система крепостей и земляных укреплений, — более или менее многочисленных от одного государства к другому, само собой разумеется, но это обязательно требовало тщательной рекогносировки каждой отдельной взятой страны» [3]. Из такого понимания «культурной гегемонии» проистекает т. н. концепция «молекулярной революции».

В «Тюремных тетрадях» Грамши упоминается, что противодействие гегемонии правящего класса и установление гегемонии новых сил в условиях наличия такой гегемонии, а, следовательно, и согласия в гражданском обществе, носит «молекулярный» характер [4]. В силу наличия негосударственных институтов, способствующих укоренению воззрений правящего класса в сознании других слоев общества, противодействие гегемонии должно производиться не посредством прямого силового воздействия на государственные структуры, а посредством изменения мнений и настроений в сознании каждого человека. При этом, главным «полем боя» является именно гражданское общество. Таким образом, Грамши лишь дает указание на возможные методы противодействия существующей гегемонии, не развивая данную идею до уровня концепции.

Логическим продолжением осмыслиения характера взаимодействия между буржуазным государством и гражданским обществом стала разработка концепции «социалистического гражданского общества».

Грамши придерживался позиции, согласно которой, установление новой гегемонии, сформированной в результате классовой борьбы и революции, будет сопровождаться формированием нового типа гражданского общества. Причем именно сам процесс борьбы против существующего порядка должен будет определить смысловое содержание и основные механизмы поддержания гегемонии социалистического строя. Это детерминировано тем, что содержание гегемонии, то есть и характеристики существующего гражданского общества в том числе, определяются

тем, какой общественный класс играет роль гегемона. Следуя марксистской методологии анализа социально-политических явлений, Грамши утверждал, что, поскольку роль гегемона играет буржуазный класс, то и деятельность гражданского общества будет иметь буржуазный характер [3]. При этом, после перехода к социалистическому строю и построения социалистического гражданского общества, будут упразднены основные причины классовой борьбы. По мнению итальянского философа, одним из условий перехода к социализму являлось построение нового типа гражданского общества, основанного на принципах демократизма и самоуправления различных социальных групп. Несмотря на то, что такое общество должно было бы поглотить и интегральное государство, и политическое общество, став главной формой организации человеческого социума, его строительство необходимо было начать с построения социалистического интегрального государства при переходе культурной гегемонии к рабочему классу. Таким образом, после определенного административно-директивного управления, основой нового государства должно было стать новое саморегулируемое гражданское общество, продуцирующее модели поведения, присущие социалистическому строю.

Исходя из вышеуказанного, можно сделать следующие выводы:

1. В учении А. Грамши «интегральное/целостное» государство (как форма организации человеческого общества) делится на «политическое общество» (аппарат государственного управления) и «гражданское общество» (негосударственные социальные институты, тем или иным образом продуцирующие одобряемые государственным аппаратом модели поведения и смысловые конструкции).

2. Гражданское общество, несмотря на свой негосударственный характер, выстраивается либо государством напрямую, ибо властвующей элитарной группой.

3. Развитое гражданское общество является одной из опор стабильности государственного строя и устойчивости его развития: если государственный аппарат может быть выведен из строя посредством прямой атаки (различного рода политические и государственные перевороты), а также делегитимизирован при помощи методов ненасильственного действия, то гражданское общество, формально автономное и состоящее из сети независимых организаций, является более сложным противником. При этом, наличие устойчивого гражданского общества, даже в случае дезорганизации государственного аппарата, обеспечивает высокую вероятность сохранения и/или реставрации социально-политического строя.

4. Таким образом, гражданское общество является главным полем борьбы различных социальных и политических сил. Методы, в свою очередь, ненасильственного и насилиственного воздействия на государственный аппарат могут быть эффективны либо при отсутствии деятельной системы институтов гражданского общества, либо при принадлежности «культурной гегемонии» в гражданском обществе силам, заинтересованным в демонтаже государственного строя и выстраивании нового «политического общества». В таком случае неизбежным является антагонизм политического и гражданского обществ.

Библиографические ссылки

1. Дымчак, Д. И. Гегемония как ключевое понятие политической философии Антонио Грамши // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. №4 (65).
2. Кристианинский, Л. Б. Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 65-72.
3. Лестер, Дж. Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание [Электронный ресурс] / Дж. Лестер // Политнаука. Политология в России и мире. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/classic/leyster.php>. Дата доступа: 22. 01. 2021.
4. Сейсяни, В. Т. Взлет и падение американской контркультуры 1960-х в свете концепции культурной гегемонии Антонио Грамши // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №2-5. С. 1344-1346.

СЕКЦЫЯ III. ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА

АДКАЗНАСЦЬ ЗА ПАДРОБКУ ДАКУМЕНТАЎ ПА СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

I. У. Вішнеўская

дацэнт кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
вул. Маскоўская, 17, 220007, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
irina-w55@mail.ru

У артыкуле звязана звага на тое, што сучаснае беларускае крымінальнае заканадаўства, якое рэгламентуе адказнасць за фальсіфікацыю дзяржаўных і прыватнаправавых дакументаў, грунтуецца на гістарычных прававых традыцыях закладзеных Статутамі ВКЛ XVI ст. Аналіз статутных норм дае магчымасць класіфікацыі дзеянні па падробке юрыдычных дакументаў на дзяржаўныя злачынствы, злачынствы супраць правасуддзя і маемасныя злачынствы. Сродкамі барацьбы з падлогам і падробкай дзяржаўных і прыватных дакументаў былі, па-першае, жорсткія санкцыі аж да смяротнага пакарання; па-другое, абавязковая фармалізацыя рознага рода дзяржаўных актаў, прыватных здзелак з нерухомасцю, спадчынных лістоў і інш.

Ключавыя слова: фальсіфікацыя дакументаў; падлог; падчыстка; статуты; крымінальная адказнасць.

RESPONSIBILITY FOR FORGERY OF DOCUMENTS ON THE STATUTES OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA OF THE XVI CENTURY

I. V. Vishnevskaia

Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya Str., 220007, Minsk, Republic of Belarus,
irina-w55@mail.ru

The article draws attention to the fact that modern Belarusian criminal legislation regulating responsibility for falsifying state and private law documents is based on historical legal traditions laid down in the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania XVI century. The analysis of statutory norms makes it possible to classify actions on forgery of legal documents into state crimes, crimes against justice and property crimes. The means of combating forgery and forgery of public and private documents were, firstly, harsh sanctions up to the death penalty, and secondly, the mandatory formalization of various types of state acts, private real estate transactions, wills, etc.

Key words: falsification of documents; forgery; cleanup; statutes; criminal liability.

Юрыдычнае адказнасць за злачынства, якое заключаецца ў падробцы сапраўдных дакументаў, або вырабе фальшывых, прадугледжваецца шэрагам артыкулаў Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь (арт. 380, 381, 427 і інш.). Сучасны крымінальны закон усталёўвае адказнасць за службовы падлог, унясенне службовай асобай у карыслівых мэтах заведама ілжывых звестак у афіцыйныя дакументы, падробку, падчыстку, складанне і выдачу заведама непраўдзівых дакументаў. Разнавіднасцю службовага падлога з'яўляецца падлог выбарчых дакументаў. Прадугледжваецца адказнасць за падробку прыватнай асобай пасведчання або іншых дакументаў, а таксама выраб штамтаў, пячатак, бланкаў і іх збыт. Злачынствам з'яўляецца падробка і выкарыстанне грошовых знакаў і дзяржаўных каштоўных папер.

Сучаснае беларускае заканадаўства грунтуецца на гістарычных традыцыях, якія закладзены перш за ўсе ў Статутах XVI ст., дзе дастаткова падрабязна адлюстраваны

віды падлога і падробкі дакументаў і вызначана адказнасць за гэта злачынства. Аналіз статутных норм дае магчымасць класіфікаваць дзеянні па фальсіфікацыі дакументаў, па такіх напрамках, як дзяржаўныя злачынствы, злачынствы супраць сістэмы правасуддзя і маемасныя злачынствы.

Згодна з нормамі Статута 1588 г. да дзяржаўных злачынстваў заканадаўца адносіць наступныя супрацьпраўныя дзеянні: састаўленне падложных грамат ад імя гаспадара і падробка яго пячаткі і подпісу, незаконнае карыстанне пячаткамі дзяржаўных устаноў (р. 1, арт. 16); фальшиваманецтва (р. 1, арт. 17). Адказнасць за падробку і фальсіфікацыю дакументаў, пячатак і подпісаў службовых асоб прадугледжвалася і Статутамі 1529, 1566 гг. У Статуте 1588г. указвалася, што за падробку лістоў і пячатак, а таксама подпісаў гаспадара і службовых асоб – канцлера, падканцлера, пісараў, як канцылярскіх, так і служыўшых у розных судовых установах дзяржавы; складанне фальшивых тэкстаў; подпісы і пячаткі, якія выдаваліся за афіцыйныя, прадугледжвалася смяротнае кваліфікаванне пакаранне “на горле огнем каран быти маеть” (р. 1, арт. 16) [3, с. 91].

Цяжкім дзяржаўным злачынствам лічылася фальшиваманецтва. Адказнасць за яго прадугледжвалася арт. 17 першага раздзела Статута 1588 года. Адзначым, што гэта норма раней была замацавана ў Статуте 1566 года. Пры ўсталяванні вышэйшай меры пакарання за гэта злачынства заканадаўца дэталева фіксаваў аб'ектыўны бок злачыннага дзеяння: “хто монету нашу фольшовал, перепродаў, обрезал, так тэ ж мынцари наши которые золото, серебро и иншую материю належачую и прислухающую ку мынцы фальшовали бы, зливали и мешали...” (р. 1, арт. 17) [3, с. 91].

Неабходна заўважыць, што ў некаторых выпадках фальшивыя дакументы выдаваліся самой вялікакняскай канцылярыяй. Справа ў тым, што правапарушальнік каб атрымаць неабходныя дакументы, обо ўтойваў нявыгадныя яму факты, што мелі юрыдычнае значэнне, або прадстаўляў становішча рэчаў не супадаючыя з іх фактычным станам. Такія камбінацыі дазвалялі атрымаць неабходны дакумент ў пажаданай рэдакцыі. Акрамя названых выпадкаў мела месца і выдача канцылярый арыгінальнага “ліста”, падрыхтаванага на падставе прадстаўленнага клиентам фальшивага чарнавога тэкstu [1, с. 179].

Да злачынстваў супраць сістэмы правасуддзя Статут 1588 г. адносіў дачу ілжывых паказанняў у судзе (р. 4, арт. 76). У выпадку прызнання паказанняў сведкі непраўдзівымі або фальшивымі, ён павінны быў быць пакараны, таксама як быў бы пакараны чалавек, супраць якога ён ілжыва сведчыў і тым мог нанесці яму шкоду. Разам з тым, адвінавачаны ў ілжэсведчанні меў права на апеляцыю ў Галоўны Суд [4, с. 97]. Цяжкім злачынствам лічыліся непрыстойныя паводзіны ў судзе судовых ураднікаў.

Напрыклад, Статут 1588 г. рэгламентаваў прававы статус вознага (у першыню быў вызначаны Статутам 1566 года). На гэту пасаду ваяводы або старасты прызначалі людзей “добрах, веры годных, добрадзейных і аселых у тым жа павеце” [4, с. 65]. Калі ў судовым паседжанні возны ілжыва сведчыў і тым шкоду аднаму боку нанес ён караўся смерцю (р. 4, арт. 9).

Негатыўныя наступствы прадугледжваліся за прад’яўленне суду удзельнікамі працэсу непраўдзівых запісаў, якія цягнулі за сабой прыніцце няправільнага рашэння. У выпадку доказу фальсіфікацыі, судовае рашэнне адмянялася, а той хто “справу перакруціў, за тую віну павінен сядзець у замку 12 тыдняў, а боку свайму супрацьлегламу дванадццаць рублей заплаціць” (р. 4., арт. 41). Калі ж падробка магла прывесці да адвінавачвання супрацьлеглага боку ў злачынстве, за якое прадугледжвалася пакаранне смерцю, тады і фальсіфікатара суд павінен быў асудзіць і караць смерцю [4, с. 81].

Вышэйшая мера пакарання прадугледжвалася і ў адносінах да так званых фальшивых адвакатаў, якія жадаючы нанесці шкоду аднаму з боку працэсу, прадстаўлялі суду падробленыя дакументы на права адвакацкай практыкі (р. 4, арт. 59).

Каб пазбегнуць магчымых падробкаў судовых позваў, закон дакладна рэгламентаваў іх форму. За падчыстку позвы адказчык павінны быў заплаціць штраф у памеры 6 рублёў, як ісцу, таксама і суду. (р. 4, арт. 19).

Статуты ВКЛ захоўваюць нормы, якія рэгламентавалі адказнасць за фальсіфікацыю прыватных прававых актаў: запісаў па пазыках, залогавых лістоў, тэстаментаў і інш. У выпадку доказу ў судовым парадку факта фальсіфікацыі на карысць злouжывальніка і шкоду іншаму боку, злачынца караўся смерцю [3, с. 91].

Папярэджанню злачынных дзеянняў супраць маемасці і права на яе, безумоўна садзейнічала фармалізацыя спосабаў забеспячэння выкання абавязкаўстваў. Закон рэгламентаваў абавязковую пісьмовую форму любой здзелкі і яе натарыяльнае сведчанне, або абавязваў рэгістраваць такія здзелкі ў судовых кнігах. У спецыяльныя актавыя кнігі запісваліся здзелкі аб куплі-продажу нерухомасці, даравальнія запісы, залог маемасці і інш. Патрабаванні закона да здзелак з нерухомасцю былі вельмі жорсткімі. Фізічная асона, якая жадала заключыць падобную здзелку (пры наяўнасці яе дзеяздольнасці), павінна была асабіста падпісаць гэты прававы акт і замацаваць яго сваёй пячаткай. Потым гэты документ падмацоўваўся подпісамі і пячаткамі 3–4 годных шляхцічаў, пасля чаго патрабавалася асабістая сустрэча з Гаспадаром або “земскім урадам”, якія канчаткова падцвярджалі факт здзелкі [2, с. 102].

Разумеючы магчымасць падману або злouжыванне даверам у спадчынных праваадносінах, заканадаўца асабліва дакладна распрацаваў працэдуру складання тэстаментаў (спадчынных запісаў). Галоўная мэта заключалася ў тым, каб засведчыць сапраўднасць волі завяшчальніка і тоеснасць ей (волі) зместа документа. Не выкананне прадпісанняў норм Статута мела наступствам прызнанне завяшчання несапраўдным. Больш того, яно павінна было быць складзена ў судовай установе (пры пэўных абставінах дапушчальнай была і хатняя форма тэстамента, але пры гэтым заканадаўца агаворваў шэраг умоў яе сапраўднасці) ў прысутнасці завяшчальніка, сведак, якія выступалі гарантам сапраўднай волі і свядомасці (здаровы разум і цвердая памяць) завяшчальніка (р. 6, арт. 2). Раздзел Статута 1588 г. “Аб тэстаментах” захоўвае норму, якая пералічвае прычыны, па якіх тэстамент не можа быць прызнаны сапраўдным. Да іх адносяцца папраўкі і падчысткі даты або тэкста документа, фальсіфікаванага “на шкоду якому боку, такі артыкул у тым тэстаменце не можа прымацца за такі, які мае законную сілу” [4, с. 135]. У той жа час закон агаворвае, што ў тым выпадку, калі “ў адным або некалькіх артыкулах, не па закону складзеных, былі парушэнні але пры гэтым“ усе іншыя паводле права зроблены”, то “ўсяго тэстамента скасоўваць нельга” (р. 8, арт. 6).

Нягледзячы на тое, што большасць фактаў фальсіфікацыі прадугледжвалі жорсткія санкцыі, судовая практика была значна мягчайшай і звычайна залежыла ад сацыяльнага статуса злачынцы. Так, напрыклад, польскі даследчык Ю. Бардах прыводзіць выпадкі, калі нават пацверджаныя ў судовым парадку “сфальшаваныя лісты” насуперак нормам Статута не мелі сур’езных негатыўных наступстваў для фальшавальнікаў гаспадарскіх дакументаў [1, с. 180-181].

Такім чынам, сродкамі барацьбы з падлогамі і падробкамі дзяржаўных і прыватных дакументаў былі, па-першае, жорсткія санкцыі аж да смяротнага пакаранні; і, па-другое, абавязковая фармалізацыя рознага роду дзяржаўных актаў, прыватных здзелак з нерухомасцю, спадчынных лістоў і інш.

Бібліографічныя спасылкі

1. Бардах, Ю. Аб практицы літоўскай канцылярыі часоў Жыгімонта I Старога // Штуды з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Мінск: Бібліятэка часопіса БГА, 2002. С. 161-199.
2. Доўнар, Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях. Мінск: Пропілей, 2000. 224с.

3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. Мінск: БелСЭ, 1989. 573с.
4. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / Пер. на бел. мову А. С. Шагун. Мінск: Беларусь, 2002. 207с.

СТАТУТ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г. У ГІСТОРЫІ ЮРЫСПРУДЭНЦЫ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

Г. В. Дзэрбіна

*старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра даследвання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, дактарант Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, Цэнтр даследвання беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН, вул. Сурганава, 1, 220007, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
galinadzerbina@tut.by*

Разглядаюцца дактрына, крыніцы і метадалогія кадыфікацыі пры распрацоўцы Статута Вялікага Княства Літоўскага 1529 г.; фарміраванне канцэпцыі кадыфікацыі права ВКЛ XVI ст.

Ключавыя слова: Рэнесанс; кадыфікацыя права; дактрына.

THE STATUTE OF THE GRAND DUCHE OF LITHUANIA 1529 AND THE DEVELOPMENT OF JURISPRUDENCE: HISTORY AND MODERNITY

G. V. Derbina

*Senior Researcher at the Center for the Study of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, doctoral student of the Belarusian State University, candidate of legal sciences, associate professor,
Center for the Study of Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus, 1, Surganova Str., Minsk, Republic of Belarus,
galinadzerbina@tut.by*

Annotation. The doctrine, sources and methodology of the codification of law in the development of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania in 1529 as a classic example of Renaissance legislation are considered; formation of the concept of codification of the law of the Grand Duchy of Lithuania of the 16th century.

Key words: Renaissance; codification of law; doctrine

Кадыфікацыя права Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) ў трох Статутах 1529, 1566, 1588 гадоў увайшла ў гісторыю юрыспрудэнцыі як класічны ўзор эпохі Рэнесансу. В. Мацяёўскі [10, с. 205-207], адзін з першых кампаратывістаў XIX ст., метадалогія паранання якога прызнаеца актуальнай для сучасных даследаванняў. вызначыў Статут ВКЛ як сінтэз дасканалых дасягненняў навукі і практыкі XV- XVI стст., пад уплывам якога развівалася дактрына і заканадаўства іншых дзяржаў.

Першы вопыт кадыфікацыі і распрацоўкі рэнесансавага заканадаўства, Статут ВКЛ 1529 года, вызначылі накірунак развіцця кадыфікацыйнага руху ВКЛ XVI ст., у сувязі з чым важнымі з'яўляюцца высновы аб крыніцах і метадалогіі, на падставе якіх была распрацавана канцэпцыя і заканадаўства.

Сярод крыніц Статута 1529 г. : звачаю, судовай і адміністратыўнай практыкі, заканадаўства, дактрыны, апошній у гэты перыяд належыла важнейшая значэнне.

Дактрына і юрыдычная практыка гэтага часу вызначаліся школай каментатараў (постгласатараў), якая захавала свой уплыў і ў XVI ст., перадаўшы назапашаны дактрынальны і метадалагічны вопыт новай гуманістычнай школе права.

Дактрына школы каментатараў фарміравалася на працягу 1260-1450-х гг. на падставе каментавання рымскага права, на аснове якога выпрацоўвалася мясцовая заканадаўства ў ўропейскіх краін. Дактрына школы выпрацавала прынцып прымянення крыніц мясцовага і агульнага/рымскага права: пры адсутнасці мясцовага заканадаўства агульнае права, якое накіроўвае на расрацоўку дасканалага мясцовага заканадаўства. У Статуте ВКЛ 1588 г. гэты прынцып адлюстраваўся ў арт. 54, р. IV [4, с. 182-183].

Бартала Сасаферата, знакаміты каментатар, упłyvaў на фарміраванне заканадаўства і судовай практыкі ўропейскіх краін XIV-XVII стст., у тым ліку і ВКЛ.

Паслядоўнікам Бартала ў ВКЛ з'яўляўся прадстаўнік гуманістычнай школы права доктар рымскага і кананічнага права П. Раізій. На падставе судовай практыкі ВКЛ у 1563 г. была надрукавана яго тэарэтычнае праца “Decisiones P. Roysii Maurei, Regii jurisconsulti, de rebus in sakro auditorio Lituanico et appellatione judicatis”. Работа была высока ацэнена і шырока вядомая, перавыдадзена ў розных краінах. П. Раізій працаваў над Статутам 1566 г. Правасвядомасць грамадства, юрыдычнае адукцыя і заканадаўства ВКЛ фарміравалася пад упłyvам работ мысліцеляў і юрыстаў не толькі XVI ст., - Ф. Скарыны, С. Буднага, А. Волана, М. Літвіна, П. Раізія, А. Ратондуса, А. Маджэўскага [4, с. 25-30, 109], але вядомых юрыстаў XIV-XV, найперш Бартала Сасаферата.

Выснова аб адметным рэнесансавым харкторы права ВКЛ з'яўляецца канцэптуальнай і патрабуе акрэслення крытэрыяў яе вызначэння.

У XV-XVI стст. дактрына рамана-германскай прававой сям'і фарміравалася пад упłyvам ідэалогіі гуманізму і Рэфармацыі, агульной культуры Рэнесансу [1, 2, 4, 7].

Вядомая польскія даследчыкі кадыфікацыінага руху ў Еўропе і Рэчы Паспалітай, ВКЛ - С. Салмановіч і В. Урушчак адзначаюць асноўныя наступныя праблемы даследавання кадыфікацыі гэтага часу: праблема дэфініцыі кадыфікацыі, адсутнасць адзінай тэрміналогіі і вызначанай метадалогіі. Характэрнымі рысамі кадыфікацыі XVI ст. даследчыкі вызначаюць: сістэматызаванасць твору з мэтай рэфармавання і ўніфікацыі права, наяўнасць правасуб'ектнасці, абавязковасць ініцыятывы распрацоўкі з боку дзяржаўнай улады, санкцыя дзяржаўнай улады; пісьмовая форма збору, які змяшчае асноўную частку сістэмы права дзяржавы (нават прыватны збор, які мае санкцыю дзяржаўнай улады, накіраваны на рэфармаванне і сістэмнасць заканадаўства) [10]. Статут 1529 гг. адпавядае вызначаным асаблівасцям. Ён распрацаваны на аснове новай дактрыны гуманістычнай школы права, напісаны на дзяржаўнай мове, сістэма Статута заснавана на рымскай ініцыятыўнай сістэме, мае згрупіраваныя нормы па ініцыятух правы, мае рысы гуманізацыі права, пашырэнне правасуб'ектнасці.

На падставе аналізу прывілеяў ВКЛ 1522 і 1529 гадоў, іншых дакументаў, мяркуеца, што канцэпцыя кадыфікацыі была скарэктаваная пасля 1522 г. пад упłyvам ідэй гуманістычнай школы права. Кадыфікацыя права ВКЛ адышла ад узору польскага права і набыла самастойны харктор. На новы падыход упłyvalі і змены канцлера ВКЛ і біскупа Віленскага. У Віленскай капітуле традыцыйна працавалі над кадыфікацыяй унутраных законаў, распрацоўвалі свае статуты, маючы кваліфікованых юрыстаў, дактароў абоега права: рымскага і кананічнага, што дае магчымасць дапусціць удзел дактароў капітулы ў кадыфікацыі свецкага права, падрыхтоўкі Статута ВКЛ 1529 г. Такая практыка засведчана пры падрыхтоўцы Статута ВКЛ 1566 г.

Пераклады Статута 1529 г. са старабеларускай мовы на лацінскую (1530) і польскую (1532) сведчаць аб зацікаўленасці іншых краін у першай кадыфікацыі ВКЛ. Спрыялі паспяховай кадыфікацыі новы канцлер Альбрэхт Гаштольд і новы біскуп Віленскі Ян, праца юрыстаў Віленскенскай капітулы свецкіх датароў права В. Чыркі і Е. Таліята.

Важнейшым пытаннем эпохі гуманізма і Рэфармацыі з'яўлялася мова дзяржаўнага заканадаўства [2]. Старарабеларуская мова Статута адразу акрэсліла некалькі прававых і палітычных пытанняў свайго часу. Дзяржаўная старабеларуская мова асноўнага закону

акрэсліла незалежнаасць ВКЛ, самастойную прававую палітыку, незалежнаасць і моц кадыфікацыйнага руху, уласную прававую дактрыну і канцэпцыю кадыфікацыі права. Варта нагадаць, што права ВКЛ хутка развівалася. Толькі ў першай палове XV ст. Статуты Казіміра Вялікага тройчы перакладаліся на “рускую” мову для патрэб адміністрацыйнай і судовай практыкі ў ВКЛ [11, s.12]. Пераклад Статута ВКЛ 1529 г. у 1532 г. са старабеларускай на польскую мову відавочна сведчыць аб значным аўтарытэце права ВКЛ. Самастоны харэктэр развіцця права ВКЛ выявіўся і ў дактрыні і метадалогіі падрыхтоўкі Статута 1529 г., на падставе дактрыны гуманістычнай школы права, адышоўшы ад канцэпцыі і ўзору Статута Ласкага 1506 г.

Да асаблівасцяў крытэрыяў дактрыны і метадалогіі кадыфікацыі права ВКЛ у 1529 г. мэтазгодна дадаць да названых папярэдне бліскучымі польскімі даследчыкамі С. Салмановічам і В. Урушчакам, дактрыну гуманістычнай школы права і спалучэнне метадалогіі школы каментатараў і гуманістычнай школы права, дзяржаўную мову заканадаўства.

Статут ВКЛ 1529 г. як першы этап кадыфікацыйнага руху ў ВКЛ адыграў важнейшую ролю ў кадыфікацыі права ВКЛ эпохі Рэнесансу. Вызначаная канцэпцыя кадыфікацыі дала выдатны вынік у Статутах 1566 і 1588 гг.

Статут 1529 г. адыграў сваю важную станоўчую ролю і ў сучаснасці. Перавыданне Статута ВКЛ 1529 г. ў 1960 г. [6] Інстытутам філасофіі і права АН БССР, падрыхтаванае аддзелам прававых навук, з'явілася вынікам сумеснай працы беларускіх і літоўскіх навукоўцаў, найперш гісторыкаў права К. Яблонскіс і Ю. Чарнецкай, мовазнаўцаў, найперш П. Ф. Крапівіна, гісторыкаў і іншых супрацоўнікаў аддзела.

Публікацыя Статута 1529 г. у перакладзе на сучасную рускую мову з'явілася падзеяй, якая адчыніла магчымасць даследавання гісторыі дзяржавы і права часоў ВКЛ, выданне іншых помнікаў права. У пачатку 1980-х гадоў было падрыхтавана аkadэмічнае чатырохтомнае выданне Статута ВКЛ 1529 г. супрацоўнікамі Віленскага ўніверсітэта і Інстытута гісторыі Літвы АН ЛССР. У 1989 г. выйшла энцыклапедычнае выданне Статута ВКЛ 1588 г., падрыхтаванае беларускімі навукоўцамі-медыяявістамі. У 1990-х гадах з'явілася некалькі перавыданняў Статута ВКЛ.

I. А. Юху працаваў і вучыўся ў аспірантуры Інстытута філасофіі і права АН з пачатку 1950-х гадоў; з пачатку 1960-х гадоў пленна працаваў на юрыдычным факультэце. Адукатычная праца I. А. Юху сумяшчалася з супрацоўніцтвам з навукоўцамі Інстытута філасофіі і права АН: В. А. Круталевічам, С. Ф. Сокалам, У. М. Конанам, С. А. Падокшыным і інш. У супрацоўніцтве з С. Ф. Сокалам фарміравалася дысцыпліна “Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі”. Патрыятызм I. А. Юху значна ўплываў на паспяховасць адукатычнага працэсу і выхаванне студэнтаў.

Развіццё сучаснай дзяржаўнасці Беларусі непасрэдна звязана з эвалюцыяй нацыянальнай прававой сістэмы, новымі метадамі сістэматызацыі і кадыфікацыі права, вывучэннем крыніц права. Магутны пласт прававой культуры часоў ВКЛ, заключаны ў памніках права, з'яўляеца важнейшым патэнцыялам беларускай духоўнай культуры. Выданне серыі “Помнікі права Беларусі” з кваліфікованым каментаваннем заканадаўства і навуковых прававых і філософскіх твораў у супрацоўніцтве з гісторыкамі, мовазнаўцамі, з'явілася б вельмі патрэбным не толькі для ўвядзення ў навуковы зварот патэнцыяла айчыннай прававой культуры, але і спрыяла б развіццю сучаснай беларускай навуки, практыкі падрыхтоўкі даследчыкаў.

Бібліографічныя спасылкі

1. Конон, В. М. Гуманитические источники Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // Первый Литовский Статут 1529 года. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 450-летию Первого Статута. Вильнюс: “Вайздас”, 1982. 152 с.
2. Скарына, Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 207 с.

3. Помнікі права Беларусі XIV-XVI стст. : агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік /склад. Г. Я. Галенчанка, інш. Мінск, БелНДІДАС, 2015. 384 с.
4. Сокол, С. Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI - первой половины XVII в. Минск, 1984.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. 254 с.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. /Беларус. Сав. Энцыкл. ; Рэдкал. : I. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
7. Юхі, И. А. Основные черты судоустройства и судоизвестства по Статуту Великого Княжества Литовского 1529 года. // Первый Литовский Статут 1529 года. Материалы республиканской научной конференции, посвященной 450-летию Первого Статута. Вильнюс: "Вайздас", 1982. 152 с.
8. Bardach J. Statuty Litewkie a prawo rzymskie. Warzsawa:OBTA, 1999. 156 s.
9. Gogek S. Elementy prawa rzymskiego w III Statuce litewskim (1588). Warszawa: OFICYNA NAUKOWA, 2004. 230 s.
10. Maciejowski W. A. Historya prawodawstw siowiacskich. T. 1. Warszawa, 1856. 509 s.
11. Vetulani A., Roman S. 'Sredniowyeczny ruski przeklad statut'ow ziemskih Kaimierza Wielkiego, Wladislawa Jagielly/ Wroclaw, 1950. 121 s.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСИ

В. И. Ермолович

*доцент кафедры международного экономического права юридического факультета Белорусского государственного экономического университета, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь,
Jermalovich7@gmail.com*

В представленном научном докладе «Правовое регулирование государственной собственности в средневековой Сербии и Беларуси» рассмотрен процесс становления и развития феодальной государственной собственности в средневековой Сербии и Беларуси X–XVI вв. Важнейшим вопросом нашего исследования является вопрос о разделении государственной земельной собственности в рассматриваемых странах на личные владения государей и государственную собственность в ее традиционном понимании. Общей тенденцией, характерной для средневековой Сербии и Беларуси было то, что государственная собственность являлась главным источником для содержания государей этих стран (короля и великого князя), их многочисленного двора и покрытие других государственных расходов. Государственная собственность была также важнейшим источником расширения земельной собственности не только светских феодалов Сербии и Беларуси, но и церковных владений в этих странах.

Ключевые слова: государственная собственность; доменная собственность; Сербия; Беларусь; Средние века.

LEGAL REGULATION OF STATE PROPERTY IN MEDIEVAL SERBIA AND BELARUS

V. I. Ermalovich

*Associate Professor of the Department of International Economic Law of the Law Faculty of the Belarusian State Economic University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belarusian State Economic University, 26, Partizanski Av., Minsk, Republic of Belarus,
(Jermalovich7@gmail.com)*

The presented scientific report "Legal regulation of state property in medieval Serbia and Belarus" examines the process of formation and development of feudal state property in medieval Serbia and Belarus in the X –XVI centuries. The most important issue of our study is the question of the division of state land ownership in the countries under consideration into the personal possessions of the sovereigns and state property in its traditional sense. The general trend characteristic of medieval Serbia and Belarus was that state property was the main source for the maintenance of the

sovereigns of these countries (the king and the grand duke), their numerous court and covering other public expenses. State property was also the most important source of expansion of land ownership not only of the secular feudal lords of Serbia and Belarus, but also of the ecclesiastical possessions in these countries.

Keywords: state property; domain ownership; Serbia; Belarus; Middle Ages.

Вопросы становления и развития института государственной феодальной собственности до настоящего времени не получили должного освещения в отечественной и зарубежной историко-правовой литературе. Это стало основанием для нашего изучения данного вопроса, который базируется на нормах права и юридических фактах, характерных для жизни средневековой Сербии и Беларуси в X–XV веках. Одним из важнейших вопросов нашего исследования стал вопрос о разделении государственных земельных владений указанных стран на личные владения государей средневековой Сербии и Беларуси, т. е. домены и государственную собственность в её традиционном понимании.

О наличии значительной по своим размерам феодальной государственной собственности в средневековой Сербии, свидетельствуют обширные земельные пожалования королей (царей) своим вассалам и монастырям православной церкви. Основу данных пожалований составляли многочисленные общинные земельные угодья, которые являлись собственностью сербского государства. Процесс формирования феодальной частной собственности в Сербии, в т. ч. и за счет государственных (королевских) пожалований начался задолго до воцарения первых Неманичей на сербском престоле и продолжался до утверждения турецкого владычества во второй половине XV в. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные юридические документы. Так, великий жупан Сербии Стефан Немань основал монастырь Хиландарь на святой Горе в 1198 г. и подарил ему села Непробишка, Момуша, Ретивль, Ретившица, Сламодрава, Терни, Тарновац, Хоча и гору Богач, а также 2 виноградника, 4 пчелиные пасеки, 170 влахов с кобыльими стадами и 30 пудов соли [4, с. 13-14]. При этом не следует забывать, что сербские короли в рассматриваемый исторический период располагали возможностью жаловать своих подданных владениями как за счет государственного земельного фонда (казны), так и из своих личных владений – королевского домена. И зачастую весьма непросто для современных исследователей установить грань данного различия. Для примера ознакомимся с очередным юридическим фактом. Королевская грамота Стефана Душана, изданная в феврале 1340 г., предписывала передать тому же Хиландарскому монастырю право собственности на села Полошко и Драгожелье, а также на поля, виноградники и другие угодья, которые их окружают [1, с. 1-5]. В данном случае у нас есть все основания считать, что данное пожалование сербского короля Стефана было произведено за счет государственного земельного фонда, а не королевского домена, т. к. эти земли вошли в состав Сербии только в 1334 г., незадолго до указанного выше события [6, с. 56-58].

8 декабря 1400 г. от имени короля Сербии Степана Остожиша была издана грамота, на основании которой воевода Хервой получил город и жупу Хлевно в качестве баштины с последующим правом её передачи своему сыну князю Баошу [7, с. 186].

Баштина обладала исключительным иммунитетным правом, ее можно было отнять у владельца только за совершенную им государственную измену. Так, в грамоте царя Уроша от 1357 г. было юридически закреплено положение о том, что баштина не отнимается «ни за едино, ни за кое съгрешение», исключая государственную измену.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов о королевских пожалованиях в средневековой Сербии за счет владений королевского домена показывает, что почти все пожалования светским лицам осуществлялись на правах пронии и размеры подобных земельных пожалований были сравнительно невелики. Следовательно, вышеуказанный пример, также нельзя причислять к числу земельных пожалований из фонда королевского домена. Во-первых, потому что данная баштина

слишком велика по территории земельного владения; и во вторых, королевская семья практически утрачивала право собственности на это владение. Оно перешло бы в полную собственность к воеводе Хервою и его семье. Возврат же пожалований подобного рода был делом почти нереальным. Хотя на практике, примеры конфискации баштин за государственную измену встречаются достаточно часто в юридических документах конца XIV в. Так, деспот Иван Драгош и его брат Константин отняли два села у властеля Тодора, одно село у властеля Дабажева, одно село у властеля Новока и все указанные владения передали русскому монастырю святого Пантелеимона на святой Горе [5, с. 39-40]. Деспот Стефан за измену отнял баштину у обрата Драгоплалика и передал ее властелину Мому в пронию [5, с. 40].

Вышерассмотренные примеры позволяют считать, что конфискованные владения переходили в казну, которая в свою очередь являлась источником для пожалований светским феодалам и монастырям. В пользу нашего довода свидетельствует и ст. 144 Призренского списка «Законника Стефана Душана», которая гласит: «Если властелин или властеличич будет уличен как перебежчик или как другой какой преступник моего царства и если окрестные села и жупа восстанут на грабеже его дома и его имущества, что он оставлен, те, которые сделают это, да будет наказаны, как изменники моего царства». В вышеприведенной статье разговор идет о наказании тех лиц, кто примет участие в грабеже имущества перебежчика. Естественно, что сербский законодатель в данном случае не ведет речь о защите имущества государственного изменника. Мы склонны согласиться с мнением С. П. Бобровой, которое изложено в ее диссертации «Феодальное землевладение в Сербии в XII – первой половине XIV вв.», что имущество перебежчика становилось государственной собственностью [3, с. 223]. Следовательно, закон в данном случае, уже защищает собственность сербского государства.

В пользу того, что пожалования сербских государей светским и духовным феодалам велись за счет государственной собственности, а не королевского домена свидетельствует и тот факт, что по средневековой традиции собственность государева домена оставалась неотчуждаемой, она должна была увеличиваться, а не уменьшаться. Да и члены королевской фамилии не были заинтересованы в дроблении собственности домена и всячески сопротивлялись данному явлению. Убедительно в пользу нашего довода свидетельствует следующий факт. В 1348 г. специальным Хрисовулом царь Стефан Душан пожаловал Корейскому монастырю Святого Саввы иерусалимского в г. Прилепы село Косорич в Метохии и 4 деревни Днеполье, Дольяны, Чешково и Челопецы, которые приносили царскому домену доход в 100 венецианских перперов (золотых монет) [2, л. 1-2].

После смерти царя, его вдова, царица Елена потребовала в настоятельной форме вернуть ей эти владения. Случай для эпохи средневековья беспрецедентный. В связи с этим 1 сентября 1358 г. собирался церковный собор в Хиландаре, который принял соломоново решение: вернуть эти земли царице под предлогом того, что она может пользоваться садами монахини Елизаветы для своих нужд [2, л. 1]. Следовательно, маловероятным мог быть факт передачи владений царского домена в руки светских феодалов на правах баштины, если представители правящего дома по данному вопросу пошли на конфликт даже с церковью.

Также весьма спорным является факт, что владения королевского домена находились в приграничных районах сербского государства и время от времени превращались в предмет купли-продажи с целью получения средств для государственной казны. А примерами такого рода мы располагаем. В марте 1323 г. Малое вече Дубровника было извещено о прибытии короля Сербии Уроша Стефана Дечанского в приморские города Бар, Ульцин и Аламату. С этой целью правительства республики направило 4 нобелей для приветствия короля и поднесения ему от имени Дубровника даров на сумму 400 перперов. Кроме того послы республики были уполномочены провести с королем Сербии – Урошем Стефаном Дечанским переговоры

о покупке, за 2000 перперов деньгами или оружием на такую же сумму, земель и виноградников в окрестностях Жупы, Шумета и Затона [8, с. 242].

По имеющимся в нашем распоряжении данным, король Сербии принял предложения Дубровника и прислал своего представителя Марка Лукарича для ведения переговоров и заключения договора купли-продажи вышеуказанных земель и виноградников [8, с. 242].

С вышенназванным явлением мы столкнулись и в более поздний период истории сербского государства. Спустя десять лет, 22 января 1333 г. сербский король Стефан Душан пожаловал нескольких нобелей Дубровника баштой Стонская Рать и окрестными ей землями, которая являлась составной частью территории средневековой Сербии. Детальное изучение содержания данного Хрисовула, позволило сделать вывод, что указанное пожалование – это завуалированный по своему содержанию договор купли-продажи вышенназванных территорий в пользу Дубровника. Стоимость данного пожалования составила 8000 перперов, которые были выплачены правительством города – государства Дубровника в пользу сербского монарха [7, с. 119-120]. Значит и в данном случае, мы сталкиваемся с примером использования государственной собственности средневековой Сербии в обмен на деньги, которые были необходимы для поддержания функций государства.

В средневековой Беларуси государство также являлось крупнейшим феодалом, которое в лице великого князя было собственником всех государственных земель или «господарских» владений. Фонд этих владений формировался различными путями. В период активной территориальной экспансии литовских феодалов в Беларуси в руки великого князя литовского перешли владения ряда удельных князей Рюриковичей и их вассалов, которые не подчинились его власти или по другим причинам исчезли с политической арены [9, с. 33]. Господарские владения расширялись и за счёт конфискованных, подаренных, завещанных и вымороченных («спадковых») имений. Так складывался обширный комплекс господарских владений, состоявший из городов, местечек и многочисленных сел [9, с. 34]. При этом следует отметить, что многие из них недолго находились в собственности господаря, поскольку жаловались феодалам-вассалам за службу, а также католической и реже православной церкви.

Владения великого князя на территории Беларуси достаточно детально перечислены в тексте Уставы на волоки 1557 г. Исходя из чего, нами сделан вывод, что государева юрисдикция распространялась на следующий объем собственности: в Берестейском повете – Берестье (Брест) и Каменец, в Браславском – Браслав и Опса, в Волковыйском – Волковыйск (Волковыск), Волпа, Зельва, Лысково, Межиреч (Мижерицы) и Мстибогов, в Городенском – Ожа, Перевалка (Привалка) и Перелом, в Лидском – Белица, Василишки, Лида, Острина и Радунь, в Менском – Гайна, Красное Село и Менск (Минск), в Новогородском – Ляховичи, Новогородок (Новогрудок) и Церин (Цырин), в Ошменском – Воложин, Гераноины, или Гераноины Мурнованые (Геранены), Дуниловичи, Крево, Лебедево, Марково, Мядель, Ошмена (Ошмяны) и Трабы, в Полоцком воеводстве – Дисна, в Слонимском повете – Байкевичи, Лососиная и Слоним; а также «волости Русские» в разных воеводствах и поветах восточной Беларуси: Бобруйск, Борисов, Глуск, или Глуск Погорелый (Городок), Гомей (Гомель), Любашаны, Могилев, Мозыр, Мстиславль, Орша, Полоцк, Пропойск (Славгород), Речица, Свислочь и Чечерск [10, с. 562-565]. Из изложенного следует, что значительная часть доходов великих князей литовских, т. е. доходов государства, поступала с господарских владений, которые находились на территории Беларуси.

При этом следует отметить, что население господарских владений – государственные крестьяне обладали рядом прав и льгот, которые были закреплены в областных и волостных привилеях. Например, в привилее великого князя, изданного в 1511 г. для крестьян поднепровских и задвинских волостей, запрещалось представителям

великокняжеской администрации въезжать в эти волости и взимать с крестьян подати, которые они сами должны были в определенные сроки доставлять в казну [11, с. 176].

До середины XVI в., т. е. до 1548 – 1572 гг., когда король Польши и великий князь ВКЛ Жигимонт Август создал личный домен из имений своей матери Боны – жены усопшего короля польского и великого князя литовского, а также из завещанных ему владений и выморочных имений разделения господарских владений на личные великого князя и государственные не было. Они по существу являлись государственной собственностью: доходы с них шли на содержание великого князя и его многочисленного двора и на покрытие государственных расходов [9, с. 35]. Из этого же фонда жаловались земли феодалам – вассалам великого князя за верную службу. Он был единственным источником, за счет которого расширялась земельная собственность не только светских феодалов в стране, но и увеличивались земельные владения католической церкви. В результате этих пожалований фонд господарской земельной собственности ко времени заключения Люблинской унии 1569 г. значительно сократился. Однако, несмотря на это, феодальное государство в лице великого князя продолжало оставаться крупнейшим земельным собственником [12, с. 107].

Вышеизложенные юридические факты, убедительно свидетельствуют о наличии института государственной формы собственности в средневековой Сербии и Беларуси. Ее основу составляли свободные от феодального закрепления крестьянские общины и их недвижимая собственность. Способствовали данному явлению и значительные территориальные приобретения сербского государства и Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтского, которые имели место на протяжении XIV века. Однако в результате значительных пожалований частным лицам и церкви из фонда государственных владений в XIV – XV вв. величина государственных земельных владений в средневековой Сербии и Беларуси значительно сократилась. Несмотря на это, феодальное государство в средневековой Сербии и Беларуси продолжало оставаться крупнейшим земельным собственником.

Библиографические ссылки

1. Архив Српске Академије наука и уметности у Београду (АСАНУ). Број. 7903 / А. 24. Л. 1-5.
2. АСАНУ. Број. 8876 / И. 88. Л. 1-3.
3. Боброва, С. П. Феодальное землевладение в Сербии в XII - первой половине XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 03. Воронеж, 1956. 380 л.
4. Косово у повељама српских владара / Превод повеља Д. Богдановић. Бања Лука. Београд, 2000. 207 с.
5. Нюркаева, А. З. Положение крестьянства в Сербии XIII-XIV вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 03. М., 1955. 434 л.
6. Повеља краља Стефана Душана о поклону Хиландару цркве Св. Ђорђа и села Погошко. – Фебруар 1340 г. // Стари српски архив / Одговорни уредник: Р. Михаљчић. Књ. 6. Београд: Ун-т у Београду, 2007. С. 56-58.
7. Соловјев, А. Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд: Издавачка књижарница Г. Кона, 1926. 234 с.
8. Флоринский, Т. Д. Критико-библиографический обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданий по славяновѣдѣнію. // Университетска извѣстія. Кіевъ, 1898. № 11. С. 232-244.
9. Спиридовон, М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV –XVI вв.) / Под ред. А. Л. Хорошевич. Минск: Навука і тэхніка, 1993. 223 с.
10. Русская историчѣская библиотека в 39 т. (1872 – 1927 гг.): Т. 30: Литовская метрика / А. П. Барсуковъ, С. А. Белокуровъ, И. А. Бычковъ и др. Юрьевъ: Издание Археографической комиссии, 1914. 588 с.
11. Юхно, И. А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: дис...доктора юр. наук: 12. 00. 01. Киев, 1980. 399 л.
12. Ochmański, J. Historia Litwy. Wyd. 2-gie, poprawione i uzupełnione. Wrocław – Warszawa, 1982. 346 s.

ОБЪЕКТЫ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Г. И. Зайчук

доцент кафедры гражданского права юридического факультета Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент, Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, бульвар Космонавтов, 21, г. Брест, Республика Беларусь,
g.zaichuk@mail.ru

В Республике Беларусь сейчас происходит переход от командно-административной к рыночной, социально ориентированной модели экономики. Похожий период смены феодализма капитализмом наблюдался в Великом княжестве Литовском в конце XVI века. Поэтому заслуживает внимания опыт последнего по правовому регулированию путей общего пользования.

Ключевые слова: объекты общего пользования; дороги; реки.

PUBLIC FACILITIES UNDER THE LEGISLATION OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND BELARUS

G. I. Zaychuk

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Brest State University named after A. S. Pushkin, candidate of legal sciences, associate professor, Brest State University named after A. S. Pushkin, 21, Kosmonavtov Boulevard, Brest, Republic of Belarus, g.zaichuk@mail.ru

The Republic of Belarus is currently undergoing a transition from a command-and-control model to a market-based, socially-oriented model of the economy. A similar period of the change of feudalism to capitalism was observed in the Grand Duchy of Lithuania at the end of the XVI century. Therefore, the experience of the latter on the legal regulation of public transport routes deserves attention.

Keywords: public facilities; roads; rivers.

Основой для формирования современного правового положения транспортных коммуникаций, как объектов общего пользования в природоресурсном праве Беларуси послужило, вовравшее в себя ряд положений Римского права, законодательство Великого княжества Литовского. Причем данная проблема до сих пор недостаточно изучена, хотя уяснение возникновения и применения права общего природопользования имеет теоретическое и практическое значение, так как: «Гістарычны аналіз заканадаўства неабходны і для правільнага усведамлення дзеючых норм права, і для крытычнай ацэнкі застарэлых норм» [1, с. 3].

Римские юристы выделяли вещи, которые являлись достоянием всех римлян. Так македонские авторы со ссылкой на Гая пишут, что вещами, не подлежащими частному присвоению согласно предписаниям человеческого права (res extra patrimonium humani juris), были: res publicae. Res publicae были вещи, необходимые и для функционирования государства и для развития общественной жизни граждан: общественные реки (flumina), общественные дороги (vitae consulares и praetoriae), пристани (portus) и т. д. [2, с. 137]. Экономический подъем в Великом княжестве Литовском, основу территории которого составляли белорусские земли, начался в XVI веке. Этот процесс нашел отражение в нормотворческой деятельности, венцом которой стали написанные на старобелорусском языке статуты Великого княжества Литовского (1529 г. [3], 1566 г. [4] и 1588 г. [5]).

Основными отличительными особенностями Статута 1588 г. являлось то, что он был принят во время: «пераходнай эпохі ад сярэдневякоў да новага часу і зараджэння буржуазных адносін» [6, с. 89]. Это повлекло рост ремесленно-фабричной деятельности и активизацию торговли, что потребовало улучшения имеющихся и строительства новых путей сообщения дорог, мостов, рек, каналов.

Поэтому довольно подробно в Статуте 1588 г. регламентировался правовой режим объектов общего пользования – стародавних дорог и судоходных (портовых) рек. Причем это регулировалось разделом I, который назывался «О персоне нашей государевой», что подчеркивает государственную и общественную значимость этих путей сообщения. Согласно арт. 29, посвященного ограничениям взимания пошлин в имениях шляхетских, великим князем устанавливалось, чтобы «ни один человек в Великом княжестве Литовском не смел новых пошлин выдумывать, ни на дорогах, ни на мостах, ни на плотинах, ни на реках, ни на перевозах в имениях своих, кроме которые бывали со стародавних времен установлены, или имели на то листы предков наших, либо наши».

При этом за нарушение указанного предписания устанавливалась довольно суровая мера ответственности, согласно которой «если бы кто-либо осмелился пошлину подорожную новую какую-либо сам без нашего пожалования в своем имении выдумывать и устанавливать, либо сверх старинного обычая и нашей дарственной повышать, тогда то имение, в котором то будет делать, где бы это оказалось и надлежаще было доказано, утрачивает и переходит то имение государству и к нам государю, в пользу нашего Великого княжества Литовского. А которые с давних времен по привилеям и листам нашим пошлины и мостовое на имениях своих берут, те за собственные средства в тех имениях своих на дорогах, гати, мосты, плотины, рвы ремонтировать должны. А где бы кто мостов, гатей, плотин исправных не имел, а для того бы переезд был трудный, а кому бы на тех местах случился бы вред, тому тот же пан, кто пошлину берет, обязан будет вред возместить и с добавкой, что потерпевший потребует.

А старосты, державцы или лица, взимающие пошлины наши, если бы так же взимая пошлины, дорог на имениях наших не ремонтировали, тогда вред и добавку тому, кто требует, что добавить, обязаны будут платить.

А которые бы также князья, паны, земяне, шляхта старые дороги своими плотинами затопили или перепахали, присваивая себе пользу, таковые дороги новые должны быть проложены не в ущерб людям проезжающим, но как можно были бы прямее, и так, чтобы были обустроены, чтоб с тяжелыми возами везде был безопасный проезд.

А к тому иные стародавние дороги на имениях и на землях в необходимых местах и топких поправлять, мосты мостить, гати гатить, те, которые издавна людьми то делали, и в будущем будут обязаны. А где бы чьем имении или земле плохой проезд был, а шляхтич хотел бы его поправить, а с того себе за свои расходы свою выгоду иметь, тогда тот должен к нам, государю, обратиться, а мы, узнав о том через комиссаров наших, к тому имению соседних, разрешим ему установить от купцов и иных проезжающих людей, кроме сословий, от этого настоящим статутом освобожденных, как о том ниже описано, пошлину или плату в соответствии с величиной затрат его и милости нашей государевой.

А на реках портовых, и на которых порт может быть где-либо в государстве нашем великому княжеству никто плотин новых ставить и плотин насыпать во вред порту и стоку не должны. А если бы кто занял, тогда свободное место для порта должен оставить. Так же и езы (Езъ – частоколь или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю на месте [7, с. 517]) на реках портовых, где издавна бывали, кто быставил, тогда прежде всего должен оставлять надлежащее, чтобы езом или заграждением никому не был причинен вред. А новых пошлин чтобы на реках портовых и плотинах не было. Также на езах чтобы необходимые проходы без затруднений были оставлены».

Артикулом 31 посвященным прочищению портовых рек определялось, что «учитывая пользу не меньшую людей народу шляхетского, также и городов наших главных, в которые было бы легче живность и другие нужды водными путями доставлять, устанавливаем, что если бы в котором краю, в этом государстве нашем Великом княжестве Литовском река портовая была, которой бы в города наши главные путь мог бы быть, а прочищение потребовалось бы, тогда старосты, державцы наших имений, где такая река через земли наши проходит, подданными нашими обязаны будут эту реку вычистить и порт отремонтировать так, чтобы по ней комяги (Комяга – обрубисто и топорно выдолбленное корытом бревно; кряжъ, служащий лодкою; челнъ долбушка, или пара ихъ, связкою, под поромъ [8, с. 149]), витины (Витина – ходовое плоскодонное судно (не барка) по Неману и Припяти: до 20 саженей длинною и до 4 шириню, подымающая до 15 тысячъ пудов груза [7, с. 207]), суда водные и плоты дерева, на строительство и на дрова пригодного, без помех могли проходить. Так же все сословия как духовные, так и светские от наивысшей до низшей особы обязаны будут так поступать, и таковые реки портовые, через имение и земли их протекающие, вычищать и поправлять, как выше указано. Когда ж это не без пользы для них будет, ибо то, что должен был бы посыпать на ста подводах в город наш главный продукты питания, не использованные в имении и оставленные для продажи, может на судне водным путем только несколькими людьми отправить. А кто пуши свои около портов имеет, сплавляя дерево, на строительство и на дрова пригодное, большую пользу себе прибавит. А где через имение общее такая река шла, а один бы участник, либо несколько их, хотели бы ту реку для сплава подготовить, а другие бы участники их тому одному или нескольким помоши в очистке такой реки не хотели оказать, тогда те, которые вычищают, должны туда поветового подкомория привести. А подкоморий должен те их расходы при надлежащих доказательствах оценить и нам об этом своим листом сообщить. А мы, государь, должны тому, либо тем особам, которые ту реку вычищают, за их расходы дать право взимать пошлину от тех, которые той рекой зерно и иные товары сплавлять на продажу будут. Однако до того времени ту пошлину им позволяем взыскивать, пока свои расходы, понесенные на очистку реки, выберут».

Артикулом 32 раздела IX устанавливалось, что «большие дороги, гостинцы должны быть по стародавнему обычаю такой ширины, чтобы на полтора прута быть могли».

Другими словами, Статутом 1588 г. для всеобщей пользы землевладельцам предписывалось содержать в исправности большие дороги гостинцы и судоходные реки, по которым осуществлялась торговля, доставка продовольствия, подвоз деловой и дровяной древесины для личных нужд жителей государства. Причем плата землевладельцами с пользователей путей сообщения могла взыскиваться только для возмещения затрат произведенных на ремонт дорог, мостов, очистку рек, оборудования пристаней и т. п., т. е. носила компенсационный, а не коммерческий характер. Взимание же платы сверх установленной Статутом жестоко каралось, вплоть до изъятия имения в пользу государства, так как: «Забаранялася ўстанаўліваць новыя падаткі і пошліны без згоды сойма» [9, с. 138]. При этом, указанные дороги и реки служили всеобщему благу, т. е. являлись объектами общего пользования как для коммерческих, так и для личных целей.

В современности вопросы использования дорог и судоходство также регулируется государством. Так, на праве общего природопользования осуществляются передвижение по дорогам, судоходство по водным объектам.

Тем не менее в ст. 16 закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» признаки права общего природопользования закреплены фрагментарно, да и то с оговоркой, за исключением случаев предусмотренных законодательством, согласно которой в самых общих чертах гражданам гарантируется право общего пользования природными ресурсами для

удовлетворения их потребностей безвозмездно без закрепления этих ресурсов за ними и без разрешений.

Таким образом, с учетом исторического опыта оправданно предположить, что правом общего природопользования является ограниченное либо связанное с передвижением использование природных ресурсов физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами безвозмездно, без правоустанавливающих документов и без закрепления этих ресурсов за ними для удовлетворения личных нужд граждан либо потребностей субъектов хозяйствования.

Библиографические ссылки

1. Юхно, Я. А. Кароткі нарысі гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэткае, 1992. 270 с.
2. Пухан, И. Римское право (базовый учебник). М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. 448 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. академ. АН Литовской ССР К. И. Яблонского. Минск : Из-во АН БССР, 1960. 253 с.
4. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхно; Редкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мінск : Тэсей, 2003. 352 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл. ; Рэдкал. ; І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с.
6. Юхно, І. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск : Беларусь, 1991. 238 с.
7. Даляр, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. Т. 1 : А–З – Оформл.»Диамант». СПб. : ТОО «Диамант», 1998. 800 с.
8. Даляр, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 тт. Т. 2 : И–О – Оформл.»Диамант». В. И. Даляр. СПб. : ТОО «Диамант», 1998. 784 с.
9. Вішэўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старжытных часоў да нашых дзен) : Вучэб. дапаможнік : Пад агул. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. 2-е выд., дап. Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. 320 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н. В. Мисаревич

*заведующая кафедрой специальных правовых дисциплин образовательного учреждения «БИП - Университет права и социальных информационных технологий», кандидат юридических наук, доцент, БИП - Университет права и социальных информационных технологий, ул. Короля, 3, г. Минск, Республика Беларусь,
nvmis@mail.ru*

В статье исследуются особенности распространения и действия норм магдебургского права, как одной из систем городского права феодальной эпохи, на белорусских землях. Автор приходит к выводу о необходимости исследования исторических традиций в целях учета имеющихся наработок при реформировании системы национального законодательства.

Ключевые слова: Магдебургское право; мещане; белорусская государственность.

STUDY OF PECULIARITIES OF MAGDEBURG LAW ON BELARUSIAN LANDS AS ONE OF DIRECTIONS OF HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE AT THE MODERN STAGE

N. V. Misarevich

*Head of the Department of Special Legal Disciplines of the educational institution "BIP - University of Law and Social Information Technologies", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
BIP - University of Law and Social Information Technologies, 3, Korolya Str., Minsk, Republic of Belarus,
nvmis@mail.ru*

The article examines the peculiarities of the distribution and operation of the provisions of Magdeburg law, as one of the systems of urban law of the feudal era, in the Belarusian lands. The author comes to the conclusion that it is necessary to study historical traditions in order to take into account the existing developments in the reform of the system of national legislation.

Keywords: Magdeburg law; philistine; belarusian statehood.

Интеграционные процессы, происходящее в современном мировом сообществе, оказывают влияние на формирование и развитие национальных правовых систем, что, в конечном итоге, позволяет говорить об унификационных явлениях в законодательстве. Т. И. Довнар обращает внимание на то, что «постоянные трансформации государственно-правовой сферы Беларуси требуют совершенствования всех направлений правовой науки, внесения новых и переоценки сложившихся подходов к праву и государству» [2, с. 7]. В данном контексте, представляется, уместно говорить о преемственности традиций и использовании исторических достижений при определении направлений научных исследований в области теории и истории государства и права. В преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г. также обращается внимание на многовековую историю развития белорусской государственности [3, с. 1].

История государственно-правовых институтов на белорусских землях насчитывает не одно столетие. Интересным с точки зрения становления и развития института местного управления и самоуправления представляется период, когда белорусские города в эпоху средневековья получали привилеи на магдебургское право. Магдебургское право являлось разновидностью европейского (в первую очередь, немецкого) городского права. Но на белорусских землях не происходило прямое «копирование чужой системы» правовых предписаний. Это было связано не только с языковыми барьерами, но и с национальными подходами в урегулировании тех или иных общественных отношений в период Великого княжества Литовского. И. А. Юхом отмечал, что «подлинное немецкое право в городах Великого княжества Литовского в XVI в. населению не было известно и почти не применялось» [8, с. 88].

Можно говорить о белорусском варианте реализации идеи на самоуправление – сохранение и развитие национального права, с одной стороны, и стремление не отставать от общеевропейских процессов того периода, с другой стороны. На данный факт указывают, по нашему мнению, следующие обстоятельства:

добровольность в процессе получения привилеев на магдебургское право. Думается, что неуместно говорить о насильственном характере введения магдебургского права на белорусских землях. Доказательством данного факта является выдача подтверждительных привилеев при обращении жителей конкретного города при смене главы государства;

вопрос о применении норм «немецкого» права возникал только тогда, когда отсутствовали положения национального права по конкретным вопросам жизнедеятельности города или необходимо было определить правовой статус нового феодального сословия – мещан и т. д. В Великом княжестве Литовском не все города имели акты на магдебургское право, что говорит не только об избирательности при решении соответствующего вопроса, но и о способности горожан соответствовать новым подходам в организации городской жизни;

необходимость в заимствовании возникала тогда, когда «созрели» соответствующие экономические отношения, а положения местного традиционного права не могли удовлетворить возникшие потребности. В привилеях на магдебургское право содержались положения об организации торговой деятельности в городе, о единых мерах весов и т. д.

Говоря о распространении магдебургского права, следует отметить, что в некоторых странах «толчком» для его введения была немецкая колонизация. Возникнув на немецкой земле, идея самоуправления получила широкий резонанс. В конечном итоге

в Германии сложились группы городов, система положений городского права у которых была схожей и именно с наиболее авторитетных из них эта система и стала переписываться. Среди таких городов можно назвать Любек, Гамбург, Мюнхен, Магдебург. Именно система городского права последнего и получила широкое распространение.

С середины XIII в. в Польшу начался приток колонистов из Германии. Польские феодалы покровительствовали немецкой колонизации в городах, которые зависели от их власти, так как рост торговли, ремесленного производства способствовали увеличению их денежных доходов. Через Польшу магдебургское право пришло и на территорию Великого княжества Литовского.

Можно говорить, в определенной степени, о положительном эффекте немецкой колонизации: распространение сферы влияния прогрессивной по тем временам системы права – городского, которая была предназначена для ликвидации пробелов в национальном законодательстве относительно правового регулирования общественных отношений с участием жителей городов. Но Великое княжество Литовское не принимало немецких колонистов в таком масштабе.

После Кревской унии 1385 г. немецкое право быстро начинает распространяться и в литовско-русских городах. Однако здесь уже нельзя говорить о «немецкой колонизации», как о феодальной агрессии. Думается, что речь идет о заимствовании некоторых правоположений применительно к деятельности института местного самоуправления на польских землях и применении их на белорусских. Да и к этому времени «польский вариант» магдебургского права был уже также не простым копированием немецкого городского права. Б. Гроицкий в работе «Статьи магдебургского права» писал: «здесь опущены многие статьи, которые есть в Праве (имеется в виду магдебургском), но которые либо не часто либо совсем не применяются, а также те, которые не нужны для дел граждан здешней короны (королевства)...» [6, с. 773 – 774]. Ф. В. Тарановский делает следующий вывод: «памятниками магдебургского права русских городов Речи Посполитой являются польские изложения его в работах Гроицкого и Щербича. Книги Гроицкого и Щербича действовали в судах русских магдебургий в польском подлиннике...» [7, с. 51]. И. А. Юхом отмечал, что подлинное немецкое право в городах ВКЛ населению было неизвестно и, за редкими исключениями, не применялось [9, с. 64].

Особенностью белорусского варианта магдебургского права было то, что его распространение происходило одновременно с сохранением и развитием местного обычного права. В привилеев Минску 1552 г. говорится о замене магдебургским правом «права Литовского и Русского» [4, с. 135], в привилеев Полоцку 1510 г. – «съ того права Литовского и Русского (або которыи кольвекъ право перво того тамі держаны) въ право Немецкое, то есть Майтборское перемениль...» [5, с. 75].

Однако предписанная в привилеях отмена местных прав и обычаяев происходила, но, вместе с тем, всюду, где это было необходимо и уместно, магдебургские нормы дополнялись и корректировались в соответствии с местными традициями. В актах отсутствуют нормы наследственного, брачно-семейного, уголовного, процессуального и других отраслей права. Это является доказательством того, что определенный круг общественных отношений регулировался обычным или писанным общегосударственным правом (привилеями великих князей, позже – Статутами ВКЛ). Например, привилей Дисне в 1569 г. устанавливал в городе судебное разбирательство по «статутомъ земскимъ» [1, с. 164].

Отличия в положениях привилеев на магдебургское право могли быть связаны именно с местными особенностями, в том числе и уровнем экономического развития города, а также со значением города для государства в целом. Таким образом, идея на самоуправление, которая пришла на белорусские земли, корректировалась на местах собственными представлениями о системе управления и суда, с учетом уже имеющегося

опыта ведения торговли, организации и деятельности ремесленных объединений и т. д. Наверное, именно здесь и необходимо искать основную причину текстовых отличий в самих привилеях. Ф. В. Тарановский так обосновал данное явление: местный обычай дополнял недостатки и пробелы в магдебургском праве, а также занимал его место, когда применение немецкого права «прямо противоречило правовому сознанию русского человека» [7, с. 55].

Таким образом, привилейный период белорусских городов в Великом княжестве Литовском, по нашему мнению, является важной частью истории государства и права белорусского народа. Привилей на магдебургское право выступал юридическим основанием не только для преобразования города в особую административную единицу, но и определял принципы и направления деятельности новой системы органов управления и суда.

Магдебургское право на белорусских землях стало своеобразным средством правового эксперимента по проверке эффективности норм иностранного права. Если на практике подтверждалось «необходимость» и «полезность» того или иного положения, то, как правило, эта норма «не терялась» и находила свое закрепление в последующих привилеях и в общегосударственном законодательстве.

Сегодня, как представляется, изучение истории становления и развития государственно-правовых институтов на белорусских землях является как никогда актуальным и своевременным. Разъяснение основных исторических достижений в сфере государственного строительства и права на белорусских землях должно стать одним из направлений не только патриотического воспитания подрастающего поколения, формирования активной гражданской позиции, но и быть отражено при преподавании дисциплин юридического цикла в учебных заведениях. Главная роль, по нашему мнению, в этих процессах в современных условиях отводится именно историко-правовой науке.

Библиографические ссылки

1. Две королевскія грамоты мещанаме Дисненские на розныя права и преимущества, 20. 01. 1569 и 28. 11. 1569 // Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. СПб., 1863. Т. 1. С. 164 – 169.
2. Довнар, Т. И. Белорусская государственность и историко-правовая наука // Беларусь Китай : сборник / Белорус. гос. ун-т, Респ. ин-т китаеведения, Ин-т непрерыв. образования. 2009. Вып. 5. С. 7 – 44.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятymi на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. 62 с.
4. Королевская подтверждительная грамота мещанамъ Минским на право Магдебургское и на другія преимущества, 28. 12. 1552 г. // Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. СПб., 1863. Т. 1. С. 135 – 137.
5. Подтверждительная грамота жителямъ Полоцка на Магдебургское право и другія преимущества, 27. 08. 1510 г. // Акты, относящиеся къ исторіі Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. СПб., 1848. Т. 2. С. 75 – 79.
6. Свод законнов земли Лельчицкой, Статуты о насилиях и «Статьи магдебургского права» Бартоломея Гроцкого // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под. ред. В. М. Корецкого. М. : Гос. Изд-во юридической литературы, 1961. С. 766 – 776.
7. Тарановский, Ф. В. Обзоръ памятніковъ магдебургскаго права западнорусскихъ городовъ литовской эпохи: Историко-юридическое исслѣдованіе. Варшава, 1897. 204 с.
8. Юхो, И. А Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск : БГУ, 1978. 142 с.
9. Юхо, И. А Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мінск: Беларусь, 1991. 238 с.

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ПЕРВАЯ (БАЗОВАЯ) ВОЛНА РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА

В. И. Павлов

докторант научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент,

*Академия МВД Республики Беларусь, просп. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Республика Беларусь,
vadim_pavlov@tut.by*

В статье обосновывается положение о том, что рецепция римского права, традиционно понимаемая как адаптация положений Свода Юстиниана в условиях средневековой западноевропейской культуры, имела также еще один самостоятельный путь. Он представлял собой проникновение положений классического римского права через источники византийского права в страны «Византийского содружества наций», прежде всего, в славянские государства. Анализируются особенности рецепции византийского права в право Великого княжества Литовского, в частности, в отдельные нормы Статутов Великого княжества Литовского. Отмечается, что изначальной особенностью византийского пути рецепции римского права в право Древней Руси, а затем посредством них и в право Великого княжества Литовского, является их христианско-правовая форма. Основным источником права, который был заимствован из Византии, являлся византийский Номоканон, получивший название Кормчей книги. Большинство правоотношений в сфере частного права в Великом княжестве Литовском, особенно в сфере брачно-семейного права, регулировалось реципироваными византийскими нормами. В статье рассматриваются и некоторые другие правовые нормы Статута Великого княжества Литовского 1529 г., испытавшие влияние византийского права.

Ключевые слова: византийское право; Великое княжество Литовское; рецепция; источник права.

BYZANTINE LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE GREAT DUCHY OF LITHUANIA: THE FIRST (BASIC) WAVE OF RECEPTION OF ROMAN LAW

V. I. Pavlov

doctoral student of the scientific and pedagogical faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of legal sciences, associate professor,

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6, Masherova Av., 220005, Minsk,
Republic of Belarus,
vadim_pavlov@tut.by*

The article substantiates the situation that the reception of the Roman law, traditionally understood as the adaptation of the provisions of the Justinian Code in the conditions of medieval Western European culture, also had another independent path. He was the penetration of the provisions of classical Roman law through the sources of the Byzantine law to the countries of the «Byzantine Commonwealth of Nations», primarily in Slavic states. The features of the reception of the Byzantine law are analyzed into the right of the Grand Duchy of Lithuania, in particular, in certain norms of the statutes of the Grand Duchy of Lithuania. It is noted that the initial feature of the Byzantine path of the reception of the Roman law to the right of ancient Russia, and then through them and the law of the Grand Duchy of Lithuania, is their Christian-legal form. The main source of law that was borrowed from Byzantium was the Byzantine Nomocanon, called the feeding book. Most legal relations in the field of private law in the Grand Duchy of Lithuania, especially in the field of marriage-family law, was regulated by recycled by the Byzantine norms. The article discusses both other legal norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1529, who experienced the influence of Byzantine law.

Key words: Byzantine law; Grand Duchy of Lithuania; reception; source of law.

Вопрос о различных путях рецепции римского права в правовые системы государств Европы обсуждался уже в дореволюционной литературе. Уроженец белорусских земель, историк права, византинист Дмитрий Иванович Азаревич (1847–1912), рассматривая проблему византийского влияния на Русь, предложил различать рецепцию римских правовых институтов, осуществленную через канонические сборники церкви и рецепцию, которая имела место посредством западноевропейской

университетской традиции [1, с. IX–X]. В современной византистике также является общепринятой позиция о самостоятельном развитии византийского права и его влиянии на восточнославянские правовые системы. Наиболее последовательно эти позиции обосновала известный советский византист Елена Эммануиловна Липшиц (1901–1990).

В историко-правовой науке, таким образом, необходимо вести речь не об одном, а как минимум о двух путях рецепции римского права:

западном, или, итальянском пути рецепции, связанном с зарождающимся светским движением западноевропейской университетской традиции в XI в.;

византийском, или, южнославянском (сербско-болгарском) пути, связанном с рецепцией норм христианизированного римско-византийского права в составе светских источников византийского права и церковных книг. Южнославянским он именуется из-за того, что основные памятники византийского права были переведены кирилло-методиевской школой на славянский язык в Болгарии, и при болгарском, а также и сербском посредничестве попали на Русь. Оба пути рецепции возникают практически одновременно, однако отличаются локализацией (географией) своего протекания и способами, внутренней логикой самой рецепции. Не последнюю роль в различии этих двух путей рецепции римско-византийского права играет и конфессиональный фактор – роль латинского и восточного христианства соответственно.

Западный путь рецепции римского права стал основной линией формирования правовой традиции Западной Европы и формирования континентальной юридической доктрины. На землях Северо-Восточной Руси он начинается только с XVIII в. и достигает своей кульминации во второй половине XIX в. во время проведения либеральных реформ в Российской империи, а также «экспорта» российскими учеными правовой доктрины из западноевропейских университетов, где они практически все проходили научные стажировки. На землях Западной Руси, в том числе на белорусских землях, итальянский путь рецепции начинается несколько ранее и находит свое отражение в законодательстве Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского (далее – ВКЛ). Уже с конца XIV в. посредством польского и немецкого законодательства начинается проникновение в право ВКЛ элементов римского права. Наибольшая интенсивность влияния римского права на право ВКЛ как напрямую, так и через польско-немецкое посредничество, достигается в XVI в.

Южнославянский путь рецепции римского права через византийские источники права и светско-церковные книги характерен только для правовых систем византийской ойкумены, т. е. стран круга «Византийского Содружества Наций» – православных государств Восточной Европы³, цивилизационно-культурный процесс в которых был обусловлен связью с Византией, ее культурой, религией и правом. Этот путь рецепции римского права начинается в этих странах с IX–X вв. и совпадает с началом их культурно-исторического развития и принятия ими христианства.

Несмотря на то, что с середины XIII в. на белорусских землях начинается формироваться новое государство – ВКЛ, в котором, в отличие от княжеств дономонгольской Руси (Полоцкое, Туровское и др.), власть принадлежит неправославным правителям, тем не менее, древнерусское законодательство, которое испытывало на себе влияние византийского права, продолжает действовать на территории ВКЛ. Прежде всего, конечно, это нормы, связанные с церковной юрисдикцией, но не только.

Известно, что в конце XIII в. в Туровской земле переписываются источники общерусского права, в том числе древний Устав Владимира с указанием на действие

³ «К 1000 г. сложилось сообщество государств и народов, простиравшееся от Финского залива до Южного Пелопоннеса и от Адриатического моря до Кавказа. Все они в той или иной степени были связаны узами верности с Византийской Церковью и императором. К тому же к этому моменту восточноевропейское сообщество достигло невиданного до того времени культурного и политического единства» [10, с. 218].

византийского Номоканона: «И потом тот же митрополит Михаил всея Русии и еще сказа ми о седми соборах вселенских, и о номоканоне греческом о правилах, и о повелении святых отец, которые суды предаща церквам и святителем и како велицы тии цари послушаша заповеди их не восхотеша судити судов церковных, ни велможам, ни боляром своим ни повелеша судити тых судов, но даша церкви и святителем» (статья 7) [13, с. 54–56]. Также в Уставе Владимира Туровской редакции подтверждается и древнейшая норма о действии Номоканона по субъектам права: «А се люди церковни: игумени, попове, дияконе, причетницы и вес[ь] клирос, чернцы и черницы, проскурницы и прощеницы и задушныи человек. Монастыреве, болницы, посницы, странноприемницы и прикладницы. То люди церковныя Богу преданы и митрополиту и епископом ведати межи ими суд или обида которая. А [о] иных тяжбах кроме церковных судов иже будет иному человеку, особному человеку, с ними: тяжба ли о злате, или о сребре, или о татбах, то судити вместе митрополичу тивуну, или владычню, или княжу. Иже будет церковныи человек прав – помочно ес[ть] на нем митрополичною тивуну или владычню, а княжю тивуну на княжем человеке» [Там же].

В «Туровский комплекс» включены и эксцерпты из Русской Правды. В частности, туровские книжники в конце XIII в. закрепляют норму об отмене смертной казни за убийство («и отложиша убие не мъстити за голову, но кунами с[я] выкупати»). Также в уставах содержится бланкетная норма о применении законодательства Ярослава: «а иное все яко ж[е] Ярослав судил, такожде и сынове его уставиша суды тии» [3, с. 56], что указывает на вполне естественное восприятие права Древней Руси времен Владимира и Ярослава в правовой системе ВКЛ.

В. И. Ермолович в своих работах обосновал, что византийская Эклога сохраняется в качестве источника права в славянских списках Кормчей святого Саввы, в частности, в Киевском и Рязанском списках [5, с. 8]. Эта Кормчая долгое время действовала на территории ВКЛ, правда, с тенденцией постепенного ограничения ее юрисдикции вплоть до XVI в. под влиянием канонических книг Римско-католической церкви. Факт применения Кормчей книги на белорусских землях, по мнению ученого, доказывается через Туровский и Пинский списки Кормчей [6, с. 53]. Сам В. И. Ермолович установил белорусские – Жировичский и Пинский списки Кормчей, которые также восходят к Иловичскому списку⁴.

Следует иметь ввиду, что Кормчую книгу не следует рассматривать только как источник церковно-канонических норм. Являясь аналогом византийского Номоканона, в Кормчую включались и нормы общегражданских источников византийского права, связанные с правоотношениями морали, социальных ценностей, культуры, семьи, воспитания, благотворительности, собственности, ответственности, наступающей в связи с посягательством на объекты в этих сферах и т. д. Все эти области сегодня находятся в юрисдикции государственно-правового регулирования, и при анализе средневекового права, недопустимо нерефлексивно переносить в ту эпоху наше современное представление о соотношении светское/церковное. Является ошибкой представление государственного (официального) права как монопольных институтов правового регулирования, занимающих все поле юрисдикции. Не следует забывать, что ВКЛ, равно как и княжества Северо-Восточной Руси были религиозными государствами (как и их правовые системы), а общество и общественное сознание были также религиозными.

⁴ Необходимо отметить, что в составлении Номоканона в Иловице, как отмечают исследователи, одним из двух писцов был новгородец, поскольку в самой Кормчей присутствует множество юридических русизмов, что является редчайшим примером работы древнерусского юриста-переводчика за пределами Руси и всей восточнославянской территории [14, с. 49–54]. Одновременно это указывает и на то, что языковая и смысловая работа новгородских книжников по подготовке Иловичского списка Номоканона без всяких затруднений распространялась и воспринималась и на землях ВКЛ.

На применение Кормчей книги на землях ВКЛ на рубеже XV–XVI вв. указывают и иные факты. Так, например, в 1499 г. великий князь Александр издал Привилей, который неоднократно в дальнейшем подтверждался, согласно которому духовенство выводилось из юрисдикции светского суда. Духовенство и население церковной юрисдикции должны были судиться на основании Устава («Свитка права») князя Ярослава [15, с. 226].

Помимо норм Кормчей и древнерусских велиокняжеских Уставов, семейные правоотношения регулировались составленными под влиянием византийского канонического права требниками и служебниками христианской церкви, утвержденными для православного духовенства. Г. В. Дербина отмечает, что в этих книгах «змяшчаліся правілы заручын і вянчання, аднаўлення шлюбу, а таксама павучанне маладым» [4, с. 94]. В общегосударственном источнике права ВКЛ нормы-принципы брачного права были установлены только в конце XVI в. – в статьях 20, 22 р. V Статута ВКЛ 1588 г. До этого момента в ВКЛ нормы брачно-семейного права определялись церковной юрисдикцией (Православной, а затем и Римско-католической церквями).

Польский исследователь Ф. Боссовский отмечал, что статья 13 р. IV Статута ВКЛ 1529 г. («Хто бы отца або матку вдарил, чим маеть каран быти», – в статье речь идет о лишении наследства недостойного сына) представляет собой заимствование известнейшего института римского частного права, кодифицированного в VI в. в 115 Новелле Юстиниана. Ученый установил факт рецепции этой новеллы из византийских Эклоги и Прохирона, находившихся в древнерусском праве в Кормчей книге [18]. Отражение данной нормы в Статуте ВКЛ произошло или под влиянием понимания разработчиками необходимости сохранения древнерусской правовой традиции, т. е. той самой «старины», либо под влиянием православного духовенства и феодалов ВКЛ, причастных к формулированию тех или иных положений Статута.

Эту же позицию подтверждает и современный польский исследователь С. Годек, указывая на лежащую в основе наследственной нормы Статута ВКЛ византийскую юридическую конструкцию «арокерикис» [19]. Схожие идеи о рецепции в Статуте 1529 г. византийско-канонического права развивал и К. Кораный [20]. Ю. Бардах также был согласен с позицией Ф. Боссовского о русско-византийских, а не о западных источках рецепции данной нормы права в Статуте ВКЛ 1529 г. [17, S. 756]. Необходимо отметить, что рецептированное положение 115 Новеллы Юстиниана содержалось также и в Уставе («Скрутке») Ярослава, поэтому нельзя исключать и его рецепцию в Статут ВКЛ из этого древнерусского источника права.

В. И. Ермолович усматривает связь положений, сформулированных И. А. Юхой в его работе «Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке» [16, с. 107] о брачном возрасте в рамках церковной юрисдикции, с изменениями норм о брачном возрасте в Статуте ВКЛ 1588 г. Ученый полагает, что понижение брачного возраста для девушек с 15 лет по Статуту ВКЛ 1566 г. до 13 лет по Статуту ВКЛ 1588 г. связано с влиянием норм Эклоги [7, с. 66]. Кроме того, нормы «Эклоги» повлияли на формирование категорий правоспособности и дееспособности в праве ВКЛ. Нельзя не отметить в связи с этим, что впервые византийские брачно-семейные нормы о возрасте вступающих в брак (правосубъектность) попали на Русь посредством новелл византийского императора Алексея Комнина. Эти новеллы вошли в состав Кормчей книги и распространялись и в других древнерусских компиляциях, например, в Мериле Праведном.

Большое внимание процессам рецепции византийского права в право ВКЛ придается в работах уже упоминавшейся Н. В. Слиж. Пожалуй, среди современных отечественных историков права ВКЛ она первая, не считая монографии Г. В. Дербиной и отдельных работ В. И. Ермоловича, обстоятельно рассмотрела влияние византийского частного права на право ВКЛ. До этих работ периода конца 2000-х гг. в отечественной

историко-правовой литературе было общепринятым излагать эволюцию права ВКЛ от правового обычая к привилейному и статутному праву ВКЛ, не акцентируя внимание на раннем периоде рецепции и действия древнерусского и византийского рецепированного права.

Характеризуя источники брачно-семейного права ВКЛ, Н. В. Слиж отмечает: «На нашу думку, асновы звычаёвага права былі закладзены не толькі Рускай Праўдай, але і іншымі зводамі заканадаўства. Толькі ў адной працы [это упомянутая выше работа Ф. Боссовского 1935 г. – В. П.] была звернута ўвага, што з прыняццем хрысціянства на нашы землі патрапілі Кормчыя, у склад якіх уваходзіла не толькі кананічнае права, але, і цывільнае – у навелах Юстыніяна, Законе градскім, Законе судным людзям. Ігнацій Даніловіч лічыў, што немагчыма прасачыць непасрэдны ўплыў візантыйскага права на права ВКЛ. Але пры гэтым адзначаў, што праваслаўнае духавенства прытрымлівалася Намаканона, аб чым сведчылі прывілеі царкве 1503 і 1507 гг. Даследчык адносіў перыяд паміж першым і трэцім Статутамі да перыяду актыўнага пераймання рымскага права» [12, с. 249].

В связи с этим высказыванием следует подчеркнуть, что И. Н. Данилович, работая на историческом материале п. п. XIX столетия, не дифференцировал различные пути рецепции права Восточно-Римской империи в законодательство ВКЛ, имея ввиду, скорее всего, только западный путь рецепции, т. е. насыщение доктриной римского права норм Статута ВКЛ 1566 г. под влиянием польских докторов права, обучавшихся в европейских университетах (прежде всего, А. Ротундуса).

Например, из славянской Эклоги в правоприменительную практику ВКЛ вошли такие институты брачно-семейного права, как предбрачное соглашение, выделение приданного, возвращение приданного в родительский дом бездетной жены, брачный возраст и др. В правоприменительной практике ВКЛ эти институты, будучи нормами рецепированного византийского права, до их включения в статьи Статутов ВКЛ воспринимались как «звычаёвае права» (кроме предбрачного договора, который продолжал применяться в форме правового обычая) [12, с. 251]. Под «даунінай» в ВКЛ понималась и рецепированная византийская норма Эклоги, а также Прохирона (Закона градского) об обручении несовершеннолетних лиц, которая продолжала действовать в ВКЛ вплоть до XVI в. Кроме вышеперечисленных, в обычное право ВКЛ из византийского были рецепированы и другие нормы брачно-семейного права, а именно определяющие: 1) выдачу приданного («пасага») в движимом имуществе; 2) запись вена в недвижимости; 3) срок подачи жалобы для вдовы и др. Рецепция норм византийского права в ВКЛ посредством древних общерусских источников права «...адбывалася не толькі на ўзроўні асобных артыкулаў, але і ідэй, якія інтэрпрэтаваліся апрацоўваліся мясцовымі традыцыямі» [12, с. 252–253].

Из византийского права посредством Кормчей книги в право ВКЛ была заимствована и норма о т. н. *»trimorii«* – положение о том, что при расторжении брака по вине мужа жена получала 1/3 брачных подарков. Относительно института тримории Н. В. Слиж приводит весомый контраргумент против позиции Ю. Бардаха, утверждавшего, что рецепция этой нормы римского права в Статут ВКЛ имела западноевропейское происхождение. Позиция белорусского историка основывается на том факте, что институт тримории отсутствовал в праве Польши – стране, которая для ВКЛ была транзитной в части западного пути рецепции римского права. Поскольку Кормчие книги, а, следовательно, южнославянская рецепция византийского права имела место на древнерусских землях достаточно рано – уже в XI–XIII вв., то институт *»trimorii«* использовался позднее и в праве ВКЛ с общепринятой для практики княжества ссылкой на «обычное право».

Аналогичная ситуация касалась и «фальцидиевой доли» – знаменитого римского закона Фальцидия («lex Falcidiae», 40-й г. до н. э.), вошедшего в VI в. в Свод Юстиниана (Inst. 2. 22; D. 35. 2; CJ. 6. 50). По этому закону 1/4 доли приданного из собственности

отца оставалась наследнику, назначенному в завещании, независимо от обременения наследства легатами и фидеокомиссами (D. 35. 2. 15). Данная норма права, равно как и институт тримории, была рецептирована в право ВКЛ не из польских источников права, а из славянской Эклоги.

В право ВКЛ из византийского законодательства была рецептирована также норма о праве на межсословный брак с сохранением правового статуса мужчины и распространением данного статуса на членов семьи из низшего сословия, в отличие от аналогичной возможности у женщин. Эта правовая норма, содержащаяся в статье 11 р. V и статье 16 р. III Статута 1566 г., и сохранившаяся в статье 12 р. V и, соответственно, статье 20 р. III Статута 1588 г., была рецептирована в законодательство ВКЛ из Кормчей книги, точнее из древнерусской юридической компиляции «Книги Законные» [9, с. 68–69, 84].

Н. И. Болоховский отмечает, что само определение брака, содержащееся в законодательстве ВКЛ, было также рецептировано из византийских источников права XI–XIII вв. посредством древнего общерусского права. В частности, уже Номоканон в XIV титулах патриарха Фотия IX в., который составил на Руси Кормчую книгу, содержал это понятие брака. В свою очередь византийские юристы включили в Номоканон эту дефиницию из работы известного римского юриста греческого происхождения Модестина (III в.). В Дигестах понятие брака Модестина определяется в качестве «союза мужчины и женщины, общности всей жизни, соучастия в божеском и человеческом праве (D. 23. 2. 1)» [2, с. 313]. В этой связи нельзя не согласиться с мыслью автора о том, что «историческая принадлежность земель современной Беларуси к Pax Orthodoxa способствовала тому, что римско-византийское право (*jus romanus-bizantinus*) оказало существенное влияние на локальную правовую систему, обогатив ее и приобщив наш народ к семье христианских европейских народов» [2, с. 321].

Не только регулятивные нормы частного права, но и множество различных уголовно-правовых запретов, связанных с брачно-семейными отношениями, в законодательстве ВКЛ были восприняты из рецептированного на Руси византийского права. В частности, в Статуте ВКЛ 1588 г. криминализация деяний, связанных с аморальным поведением, «той злости, абы ся в панъствахъ наших християнъскихъ не множила» (статья 30 р. XIV Статута 1588 г.), была обусловлена прямой рецепцией православных канонических запретов и прещений [см. : 10]. Статья 30 р. XIV Статута 1588 г., например, определяла, что за супружескую измену «обое горлом карани быти мають». Эта уголовно-правовая норма соответствует нормам, изложенным в Книгах Законных [9, с. 68–69, 72–73, 75]. Можно приводить и другие нормы Статутов ВКЛ, заимствованные из рецептированного византийского или древнего общерусского права.

Таким образом, как показано на примере ряда рецептированных в право ВКЛ византийских правовых норм и институтов, нет сомнений во влиянии как византийского, так и общего древнерусского права, на правовую систему ВКЛ. В связи с этим есть основания говорить о том, что право ВКЛ испытало влияние римского права посредством двух хронологически последовательных путей рецепции: 1) византийского, связанного с проникновением норм Кормчей книги, Русской Правды и других источников рецептированного византийского и общего древнерусского права как в правовую практику княжества, так и в Статут ВКЛ (прежде всего, первый Статут

⁵ «Какой бы римский гражданин ни стал делать завещание после внесения этого закона, насколько (в денежном выражении) бы ни захотел он по публичному праву предоставить вещь в собственность или иное имущественное благо по легату любому римскому гражданину, пусть будет ему в этом право и возможность, лишь бы легат был дан таким образом, чтобы наследники получали по этому завещанию не менее четвертой части наследства, следовательно, тем, кому что-либо будет дано или предоставлено по легату, пусть будет позволено без ущерба для себя получить эти деньги, и тот наследник, который будет обязан по завещанию выплатить эти деньги, пусть будет должен выплатить те деньги, которые обязан (выплатить) по завещанию» (D. 35. 2. 1).

1529 г.); 2) западного (итальянского), связанного с развитием правовой доктрины польскими профессорами и представителями римско-католической традиции, а также и учеными ВКЛ, которые прошли обучение в европейских университетах и участвовали в разработке второго Статута 1566 г. К влиянию западных правовых институтов, отчасти также связанных с элементами римского права, следует отнести и широко известные заимствования немецкого (магдебургского) права. Впрочем, средневековое немецкое право в Европе (в частности, Саксонское Зерцало) достаточно долгое время находилось в конфронтации с римским правом, поэтому его отнесение к рецепции римского права в право ВКЛ спорно, что не отменяет в целом западного (немецкого) характера такого правового влияния. По крайней мере, этот вопрос требует своего дальнейшего изучения.

Библиографические ссылки

1. Азаревич, Д. И. История византийского права: Том 1. Часть 2. Ярославль, 1877. 176 с.
2. Болоховский, Н. И. Рецепция определения брака римского юриста Модестина каноническим правом Православной церкви // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць на ўсходненародніцкім цывілізацыйным кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвячаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхно / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.]. Мінск: Бізнесофсет, 2012. С. 312–322.
3. Выпись из Пространной редакции Русской Правды // Щапов Я. Н. Туровские уставы о десятине // Он же. Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Я. Н. Щапов; Отделение историко-филологических наук. – М. : Наука, 2004. С. 56.
4. Дзербіна, Г. В. Права і сям'я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Галіна Дзербіна. Мінск : Тэхналогія, 1997. 174 с.
5. Ермолович, В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2009. Вып. 20. С. 127–149.
6. Ермолович, В. И. Рецепция норм римского частного права как один из источников развития права Беларуси: история и современность // Юстиция Беларуси. 2012. №4. С. 53–57.
7. Ермолович, В. И. Рецепция норм восточно-римского права в правовую систему средневековой Сербии и славянских стран // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Том 6. №1. С. 65–76.
8. Законоправило или Номоканон Светого Саве. Иловички препис 1262 година. 800 л. // Archiv Jugoslavenska akademija znatosti i umjetnosti v Zagrebe. F. 3. Op. 1.
9. «Книги законные», содержащие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / изд. вместе с греч. подлинниками и с ист. -юрид. введ. А. Павлов. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 92 с.
10. Малиновский, И. А. Учение о преступлении по Литовскому статуту / И. Малиновский. Киев : тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1894. 172 с.
11. Оболенский, Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М. : Янус-К, 1998. 655 с.
12. Сліж, Н. Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты ў звычаёвым праве і заканадаўчых актах ВКЛ / Н. Сліж // Соціум. 2013. Вип. 10. С. 246–288.
13. Устав князя Владимира Туровской редакции по Печерскому списку XVII века // Щапов Я. Н. Туровские уставы о десятине // Он же. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. Отделение историко-филологических наук. М. : Наука, 2004. С. 54–56.
14. Цернић, Л. Нека запажања о писарима Иловичке крмчије // Археографски прилози. Београд. 1981. Књ. 3. С. 49–54.
15. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. 338 с.
16. Юхно, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI веке. Минск: изд-во БГУ, 1978. 144 с.
17. Bardach, J. Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego – pomniki prawa doby odrodzenia // Kwartalnik Historyczny. 1974. R. 81, z. 2. S. 750–780.

18. Bossowski, F. Nowela Justyniana 115 – Statut Litewski I R. IV Art. 13 (14), Statut Litewski II i III R. VIII. Art. 7. T. X. cz. 1 Art. 167 // Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego, red. S. Ehrenkreutz, Wilno 1935. S. 107–121.

19. Godek, S. Pierwiastki romanistyczne w prawie spadkowym I Statutu Litewskiego // Zeszyty Prawnicze, 2003, 3/2. S. 294–295.

20. Koranyi, K. O niektórych postanowieniach karnych Statutu litewskiego z r. 1529 (Studium prawno-porównawcze) [w:] Księga . . . pierwszego Statutu. S. 123–157.

ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СТАТУТНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

С. Н. Шабуневич

*доцент кафедры социально-гуманитарных наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск,
Республика Беларусь,
snshabunovich@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме, имеющей теоретико-практическую значимость для разработки вопросов правового ограничения деятельности должностных лиц государственных органов ВКЛ. На основе анализа статутного законодательства ВКЛ выявлена его роль в эволюции правового регулирования исследуемого института в национальном законодательстве.

Ключевые слова: правовая система; статутное законодательство; должностные лица; единство права; правовая мысль.

LEGAL RESTRICTIONS ON THE ACTIVITIES OF OFFICIALS OF STATE BODIES UNDER STATUTORY LEGISLATION OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

S. N. Shabunovich

*Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya Str., 220007, Minsk, Republic of Belarus,
snshabunovich@yandex.ru*

The article is devoted to the problem of theoretical and practical significance for the development of the problem of legal restrictions on the activities of officials of state bodies of the Grand Duchy of Lithuania. Based on the analysis of the statutory legislation of the GDL, its role in the evolution of the legal regulation of the institution under study in the national legislation is revealed.

Keywords: Legal system; statutory legislation; officials; unity of law; legal thought.

В XVI веке в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) существовала эффективно созданная система правовых актов, чему способствовали проведенные в середине XVI века реформы государственного строя, важнейшей из которых стала реформа в административной сфере, позволившая организовать правовые отношения в государстве на основе передовых для того времени идей. Свое влияние на реформирование права ВКЛ оказала и идеология эпохи реформации (на территории Беларуси протестантизма), сторонники которой способствовали проникновению в правую теорию идеалов индивидуальной свободы и утверждению неотъемлемости естественных прав человека. Результатом систематизации и кодификации законодательства ВКЛ в XVI веке стали общегосударственные своды законов – Статуты

1522, 1566 гг. и особенно Статут 1588 г., закрепившие передовые правовые принципы устройства общества и государства. Как отмечал известный отечественный ученый И. А. Юхο, «кодификация и систематизация собственного законодательства в значительной степени опередила подобные работы в других государствах» [1, с. 65].

В Статутах ВКЛ наряду с нормами административного, гражданского, уголовного, наследственного, земельного, судебно-процессуального и др. отраслей права, систематизации подверглись нормы государственного права, которые закрепляли статус ВКЛ на международной арене, его территориальную целостность и суверенитет, основы общественного и государственного строя, принципы правовой системы, принцип признания приоритета писаного права, разделения властей, порядок формирования и деятельности органов государственной власти, в том числе способы осуществления государственной власти ее представителями – Великим князем Литовским и должностными лицами, входящими в состав центрального и местного государственного управления. Необходимо отметить, что нормы государственного права с уточнениями и дополнениями полностью переносились из первого в последующие статуты, тем самым отражая, с одной стороны, сложившийся собственный законодательный опыт и правоприменительную практику, с другой стороны, эволюцию правосознания законодателя, учитывающего юридические нормы и конструкции иностранного (первоначально римского, позже германского и польского) права, передовые государственно-правовые идеи того времени. Систематизированные в статутном законодательстве нормы государственного права ВКЛ определили основы построения всей правовой системы государства и повлияли на развитие отдельных правовых отраслей и институтов.

Наличие развитой законодательной базы способствовало не только рационализации государственного управления ВКЛ, но и эффективному правовому регулированию деятельности чиновников всех рангов. В первую очередь это касается установления принципов осуществления деятельности должностных лиц в сфере государственного управления и суда. Закрепляя довольно широкие полномочия за всеми должностными лицами, статутное законодательство предусматривало и правовое ограничения их деятельности, что было отражено, прежде всего, в нормах государственного и уголовно-процессуального законодательства. Принцип связанности правом деятельности должностных лиц был закреплен всеми Статутами ВКЛ и распространялся, в том числе и на деятельность главы государства. Так, арт. 12 раздела 1 Статута 1529 г. свидетельствует о том, что, будучи высшим должностным лицом в государстве, Великий князь Литовский должен подчиняться государственным законам и при реализации своих служебных обязанностей руководствоваться нормами статутного законодательства [2]. Данные нормы были перенесены и в последующие Статуты, в том числе в Статут 1566 г., в котором законодательно закреплялась обязанность князя и должностных лиц при осуществлении своей деятельности соблюдать права и свободы всех подданных [3, арт. 2 Р. 3]. В Статуте 1588 г., где регламентируется довольно обширный круг отношений в различных областях жизнедеятельности общества 16 века, также значительное место уделено предписаниям, касающимся деятельности должностных лиц [4, Р. 1]. С целью реализации идеи установления правового государства, Статут ВКЛ 1588 г. провозгласил принцип единства права для всего населения княжества, что означало, что деятельность всех государственных органов и их должностных лиц должна полностью соответствовать праву [4, ст. 1 Р. 1]. Содержание многих норм Статута свидетельствует об их соответствии передовому правосознанию того времени, построении всех правовых отношений на принципе справедливости и защиты законных прав и интересов всего населения ВКЛ.

В соответствии со статутным законодательством правом ограничивалась и деятельность судебных должностных лиц. Статут 1529 г. регламентирует своими нормами порядок деятельности судей, обязывая их осуществлять правосудие в

соответствии с законом [2, Р. 6]. Основанием для привлечения должностных лиц к ответственности являлось нарушение или превышение ими своих служебных обязанностей, неправомерные действия. Статут 1566 г. закрепил положение, согласно которому основанием для привлечения лица к ответственности могло служить только наличие совершенного противоправного деяния, что распространялось и на деятельность должностных лиц [3, арт. 2 Р. 1]. В 4 разделе последнего Статута ВКЛ нормы, регламентирующие деятельность судей, являются самыми разработанными и занимают более чем пятую часть этого Свода законов. Великий князь обещает всем жителям государства «справедливость водле права чинити … судити и справовати всех станов, почавши от высшего аж до низшего, однако и одностайне» [4, арт. 1 Р. 1]. В отдельную категорию были выделены такие преступления, совершенные судебными чиновниками, как неявка без уважительной причины, нарушение судьями постановления о взимании судебных пошлин, вынесение судьями заведомо несправедливого приговора или решение дела с нарушением процессуальных норм и др. За совершение указанных преступлений предусматривались такие меры ответственности как уплата штрафа и обязанность возместить ущерб [4, арт. 63 Р. 4].

Одновременно с указанными принципами Статут 1588 г. уточнил законодательство в сфере осуществления судопроизводства и закрепил передовые для своего времени принципы судопроизводства, такие как публичность судебного процесса, право на использование адвоката, состязательность сторон, возможность обжаловать решение или приговор суда в высшую апелляционную инстанцию, ответственность за недобросовестность судебного разбирательства и пр. [4, арт. 7 Р. 1].

Своды Законов ВКЛ. стали наивысшим достижением в развитии европейской правовой мысли XVI века. Как справедливо отмечает Т. И. Довнар «многие положения его во многом опередили свое время и послужили образцом кодификации законодательства в других странах» [5, с. 14]. Все Статуты ВКЛ и особенно последний из них стали результатом масштабной модернизации законодательства ВКЛ, которая была направлена, прежде всего, на реорганизацию административно-политических отношений и осуществлена на основе адаптации зарубежных конструкций при опоре на отечественный законодательный опыт.

Библиографические ссылки

1. Юхो, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 143 с.
2. Статут 1529 года [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsynae-prava-belarusi/statuty-vyalikaga-knyastva-lito-skaga/statut-1529-goda/>. Дата доступа: 18. 02. 2021.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар [і інш.] ; рэдкал. : Т. І. Доўнар (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : Тэсей, 2003. 352 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на сучас. беларус. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2010. 207 с.
5. Доўнар, Т. І. Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588гг.) : вучэб. дапам. / Т. І. Доўнар. Мінск : Белдзяржуніверсітэт. 2001. 76 с.

СІСТЭМА АБНАРОДАВАННЯ НАРМАТЫЎНЫХ АКТАЎ ЗГODНА СТАТУТУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1588 ГОДА

В. А. Шаршун

намеснік дырэктара Нацыянальнага цэнтра прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, кандыдат
юрыдычных навук, дацэнт,

Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, вул. Берсана, 1а, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь,
sharsh1970@gmail.com

У артыкуле разглядаюцца механізмы абнародавання прававых актаў Вялікага княства Літоўскага на прыкладзе рашэнняў вальных соймаў. Нормы артыкула 9 раздзела III Статута з'яўляюцца вытокамі сучаснай дзяржаўнай сістэмы прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, у аснову якой пакладзены прынцып адзінства прадстаўлення прававой інфармацыі з адной крыніцы на тэрыторыі дзяржавы.

Ключавыя слова: прававыя акты; прававая інфармацыя; афіцыйнае апублікаванне; статут; распаўсюджванне прававой інфармацыі.

SYSTEM OF NORMATIVE ACTS PROMULGATION BY THE STATUTE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA OF 1588

V. A. Sharshun

Deputy Director of the National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

*National Center of Legal Information, 1a, Berson Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
sharsh1970@gmail.com*

The article examines the mechanisms of normative acts promulgation according to the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588, using the example of decisions of general (nationwide) seims. The norms of article 9 of section III of the Statute, which regulated these legal relations, are the origins of the modern state system of legal information of the Republic of Belarus, which is based on the principle of the unity of presentation of legal information from a single source on the territory of the state.

Key words: legal acts; legal information; official publication; statute; dissemination of legal information.

Адной з важных задач дзяржавы з'яўляецца забеспячэнне давядзення зместу прававых нормаў да зацікаўленых суб'ектаў. Дзяржава мае права патрабаваць ад грамадзян, а апошняя павінны ведаць змест прававых актаў, якія вызначаюць іх права, абязязкі і адказнасць. Прэзумпцыя ведання закону азначае, што ніхто не можа спасылацца на няведение дзеючага нарматыўнага акта, калі ён у афіцыйным парадку быў даведзены да ведама грамадзян. Каб гэта прэзумпцыя мела дзейныя харкты, дзяржава павінна ствараць усе неабходныя ўмовы дзеля азнаямлення грамадзян з дзеючым заканадаўствам. Прычым у розныя гістарычныя перыяды спосабы давядзення да грамадзян нарматыўных прадпісанняў былі розныя.

Можна выдзеліць трох эпохі афіцыйнага апублікавання (абнародавання) нарматыўных актаў: дапапяровую, папяровую і электронную. Абнародаванне (апублікаванне) прававых актаў неразрыўна звязана з крыніцамі права і матэрыяльнымі носібітамі прававых нормаў.

На тэрыторыі Беларусі звычаёвае права было пераважным да сярэдзіны XV стагоддзя, а затым пачало паступова выцясняцца пісаным правам, у якім шматлікія нормы звычаёвага права набылі форму закону ў выглядзе шматлікіх грамат, лістоў, прывілеяў, статутаў і іншых прававых актаў. Можна выдзеліць агульназемскія,

абласныя, гарадскія і валасныя граматы (прывілеі). Аднак дадзеныя граматы не рэгулявалі пытанні абнародавання (апублікацыя) прававых актаў.

Як адзначае Т. І. Доўнар, яшчэ з канца XIV ст. назіраецца ўсё больш актыўная заканадаўчая дзейнасць вялікіх князёў. Першыя пісаныя нарматыўныя акты, у якіх пастаянна падкрэслівалася захаванне так званай старыны, складаліся ў асноўным са звычаёвых нормаў [3, с. 50].

Першай спробай сістэматызацыі прававых нормаў у агульнадзяржаўным масштабе з'явілася ставарэнне Судзебніка Казіміра 1468 г. Выданнем Судзебніка быў пакладзены пачатак у развіцці новага этапу ў прававой тэорыі, практыцы закадаўчай дзейнасці дзяржаўных органаў, новых прынцыпаў сістэматызацыі і кадыфікацыі феадальнага права, які быў завершаны выданнем Статутаў Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ). Разам з тым, пытанні абнародавання (апублікацыя) прававых актаў у Судзебніку не былі ўрэгульваныя.

Нарматыўныя акты ВКЛ мелі розныя найменні. На працягу XIV – першай половы XVI ст. у залежнасці ад зместу, спосабаў прыняцця і іншых абставінаў яны называліся ўхваламі, уставамі, пастановамі, граматамі, лістамі, артыкуламі, універсаламі, прывілеямі і інш. Так, нарматыўныя акты адносна гаспадарчых спраў часцей называліся ўставы, аб ваенных справах і пытаннях падаткаў на вайсковыя патрэбы – універсаламі, аб парадку нясення вайсковай службы і пакараннях за ёе парушэнні – артыкуламі. Са стварэннем сойму нарматыўныя акты, якія прымаліся на ім, называліся ў асноўным ухваламі, уставамі, пастановамі, а ў XVII–XVIII ст. – канстытуцыямі [3, с. 50]. У XVI ст. канстытуцыі пачалі друкавацца. Важнай праявай самастойнасці ВКЛ з'явілася існаванне разам з агульнымі канстытуцыямі для ўсёй Рэчы Паспалітай асобных канстытуцый, якія мелі адносіны толькі да Літвы [1, с. 88–89]. У XVI ст. прымаюцца сістэматызаваныя нарматыўныя акты – статуты, якія і сталі асноўнымі крыніцамі права.

Як адзначае Б. А. Асіпян, усе афіцыйныя дакументы ВКЛ (пастановы соймаў, усялакага роду дагаворы, інструкцыі паслам, акты грамадзянскага стану, судовыя прыгаворы і рашэнні, дагаворы куплі-продажу нерухомасці, арэндныя лісты, тэстаменты і інш.) храналагічна запісваліся ў асобія кнігі – метрыкі [4, с. 97]. Пасля ўтварэння канцылярыі пры вялікім князі ствараецца архіў. З канца XV ст. з'яўляюцца капейныя кнігі, якія склалі Літоўскую Метрыку – аснову дзяржаўнага архіва ВКЛ. У іх заносілася асноўная маса дакументаў, якія ствараліся ў вялікакняскай канцылярыі. На месцах таксама вялікае значэнне надзялялася захаванню дакументаў, што выразілася ў з'яўленні актавых кніг, уведзеных Статутам ВКЛ 1529 г. [2, с. 24].

Сярод ўсёй колькасці дакументаў дзяржаўнага апарату ВКЛ найбольшае значэнне мелі закадаўчыя акты. Доўгі час яны афармляліся ў выглядзе вялікакняскіх пывілеяў (грамат). Прывілеі рыхтаваліся ў вялікакняскай канцылярыі, рэдагаваліся вялікім князем, перапісваліся і зацвярджаліся прыкладаннем дзяржаўнай пячаці, а пазней і подпісу вялікага князя [5, с. 238].

Права выдаваць заканадаўчыя акты мелі таксама соймы ВКЛ (з 1569 г. – Рэчы Паспалітай), што знайшло адлюстраванне ў соймавых пастановах. Пастанова сойма лічылася дзейснай у ВКЛ толькі тады, калі аб гэтым мелася адмысловая агаворка і калі яна аб'яўлялася на павятовых сойміках і заносілася ў адмысловыя актавыя кнігі, якія вяліся ў кожным павеце [2, с. 29–30].

Як адзначае І. Ю. Увараў, на Гарадзенскім сойме 1567 г. было прынята рашэнне аб тым, каб ”лісты соймавыя“, якія былі адпраўлены да шляхты ў паветы, абавяшчаліся на кірмашовай плошчы каля храмаў [7, с. 113].

У далейшым пытанні абнародавання прававых актаў даволі падрабязна былі рэгламентаваны ў Статуте ВКЛ 1588 года. У прыватнасці, быў выразна рэгламентаваны механізм давядзення пастановы вальных соймаў.

У адпаведнасці з артыкулам 9 раздзела III Статута па сканчэнні вальнага сойма на працягу чатырох тыдняў у кожным павеце павінны былі быць праведзены павятовыя

соймікі. Як адзначае Я. А. Юхो, удзел шляхты ў працы соймаў зводзіўся да ўхвалення і падтрымання рашэнняў кіруючых вярхоў, прапаганды ў паветах соймавых пастаноў і служыў сродкам забеспічэння выканання прынятых пастаноў на месцах [8, с. 117–118]. Пасля вяртання дэпутатаў з вальнага сойма яны павінны былі паведаміць аб сваім вяртанні ваяводзе або старасту судоваму. Ваявода або стараста або іх намеснікі павінны былі аб гэтым праз возных паведаміць шляхце, каб яны прыбылі на павятовы соймік. Павятовыя соймікі праводзіліся дзеля таго, каб на іх дэпутаты вальнага сойма, якіх накіроўвалі з паветаў, паведамілі падрабязна ўсім абывацелям павета, ”што на якім сойме ў справах і патрэбах рэчы паспалітай зрабілі і пастанавілі“ [6, с. 46]. Таксама рашэнні вальнага сойма ў пісьмовым выглядзе з пячаццю перадаваліся дэпутатамі сойма земскаму ўраду для захавання пры кнігах земскіх, аб чым указвалася ў замкавых кнігах.

Падобныя нормы не ўтрымліваліся ў статутах ВКЛ 1529 и 1566 гадоў.

Статутам ВКЛ 1588 года быў рэгламентаваны не толькі парадак яго распаўсюджвання, але і пакаранне за парушэнне асабістага прывілея, дадзенага падканцлеру ВКЛ Льву Сапегу на выданне дадзенага Статута: кара ў памеры 5000 тысяч венгерскіх фларынаў і канфіскацыя надрукаваных кніг.

Па сутнасці, у Статуте ВКЛ 1588 года ўпершыню была замацавана своеасаблівая сістэма абрарадавання нарматыўных актаў, закладзены прынцыпы распаўсюджвання прававой інфармацыі, якія گрунтуюцца на адзінстве прадстаўлення прававой інфармацыі на ўсёй тэрыторыі дзяржавы, абавязковасці азнямлення з прынятымі рашэннямі ўсяго насельніцтва, добрасумленнасці і адказнасці суб'екта, які распаўсюджвае прававую інфармацыю. Фактычна з прыняццем дадзенага Статута пачаўся перыяд друкаванага абрарадавання (апублікання) прававых актаў. У прывілеі на выключнае права Льва Сапегі выдаваць Статут ВКЛ адзначалася, што неабходна друкаванае выданне законаў і статутаў княства, ”паколькі з рукапісных законаў узнікае пэўная цяжкасць пазнання права і шкодная шматтайнасць у вялікай колькасці“ [6, с. 13]. Менавіта надрукаваны закон забяспечыў аднастайнасць яго прымянення і, як адзначана ва ўказаным прывілеі, ”на гэтым گрунтуеца ўлада рэчы паспалітай, пастаянства чалавечага грамадства і заможнасць насельніцтва“ [6, с. 13].

Такім чынам, нормы артыкула 9 раздзела III Статута ВКЛ 1588 г. замацоўвалі сістэму абрарадавання нарматыўных актаў ВКЛ. Дадзеныя нормы, па сутнасці, з'яўляюцца вытокамі сучаснай дзяржаўнай сістэмы прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, у аснову якой пакладзены прынцып адзінства прадстаўлення з адзінай крыніцы (эталоннага банка даных прававой інфармацыі) на тэрыторыі дзяржавы. Нормы Статута, якія прадугледжвалі перадачу пастаноў вальнага сойма ў пісьмовым выглядзе дзеля захавання пры кнігах земскіх і запісы аб гэтым ў замкавых кнігах, па сутнасці, замацоўвалі правобраз сучаснай дзяржаўнай рэгістрацыі нарматыўных прававых актаў у Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь.

Бібліографічныя спасылкі

1. Амброзяк, Т. Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587–1648 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 03. М., 2018. 294 с.
2. Давыдова, Э. Н. История и организация делопроизводства в Беларуси. Минск : ТетраСистемс, 1999. 216 с.
3. Довнар, Т. И. Этапы и особенности в развитии законодательства ВКЛ // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества; сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. - Ярославль : ЯрГУ, 2015 . Вып. 14. С. 49–73.
4. Осипян, Б. А. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. как первый русский конституционный образец единой христианско-правовой идеологии // Государство и право. 2011. № 10. С. 95–103.
5. Савинов, А. А. Документирование управленческой деятельности в Великом княжестве Литовском в соответствии со Статутом Великого княжества Литовского 1588 года // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г. : да 430-годдзя выдання : зб. нав. арт.

па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2018. С. 236–241.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А. С. Шагун. Мінск : Беларусь, 2002. 207 с.

7. Уваров, И. Ю. Вопросы государственного строительства Великого княжества Литовского в постановлениях валльных сеймов 60-х гг. XVI в. // Ученые записки. 2011. Том 12. С. 109–115.

8. Юхно, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэбн. дапам. У 2 ч. Ч. 1., Мінск : РІВШ БДУ, 2000. 352 с.

РОЛЬ БАТЫРОВ В ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА

Б. Б. Байсейтов

*начальник отдела по работе с персоналом ТОО «Казахский научно - исследовательский институт плодоовоощеводства», магистр юридических наук, соискатель кафедры теории и истории государства и права Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь,
aimenli@mail.ru*

Статья посвящена вопросам роли казахских батыров в истории Казахского ханства в XV-XVIII веках. Автор показывает роль института батырства в общественно-политической жизни казахского народа и организации военной власти. Автор раскрывает участие казахских батыров в организации вооруженного ополчения и защите родной земли.

Ключевые слова: казахское ханство; батыры; институт батырства; военная власть.

THE ROLE OF BATYRS IN THE HISTORY OF THE KAZAKH STATE

Б. Б. Baiseitov

*Head of the Personnel Department of the Kazakh Research Institute of Horticulture, Candidate of the Department of Theory and History of State and Law of the Belarusian State University, Master of Laws,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
aimenli@mail.ru*

The article is devoted to the role of Kazakh batyrs in the history of the Kazakh Khanate in the XV-XVIII centuries. The author shows the role of the institute of batyrstvo in the socio-political life of the Kazakh people and the organization of military power. The author reveals the participation of Kazakh batyrs in the organization of the armed militia and the protection of their native land.

Keywords: Kazakh khanate; batyrs; institute of batyrysm; military power.

Казахское ханство образовалось в XV веке. В то время в Великой степи шли разнонаправленные процессы. Распадалась Золотая Орда или Улус Джучи. В результате междуусобицы во второй половине XIV века начался постепенный распад Улуса Джучи. Распад Улуса ускорился после 1420 г. На территориях Улуса Джучи появляются новые государства: Улус Орда-Эджена (1361 г.), Сибирское ханство (1420 г.), Узбекское ханство (1428 г.). Чуть позже образуется Казанское ханство, Ногайская орда, Крымское ханство. В 1465 г. образуется Казахское ханство.

Процесс распада некоторых выделившихся из Улуса Джучи государств продолжился. Правитель Узбекского ханства (Узбекского улуса) Абулхайр-хан вел войны с другими представителями династии Джучи, претендовавшими на трон в Узбекском ханстве. Абулхайру удалось одержать ряд побед над своими противниками, претендовавшими на трон, однако в 1457 году он потерпел жестокое поражение от

ойратов и был вынужден заключить с ними договор на невыгодных и унизительных условиях. Поражение значительно ослабило Абулхайра. Недовольные его действиями первые казахские ханы Жанибек и Керей из династии Джучидов в 1460 г. отделились со своими людьми от Узбекского ханства. На территории Жетысу (Семиречья) и Могулистана они образовали небольшое Казахское ханство. Первоначально роды ушедшие с Жанибеком и Кереем называли себя узбек-казаками, позже казахами, что означает «свободные».

С самого момента своего образования Казахское ханство подвергалось нападениям с разных сторон. Уже в 1468 г. Абулхайр-хан предпринял поход против молодого Казахского ханства, однако вскоре умер. После его смерти Узбекское ханство распалось. Казахские ханы Жанибек и Керей, а позже их сыновья расширили Казахское ханство, присоединили к себе значительную часть Узбекского улуса. Также многие роды и племена после распада своих государств присоединились к Казахскому ханству. В более позднее время при правлении Касым-хана, Есим-хана, Тауке-хана и хана Хак-Назара Казахское ханство переживало период наибольшего расцвета.

В прежние века у степных народов батыры занимали особое положение в обществе. Прежде всего это были искусные и сильные воины, предводители военных подразделений, участвовали в защите своей земли, в совершении набегов на вражеские земли. В мирное время многие батыры занимались хозяйством, и как все вели обычный образ жизни. Однако угрозы от неприятелей с разных сторон заставляли батыров вставать на защиту родины. Постоянные войны и угрозы с разных сторон делали актуальным появление и существование института батыров в течение многих веков.

И. В. Ерофеева, характеризуя роль батыров в Казахском ханстве отмечает, что они, батыры, являлись военными вождями: «большое социальное и военно-политическое значение в казахском обществе в период конца XVII-XVIII вв. имела социальная группа батыров – военных вождей. Тюркомонгольское слово «батыр», «багатур», «бахадур» первоначально означало «храбрец, вызывающий врага перед битвой на противоборство» [1, с. 42.]. М. А. Сарсембаев также отмечает, что «в период XVIII – первой половины XIX веков в казахском обществе огромное социальное и политическое влияние оказывала такая социальная группа, которую называли батырами – военными вождями» [2, с. 210.].

Степные государства существовали в очень суровые времена. Поэтому такие государства нуждались в особой военной организации общества, военной иерархии, в профессиональных военных, лучших представителях ратного искусства, строгой подчиненности военных власти правителя. Г. Т. Мусабалина отмечает, что одним из признаков любой государственности является наличие вооруженной силы – армии, которая защищала власть и население государства от внешних нападений. Основное ядро военно-постарной организации составляли батыры со своими дружинами [3, с. 165-166.]. Батыры были на всех уровнях: батыры отделений родов, батыры родов, батыры племенных образований, известные во всем ханстве батыры. Батыры были своеобразными военными лидерами, вождями, которые выполняли функции территориальной военной власти. Когда казахские правители объявили о начале похода, они отправили во все стороны государства вестовых. Гонцы на полном скаку влетали в аулы с криками «Аттан!». Заслышав призыв, старейшины и батыры выставляли у своих юрт боевые знамена родов, и к ним спешили присоединиться все, кто мог носить оружие. Скорым маршем двинулись конные отряды к ставке хана. Во главе каждого отряда стоял правитель рода или батыр [4, с. 74-76.]. Эти слова А. Галиева описывают организацию казахского войска, его оперативную мобилизацию. Дружинники, члены народного ополчения, мужчины, которые были в состоянии держать оружие, вооружившись, спешили к юрте батыра из своего рода или селения, к тому месту, где батыром было выставлено боевое знамя. Это было своеобразное место сбора, указанное командиром отряда. Из этого мы тоже можем понять, что батыры обладали военной властью, были

носителями военной власти. И роль батыра очень сильно возрастила во время военных компаний. Жизнь в степи во времена Казахского ханства означала одно: народ, который не имел военной организации мог быть уничтожен, порабощен, а его земли могли быть завоеваны другими народами или государствами. Батыры как военные вожди на разных уровнях играли важную роль в военной организации общества, в организации военного дела в государстве. Дружины или ополченцы не просто собирались в указанное время и определенном месте. Всегда шла подготовка к походу: оборонительному или наступательному, готовились припасы, лошади, оружие, военному делу обучались люди, особенно молодежь. И всем этим в значительной мере занимались батыры, на них ложилась большая ответственность по подготовке к обороне родной земли, походу против неприятеля.

После смерти хана Узбекского ханства Абулхаира казахские ханы начали поход против его престолонаследников. Был созван курултай из правителей всех родов. Перед выступлением в поход, по стариинному обычью, созвали военный совет, на котором из числа самых известных батыров выбрали военачальников. Во главе армии стояли Керей и Жанибек [4, с. 80-83.]. Как мы видим из этого, батыры как военные вожди разного уровня (на уровне родов или всего ханства) были обязательными участниками военного совета. Военный совет подразумевал проведение совещания среди военачальников, обсуждение плана похода. Ханы и правители родов всегда советовались с батырами, планы военных походов или организации обороны обсуждались непременно с участием батыров как командиров военных отрядов и подразделений. Стариинный обычай собирать военный совет с участием батыров говорит о многом. Батыры были военачальниками на разных уровнях: всего ханства – один из батыров мог возглавлять все казахское войско, одни батыры возглавляли крупные подразделения из десяти тысяч или тысячи воинов, другие батыры руководили небольшими подразделениями.

Только прославленные воины-батыры могли стать со временем военными руководителями. Например, Мамай-батыр Жумагул-улы (1709-1806 гг.). За мужество, проявленное в ожесточенной битве на берегу реки Яик (Урал), Мамай-батыр был удостоен звания «мынбасы» (тысячника). В битвах с джунгарами он проявил себя талантливым стратегом и тактиком. В 1746 году Мамай-батыру было присвоено звание сардара (военачальника) воинов Среднего жуза. А в 1756-1757 гг. Мамай-батыр был удостоен высшего воинского звания – Бахадур. Он также был военачальником воинов Младшего жуза и носил титул Орда-басы (глава Орды)» [5]. То, что Мамай-батыр был вначале тысячником, позже получил более высокие воинские звания сардара и бахадура говорит не только о его героизме, но и о развитии системы воинских званий и различий у казахов. Традиционное казахское общество очень много внимания уделяло воинскому делу, организации народного ополчения, подготовке воинов. На век одного только Мамай-батыра приходилось более ста сражений, в которых он принимал участие. Именно высокая организация военного дела, высокая воинская выучка, возможность быстрой и широкой мобилизации давали возможность отстоять казахам свои земли.

Батыры в традиционном казахском обществе являлись военными вождями, обладали военной властью. Каждый батыр был из какого-то рода, родового объединения. Известные и авторитетные батыры на уровне родов, родовых объединений и даже жузов (особенно во время военных компаний) являлись военачальниками. Не случайно всегда пишут о происхождении батыра из какого-то рода или родового объединения. Они были военачальниками на уровне своих родов или объединений родов. Не случайно во многих казахских преданиях, народном эпосе, исследованиях разных авторов упоминалось о системе оповещения о наступлении врага и начале мобилизации. Те, кто первым подвергся агрессии со стороны внешнего врага или ханы отправляли гонцов оповестить другие аулы и роды о нападении врагов. Очевидно, что эта система коллективной военной мобилизации возникла еще ранее и успешно использовалась в Казахском ханстве. Ханы объявляли мобилизацию, собирали войско. Батыры, узнав о нападении

врага вывешивали у своих юрт боевое знамя. Вся степь немедленно приходила в движение. Отряды народного ополчения из разных родов под руководством батыров спешили к месту общего сбора или к тем, кто подвергся нападению. Это говорит о высокой организованности и дисциплинированности среди казахского войска.

В те далекие века батыры сыграли очень большую роль в сохранении и упрочении государственности казахского народа. Это было время, требовавшее выхода на общественную и политическую арену смелых воинов-героев, которые своими подвигами внесли серьезный вклад в развитие Казахского ханства и казахского народа. Батыры были и являются олицетворением героизма, стойкости и свободолюбия народных масс. Батыры Казахского ханства – это продолжатели славных воинских традиций и подвигов своих великих предков, которые защищали эти земли и ее народ, и были воспеты в народном эпическом творчестве. Роль батыров всегда вырастала в период военных походов, защиты отечества. Но и в мирное время они выполняли важнейшие государственные, военные, дипломатические и общественные функции.

Библиографические ссылки

1. Ерофеева, И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
2. Сарсембаев, М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. 342 с.
3. Мусабалина, Г. Т. Батыры Казахского общества в XVIII–XIX вв. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). Сборник материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. проф. В. А. Веременко, [отв. ред. С. В. Степанов]. Санкт-Петербург: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 165–170.
4. Галиев, А. Керей и Жанибек. История, личность, время. Алматы: «Аруна», 2004. 92 с.
5. Мамай батыр [Электронный ресурс] // Узнай о стране больше. Информационно-познавательный портал. EL. KZ. Режим доступа: <https://el.kz/news/archive/content-24903/>. Дата доступа: 05. 09. 2013.

ГІСТОРЫЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ЎХОДНЕСЛАВЯНСКАГА СУДОВАГА ПРАЦЭСА І ЯГО ЎПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ СУЧАСНАГА ПРАЦЭСУАЛЬНАГА ЗАКАНАДАЎСТВА

А. А. Міхневіч

галоўны спецыяліст Аператыўна-аналітычнага цэнтра пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
Аператыўна-аналітычны цэнтр пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, вул. Кірава, 49, 220030, г. Мінск,
Рэспубліка Беларусь,
amihnevich@gmail.com

У артыкуле разглядаецца гісторыя даследавання па пытаннях развіцця суда і судаводства на тэрыторыі ўсходнеславянскіх дзяржаў у X – XVI стагоддзях. Даецца кароткі агляд найбольш значных работ па ўздымаемай тэме, пачынаючы з дарэвалюцыйнага перыяду (да 1917 года) і заканчваючы сучаснымі даследаваннямі. Акцэнтуецца ўвага на праблемных аспектах даследаванняў і прычынах зацікаўленасці вучоных у іх працягу.

Ключавыя слова: Суд; судовы працэс; старажытныя ўсходнеславянскія дзяржавы; Русь; Вялікае княства Літоўскае.

HISTORY OF RESEARCHES OF ANCIENT EAST SLAVIAN JUDICIAL PROCESS. ITS INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF MODERN PROCEDURAL LEGISLATION

A. A. Mikhnevich

*Chief Specialist of the Operative Analytical Center under the President of the Republic of Belarus,
Operative Analytical Center under the President of the Republic of Belarus, 49, Kirova Str.,
Minsk, Republic of Belarus,
amihnevich@gmail.com*

The article examines the history of research on the development of the court and court proceedings on the territory of the East Slavic states in the X – XVI centuries. A brief overview of the most significant works is given on the topic raised, starting from the pre-revolutionary period (until 1917) and ending with modern research. Attention is focused on problematic aspects of research and the reasons for the interest of scientists in their continuation.

Keywords: court; court procedure; ancient East Slavic states; Rus'; Grand Duchy of Lithuania.

Гісторыя навуковага вывучэння старажытнага ўсходнеславянскага суда і правасуддзя налічвае ўжо больш за дзвесце гадоў. Перад першымі даследчыкамі стаяла задача апісаць асноўныя прынцыпы старажытнага судаводства, выявіць яго прававыя і арганізацыйныя асновы, прайсніць ролі ўдзельнічаючых у ім асоб. Як аказалася, на гэтым шляху іх чакала нямала цяжкасцей, звязаных з абмежаваным колам крыніц, неадназначнасцю іх паходжання, рознымі варыянтамі чытання старажытных тэкстаў, супяречлівымі парой сведчаннямі замежнікаў, якія побывалі на тэрыторыі ўсходнеславянскіх зямель і Беларусі, або даследчыкаў, пражываючых на землях, уваходзячых у склад Вялікага княства Літоўскага, або межавалі з ім.

Дарэвалюцыйныя (да 1917 г.) даследаванні адзначаны значнай колькасцю агульных і спецыяльных работ, якія ўвялі ў навуковы абарот велізарныя масівы фактычнага і заканадаўчага матэрыяла і якія распачалі яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне. Аднак з прычыны надзвычайнай складанасці пастаўленай задачы яна была вырашана толькі часткова, і намаганні даследчыкаў практычна не даследаваліся.

Рэвалюцыйныя падзеі 1917 г. унеслі значныя карэктывы ў развіццё навуковага вывучэння праблемы эвалюцыі судовага ладу і судаводства ў Старажытнай Русі ў IX–XIV ст. ст., і ў першых працах савецкага перыяду, якія насыцілі ў асноўным гісторыка-прававы і агульнагістарычныя характеристары. Многія пытанні, звязаныя з правасуддзем на тэрыторыі ўсходнеславянскіх зямель і феадальна-раздробленай Русі, практычна не даследаваліся.

Наадварот, 1930-я гг. былі адзначаны пэўным усплескам навуковай цікавасці да ранній айчыннай і замежнай гісторыі. Менавіта ў гэты перыяд публікуюцца шматлікія дакументы, выходзіць «Гісторыя суда і крымінальнага працэсу» [24] і іншыя працы [16].

У пачатку 1940-х гг. сталі з'яўляцца спецыяльныя работы па развіцці ўсходнеславянскай дзяржаўнасці, у тым ліку судовай сістэмы ў вывучаемы перыяд, а таксама гістарыяграфічныя даследаванні, у якіх падводзіліся першыя вынікі навуковай распрацоўкі праблемы гісторыі айчыннага суда і правасуддзя.

Першыя пасляваенныя гады адзначаны публікацыямі цэлага шэрага дакументальных [11] і даследчых [38] матэрыялаў, якія дазваляюць паглыбіць і пашырыць уяўленні пра суд і правасуддзе ў старажытных славян у раннія перыяды фарміравання грамадства; у 1949 г. выходзіць у свет акадэмічнае выданне Рускай Праўды пад рэдакцыяй акадэміка Б. Д. Грэкава [40].

У гістарыяграфіі гэтага перыяду, як харэктэрная для Старажытнай Русі, адзначаецца тэндэнцыя да ўзмацнення княжацкай улады ў судовай сферы і ў сферы права наогул і сцвярджаецца тэзіс пра значныя паўнамоцтвы Князя ў гэтай галіне. Следствам

становіцца тое, што судовим інстытутам і способам вырашэння канфліктаў стала надавацца мала ўвагі. Пра іх у асноўным пішуць, як пра «знікаючую натуру», сцвярджаючы, што апошнія іх сляды «змятаюцца пад напорам княжацкай юрысдыкцыі ўжо ў Найстаражытнай Праўдзе».

Шырокое распаўсюджванне атрымлівае таксама тэзіс аб мэтанакіраванай і паспяховай барацьбе князёў са старажытнымі звычаямі, і перш за ўсё – з кроўнай помстай. Вядомую папулярнасць набывае і меркаванне аб даволі раннім умяшанні княжацкай улады ў сферу сацыяльнага рэгулявання, следствам якога становіцца палажэнне аб тым, што княжы суд дзейнічае ледзь не з VIII ст., а ў IX – X стст. ён ужо цалкам фарміруецца, а феадальная дзяржава з дапамогай органаў прымусу, у першую чаргу – суда, падпарадкоўвае непасрэдных вытворцаў сваёй улады. Гэтыя тэзісы ў рознай іх інтэрпрэтацыі выказваюць Б. А. Раманаў, М. Н. Ціхаміраў, А. А. Зімін, Н. Л. Рубінштэйн, Л. В. Чарэпнін, А. П. Навасельцаў, В. Т. Аруць і інш. У той жа час мелі месца і асобныя адступленні ад агульнай тэндэнцыі: напрыклад, С. В. Юшкоў, прытрымліваючыся поглядаў аб феадальнай сутнасці старажытнарускай дзяржавы, тым не менш, лічыў, што пра шырокое распаўсюджванне княжацкай юрысдыкцыі раней канца X – пачатку XI стст гаварыць немагчыма.

У 1950-я г. г. даследчая цікавасць да старажытнага перыяду ўвогуле, і да арганізацыі суда і судаводства гэтага часу нарастает. Працягваеца публікацыя цэлага шэрагу крыніц і дакументальных матэрыялаў: пад рэдакцыяй К. В. Сіўкова публікуеца Пскоўская судная грамата [39]; М. Н. Ціхаміраў і М. В. Шчэпкіна выдаюць помнікі Наўгародскага пісьменства [46]; Л. М. Марасінава – Пскоўскія граматы XIV – XV ст. ст. [35].

У шэрагу апублікованых артыкулаў, нягледзячы на выкарыстанне традыцыйнай для гісторыка-юрыдычнай навукі таго перыяду «феадальнай» тэрміналогіі ў дачыненні да сацыяльна-палітычнага ладу старажытных усходнеславянскіх дзяржаў і да апісання старажытнага судаводства, карціна ўяўляеца цалкам у духу дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі: роля князя ў справе падтрымання сацыяльнага парадку не такая ўсеадымная, насупраць, роля абшчыннага калектыву, прадстаўнікоў бакоў была вельмі значнай [18].

У канцы 1950-х г. г. даследчыкі звяртаюцца да праблем зараджэння судовых інстытутаў, паніцця злачынства і пакарання [50]. На жаль, гэты напрамак у вывучэнні гісторыі судовага працэсу належнага развіцця не атрымаў.

У 1960-я г. г. даследчая цікавасць да гісторыі правасуддзя на тэрыторыі старажытных усходнеславянскіх дзяржаў не слабее. Напрыклад, адкрыццё такой крыніцы як Наўгародскія берасцянія граматы дазволіла пашырыць прадстаўленне і аб прававым жыцці Старажытнай Русі. Вывучэнне берасцяніх грамат дазволіла гісторыкам дзяржавы і права весці гаворку пра існаванне розных формаў абшчыннага суда.

У наступнае дзесяцігоддзе – 1970-я г. г. – адзначаецца пэўны спад даследчай цікавасці да вывучэння старажытнарускага права і судаводства. У той жа час працягваеца выданне крыніц, якія адносяцца да разглядаемага перыяду, і праводзяцца новыя іх даследаванні; ажыццяўляюцца навуковыя пошуки адносна асобных інстытутаў, так ці інакш судносціўшыхся з судовай дзейнасцю і судаводствам: асобныя віды судовай дзейнасці праз прызму гаспадарчых адносін і сацыяльна-эканамічнай барацьбы, у тым ліку вотчыннага, царкоўнага, сельскага суда, падвяргаюць аналізу А. Д. Горскі [10], Л. І. Івіна [17], А. Л. Шапіра [49] і інш.

У 1980-я г. г. у савецкай гістарыяграфіі з'яўляеца тэндэнцыя да дэпалітызацыі і дэідэалагізацыі гісторыі ўсходнеславянскага права; уладарыў да гэтага часу фармацыйны падыход да асвялення гістарычнага мінулага, які стаў дапаўняцца цывілізацыйным. У гэты час пачынаюць выдавацца новыя дакументальныя матэрыялы, запіскі сучаснікаў, якія змяшчаюць у тым ліку і вельмі цікавыя звесткі па гісторыі суда і судаводства ў Старажытнарускай дзяржаве. Айчынныя аўтары праводзяць новыя

даследаванні крыніц і навуковых прац, якія дазваляюць паглыбіць уяўленні аб судаўладкаванні ў старажытных усходнеславянскіх княствах, у тым ліку беларускіх, і працэдуры адпраўлення правасуддзя. Атрыманыя навуковыя вынікі дазволілі па-новаму падысці да пастаноўкі шэрагу пытанняў: пра спецыфіку фарміравання Старажытнарускай дзяржавы і яе судовай сістэмы (Ю. Г. Аляксееў, В. Ф. Андрэў, І. В. Дубоў, В. А. Кучкін і інш.) [15, 28]; аб структуры судовых органаў (М. Р. Мінёнак, М. П. Ярошкін і інш.) [30]; царкоўным судзе (Н. М. Нікольскі, А. С. Харошаў); ролі судоў ва ўрэгуляванні адносін уласнасці (У. І. Буганов, А. А. Праабражэнскі, Ю. А. Ціханаў, В. Б. Кобрын, В. Л. Янін) [53] і сацыяльных супярэчнасцяў (Р. Г. Скрыннікаў, А. А. Зімін, Я. А. Рыбіна, А. А. Праабражэнскі, А. В. Кавальчук). У шэрагу апублікованых у 1980-я г. г. работах ставіцца пытанне аб месцы суда ў сістэме інстытута феадальнага грамадства ўсходнеславянскіх дзяржаўных утварэнняў, паднятыя ў свой час М. П. Паўлавым-Сільванскім (С. О. Шміт, С. В. Чыркоў, В. Т. Аруць, І. Я. Фраянаў і інш.) [9].

Буйныя працы, прысвечаныя розным аспектам гісторыі Кіеўскай Русі, у тым ліку пытанні прававорчай і судовай дзейнасці, публікуюць А. Ю. Дварнічэнка і І. Я. Фраянаў [25], Б. А. Рыбакоў [41], М. Б. Свярдлоў [36], Н. М. Нікольскі, В. А. Кучкін, Ю. А. Цытрын, Н. Л. Пушкарова; доктарскую дысертацию абараніў Р. Л. Хачатур, кандыдацкую – А. Н. Цімоніна. Пытанні дзейнасці царкоўнага суда ў Старажытнай Русі даследуюць Я. Н. Шчапаў, А. Ю. Дварнічэнка, А. М. Рапава, А. С. Харошаў, В. Л. Янін [54].

У 1990-я годы адзначаецца ўсплеск навуковай цікавасці да старажытнага перыяду ў гісторыі ўсходнеславянскіх дзяржав і права: працягваюцца публікацыі дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Старажытнай Русі, актыўна вядуцца крыніцазнаўчыя даследаванні [20], перавыдаюцца работы дарэвалюцыйных аўтараў; даследуюцца працы замежных навукоўцаў, прысвечаныя разглядаемай праблематыцы [48].

На ўзроўні дысертацийных даследаванняў працягваецца вывучэнне розных бакоў эвалюцыі суда і судаводства ў старажытных усходнеславянскіх дзяржавах. У. А. Тамсінаў вывучае месца і ролю юрыспрудэнцыі ў духоўнай культуры старажытнага і сярэднявечнага грамадства [47]; І. В. Пятроў – дзяржаўна-прававое развіццё Русі ў 882 – 980 г. г. [37]; розныя аспекты старажытнарускай сацыяльна-духоўнай гісторыі – Т. А. Сіманава [42] і А. Н. Цімонін [45].

У шэрагу агульных і спецыяльных работ, якія выйшлі ў 1990-я г. г., аналізу падвяргаюцца тыя ці іншыя аспекты судовай дзейнасці ў Старажытнарускай дзяржаве IX – XIV ст. ст. – гэта, у першую чаргу, працы О. В. Мартышына [29], М. Н. Ціхамірава [13], Ю. Г. Аляксеева [2] і інш. Правасуддзе ў перыяд сярэдневякоўя аналізуе В. Дрозджын [14].

Навуковы зачын, сфармаваны даследчыкамі ў 1990-я г. г., паслужыў магутным падмуркам для значнага ўзрастання ў перыяд пасля 2000-га года цікавасці да пытанняў развіцця судовай дзейнасці ва ўсходнеславянскіх дзяржавах. Многія аўтары друкуюць свае работ па розных напрамках і аспектах дадзенай праблематыкі. Так, Т. Ю. Амплеева вывучае розныя аспекты судовай дзейнасці [3], выдаўшы абагульняючыя манаграфічныя даследаванні і абараніўшы на іх аснове доктарскую дысертацию [4]. Шэраг асабістых [31] і напісаных у саўтарстве з Г. Д. Улетавай [32] артыкулаў публікуе В. В. Моматаў. Асаблівай увагі заслугоўвае работа гэтага аўтара, прысвечаная аналізу судовага працэсу ў Старажытнай Русі на аснове даследавання берасцяных грамат [33] – крыніцы, якая не вельмі шырока выкарыстоўвалася ў гісторыка-прававых даследаваннях.

Перыяд пасля 2000-га г. харектарызуецца выхадам у свет шэрагу рознага ўзроўню спецыяльных прац па гісторыі суда і судаводства ў усходніх славян: гэта працы В. М. Бабенка і І. П. Слабадзянюка [5], А. П. Гуськовай і Н. Г. Мурагавай [12], калектыўная праца ў форме навучальнага дапаможніка пад рэдакцыяй Н. А. Колакалава [22], дапаможнік А. С. Смыкаліна [43]. Важнае месца ў асвятленні даследуемай тэмы

займае фундаментальнае шматтомнае выданне пад рэдакцыяй А. Е. Кутафіна, У. М. Лебедзева, Г. Ю. Семігіна [44] і манаграфія В. І. Уласава [7].

Неабходна таксама асабліва адзначыць з'яўленне ў апошнія гады значнай колькасці падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па гісторыі дзяржавы і права ўсходніх славян, у якіх увага надаецца праблемам развіцця судовай сістэмы і судаводства ў старажытныя часы [19, 8]. Гісторыя развіцця заканадаўства і правасуддзя на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага становіцца прадметам разгляду ў падручніках па гісторыі дзяржавы і права Украіны [34, 21] і Беларусі, якія выйшлі ў постсавецкі перыяд. Даследаваннямі па адзначаным пытанням у Беларусі займаўся А. Ф. Вішнеўскі [6], Я. А. Юхно [51], Ш. Н. Кузнецоў [26], В. А. Шалкапляс [27] і шэраг іншых аўтараў.

У цэлым постсавецкая гісторыяграфія 90-х г. г. XX ст. – пачатку XXI ст. харктарызуеца значным павелічэннем колькасці гісторыка-прававых работ і навуковых публікацый па розных аспектах судовага працэсу, разнастайнасцю іх жанраў і выкарыстаных крыніц, а таксама адзначаецца некалькімі выразнымі тэндэнцыямі. Папершае, назіраецца істотнае павышэнне цікавасці да гісторыка-прававых даследаванняў, пра што сведчыць значна ўзросшая колькасць работ агульнагісторычнага і гісторыка-юрыдычнага характару, разнастайных навучальных дапаможнікаў, дысертаций. Падругое, прасочваецца пашырэнне спектру навуковых даследаванняў, звязаных з гісторыяй станаўлення і развіцця судовай улады ва ўсходніх славян – можна меркаваць, што гэта, напэўна, абумоўлена, перш за ўсё, імкненнем дзяржавы ажыццяўіць комплексную рэформу сістэмы правасуддзя ў краіне, надаць новы імпульс працэсам фарміравання грамадзянскага грамадства. Відавочна, што ўвасобіць гэта ў жыццё без выкарыстання гісторычнага вопыту і без уліку асаблівасцей дзяржаўна-прававога развіцця ў папярэднія перыяды наўрад ці будзе магчымы.

Падводзячы вынік, адзначым, што старажытнаму ўсходнеславянскаму судаводству неяк «не пацанцавала» з даследчыкамі – ў паслякастрычніцкі перыяд яму не было прысвечана ніводнай спецыяльнай манаграфічнай работы. З'яўленне шэрагу названых вышэй сучасных работ па гісторыі судовай улады [23] пазначыла вяртанне цікавасці да гэтай тэмы, але, як паказвае аналіз, у многіх з іх у значнай меры апісваюцца палажэнні, сформуляваныя яшчэ ў дарэвалюцыйнай і савецкай гісторыяграфіі. Разгляд суда і судаводства ажыццяўляўся коратка і павярхоўна ў кантэксце вывучэння іншых пытанняў у рамках асобных параграфаў у агульных працах.

Нягледзячы на даволі значную колькасць агульных і спецыяльных работ, апублікованых да 1917 г., у савецкі і пацсавецкі перыяды, праблема гісторыі суда і судаводства на тэрыторыі старажытнаславянскіх дзяржаў IX – першай паловы XV стст. пакуль свайго комплекснага даследавання не знайшла, і патрабуеца працяг даследчай работы ў гэтым напрамку.

Бібліографічныя спасылкі

1. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI вв. / Н. Н. Покровский [и др.]; отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1973. 231 с.
2. Алексеев, Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк истории аппарата управления XIV-XV в. в. СПб., 1998. 98 с.
3. Амплеева, Т. Ю. Основные тенденции развития уголовного судопроизводства Киевской Руси // Право и гос-ударство: теория и практика. 2004. № 1. С. 26-38.
4. Амплеева, Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (XI-XIX в. в.): дис. . . д-ра юрид. наук: 12. 00. 01. М., 2009. 457 с.
5. Бабенко, В. Н. История суда России: (IX – начало XXI в. в.): Монография. М. : Изд-во Рос. гос. торгово-экон. ун-та, 2005. 175 с.
6. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск. : Акад. МУС РБ, 2003. 319 с.

7. Власов, В. И. История судебной власти в России: Книга первая (1019-1917). М. : Спутник. 2003. 623 с.
8. Власов, В. И. История государства и права России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. 216 с.
9. Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры: Межвузовский сборник: К 80-летию проф. В. В. Мавродина / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова; под ред. И. Я. Фроянова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. 224 с.
10. Горский, А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI века. М. : Изд-во МГУ, 1974. 215с.
11. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. / подг. к печ. В. Г. Герман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев [и др.]; под ред. С. Н. Валка. М. : АН СССР, 1949. 408 с.
12. Гуськова, А. П. Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства: Монография. М. : Юрист, 2005. 176 с.
13. Древняя Москва XIV – XV в. в. ; Средневековая Россия на международных путях XIV – XV вв. / М. Н. Тихомиров [и др.]; под ред. и с послеслов. С. О. Шмидта. М. : Моск. рабочий, 1992. 320 с.
14. Дрожжин, В. А. Правосудие в Средние века // Российская юстиция. 1995. №1. С. 31-34.
15. Дубов, И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
16. Золотая орда: Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV в. в. / Б. Греков [и др.]; под ред. В. Быстрынского. Л. : Соцэкиз, 1937. 203 с.
17. Ивина, Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. в. Л. : Наука: Ле-нингр. отд., 1979. 223 с.
18. Исаев, М. М. Уголовное право Киевской Руси // Учёные труды ВИОН. М., 1946. Вып. VII. 516 с.
19. Исаев, И. А. История государства и права России. М. : Проспект, 2010. 800 с.
20. Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рос. истории; В. А. Кучкин [и др.]. М. : ИРИ, 1993. 211 с.
21. Історія держави і права України / А. С. Чайковський (кер. кол. авт.), В. І. Батрименко, О. Л. Копиленко [та ін.]; за заг. ред. А. С. Чайковського. К. : Юрінком Інтер, 2003. 512 с.
22. История российского правосудия / под ред. Н. А. Колоколова. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009. 447 с. ;
23. История судебной системы в России. / редкол: Н. А. Колоколова. [и др.]. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 471 с.
24. История суда и уголовного процесса: Схемы, таблицы, документы. (переиздание 1938 года) / С. А. Голунский [и др.]; под ред. А. Я. Вышинского. М. : Прогресс, 2002. 100 с.
25. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. / И. Я. Фроянов [и др.]; под ред. проф. В. В. Мавродина. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 256 с.
26. Кузнецов, И. Н., Шелкопляс, В. А. История государства и права Беларуси. Минск. : Дикта, 1999. 272 с.
27. Кузнецов, И. Н., Шелкопляс, В. А. История государства и права Беларуси. Минск. : Тесей, 2004. 319 с. ;
28. Кучкин, В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV в. в. М. : Наука, 1984. 349 с.
29. Мартышин, О. В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М. : Рос. право, 1992. 384 с.
30. Миненок, М. Г. Наказание в русском уголовном праве: Историко-правовой очерк. Калининград, 1985. 154 с.
31. Момотов, В. В. «Божий суд» Средневековья глазами современника // Правоведение. 2002. №5 (244). С. 242–249.
32. Момотов, В. В., Улетова, Г. Д. Судебный процесс и исполнение судебных решений в средневековой Руси // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. №4. С. 37 – 44.
33. Момотов В. В. Судебный процесс в Древней Руси: (На основе анализа берестяных грамот). Краснодар: Ку-банский гос. ун-т, 1998. 202 с.
34. Музыченко, П. П. История государства и права Украины: Учебник. К. : Знание, 2001. 488 с

35. Новые псковские грамоты XIV-XV в. в. / Л. М. Марасинова [и др.]; под ред. А. М. Сахарова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. 211 с.
36. От Закона Русского к Русской Правде. / М. Б. Свердлов [и др.]; под ред. А. Н. Сахарова. М. : Юрид. лит., 1988. 176 с.
37. Петров, И. В. Государство и право Древней Руси в 882-980 г. г.: автореф. дис. ... к-та юрид. наук: 12. 00. 01. СПб., 1999. 25 с.
38. Порфириев, Н. Г. Древний Новгород: Очерки из истории русской культуры XI–XV в. в. М. -Л. : АН СССР, 1947. 308 с.
39. Псковская Судная грамота: [Фотокопия и транскрипция]. М. : Учпедгиз, 1952. 160 с.
40. Русская Правда: В 3-х т. / под ред. Б. Д. Грекова. М. : АН СССР, 1949.
41. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII в. в. / Б. А. Рыбаков. Академия наук СССР. Отделение истории. М. : Наука, 1982. 589 с.
42. Симонова, Т. А. Взаимосвязь православия, философии и искусства в Древней Руси: автореф. дис. ... к-та филос. наук: 09. 00. 06. М., 1993. 23 с.
43. Смыкалин, А. С. История судебной системы России: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. 231 с.
44. Судебная власть в России: История, документы: в 6 т. / редкол. : О. Е. Кутафин (гл. ред.) [и др.] Науч. консультант проекта Скрипилёв Е. А. М. : Мысль, 2003. 6 т.
45. Тимонин, А. Н. Исторический генезис древнерусского государства: Теоретико-методический аспект: авто-реф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12. 00. 01. СПб., 1997. 48 с.
46. Тихомиров, М. Н., Щепкина, М. В. Два памятника новгородской письменности: [Духовная Климента-новгородца и Устав Святослава Ольговича]. М. : Госкультпросветиздат, 1952. 31 с.
47. Томсинов, В. А. Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: Историко-сравнительное юридические исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12. 00. 01. М., 1993. 50 с.
48. Шанский, Д. Н. Французская историография феодальной России. М. : Изд-во МГУ, 1991. 172 с.
49. Шапиро, А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV-XVI в. в. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. 214 с.
50. Шаргородский, М. Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. 150 с.
51. Юхно, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Ч. 1. Мінск., 2000. 352 с.
52. Янин, В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М. : Высш. школа, 1977. 240 с.
53. Янин, В. Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М. : Наука, 1981. 296 с.
54. Янин, В. Л. Новгородские акты XII – XV в. в. : Хронологические комментарии. АН СССР. Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1991. 381 с.

СЕКЦЫЯ IV. ТЭАРЭТЫЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ДЗЯРЖАВЫ I ПРАВА

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Ф. А. Вестов

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012, г. Саратов, Саратовская область, Российской Федерации, vestovfa@mail.ru

О. Ф. Фаст

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовской государственной юридической академии», Саратовская государственная юридическая академия, ул. Астраханская, 83, 410012, г. Саратов, Саратовская область, Российской Федерации, fastolga@mail.ru

В статье уделено внимание паре взаимосвязанных явлений – понятий "общество" и "государство", где ведущую роль по-прежнему играет общество. Именно оно порождает государство с самого начала, становясь его содержанием и тем самым отдавая ему место только одной из политических форм существования общества. Вторая политическая часть общества, это гражданское общество с его институтами, посредством которых граждане влияют как на государство, так и на направления его развития и развития гражданского общества.

Ключевые слова: общество; государство; взаимозависимость; право; гражданин.

CERTAIN ASPECTS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE RULE OF LAW, CIVIL SOCIETY AND THE INDIVIDUAL

A. V. Fedor

*Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov National Research State University named after V. I. M. G. Chernyshevsky, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saratov National Research State University named after V. I. M. G. Chernyshevsky, 83, Atrakhanskaya Str., 410012, Saratov, Russia
vestovfa@mail.ru*

O. F. Fast

*Associate Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Academy of Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Saratov State Academy of Law, 104, Chernyshevksogo Str., 410056, Saratov, Russia
fastolga@mail.ru*

The article focuses on a pair of interrelated phenomena – the concepts of "society" and "state", where the leading role is still played by society. It is the state that generates the state from the very beginning, becoming its content and thus giving it the place of only one of the political forms of existence of society. The second political part of society is civil society with its institutions, through which citizens influence both the state and the directions of its development and the development of civil society.

Keywords: Society; state; interdependence; law; citizen.

В современных условиях развития общества, важнейшее значение имеет институт правового государства и его влияние на формирование гражданского общества [7].

Возникновение, развитие и функционирование правового государства связано с формированием института гражданского общества — системы политических, экономических, религиозных, духовных и других отношений индивидов, которые объединились в гражданские сообщества для удовлетворения необходимых потребностей в своем развитии.

Развитие этих институтов общества происходит одновременно, но с различными темпами, так как оба института определены единством и целостностью действующего политического, экономического и культурного пространства и морально нравственных начал в обществе.

В случае нарушения баланса данных факторов жизнедеятельности возникают проблемы для гармоничного существования общества и государства, ставшего относительно самостоятельной единицей.

Лишь с момента появления гражданина как самостоятельного, сознательного субъекта общества, наделённого определённым комплексом прав и свобод и в то же время несущего перед ним моральную или иную ответственность за свои действия, можно говорить о наличии гражданского общества, нивелирующего всевластие государства.

Свидетельством данного факта выступают, как проблемы становления и развития самого гражданского общества, так и история разработки концепции гражданского общества в западной политико-правовой мысли.

Под гражданским обществом принято понимать произвольно сформированное состояние общественных союзов в государстве, развивающихся на основе саморегулирования, выражющее частные интересы индивидов на основе ценностей гражданской культуры, которое не приемлет или в определённой мере ограничивает степень вмешательства государства в дела общества.

Другими словами, гражданское общество — это логичный результат многовекового поступательного развития цивилизованного общества.» Его нельзя создать искусственно там, где отсутствуют реальная свобода и её адекватное восприятие, где отсутствует система ценностей» [5].

Ведущие отечественные правоведы неоднократно указывали на тот факт, что гражданское общество не часть аппарата публичной власти, системы государственного управления, а самостоятельный, сдерживающий институт общества в целях ограничения произвола со стороны государства. Взаимодействуя с государством и подчиняясь его предписаниям, гражданское общество влияет на государство так же, как последнее влияет со своей стороны на него.

При этом общество остается самостоятельным, будучи не поглощённым государством. В доказательство этого в современной юридической литературе всё чаще высказывается мнение о недопустимости тотального разграничения гражданского общества и государства.

Вместе с тем, в настоящее время отмечается усиление влияния государства в сфере деятельности гражданского общества.

Однако всестороннее развитие общества ведёт к повсеместному усложнению социальных, политических, экономических отношений. Возникают новые проблемы: кибернетический терроризм, глобальная угроза экологической катастрофы, эпидемиологические заболевания и иные проблемы в обществе. Все перечисленное — это объективные основания, определяющие обусловленность, с позиций государства его вмешательства в сферу деятельности гражданского общества. Как отмечается, что «Почти не осталось сфер, которые составляли бы исключительную компетенцию гражданского общества, освобожденного от государственного влияния и вмешательства» [1]. Ввиду этого на сегодняшний день всё сложнее становится

разграничить функции государства от функций гражданского общества. По вынужденной необходимости они тесно сосуществуют и сотрудничают. [1]. Вместе с тем, даже суверенитет государства способен трансформироваться под воздействием глобальных изменений общественной жизни [6].

Именно государство уполномочено создавать нормативную основу функционирования общества, призвано поддерживать общественный порядок, организовывать институты гражданского общества, его объединять и определять перспективу развития правового государства в рамках совершенствования демократических институтов в обществе [3].

При этом в процессе взаимодействия с гражданским обществом государство не может отказаться от традиционных, свойственных любому государству принудительных средств и мер, однако оно также должно широко использовать и другие — экономические, политические, культурные, и иные рычаги влияния на общество.

Вместе с тем государство, позиционирующее себя в качестве правового, не вправе досконально вмешиваться во все сферы жизни гражданского общества. Ведь основными задачами государства являются безопасность общества, борьба с преступностью, осуществление внутренней и внешней политики, направленные на поддержание высокого уровня жизни населения, способствование развитию экономики и инфраструктуры, рациональное регулирование рыночных процессов. В подобном государстве власть становится правовой, поскольку подчиняется норме закона, а это возможно лишь в случае встречного контроля государства гражданским обществом.

При определении механизма соотнесения государства и общества нельзя допускать слишком гипертрофированного преуменьшения или, наоборот, безмерной силы и роли государства по отношению к обществу и наоборот. Каждый из таких вариантов представляет угрозу для дальнейшего развития общества и существования государства, что, как показывает практика, ухудшает материальное положение граждан.

Невозможно существование гражданского общества вне рамок государства, которое благодаря нормам права определяет границы развития гражданского общества. Именно это создает предпосылки для того, что индивид чувствует себя, с одной стороны членом гражданского общества, а с другой гражданином своего государства.

Гражданское общество и государство — это социально-политические явления, которые объективно взаимосвязаны и взаимозависимы, тандем, в котором ведущее положение должно принадлежать гражданскому обществу. Именно в силу института властовладения со стороны государства, важнейшее значение имеет контроль за его деятельностью со стороны общества [4].

При недостаточном развитии институтов гражданского общества или отсутствии должных гарантий эффективности их деятельности, не позволяющие в полной мере воспринимать, что справедливость является центральным институтом при принятии решений, а граждане адекватно воспринимают это. Как отмечается нередко «справедливость отождествляется с законностью. С этой позиции любое соответствующее закону решение должно быть справедливым, однако, это не так. Решение, при вынесении которого соблюдены все требования законодательства, вполне может быть воспринято обществом как несправедливое» [2]. В результате нельзя говорить о наличии в таком государстве истинной демократии, где народ действительно является единственным источником власти, реализуемой путем выборов соответствующих ветвей власти или путем референдума. Такое положение возможно, как при парламентской, так и при президентской формах правления.

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы теории государства и права / Под ред. А. И. Баstryкина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 471 с. 3

2. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Отдельные аспекты реализации принципа справедливости в публичном и частном праве/ Основы экономики, управления и права. 2020. № 4 (23). С. 35-39.
3. Малый А. Ф. Общественный контроль как институт непосредственной демократии / Система конституционного права современной России: ценности, принципы, институты и нормы: материалы XI Международного Конституционного Форума, посвященного 110-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (10-12 декабря 2019 г., Саратов). Части 1 и 2 : сборник научных статей. Саратов : Издательство "Саратовский источник", 2020. С. 140 – 144.
4. Малый А. Ф. Общественный контроль как правовой институт В сб. : Взаимодействие власти, бизнеса и общества в осуществлении общественного контроля. Материалы XII Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Саратовского государственного университета. 2019. С. 152-156.
5. Чукаев Т. О. Государство и гражданское общество: механизмы взаимодействия. История, теория, практика российского права. 2019. № 12. С. 187-192.
6. Шошин С. В. Трансформации суверенитета в условиях глобальных изменений общественной жизни. В сб. : "Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности: материалы VII Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, посвященной 110-летию Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2020. С. 172-176.
7. Яхонтов В. И., Неверов А. Я. Конституционно-правовые основы формирования гражданского общества в Российской Федерации. /Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 106-109.

ПРАВАВАЯ РЭЧАІСНАСЦЬ І ПРАВАВАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ: МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПЫТАННІ СУАДНОСІН

I. L. Вершок

*дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных наукаў, дацэнт,
Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
viarshok_irina@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца анталагічныя пытанні права. Для іх вырашэння ўводзяцца два новыя тэрміны: «прававая рэчаіснасць» і «прававая рэальнасць». Вывучаюцца генетычныя адрозненні феноменаў, якія вызначаюцца ў якасці прававой рэчаіснасці і прававой рэальнасці і іх судносіны. Атрыманыя высновы могуць выкарыстоўвацца для қрытычных даследванняў розных галін права, і для распрацоўкі прапаноў па ўдасканаленні заканадаўства.

Ключавыя слова: прававая рэальнасць; прававая рэчаіснасць; прававая свядомасць.

LEGAL REALITY AND LEGAL VALIDITY: METHODOLOGICAL ISSUES OF COMPARISON

I. L. Vershok

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
viarshok_irina@mail.ru*

The article deals with ontological issues of law. To solve them, two new terms are introduced: «legal reality» and «legal validity». The genetic differences of the phenomena designated as legal reality and legal validity are studied.

Correlation of legal reality and legal validity is studied. The findings can be used for research in brunch legal sciences and for the development of proposals for improving legislation.

Keywords: legal reality; legal validity; legal consciousness.

Метадалагічныя пытанні вывучэння прававой рэальнасці, якія ўзнікаюць на фундаментальным узроўні, разглядаюцца пераважна без глыбокага даследавання таго, што ўяўляе сабой непасрэдна прадмет пазнання, то бок, сама прававая рэальнасць. Разам зі замест тэрміна «прававая рэальнасць» выкарыстоўваюцца харкторыстыкі права, прававога жыцця, прававой мапы свету, прававой сям'і ці прававой сістэмы. Названыя тэрміны не маюць адназначнай інтэрпрэтацыі, невядомыя прасторавыя і часавыя межы тых феноменаў, з'яў і працэсаў, якія яны вызначаюць, ігнаруеца тое, што такія феномены нярэдка з'яўляюцца колькасна і якасна неаднароднымі.

У выніку ў навуковы абарот уводзяцца тэрміны без вызначэння іх дакладных межаў, прадмет вывучэння агульнай тэорыі права непамерна пашыраеца і перастае цалкам адпавядаць рэальному з'явам. Адпаведна пытанні метадалогіі агульнай тэорыі права атрымліваюць мета-навуковую, а не юрыдычную прыналежнасць, увасабляюць філософскі светапогляд, хоць і арганізаваны ў рацыянальную форму, але не забяспечваюць дакладнасць ведаў пра прадмет [1, с. 5-9].

Адным з найбольш нявывучаных бакоў праяўлення анталогіі права з'яўляеца рэчаіснасць і рэальнасць права, якія харкторызуюць спецыфічныя прыкметы кагнітыўных працэсаў чалавека, непасрэдна ці ўскосна прыцягнутага да іх канструявання. Пры гэтым метадалагічна не ўяўляеца правільным разглядаць прававую рэчаіснасць як іманентную частку сацыяльнай рэчаіснасці, сцвярджаючы, што прававая рэальнасць існуе разам з фізічнай, псіхічнай, сацыяльнай, культурнай. Гэта прыводзіць да падмены найбольш важных анталагічных прыкмет права толькі асобнымі некаторымі яго праявамі звонку.

На самай справе права існуе яшчэ і ў відавочнасцях, што не маюць прадметнага быцця [2, с. 23-24]. А вось дыферэнцыяцыя паміж рэчаіснасцю і рэальнасцю права на наш погляд мае вельмі высокі ўрэстычны патэнцыял. У розных неправавых адносінах адрозненне рэчаіснасці ад рэальнасці не мае прынцыпавага значэння – чалавек не жадае і не павінны задумвацца пра тое, наколькі ўсе тое, што адбываецца з ім, рэальная ці сапраўдна. Іншая справа адбываецца ў прававым існаванні.

Так, яшчэ савецкімі навукоўцамі была праведзена мяжа паміж рознымі праявамі прававога жыцця чалавека, што, на жаль, не было развіта ў далейшых распрацоўках наконт дыферэнцыяцыі прававой рэчаіснасці і прававой рэальнасці.

У прыватнасці, Ю. У. Кудраўцавым даказвалася, што сацыяльная рэчаіснасць, фактычны парадак рэчаў і права – гэта незалежныя адна ад адной крыніцы інфармацыі, але з пункту гледжання ўзדзейння на свядомасць і паводзіны людзей размяжоўваць іх не варта.

Згаджаючыся з гэтай устаноўкай, звернем увагу на тое, што сучасная навука ўжо больш глыбінна разглядае функцыянальныя асаблівасці свядомасці: зараз свядомасць вывучаецца не столькі як вынік знешняга ўздзейння навакольнага асяроддзя, яго адлюстраванне, а больш як працэс, які актыўна трансфармуе свет вакол чалавека. Але ж Ю. У. Кудраўцаў цалкам справядліва кажа, што «реальная действительность», якая ўжо даўно ўрэгульянава права, доўгатэрмінова ўздзейнічае на малазнаемага з правам чалавека, амаль заўседы здаецца яму фактычным, а не прававым парадкам. Таму дзеянні чалавека ўспрымаюцца ім у якасці «сваіх», асабістых, незалежна ад права, хоць на самай справе яны ў значнай меры дэтэрмініраваны тым парадкам рэчаў, якія створаны правам.

Прыведзене далей цікавае сацыялагічнае даследаванне захоўвае актуальнасць і рэпрэзентатыўнасць і ў наш час. Згодна з яго вынікамі, разуменне права звычайнымі грамадзянамі, якое было прадэманстравана ў выніку анкетных апытаў, праяўляеца

ў асноўным толькі ў канфліктных абставінах, пры «сутыкненні з законам», а не ў рэгуляванні большасці грамадскіх адносін у іх паўсядзенным жыцці [3, с. 21].

Такім чынам, пад тэрмінам «рэчаіснасць права» правільна разумець такое паўсядзеннае жыцце людзей, іх адносіны, якія не рэфлексуюцца як уласна юрыдычныя. Іх удзельнікі сваёй кагнітыўна арганізаванай дзеянасцю канструуюцца адпаведныя грамадскія адносіны, каб было магчыма рэалізаваць уласныя патрэбы і інтарэсы. Тыпізацыя найбольш рацыянальных варыянтаў паводзін і іх далейшая трансфармацыя ў звычай з'яўляеца базісам для нармавання прававой речайснасці. Чалавек, які жыве ў ей, знаходзіцца «ў норме».

Недахопы тыпізацыі, збоі пры нармаванні прававой речайснасці робяць неабходным пераход да прававой рэальнасці. Адбываецца максімальная магчымая тыпізацыя, калі чалавек пераўтвараецца ў суб'екта, які прымае ўзел у грамадзянскіх адносінах дзеля аб'екта. Рэалізацыя патрэб і інтарэсаў трансфармуецца ў выкананне абавязкаў і карыстанне правамі. Тыпізацыя мае найбольшую ступень фармалізацыі і ўвасабляеца ў працэсуальныя формы.

Пераход ад прававой речайснасці да прававой рэальнасці звязаны з адпаведным пераходам прававой свядомасці чалавека ад яго паўсядзеннага жыцця, якое не патрабуе пастаяннай рэфлексіі і верыфікацыі, да юрыдычнай свядомасці. Прававая рэальнасць павінна падвяргацца праверцы на яе валіднасць, юрыдычную моц. Функцыянальныя параметры прававой свядомасці пры канструяванні прававой речайснасці накіраваны на адаптацыю чалавека да навакольнага асяроддзя, а пры канструяванні прававой рэальнасці – на рэалізацыю прававога статуса суб'екта.

Цікава, што аналагічным чынам адрозненне прававой речайснасці ад прававой рэальнасці адбывалася і ў айчыннай літаратуры па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. У прыватнасці, найвыдатнейшы заснавальнік канцэпцыі дзяржавы і права Беларусі Я. А. Юхі пісаў пра фармальнае раўнапраёе свабодных грамадзян, усталяванае нормамі звычаевага права (прававая рэальнасць – *I. Вяришок*), але пры гэтым адзначаў, што «ў практычным жыцці (прававой речайснасці – *I. Вяришок*) буйныя землеўласнікі дабіваліся для сабе пераваг у частцы заняцця пасад і ў прысваенні сябе некаторых даходаў» [4, с. 67]. Ці, напрыклад, ім было адзначана тое, што згодна са Статутамі ВКЛ працэсуальнае права было вельмі распрацаваным (дасканалая прававая рэальнасць), але на самай справе (у прававой речайснасці) выканаць судовае рашэнне супраць буйнога феадала было зусім немагчыма – «ен аказваў супраціўленне, зачыніўшыся ў сваім маентку або замку» [4, с. 126].

Такім чынам, дыферэнцыяцыя прававой речайснасці, абронтуваная ў дадзеным артыкуле, не толькі элімінует існуючыя прabelы гістарычных і тэарэтычных ведаў пра генэзіс і анталогію права. Яна яшчэ карысна для практыкі. Напрыклад, прававую речайснасць трэба адрозніваць ад прававой рэальнасці ў практыцы прававорчасці.

Магчымыя два варыянты такой дыферэнцыяцыі. Першы – калі прававая речайснасць папярэднічае прававой рэальнасці, заканадаўца ідзе па шляху другаснай прававорчасці, вывучае ўжо існуючае нармаванне грамадскіх адносін. У беларускай прававай сістэме так узаемадзейнічаюць речайснасць і рэальнасць права ў праекце Закона Рэспублікі Беларусь «О волонтерскай дзейнасці», які з 6 па 20 лістапада 2020 года праходзіў грамадскае абмеркаванне [5].

У сваю чаргу, прававая рэальнасць можа быць першаснай у адносінах да речайснасці, калі ўтвараюцца новыя, уласна юрыдычныя адносіны. Напрыклад, першаснай прававой рэальнасцю можна ахарактарызаваць некаторыя нормы апераджальнага прававога рэгулявання, замацаваныя ў Дэкрэце Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 8 ад 21 снежня 2017 г.»О развитии цифровой экономики».

У правапрымяняльнай практыцы працэдуры медыяцыі, міравога пагаднення існуюць у прававой речайснасці, а судовы працэс – гэта факт прававой рэальнасці.

Узровень тыпізацыі, функцыянальныя параметры прававой свядомасці ў іх адрозніваюцца, што павінна стаць прадметам далейшых даследаванняў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Матарас, В. Н. Проблема методологии в теории государства / В. Н. Матарас // Право. by. 2017. № 4 (48). С. 5-9.
2. Честнов, И. Л., Максимов, С. И., Ульмер-Байтеева М. В. Постклассическая онтология права / И. Л. Честнов, С. И. Максимов, М. В. Ульмер-Байтеева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 688 с.
3. Кудрявцев, Ю. В. Нормы права как социальная информация / Ю. В. Кудрявцев. – Москва: Юридическая литература, 1981. 144 с.
4. Юх, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юх. Мінск: Універсітэцкае, 1992. 270 с.
5. Обсуждение проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] / Правовой форум Беларуси. – Режим доступа : <https://forumpravo.by/forums/nra.aspx?forum=15&topic=15851>. Дата доступа 01. 02. 2021.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

C. С. Давыденко

доцент кафедры права и социальных наук Гомельского филиала образовательного учреждения Федерации профсоюзов Беларусь «Международный университет МИТСО», кандидат педагогических наук, доцент,
Гомельского филиала образовательного учреждения Федерации профсоюзов Беларусь «Международный университет МИТСО», пр. Октября, 46а, 246029, г. Гомель, Республика Беларусь,
dss_47@mail.ru

Тема взаимоотношений государства и религиозных конфессий, их правовое регулирование весьма актуальна. Ретроспективный взгляд на их взаимодействие даст возможность более объективно проанализировать современную ситуацию и в Республике Беларусь. Рассматривается также взаимодействие государственной власти и религиозных организаций, нормативно-правовая база, на основе которой осуществляется внутренняя политика, правовые механизмы регулирования государственно-конфессиональных отношений в системе государственной власти.

Ключевые слова: политика; религия; правовое регулирование.

STATE-CONFESIONAL RELATIONS AND THEIR LEGAL REGULATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

S. S. Davydenko

Associate Professor of the Department of Law and Social Sciences of the Gomel branch of the educational institution of the Federation of Trade Unions of Belarus "International University MITSO", Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Gomel branch of the educational institution of the Federation of Trade Unions of Belarus "International University MITSO", 46a, Oktyabrya Av., 246029, Homel, Republic of Belarus,
dss_47@mail.ru

Nowadays the topic of the relationship between the state and religious organizations, as well as their legal regulation remains very relevant. The article gives a retrospective view on the relations between the state and the church, as well as a modern analysis of these relationships. The mechanisms of interaction of the state with religious associations are explained. The legal status of the church in the system of the state power is examined. The characteristic of the normative legal acts is given, on the basis of which the internal policy of the Belarusian state is built in relation to religious organizations.

Key words: politics; religion; legal regulation.

С середины первого тысячелетия до новой эры появляются первые политические концепции, заложившие основы теоретических исследований политики. В Средние века источником власти считались божественные силы, а с течением времени проблемы политики, власти, государства, церкви были подняты на новый теоретический уровень. Попытка освобождения общественного сознания от засилья религиозных догм и власти церкви была предложена Н. Макиавелли, указавшего на светский характер государственной власти. В Новое время провозглашен авторитет науки над религией, но в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера в статьях «Религия» и «Христианство» говорится, что государство извлекает пользу из религии, поскольку она прививает «народу уважение к данным им законам», наиболее приемлемой для государства является христианская религия, которая связана с государственным строем, а Дж. Локк давал позитивную оценку роли религии в жизни общества. В эпоху Просвещения эта тема развивалась, и из сферы гуманитарных исследований перешла в сферу социальных, а затем и политических изысканий. Формируются различные подходы во взглядах на проблему государства и религии.

Научный подход к анализу религии сформирован с середины XIX века, когда религию стали рассматривать как одну из сторон общественной жизни, дающую образец поведения, формирующую в обществе систему ценностей, выполняющую в обществе определенные функции. Сторонники социологического подхода, объясняя феномен религии, считали, что она является источником формирования гражданственности и патриотизма, а Э. Дюркгейм рассматривал религию как фактор социальной интеграции общества, увидев в культовой деятельности конституирующее начало: религия готовит индивида к социальной жизни, тренирует послушание, укрепляет социальное единство, поддерживает традиции. Религия рассматривалась в качестве древнего социального феномена, из которого произошли все другие формы общественного сознания.

Вопрос о соотношении церкви, государства, религии, нации обсуждался русскими религиозными мыслителями конца XIX – XX века. В. Соловьев выступал с идеей всеединства: церковь, государство, общество, как и Н. Бердяев, придерживался мнения, что в основе должна быть идея внутреннего совершенствования человека, указывая, что государство должно быть «деятельно нравственным», подчинить себя религиозному началу.

Представители диалектико-материалистического подхода К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин рассматривали религию как временное, переходящее явление, которое исчезнет по мере развития свободы и самостоятельности человека, новые социальные отношения приведут к ее отмиранию. В основу идеологии советского государства был положен принцип атеизма, повлекший многочисленные проблемы, отразившиеся в 90-х гг. XX в. на взаимоотношениях конфессий и власти. Объявленная политика «перестройки» стала новым этапом во взаимоотношении государства и религии. Государство – это основной институт политической системы, регулирующий все сферы жизни общества, а также взаимодействие государства и церкви, имеющее многовековую историю.

Республика Беларусь обретя независимость, стала проводить самостоятельную государственно-конфессиональную политику, реформируя и совершенствуя ее конституционно-правовые основы. Был принят Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. № 2054-ХII. [3], регулировавший государственно-конфессиональные отношения в целях осуществления на всей территории страны принципов свободы совести и вероисповеданий, а также реализации права на пользование этой свободой.

Сфера государственно-конфессиональных отношений – это серьезный аспект во внутренней политике, а объединение усилий государства и религиозных организаций

могут способствовать духовно-нравственному оздоровлению общества. В 1994 г. принята Конституция Республики Беларусь, а в 1996 г. вносятся изменения на референдуме, закрепившие положения об отношении к конфессиям, гарантируя свободу мнений, убеждений и их свободное выражение, (ст. 31), (ст. 33) [5].

В Законе Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О свободе вероисповеданий и религиозных организациях”» принятом 17 января 1995 г. [4], отражены новые подходы к государственно-конфессиональным отношениям, соответствующие духу и сути обновления и демократизации белорусского общества. По мере общественных перемен появилась потребность принять новый закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» (2002 г.). Государство, как институт правопорядка и демократического развития общества, не может допускать разногласия и конфликты на конфессиональной почве. Государственные органы разработали более тщательно стратегии взаимоотношения с представителями различных религиозных организаций, где предусмотрены все механизмы построения взаимоотношений.

Таким образом, стал осуществляться постепенный процесс демократизации, где в центре внимания человек, его личность, стала совершенствоваться правовая платформа государственно-конфессиональных отношений. Л. Е. Земляков, исследуя механизмы государственно-правового регулирования религиозных процессов в Республике Беларусь, указывает на недопущение нарушения принципов свободы совести; отмечает положения, определяющие приоритеты государства и его функции в сфере государственно-конфессиональных взаимоотношений; установления, касающиеся создания, регистрации религиозных организаций, их прав и условий действия [7, с. 14]. А. А. Головко подчеркивает, что отношения между конфессиями и государством основываются не на их слиянии, поглощении одного другим, а на взаимоуважении и взаимопонимании друг друга [8, с. 42].

Государственные органы управления выстраивают отношения с религиозными организациями таким образом, чтобы гармоничное сочетание социальных, экономических, политических, правовых и нравственных аспектов способствовало становлению высокоразвитого правового демократического общества. В этой связи в 2003 г. принято Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью, которое стало важным шагом в этом направлении. Соглашение предусматривает баланс в правовой политике государства по отношению к другим конфессиям, что нашло отражение в ст. 4: «настоящее Соглашение заключается во имя общественного блага и не имеет целью ущемления в правах каких-либо конфессий или граждан» [9].

Действующее законодательство Республики Беларусь создает правовое поле, в котором религиозные организации могут полноценно действовать и развиваться, а гражданам гарантируются их конституционные права на свободу совести и вероисповедания – это главный принцип государственного правового взаимоотношения с различными религиозными организациями. Взаимоотношения государства и религиозных организаций выстраиваются по принципу согласительной системы, основой их является принцип социального партнерства. Согласительная система предусматривает заключение договоров и соглашений между религиозными организациями и государством, в результате чего обе стороны берут на себя определенные обязательства и получают определенные права. Установление открытой согласительной системы в государственно-церковных отношениях позволяет развивать контакты между церковью и государством в русле социального партнерства.

Правовая политика занимает важное место в государственном регулировании религиозных процессов, а взаимодействие экономической, политической, социальной и

духовной сфер свидетельствует о том, что в государстве предусмотрены все гарантии для развития индивида и общества в целом.

Многие белорусские ученые также обращаются к этой проблематике, ставшей серьезной темой для научных исследований. Исследуя проблему взаимодействия государства и религиозных конфессий Л. Е. Земляков [7], дал анализ государственно-церковных отношений, указав на огромную роль государства в сохранении этноконфессиональной стабильности в республике.

С. В. Решетников и Л. Е. Земляков рассматривая политico-правовые основы регулирования государственно-конфессиональных отношений в республике, отмечают, что современная динамика таких отношений опережает темпы правовой их регламентации, а это не позволяет в полной мере решать некоторые вопросы в правоприменительной практике.

Проблема отношений государства и церкви актуальна и значима в современном обществе. Религия экспертами рассматривается в качестве площадки для диалога: так Ю. Шевцов, директор Центра по проблемам европейской интеграции, считает, что белорусское государство активно использует основные конфессии - православие и католицизм - для диалога с обществом. Глава государства А. Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании отметил, что необходимо ...не нарушать религиозные чувства человека, не ранить его в сердце. Все верующие и лидеры различных религиозных организаций живут в этом государстве, на этой территории и необходимо находить диалог со всеми конфессиями, сохранить межконфессиональный мир и согласие, то чем мы всегда гордились.

Необходимо предотвращать религиозный экстремизм и противодействовать его появлению. Для этого необходимо объединять усилия государственных органов и религиозных организаций. В "Президент-отеле" в Минске, организован первый в республике форум, проведенный под эгидой Следственного комитета, на котором присутствовали представители всех конфессий, госорганов и организаций с целью ускорить процессы ресоциализации ранее осужденных лиц, и не допустить их деструктивного влияния на молодежь. Можно предположить, что объединение и скоординированность усилий Следственного комитета и различных религиозных организаций дадут ожидаемый результат, так как следователи ежедневно сталкиваясь с последствиями этих проблем, понимают важность поиска средств и методов помощи гражданам.

Таким образом, государственно-конфессиональные отношения в различной мере влияют на развитие всех сфер общества: политической, экономической, социальной. Построение правовых основ позволяет не допускать различного рода конфронтаций как со стороны государства, так и со стороны представителей различных конфессий, не допускает возможных проявлений религиозного экстремизма. Еще с древних времен различного рода верования были своего рода рычагами государственного управления. На протяжении тысячелетий проходила трансформация различных вероисповеданий, соприкасающихся, дополняющих друг друга, выстраивающих единый вектор как внешней, так и внутренней политики страны. Влияние конфессионального аспекта на политическую жизнь государств различно, но его присутствие в политических организациях и движениях не случайно. Наличие в государстве различных конфессий является качественной характеристикой общества, государственного строя, свидетельство способности государственного управления обеспечить демократические основы прав граждан, не допустить незаконное посягательство на убеждения верующих граждан. Это важнейший показатель развития демократичного правового и гуманистического общества. Исторический процесс и современность являются тому свидетельством.

Библиографические ссылки

1. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет Совета Народных Комиссаров от 23 янв. 1918 г. № 263 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://istmat.info/node/28408>. Дата доступа : 12. 11. 2018. 30
2. Давыденко, С. С. Политико-правовое обеспечение вероисповедной политики в Республике Беларусь / С. С. Давыденко // сб. материалов науч. конф. молодых ученых и аспирантов, 3 апр. 2003 г., Минск. Минск : РИВШ БГУ, 2003. С. 129.
3. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-XII [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1339.htm>. Дата доступа : 13. 11. 2018.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. 62 с.
5. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь от 31 окт. 2002 г. № 137-З [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.etalonline.by/Default.aspx?type=text&regnum=h10200137#load_text_none_3_2. Дата доступа : 17. 11. 2018.
6. Земляков, Л. Е. Государственно-правовое регулирование религиозных процессов в Республике Беларусь / Л. Е. Земляков // Проблемы конституционализма : сб. науч. тр. Минск, 2002. С. 14.
7. Головко, А. А. Взаимоотношения государства с церковью (новые подходы) / А. А. Головко // Проблемы конституционализма : сб. науч. тр. Минск, 2002. С. 42.
8. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью от 12 июня 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>. Дата доступа : 20. 01. 2018.

ТЕОРИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАВОВЕДЕНИИ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

И. А. Демидова

*заведующая кафедрой правовых дисциплин Могилевского института МВД,
кандидат юридических наук, доцент,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь, ул. Крупской, 67, 212011,
г. Могилев, Республика Беларусь,
demidova-irina00@mail.ru*

В статье представлен анализ научно-теоретических задач, решение которых призвано дать оценку состоянию теоретического юридического знания о феномене правовой культуры. Обосновано, что формирование теории правовой культуры в правоведении происходит в контексте междисциплинарного знания, а также правовой парадигмы. Обозначены этапы развития теории и актуальные направления современных правовых исследований.

Ключевые слова: правовая культура; интегративная теория; юридическое знание; правовая парадигма.

THE THEORY OF LEGAL CULTURE IN JURISPRUDENCE: STATUS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

I. A. Demidova

*Head of the Department of Legal Disciplines of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 67, Krupskaya Str., 212011, Mogilev, Republic of Belarus,
demidova-irina00@mail.ru*

The analysis of scientific-theoretical problems, the solution of which is designed to assess the state of theoretical legal knowledge of the phenomenon of legal culture, is presented in the article. It is grounded that the formation of legal culture theory in jurisprudence occurs in the context of interdisciplinary knowledge and legal paradigm. Stages of theory development and actual directions of modern legal researches are marked.

Keywords: legal culture; integrative theory; legal knowledge; legal paradigm.

Важнейшим индикатором развития науки, в том числе юридической, выступает теоретизация – создание теорий посредством формулирования законов развития объекта исследования. Оценка состояния теоретического юридического знания правовой культуры предполагает последовательное решение ряда научно-теоретических задач: 1) обозначение структурных компонентов, функциональной нагрузки и специфики теории правовой культуры; 2) определение базовых факторов формирования теории правовой культуры в правоведении; 3) установление актуальных направлений развития теоретического правового знания феномена правовой культуры.

Структурные компоненты и функциональная нагрузка теории правовой культуры. Принятие положения, что развитая теория воспроизводит объект посредством определенным образом структурированной совокупности элементов и их связей, позволяет определить ее состав в виде системы идеальных моделей (абстрактных конструктов), репрезентирующих исследуемую реальность – центральный элемент; набора понятий, отражающих данную реальность; законов, выражающих характер связей (корреляций) элементов модели; совокупности эмпирических фактов [5, с. 251–252]. Создание теории правовой культуры предстает в виде логического процесса, направленного, во-первых, на установление базовых характеристик правовой культуры посредством выделения соответствующих параметров и выражения их в системе логически связанных понятий; во-вторых, на выявление системных связей элементов правовой культуры; в-третьих, на нахождение законов функционирования и развития объекта исследования.

Оформившаяся теория призвана реализовывать совокупность функций. В их числе: синтетическая (объединение в единую целостную систему отдельных достоверных знаний); объяснительная (установление базовых характеристик, законов происхождения и развития изучаемого явления); методологическая (определение методов, способов и приемов исследовательской деятельности); предсказательная (научное предвидение о существовании неизвестных ранее фактов, связей между явлениями, развитии объекта и т. д.); практическая (воплощение в практику полученного теоретического знания) [2, с. 51–52]. Обозначенные функции в полной мере относятся к теории правовой культуры.

Специфика правовой культуры как объекта исследования в виде всей правовой культурной реальности обуславливает междисциплинарный характер ее знания, что определяет неизбежность наличия общей и частных теорий правовой культуры. Общее теоретическое знание правовой культуры должно интегрировать понимание правовой культуры с позиций философского, социологического, политологического, исторического, психологического, а также правового знания. Представляется, что построение интегративной теории правовой культуры достаточно далекая перспектива. Первым этапом на этом пути должно стать оформление частных теорий правовой культуры в рамках предметного поля отдельных наук. На постсоветском пространстве наибольший интерес к феномену правовой культуры проявляют российские ученые. На уровне докторских диссертаций правовая культура рассматривается в философском контексте такими учеными как Ю. Ю. Бугаенко (2012), В. А. Гуляихин (2006), Т. В. Муслумова (2004) и др., в политологическом – как О. В. Третьякова (2012) и др., социологическом – как Я. В. Зубова (2010), М. Б. Смоленский (2003) и др. Анализ диссертационных работ по проблематике правовой культуры приводит к выводу, что объектом исследований выступают общественные отношения, обусловленные различными аспектами правовой культуры – особенностями ее формирования и

функционирования, качеством правовой жизни, спецификой правовой политики государства и др. В свою очередь, правовая культура общества как социально-правовое явление в правовых исследованиях может характеризоваться посредством: установления качественных свойств, присущих данному объекту; характеристики ее внутреннего строения (структуры); определения функциональной нагрузки в целом правовой культуры, а также ее отдельных структурных элементов; выделения выраженных в большей или меньшей степени сравнительных свойств правовых культур различных обществ, категорий лиц; обозначения количественных величин; исследования истории становления и отношений к другим объектам и др. В этой связи возможны теоретическое правовое, сравнительное правовое, социальное правовое, историческое правовое виды правовых исследований.

Базовые факторы формирования теории правовой культуры в правоведении. Изучение правовой культуры в правоведении осуществляется в рамках правовой парадигмы, включающей основополагающие теории и понятия, общие язык и методологию внутри правовой общности. Принято считать, что начало разработки теоретической конструкции «правовая культура» в советской юридической науке связано с введением данного термина в научный оборот на рубеже 50-х–60-х гг. XX в. в трудах теоретиков права С. С. Алексеева и И. Е. Фарбера.

Период 60-90 гг. XX века характеризуется возникновением дисциплинарных научных школ – научных коллективов, занимающихся разработкой актуальных научных направлений, в том числе правовой культуры. В советской юридической науке проблематике правовой культуры посвящены научные труды Е. В. Аграновской, С. С. Алексеева, Н. М. Кейзерова, Е. А. Зорченко, Д. А. Керимова, Е. А. Лукашевой и др. При том что белорусскими учеными правовая культура в качестве самостоятельного объекта практически не исследуется, в данный исторический период происходит оформление национальной школы истории государства и права, создателем которой выступает И. А. Юхо, а также белорусской школы теории государства и права, где важная роль принадлежит С. Г. Дробязко, который впоследствии становится основателем научной школы «Правовое законодательство и способы его совершенствования».

Новый этап осмыслиения правовой культуры связан с коренными изменениями государственного строя, начавшимися в 90-х гг. XX века. Следует отметить докторские диссертации таких российских ученых как В. П. Сальников «Правовая культура: теоретико-методологический аспект» (1990), А. П. Семитко «Развитие правовой культуры как правовой прогресс» (1996) и др. При этом в зарубежной традиции в данный исторический период проблематика правовой культуры рассматривается в контексте права вообще либо прав и свобод человека. По сути, в данном случае теория правовой культуры «растворяется» в теории права либо отождествляется с теорией прав человека.

Актуальные направления развития теоретического правового знания феномена правовой культуры. Период к. 90-х гг. XX в. – н. XXI в. характеризуется расширением направлений научных изысканий правовой культуры и правового сознания, в том числе белорусскими авторами – кандидатские исследования Е. В. Борщевой (2000), И. Л. Вершок (2004), И. А. Демидовой (2011), Е. М. Ефременко (2004), А. А. Кебеца (1995), Е. В. Печинской (2003), Н. М. Юрашевич (2002) и др.

Новое «видение» правовой культуры обусловлено: признанием правовой культуры качественным показателем состояния правовой системы отдельных государств и важнейшим условием институциональных преобразований, что актуализирует задачу выделения общих черт и выявления особенностей правовой культуры отдельных обществ в условиях глобализации; обращением к изучению ментальных основ общественного правового сознания и правовой культуры; оценкой феномена духовности в правосознании и идеологии государства; наличием многообразных концепций

правовой культуры в соответствии с отличными методологическими подходами к ее изучению.

В современных политико-правовых реалиях универсальными закономерностями правовой культуры признаются: 1) формирование всемирной правовой культуры, что находит отражение в системе международного права; 2) повышение уровня правовой культуры по мере развития разновидных культур, общей культуры и иных культурологических факторов; 3) воздействие на состояние правовой культуры многообразных факторов, не только правовых, но и экономических, политических и др. [1, с. 457–458]; 4) признание значимости правовых законов, которые выступают отражением правовой идеологии, закрепляют исходные ценности процедурно-процессуального порядка, правовые институты, систему государственных органов, модели правомерного поведения и др. [3, с. 486–487]. Сохраняет свою актуальность позиция видного теоретика правовой культуры В. П. Сальникова в том, что «теория правовой культуры как форма концептуального осознания потребностей общества в правовом регулировании тех или иных сфер жизни может и должна являться идеино-теоретическим источником права» [4, с. 579]. В этой связи вопрос об официальной идеологии приобретает принципиальное значение в силу того что в данной форме происходит фиксация значимых для общества взглядов, ценностей, идеалов и норм. Это позволяет говорить об идеологической составляющей теории правовой культуры. При этом конечной целью построения теории правовой культуры выступает не только закрепление идеологических стандартов социальных отношений, но и получение возможности проектирования правового развития общества, опираясь на достоверные теоретические знания.

Так, современные правовые исследования правовой культуры позволяют представить ее в различных взаимосвязанных измерениях, не только традиционном для советской правовой науки политico-идеологическом, но и в цивилизационном и глобализационном аспектах, а также в нормативно-аксиологическом (посредством установления системы общественных ценностей, закрепленных в нормах права), технологическом (с акцентом на правовые отношения и соответственно, специфику правовой культуры различных социальных сфер и социальных групп населения) и возможных других, в том числе в историческом и в сравнительно-правовом.

Теория правовой культуры, формирование которой было положено в советской юридической науке, является результатом научных изысканий многих ученых, имеет свою историю развития. Теоретические наработки по правовой культуре приобретают инструментальный характер в силу того что позволяют обеспечить синтез знаний об исследуемом объекте; определить качественный уровень теоретического знания в данной сфере; обозначить направления дальнейшего продуктивного развития научных знаний в контексте общей правовой парадигмы, состояния самой теории, потребностей правовой и политической практики. Роль теории правовой культуры среди других теорий фундаментальной юридической науки определяется не только ее всеобъемлющим, интеграционным характером, так и особой социальной важностью, что обуславливает значимость прогностической и практической функций теоретического знания правовой культуры.

Библиографические ссылки

1. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. Минск, 2005. 464 с.
2. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / З. И. Комарова. Екатеринбург : Изд-во УрФУ 2012. 818 с. (электронная версия)

3. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1999. 520 с.
4. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М. : Юристъ, 1997. 672 с. К. Лукашевич. Минск : БГЭУ, 2009. 475 с.

О РАЗРАБОТКЕ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО АКТА

Е. А. Зорченко

*доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск,
Республика Беларусь,
lenkazor48@mail.ru*

Обосновывается целесообразность разработки концепции правового акта, что позволит: «очистить» систему законодательства от правовых актов, не являющихся нормативными правовыми; определить интерпретационные правовые акты как самостоятельный вид правовых актов; исключить локальные акты из системы правовых, поскольку они представляют результат формализации корпоративных норм.

Ключевые слова: правовой акт; нормативный правовой акт; правоприменительный (ненормативный) правовой акт; интерпретационный правовой акт.

ON THE DEVELOPMENT OF A SCIENTIFIC CONCEPT OF A LEGAL ACT

E. A. Zorchenko

*Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya Str., 220007, Minsk, Republic of Belarus,
lenkazor48@mail.ru*

The expediency of developing the concept of a legal act is substantiated, which will allow: «to cleanse» the system of legislation from legal acts that are not normative legal; to define interpretive legal acts as an independent type of legal acts; exclude local acts from the legal system, since they represent the result of the formalization of corporate norms.

Key words: legal act; normative legal act; law enforcement (non-normative) legal act; interpretive legal act.

Правовые акты сопровождают весь механизм правового регулирования общественных отношений, так результатом стадии правотворчества становится нормативный правовой акт, который определяет общие «правила игры» для всех субъектов права. В процесс реализации права включается правоприменительный акт, в котором общая норма права преломляется к особенностям правового статуса конкретного участника правоотношений, наконец, интерпретационный правовой акт позволяет устранить некоторые неясности, двусмысленность в тексте нормативного правового акта, связанные с нарушением правил юридической техники и порождающие недопустимые противоречия в правоприменительной практике.

Следует признать, что белорусский законодатель вполне эффективно работает над формированием концепции правового акта, в частности, Республика Беларусь первая на постсоветском пространстве приняла Закон «О нормативных правовых актах» еще в 2000 году. Тем самым законодатель определился в легализации основополагающих категорий, связанных с сущностью этого важнейшего источника права как системы романо-германского права, так и национальной правовой системы. Были также

сформулированы легальные понятия и других видов правовых актов, в частности, правовых актов, не относящихся к нормативным, а являющихся самостоятельным видом правовых – правоприменительных [6, ст. 3], актов официального толкования правовых норм, которые законодатель отнес к нормативным правовым [6, ст. 70]. Локальные акты определялись как нормативные правовые, действие которых ограничивается рамками одной или нескольких организаций [6, ст. 1].

Почти двадцатилетняя практика реализации данного Закона выявила проблемы в его реализации, которые законодатель попытался решить посредством принятия в 2018 году нового Закона «О нормативных правовых актах» [7]. Однако и в нем остались коллидирующие нормы, например, по поводу включения в систему законодательства правовых актов, не являющихся нормативными, но несущих признаки правовых, в частности, интерпретационных актов, или по поводу невнятной позиции относительно локальных актов, которые в одном случае обозначены как «локальные правовые» [7, ст. 1, ч. 2], а в другом случае выведены из системы законодательства и ненормативных (правоприменительных) правовых актов [7, ст. 5].

Думается, что эти и другие противоречия можно будет преодолеть посредством разработки научной концепции более широкой категории – «правовой акт», которая на основании только сущностных характеристик правового акта объединит его видовые составляющие. Данная научная концепция могла бы быть реализована в Кодексе или Законе о правовых актах, содержание которого не только поглотило бы содержание действующего Закона «О нормативных правовых актах», но и определило бы правовую природу других правовых актов, в частности официального толкования, а также не правовых, но сходных по нормативной сущности – корпоративных или локальных.

Потребность разработки концептуальных основ правового акта обусловлена тем, что все еще отсутствует научно обоснованная система критериев, позволяющая включить в данный институт официальные документы, характеризующиеся едиными сущностными признаками, а также формализуемые в единой правовой деятельности уполномоченных субъектов. Необходимым условием эффективного правового регулирования общественных отношений, которые можно и должно упорядочить посредством юридических норм, является, как точно отметила Здунова Д. И., формирование единого, непротиворечивого, доступного «информационно-правового пространства, состоящего из цельной иерархически соподчиненной системы правовых актов», которое существует в «системообразующих связях правовых актов между собой, их функционально содержательных взаимосвязях, … многообразных связях институтов, норм права и других положений, содержащих в правовых актах» [2, с. 5], а также во взаимодействии процедур их подготовки, принятия и реализации, сходстве средств, методов, приемов юридической техники в оформлении и изложении нормативного материала в каждом из них.

Следует признать, что уровень научной разработанности концепции правовых актов не отвечает запросам юридической практики и ведет к коллизиям в законодательстве, нарушению его иерархического построения, необходимости активного официального и профессионального толкования и разъяснения. Проблемы формирования концепции правового акта не стали приоритетными в юриспруденции, более того, законодатель уходит от его легального определения, как и от определения права, хотя в Законе «О нормативных актах» 2000-го года, право определялось как «система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений» [6, ст. 1], т. е. приводился вариант типичного позитивистского правопонимания с выраженной этической направленностью.

Анализ существующих научных определений понятия «правовой акт» позволяет уяснить его юридическую природу. Так, по мнению Семкина Д. С., правовой акт следует рассматривать как «волеизъявление управомоченного субъекта права, принятое и

оформленное в установленном порядке, содержащее в себе нормативные или индивидуально определенные предписания, направленные на регулирование общественных отношений и влекущие юридические последствия» [8, с. 6]. Более узкая и точная трактовка правового акта представлена в определении, данном Ковалевой В. В., которая обращает внимание, что систему правовых актов объединяет то, что они носят именно официальный характер, имеют документальную форму, исходят от уполномоченных субъектов правотворчества и осуществляют общее или индивидуальное регулирование [5, с. 16]. Очевидно, что круг субъектов, имеющих компетенции по принятию правовых актов, ограничен их властными, государственными полномочиями.

Система правовых актов, по мнению Долотовой Д. В., охватывает нормативные правовые, правоприменительные и правоинтерпретационные акты, причём данный перечень воспринимается большинством теоретиков права как базовый. Вместе с тем, Долотова Д. В. включает в систему правовых актов еще информационно-методические и организационно-распорядительные договоры [1, с. 8], хотя юридическая природа последних ею не выявлена. Определяя систему правовых актов, Ковалева В. В. полагает, что туда входят как нормативные правовые акты, так и нормативные договоры [5, с. 18], являющиеся двусторонним или многосторонним соглашением между субъектами правотворчества, в результате чего возникает новая норма права, ранее не содержащаяся в действующем законодательстве и не противоречащая ему. Хотя, исходя из постулатов теории права, фактически это два различных источника права, т. е. договор нормативного содержания не является особым видом нормативного правового акта, а самостоятельным источником права. Другое дело, что его имплементация в национальное законодательство осуществляется посредством нормативного правового акта о ратификации.

Закон «О нормативных правовых актах» зафиксировал существующий сегодня уровень развития юриспруденции и научного правосознания, сформулировав легальные определения нормативного правового акта [7, ст. 2, ч. 8] таких собираательных конструкций, как законодательство [7, ст. 3], законодательные акты [7, ст. 2, ч. 5], а также ненормативные правовые акты [7, ст. 4], локальные акты [7, ст. 5], акты официального толкования [7, ст. 69]. Однако среди основных терминов, используемых в Законе, как уже отмечалось, отсутствуют легальные определения таких базовых институтов, как «правовой акт» и «право». Нельзя не признать, что законодатель, решая частные вопросы, т. е. определяя концепцию нормативного правового акта, предварительно не решил общую проблему – не сформировал теорию правового акта как конструкции, ориентирующуюся на единство сущностных характеристик его видовых составляющих. Такой метод научного познания, как индукция, предполагающий исследование объекта «от частного к общему», в данном случае непродуктивен.

Таким образом, активизация аналитической работы законодателя и научной общественности по разработке концепции правового акта как комплексного собираательного понятия позволит решить ряд практических проблем, связанных с совершенствованием механизма правового регулирования и системы законодательства, в частности:

– сформировать целостную систему законодательства, «очищенную» от правовых актов, не являющихся нормативными правовыми;

– повысить вспомогательную «разъяснительную» функцию интерпретационных правовых актов не как вида нормативных правовых, а самостоятельного вида в системе правовых актов, для развития доступной пониманию субъектов, осуществляющих подзаконное нормотворчество и правоприменительную деятельность, системы законодательных актов, каждый из которых подвергается их неофициальному толкованию при реализации нормотворческих и правоприменительных компетенций [4];

– исключить из системы правовых актов локальные акты, которые представляют собой результат формализации не правовых, а корпоративных норм, т. е. являются самостоятельным социальным регулятором общественных отношений в рамках самоуправлений гражданского общества;

– определить юридическую сущность постановлений Пленума Верховного суда Республики Беларусь, которые направлены не на установление новых юридических норм, а дают возможность функционировать судебной системе как единой, ориентирующейся на официально растолкованное законодательство и анализ судебной правоприменительной практики. Включение их в законодательство нарушает его иерархическую сущность, а характеристика Верховного суда Республики Беларусь как правотворческого органа размывает его функциональное назначение в национальной правовой системе романо-германского типа.

Библиографические ссылки

1. Долотова, Д. В. Техника и технология правовых актов: на примере правовых актов, издаваемых в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / Д. В. Долотова ; Владимирский юрид. ин-т Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2012. 32 с.
2. Здунова, Д. И. Юридическая сила правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / Д. И. Здунова; Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 24 с.
3. Зорченко, Е. А. Нормативная природа локальных актов как формализованных социальных корпоративных норм / Е. А. Зорченко // Проблемы упр. 2020. № 3(77). С. 115–123.
4. Зорченко, Е. А. Правовая сущность интерпретационных актов / Е. А. Зорченко // Проблемы упр. 2019. № 5. С. 93–99.
5. Ковалева, В. В. Нормативные правовые акты в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / В. В. Ковалева; Московская гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. М., 2009. 26 с.
6. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 10 июля 2000 г. № 361-З. утратил юридическую силу с 1 февр. 2019 г.
7. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З. Минск: Наци. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. 160 с.
8. Семкин, Д. С. Судебные акты в системе правовых актов современной России: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 01 / Д. С. Семкин ; Саратовский юрид. ин-т МВД России. Саратов, 2008. 29 с.

ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ТИПА ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

Д. А. Лагун

доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, lagunda@list.ru

В статье исследуются проблема легального определения права, изучаются вопросы типа правопонимания и способов его закрепления в национальном законодательстве, что должно стать основой стратегического развития правовой системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: правопонимание; законодательство; правовая система; государство.

THE LEGAL UNDERSTANDING TYPE REFLECTION IN THE NATIONAL LEGISLATION AS A BASIS FOR STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE LEGAL SYSTEM OF THE STATE

D. A. Lagun

*Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
lagunda@list.ru*

The article examines the problem of the legal definition of right, studies the issues of the type of legal understanding and methods of its consolidation in national legislation, which should become the basis for the strategic development of the legal system of the Republic of Belarus.

Key words: legal understanding; legislation; legal system; state.

Легальные дефиниции выступают важнейшим инструментом юридической техники, посредством которого достигаются задачи надлежащего и качественного правового регулирования. Вместе с тем следует признать небезупречной практику легального дефинирования всех правовых и внеправовых понятий, употребляемых в законодательстве. Общеобязательность как составляющий признак определения, закрепленного в законодательстве, препятствует правильному пониманию сложных философских феноменов, многоаспектных явлений, дискуссионных понятий, что способно повлечь искажение их содержания, умаление их комплексной природы, поверхностность суждений об истинных их признаках.

В качестве примера такой нерациональной легальной дефиниции можно назвать определение права, приведенное в ранее действовавшем и утратившем с 01. 02. 2019г. силу Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 года №361 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) [7]: «право – система общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений». Такой односторонний, сугубо позитивистский подход в определении данного сложного социального явления серьезным образом ограничил сущность понимания права на официальном, государственном уровне, сузил его значение, низвел до уровня законодательства.

Представляется оправданным отказ от легальной дефиниции права в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 года №130-З «О нормативных правовых актах» [6], тем более, что ранее закрепленное исключительно позитивистское понимание в определенной степени противоречило Конституции Республики Беларусь, заложившей основы плюралистического подхода к правопониманию, не придавая ни одному типу правопонимания исключительного характера.

Полагаем, что формулирование определения права должно выступать главнейшей задачей юридической доктрины, которая за рамками последней не должна решаться. Законодательное закрепление конкретного определения права, в этом смысле, имеет больше негативных последствий, чем позитивных, чего в будущем следует избегать.

Вместе с тем, очевидное отрицание полезности легального определения права не исключает законодательной фиксации правовых идей и принципов, относящихся к различным типам правопонимания на неисключительной (неприоритетной) основе, которая позволяет сформулировать правовую идеологию государства и задать вектор стратегического развития национальной правовой системы.

В свете сказанного представляет серьезный интерес вопрос об отражении в национальном законодательстве различных типов правопонимания.

Базовым документом, определяющим исходные идеи и принципы, свойственные различным типам правопонимания, безусловно, выступает Конституция Республики Беларусь [4]. Применительно к теме исследования имеют важное значение положения Основного Закона, закрепляющие следующие типы правопонимания:

1) философский (естественно-правовой) тип, о котором свидетельствуют:

- ст. 2 Конституции: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства»;

- ст. 7 Конституции: «В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права»;

2) исторический тип, о котором свидетельствует ст. 3 Конституции: «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией»;

3) социологический тип, о котором свидетельствуют:

- преамбула Конституции: «Мы, народ Республики Беларусь (Беларуси) ... принимаем настоящую Конституцию – Основной Закон Республики Беларусь»;

- ст. 37 Конституции: «граждане Республики Беларусь имеют право участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей»;

- ст. 73 Конституции: «для решения важнейших вопросов государственной и общественной жизни могут проводиться республиканские и местные референдумы»;

- ст. 120 Конституции: «местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы в пределах компетенции решают вопросы местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории»;

4) позитивистский тип, о котором свидетельствуют:

- ст. 14 Конституции: «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов»;

- ст. 22 Конституции: «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов»;

- ст. 52 Конституции: «каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать ее Конституцию, законы и уважать национальные традиции»;

- ст. 58 Конституции: «никто не может быть принужден к исполнению обязанностей, не предусмотренных Конституцией Республики Беларусь и ее законами, либо к отказу от своих прав»;

5) нормативистский тип, о котором свидетельствуют:

- ст. 137 Конституции: «Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь»;

- ст. 8 Конституции: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства».

Различные типы правопонимания находят свое дальнейшее воплощение в источниках права международного и национального уровней.

В международно-правовых актах превалирует естественно-правовое правопонимание, что обусловлено заложением основ современного миропорядка на идеях признания, гарантирования и защиты естественных, природенных, неотъемлемых и неотчуждаемых прав человека, зафиксированных, в первую очередь, во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года [1].

На уровне национальных законодательных актов, по-прежнему, сохраняется доминирование позитивистского правопонимания, что отражается в легально

закрепленных принципах: равенства граждан перед законом (ч. 3 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь [10], п. 1. 3 ст. 2 Налогового кодекса Республики Беларусь [5], ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2], ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [3], ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [9]); общеобязательности законов (п. 1. 2. ст. 2 Налогового кодекса Республики Беларусь [5], ст. 21 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [3]); государственной защиты нарушенных прав, в том числе судебной защите (ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2], п. 3 ст. 2 Трудового кодекса Республики Беларусь [8], ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [3], ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [9]), осуществления правосудия только судом (ст. 9 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [3], ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [9]) и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь законодательно избран плюралистический подход к правопониманию, что подчеркивает сложность, многоаспектность, вариативность проявления сущности права в жизни социума. Можно также отметить наличие элементарной иерархии в типах правопонимания: приоритетное значение отдается философскому (естественно-правовому) типу, поскольку именно права человека (т. е. естественные права) признаются высшей ценностью для государства, право как социальный регулятор получает верховенство.

Иные типы правопонимания включаются в сферу интересов законодателя, приобретают вторичное значение и, в дальнейшем, отражаются, в большей или меньшей мере, в законодательстве государства. Из типов правопонимания вторичного уровня в силу исторической обусловленности (историко-формационного подхода к сущности права, доминировавшего в советской юридической науке и советском законодательстве) наиболее распространено позитивистское правопонимание как наиболее формализованное, проще воспринимаемое, легче адаптируемое для нужд государства.

Библиографические ссылки

1. Всеобщей декларации прав человека [Электронный ресурс] : Декларация от 10 декабря 1948 года // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-3: принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 1999 г. № 238-3 : принят Палатой Представителей 10 декабря 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятymi на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
5. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 декабря 2002 г. № 166-3 (с изменениями и дополнениями) : принят Палатой Представителей 15 ноября 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 декабря 2002 г. // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
6. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
7. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 января 2000 года №361 (с изменениями и дополнениями) // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

8. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой Представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Эталон. банк данных правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З (с изменениями и дополнениями) : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. // Эталон. банк данных правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями) : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // Эталон. банк данных правовой информ. Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. В. Серегин

*кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета,
Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006, г. Ростов-на-Дону, Российская
Федерация,
andrei-seregin@rambler.ru*

В статье, рассматриваются теоретико-философские проблемы соотношения политики и юридической науки. Автор приходит к выводу, что юридическая наука может быть свободной от политического влияния исключительно в рамках трансцендентальной философии права. Вместе с тем, теория государства и права и отраслевые юридические науки по своей природе всегда будут вспомогательным механизмом воплощения возведённой в закон воли господствующего политического класса в конкретно исторический период развития государства и общества.

Ключевые слова: политика; юридическая наука; философия права; теория государства и права; отраслевые (эмпирические) юридические науки.

THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICS AND LEGAL SCIENCE

A. V. Seregin

*PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University,
Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia,
andrei-seregin@rambler.ru*

The article deals with the theoretical and philosophical problems of the relationship between politics and legal science. The author comes to the conclusion that legal science can be free from political influence only within the framework of the transcendental philosophy of law. At the same time, the theory of state and law and branch legal sciences by their nature will always be an auxiliary mechanism for the implementation of the will of the ruling political class raised to law in a specific historical period of the development of the state and society.

Keywords: politics; legal science; philosophy of law; theory of state and law; branch (empirical) legal sciences.

Политическая деятельность рука об руку связана с борьбой за влияние на общество посредством захвата или легального получения государственной власти, удержания её и осуществления с помощью публичного аппарата принуждения воли правящего слоя в жизнь.

Политическая власть позволяет контролировать распределение ограниченных ресурсов среди разных социальных групп населения конкретного государства. Кредо политики - целесообразность сиюминутной выгоды отдельного исторического момента. Поэтому для сохранения власти, властивущие зачастую используют обман подвластных (дезинформацию), идеологическое убеждение, а иногда и силовое принуждение.

Пока «глубокие мировоззренческие представления, затрагивающие право не утвердились в обществе» [1, с. 13] - политическая власть не нуждается в истине, напротив, она стремиться к подавлению непокорных, введению в заблуждение думающих и ликвидации сопротивляющихся конкурентов.»Правители, принимающие право за служанку, рано или поздно уходят, оставляя за собой лишь бумажную шелуху мёртвых законов» [3, с. 6]. Но под этой шелухой остаются могилы людей, их благородных чувств и идей.

Научное знание трансцендентально по отношению к страстям государственного управления. Главная задача науки – это служение мудрости и поиск истины [4, с. 5], раскрывающийся в понимании нерушимых законов вселенского бытия, как в материально-воспринимаемом мире, так и в сфере идеальных сущностей рационального познания духовно-нравственных ценностей (эйдосов) высшего блага. Говоря словами гениального Г. Гегеля, философы руководствуются формулой: «что разумно, то действительно», а политики предпочитают тезис: «что действительно, то разумно» [2, с. 15].

Юридическая наука по своей природе имеет троичную структуру.

Первоисточник юридических ценностей исследуется философией права, изучающей первичные, во многом интуитивные, идеи справедливости, чести и долга [6, с. 479]. Не стоит забывать, что «право есть прежде всего явление духа, а потому в определённой мере представляет собой и психическое явление» [11, с. 15], происходящее из тайных глубин человеческого самосознания.

Философия права вне политики, она принадлежит извечной мудрости человеческого познания окружающего мира. Заниматься проблемами философско-правового характера по настоящему могут лишь философы, презревшие почести, гедонизм и желание властвовать над другими людьми [5, с. 163]. Путеводная звезда мудрости всегда сверкает светом торжествующей правды, справедливого правосудия и благого законодательства.

Философы права или софикраты – это жрецы светского правопорядка секулярной эпохи [9, с. 7], которые одновременно являются хранителями высшей юридической мудрости и учителями политиков, государственных служащих и юристов практиков. Следовательно, в рамках философско-правового познания софикраты обязаны изучать юридическую телеологию философского мировоззрения; духовно-нравственную теорию правовой культуры; юридическую футурологию и методологию права.

Политика как искусство управления государством, получения и удержания публичного господства над обществом перманентно нуждается в праве, ибо последнее выступает общепризнанной мерой достойного социального поведения [7, с. 86]. Политическая деятельность немыслима без понятия законности. Политики это стратеги и тактики политической борьбы как внутри государства, так и на международной арене. Им как воздух необходимо знание теории государства и права, содержащей знания об общих закономерностях развития таких общественных феноменов как государства, право и государственно-правовые явления.

Более того, политикам следует постигать причинно-следственные связи общей теории управления и юридической глобалистики [10, с. 5 - 31].

Кроме того, для воспитания патриотической политической элиты России и других братских славянских государств, например, Белоруссии - важно исследовать проблемы юридической славистики [8, с. 35 - 41].

Для решения повседневных человеческих конфликтов, проблем и задач структурируются отраслевые (эмпирические) юридические знания (конституционного, административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального права и т. д.). Современное развитие отечественной юридической науки архи нуждается в компаративистских (сравнительно-правовых) исследованиях каждой отрасли права.

Таким образом, можно сделать вывод, что юридическая наука полностью не подчинена политики, хотя и теснейшим образом связана с ней на низшем эмпирико-отраслевом и среднем теоретическом уровне. Сферой запредельной юридической науки для политического влияния является философия права, занимающаяся исследованием трансцендентальных духовно-нравственных ценностей (эйдосов) права, как искусства о мудром, добром, честном, благом и справедливом.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху / С. С. Алексеев. М. : Издательство НОРМА, 1998. 416 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель // Сочинения. Т. VII. М., Л. : СОЦЭКИЗ, 1934. 380 с.
3. Зорькин, В. Д. Право против хаоса: монография / В. Д. Зорькин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2018. 368 с.
4. Иванников, И. А. История и методология юридической науки: учебник для магистрантов / И. А. Иванников. М. : Юрлитинформ, 2015. 144 с.
5. Колесников, Ю. А. Философско-правовые идеи Пифагора Самосского / Ю. А. Колесников, А. В. Серегин, Т. С. Яценко // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 162 – 166.
6. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий; [сост., автор вступ. ст. и comment. А. Н. Медушевский.] М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 800 с.
7. Серегин, А. В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре: монография / А. В. Серегин. М. : Юрлитинформ, 2016. 336 с.
8. Серегин, А. В. Идеология славянского единства и философские проблемы юридической славистики в современном мире / А. В. Серегин // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2 (19). С. 35 – 41.
9. Серегин, А. В. История государства и права зарубежных стран в эпохи просвещённого секуляризма и социальной солидарности: XVI – XX вв. Учебник / А. В. Серегин, М. А. Черкасова. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2020. 331 с.
10. Сорокин, В. В. Юридическая глобалистика: учебник / В. В. Сорокин. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 916 с.
11. Сорокин, В. В. Правовая психология: вопросы общей теории права: Монография / В. В. Сорокин. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 355 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. В. Чолахян

*доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская
область, Российская Федерация,
arsen.cholakyan@yandex.ru*

В статье рассматриваются глобализация как многоплановый и макромасштабный процесс, способствующий трансформации национальных правовых систем. Правовая интеграция правовых систем государств на базе общих правовых принципов, целей и средств правового регулирования позволяет создать разного рода союзы, альянсы, объединения стран.

Ключевые слова: глобализация; правовая интеграция; трансформация правовых систем.

TRANSFORMATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS IN MODERN CONDITIONS

A. V. Chalakhyan

*Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Saratov State Academy of Law, 104, Chernyshevksogo Str., 410056, Saratov, Russia
arsen.cholakhyan@yandex.ru*

The article considers globalization as a multidimensional and macroscale process that contributes to the transformation of national legal systems. The legal integration of the legal systems of states on the basis of common legal principles, goals and means of legal regulation allows creating various kinds of unions, alliances, and associations of countries.

Keywords: globalization; legal integration; transformation of legal systems.

Характерной тенденцией мирового развития в XXI в. по праву считается глобализация. В условиях стремительно развивающихся информационных технологий и интеграционных потоков актуальным становится исследование данного явления как всемирного процесса взаимодействия государств в различных сферах жизнедеятельности, в том числе правовой.

Несмотря на широкое употребление слова «глобализация», понятие это находится лишь на начальной стадии изучения. Даже самому термину придаётся далеко неоднозначное значение. Одни учёные считают процессы глобализации стихийными, другие – направленными, третьи предполагают сочетание обеих тенденций. Среди них есть как сторонники идеологии глобализма, считающие его явлением исключительно позитивным, так и критики такого подхода.

По определению Международного валютного фонда (МВФ) глобализация – это «в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов» [1, с. 9]. Чаще всего под глобализацией понимают втягивание большей части человечества в единую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств телекоммуникаций и информационных технологий [2].

Глобализация – это многоплановый и макромасштабный процесс, охватывающий все стороны жизни общества и потому подлежащий исследованию многими отраслями науки, в том числе юриспруденцией. Каждая из них изучает свою область и вместе с тем учитывает общие закономерности и достижения других отраслей знания. Глобализация «представляет собой всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические, политические и иные образования в единую мировую общественную систему» [3, с. 73].

В связи с глобальными угрозами складывается и глобальная солидарность различных стран и народов, ибо в одиночку с этими вызовами и угрозами не справиться. Угрозы, опасности толкают людей к единству, кооперации, объединению усилий. Это объективная тенденция.

Процессы глобализации довольно четко проявляют себя и в правовой сфере, затрагивая как юридические системы национальных государств, так и международное право. В этой связи ученые указывают на интенсификацию процессов взаимодействия (интернационализации, конвергенции, рецепции, аккумуляции и т. п.) между различными правовыми системами мира. Эти проблемы активно обсуждаются [4].

Следует обратить внимание на то, что глобализация – это двоякий процесс. Многими исследователями отмечается тот факт, что глобализация носит противоречивый характер. Ей присущи как положительные, так и отрицательные

свойства. Глобальная интеграция, универсализм сопровождаются местничеством, национализмом, сепаратизмом. Блага глобализации становятся всё менее доступными для большинства людей в мире. Растёт разрыв в уровнях экономического и социального развития между передовыми и развивающимися странами [5].

На наш взгляд, задача состоит в том, чтобы максимально использовать все плюсы от глобализационных процессов и одновременно свести к минимуму её отрицательные последствия. Глобализация ведёт к интенсификации взаимодействия государств, к углублению их взаимозависимости и сотрудничеству.

15-16 января 2007 г. в Мадриде состоялся первый Форум «Альянса цивилизаций». Некоторые страны, включая Россию, уже не раз ставили вопрос о необходимости начать межцивилизационный диалог. Идея была поддержана ООН и нашла воплощение в принятой Генассамблеей «Глобальной повестки для диалога между цивилизациями». Россия заявила на Форуме, что ей есть чем поделиться с зарубежными партнерами, наш опыт и наш ресурс востребованы, а мы сами открыты для идей и рекомендаций.

В литературе справедливо отмечается, что «политические и правовые системы планеты по мере эволюции человеческой цивилизации стремительно меняются. В современных условиях сложились предпосылки для очередной их трансформации. Мир переживает период беспрецедентных преобразований в своём движении к глобальному обществу, для которого сознание людей, по-видимому, ещё не созрело» [6, с. 3].

Интересы России непосредственно связаны с такими современными тенденциями мирового развития, как усиление роли международных институтов и механизмов (ООН, МВФ, Совет Европы, ОБСЕ и др.), развитие региональной и субрегиональной интеграции в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Африке и Латинской Америке. Интеграционные объединения приобретают всё большее значение, становятся существенным фактором укрепления безопасности и миротворчества [7, с. 218].

Всё это свидетельствует о том, что нарождается новый мировой порядок с его обновляющейся международно-правовой основой. Как справедливо отмечается в литературе, пока продолжаются дискуссии о перспективах глобализации, она стала свершившимся фактом. Вопрос сегодня заключается не в том, надо ли включаться в глобальный мир или нет, а в том, как это следует сделать. Научно-техническая революция не только интегрировала экономику, политику и право, но и требует интеграции государств [8, 74].

Таким образом, в настоящее время одной из наиболее ярких тенденций развития мирового сообщества выступает глобализация, оказывающая существенное воздействие на все аспекты содержания международной интеграции РФ, в том числе правовой.

Правовая интеграция, по мнению С. А. Киреевой, «это объединение правовых систем государств на базе общих правовых принципов, целей, стандартов, методов и средств правового регулирования в консолидированную, в той или иной мере, правовую систему» [9, с. 35]. Единое же правовое пространство автор определяет как «ареал распространения правовой политики государства, межгосударственных объединений, а также один из её результатов» [10]. С этими дефинициями в целом можно согласиться.

Положение России в современном мире, особенности её статуса в международных организациях, проблемы, связанные с национальной безопасностью, можно уяснить лишь в контексте указанных проблем и процессов. При этом глобальная трансформация мира открывает перед человечеством как невиданные ранее возможности для процветания, так и несёт с собой новые вызовы и угрозы [11, с. 14].

Глобализационные процессы затрагивают сегодня фактически все сферы жизнедеятельности российского общества. Они прямо или опосредованно воздействуют на культуру, экономику, политику, мораль, право. Научно-техническая революция требует интеграции всех государств. Эти вопросы обретают важнейшее значение для будущего всей цивилизации.

Специфика данных процессов в правовой сфере состоит в том, что они проявляются и прослеживаются в той или иной степени во всех структурных частях юридической системы страны, во всех её компонентах. Речь идёт в первую очередь о нормативной правовой базе, а также о системе источников права и их соотношении [12, с. 3,5]. Правовые системы меняются в связи с более активным проникновением в их структуры международно-правовых норм, а также норм межгосударственных объединений (европейское право, Модельные кодексы стран СНГ) [13, с. 68]. На основе этих процессов, тенденций, интересов создаются разного рода союзы, альянсы, объединения стран, как в отдельных регионах, так и в глобальном масштабе.

Однако правовая глобализация отражает не только пространственно-временные, количественные, но и качественные характеристики: а) интернационализации правовых начал, целей; б) нарастание общего в нормативно-правовой жизни людей, тенденции юридизации, точнее – правового нормирования основных сфер социальной действительности в условиях перехода к ценностям плюралистической демократии; в) утверждение во всемирном масштабе достижений индустриального общества и постепенного «врастания» национальных социально-политических и правовых систем в единую всемирную информационную систему; г) международное сотрудничество в космической сфере; д) объединение усилий различных государств в борьбе с современными вызовами и угрозами.

Одной из наиболее актуальных задач российской интеграционной политики выступает формирование единых правовых пространств в рамках СНГ. Отношения со странами СНГ имеют ключевое значение для обеспечения национальных интересов России, которая остается главной консолидирующей и объединяющей силой на данном пространстве. У нее общие со странами Содружества история, традиции, русский язык, личные связи населения, культура. Россия всегда играла цивилизационную роль в этом регионе. Но до сих пор она не сумела в полной мере воспользоваться этими преимуществами.

Необходимо отметить ведущую роль России в разработке и принятии различных модельных кодексов, имеющих своей целью постепенное создание единого правового пространства на территории бывших соц. республик. Ещё в феврале 2004 г. Государственная Дума РФ единодушно одобрила масштабную Программу создания так называемых "модельных" (рамочных) законов для всех стран СНГ.

Эта Программа была разработана в недрах Межпарламентской ассамблеи (МПА), председателем которой стал С. Миронов. В одном из интервью он отметил, что в Программе указаны конкретные юридические документы, которые предлагается принять всем государствам СНГ. Среди них закон об экологической безопасности, конвенция о приграничном сотрудничестве, образовательный кодекс, закон о борьбе с терроризмом, закон о государственном финансовом контроле [14].

Следует обратить внимание, что сама идея унификации некоторых важнейших законодательных актов воспринимается в государствах СНГ положительно. Все законопроекты упомянутой программы направляются в парламенты Содружества Независимых Государств. Налаживание дружественных, добрососедских и взаимовыгодных отношений со странами СНГ является важнейшим приоритетом российской внешней политики.

Особую роль в рамках СНГ играет такая структура, как «Организация Договора о коллективной безопасности» (ОДКБ), которая, кстати, заняла единую, консолидирующую позицию по поводу грузино-югоосетинского конфликта и полностью поддержала Россию и ее действия в этом остром конфликте.

Современная юридическая картина мира отражает общую геополитическую обстановку в этом мире, те процессы, которые в нем происходят – экономические, политические, стратегические, идеологические, культурные, национальные,

оборонительные, т. е. связанные с обеспечением безопасности государств; коммерческие, финансовые и т. д.

Библиографические ссылки

1. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. 243 с.
2. См. Вебер А. Б. Неолиберальная глобализация и её оппоненты // Полития. 2002. № 2. С. 22; см. также: Лукашук И. И. Глобализация, государство, право: XXI век. М., 2002.
3. Рожков К., Рыбалкин В. Глобализация как вызов национальной экономике: Реплика на «Гостиный двор» в журнале «Международная жизнь» // Международная жизнь. 2001. №1. С. 73.
4. Правовая система России в условиях глобализации. Материалы «круглого стола». М., 2005; Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика /Под ред. С. В. Полениной и Е. В. Скурко. Институт гос-ва и права РАН. М., 2006.
5. Делокаров К. Х. Глобализация как социокультурный феномен // Безопасность Евразии. 2004. №1. С. 234; см. также: Филонова Л. Г. Глобализация: от настоящего к будущему // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2004. № 1. С. 18; Забелин С. Глобализация – российский аспект // Государственная служба. 2004. № 5; Клубов А. В. Глобализация социально-экономической жизни: история и современность // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2005. №1. С. 137.
6. Ударцев С. Ф. О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права. Караганда. 2004. С. 3.
7. Концепция внешней политики РФ // Рос. газета. 2000. 11 июня; см. также: Глобализация – объективный фактор развития современного мира // Безопасность Евразии. 2004. №1.
8. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / Под ред. Матузова Н. И. Саратов, 2004. 280 с.
9. Киреева С. А. Некоторые аспекты правовой политики РФ в сфере реализации функции межгосударственной интеграции // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 3.
10. Киреева С. А. Функция межгосударственной интеграции РФ: пространственно-временной аспект. Саратов. 2006. С. 103; см. также: Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6; Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. 1999. № 8. Барциц И. Н. Правовое пространство: основные признаки и закономерности развития // Журнал российского права. 2000. № 5 - 6.
11. Крылова И. Россия в условиях глобализации // Диалог. 2004. № 7.
12. Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. 2004. № 3.
13. Киреева С. А. Функция межгосударственной интеграции РФ: пространственно-временной аспект / Под ред. Матузова Н. И. Саратов, 2006. 310 с.
14. Российская газета. 2004. 11 февраля.

МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ В ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

С. В. Шошин

доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, профессор Приволжского кооперативного института (филиала) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центрального союза Российской Федерации «Российский университет кооперации»; докторант философского факультета Карлова Университета (Прага); докторант Университета Сапиенца (Рим); аспирант очной формы обучения филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012, г. Саратов, Саратовская область, Российской Федерации, serguei8@mail.ru

Категории морали и нравственности не всегда находились в статичном состоянии. Теория права и государства нередко обращается к морали и нравственности. История человечества сильно влияет на формирование актуальных значений морали и нравственности. Например, "Моральный кодекс строителя коммунизма" - давно стал достоянием мировой истории.

Ключевые слова: мораль; нравственность; теория права и государства.

MORALITY AND ETHICS IN THE THEORY OF LAW AND STATE

S. V. Shoshin

Associate Professor of the Department of Criminal, Environmental Law and Criminology, Saratov National Research State University named after M. G. Chernyshevsky, professor of the Volga Cooperative Institute, doctoral student at the Faculty of Philosophy, Charles University (Prague); doctoral student at the University of Sapienza (Rome); full-time postgraduate student at the Faculty of Philology, St. Petersburg State University,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Saratov National Research State University named after V. I. M. G. Chernyshevsky, 83, Atrakhanskaya Str.,
410012, Saratov, Russia
serguei8@mail.ru*

The categories of morality and ethics were not always in a static state. The theory of law and the state often refers to morality and ethics. The history of mankind strongly influences the formation of the actual values of morality and ethics. For example, the "Moral Code of the Builder of Communism" has long become the property of world history.

Keywords: morality; ethics; theory of law and state

Тема морали и нравственности в теории права и государства уже на протяжении многих лет привлекает внимание многочисленных исследователей [1, с. 20]; [2, с. 17]; [3, с. 9]. На протяжении многовековой истории человечества представления о надлежащей степени проявления морали и нравственности в поведении человека, соответствующем теории права и государства, неоднократно менялись. Мораль и нравственность периода лозунгов к построению коммунизма сегодня во многих государствах мира оказалась запрещенной. Например, в Украине коммунистический тоталитарный режим - осужден, а его пропаганда - запрещена [4, с. 1]. Похожая ситуация сегодня существует и в некоторых других государствах (Албания, Венгрия, Грузия и т. д.).

Тем не менее, в России, еще возможно встретить научные работы по ее исследованию, своеобразные памятники истории развития российской (еще "советской" по соответствующей временной классификации) морали и нравственности [5, с. 7]. Во многом поучительными сегодня могут быть слова Гурвича Г. С., опубликованные им в 1924 году (цитируются дословно): "В традиционном ряду, состоящем из права, нравственности, религии и нравов, на долю нравственности . . . выпало особо фальшивое положение" [6, с. 11]. Применительно к диагностике причин возникновения подобной "фальши" сегодня не особенно сложно построить полноценные модели их поиска.

Оригинальные результаты, в частности, получаются при исследовании проявлений морали и нравственности в теории права при движении к провозглашенному отдельными исследователями процессу построения правового государства в условиях сегодняшней России [7, с. 64]. Хотя, формально, ч. 1 ст. 1 действующей сегодня Конституции России определяет ее как правовое государство, до окончательного развития процесса реализации на практике данного термина еще далеко. Полноценный анализ исторического пути развития проявлений морали и нравственности, соотносимых с теорией права и государства, несомненно, заслуживает отдельного, значительно более углубленного исследования в новой работе.

Любопытный морально-нравственный аспект можно проследить при анализе используемых в современной российской практике наименований кафедр теории права: "кафедра теории государства и права" и "кафедра теории права и государства". Как

предполагается, на первое место, традиционно, ставится более значимый сегмент. Например, на юридическом факультете Карлова университета сегодня действует кафедра теории права и правоведения. В структуре юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского можно выделить кафедру теории государства и права. При этом в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», на юридическом факультете, имеется кафедра теории права и государства. Соответственно, в указанном сегменте общественной жизни еще имеется значительное пространство для дальнейшего развития. При организации процесса обучения подобным теоретическим постулатам сформулированное его инициаторами отношение к таким ценностям, как предполагается, способно оказать серьезное влияние и на сущность учебного процесса, и на результаты подобного обучения.

Проблемой сегодня является в России и повсеместное распространение интуитивной морали. Сейчас непросто рядовому представителю российского избирателя найти и ознакомиться с материально фиксированным перечнем требований морали и нравственности. «Моральный кодекс строителя коммунизма» - давно уже стал достоянием истории. Не призывая к его реанимированию, стоит рассмотреть вопрос об отсутствии четко очерченных траекторий национальной идеологической парадигмы, к которой сегодня стоит стремиться рядовому члену общества (или - избирателю, если такое определение больше устроит отдельных исследователей) [8, с. 87].

Сегодня морально-релевантные факторы, о которых говорил еще Петражицкий Л. И. [2, с. 112], не утратили своего значения. В целом ряде случаев сейчас они способны выполнить роль своеобразной лакмусовой бумаги, позволяющей оперативно и с высоким уровнем точности констатировать ценности, которых придерживается тот или иной субъект. За пределами нашего исследования, учитывая строго ограниченный его объем, остаются теологические сегменты, присущие в ряде случаев морали и нравственности, являющихся включенными в теорию права и государства [9, с. 43]. В целом ряде государств мира в современных условиях в основу теории права и государства положены религиозные ценности, например, это положение характерно для некоторых арабских государств. Соответственно, анализ морали и нравственности в теории исламского права способен дать разнонаправленные импульсы для развития в том числе и российского национального права. Иной вопрос здесь в том, что такому анализу сейчас уделяется, к сожалению, крайне скучное внимание.

С другой стороны, рекомендуется уточнить, что ряд авторов относит проявления атеизма к числу религиозного знания, например С. Ряховский [10, с. 1]. Поэтому указанный сегмент общественных отношений и сегодня заслуживает комплексного научного анализа. По результатам которого могут быть сделаны концептуальные, мировоззренческие выводы. В том числе и, возможно, влияющие на коррекцию идеологических компонентов, актуальных сегодня в конкретном государстве, в определенном обществе.

Библиографические ссылки

1. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / Л. И. Петражицкий. М. : Издательство Юрайт, 2020. 237 с. (Антология мысли). Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/452741> (дата обращения: 09. 03. 2021).
2. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 2 / Л. И. Петражицкий. М. : Издательство Юрайт, 2020. 343 с. (Антология мысли). Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/452759> (дата обращения: 09. 03. 2021).

3. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. М. : Издательство Юрайт, 2020. 352 с. (Антология мысли). Текст : электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/452586> (дата обращения: 09.03.2021).
4. Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки // Верховна Рада України: URL:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text> (дата обращения: 10. 03. 2021).
5. Макогон В. Д. Право и мораль в период строительства коммунизма [Текст] : (Специальность № 710. Теория и история государства и права): Автoreферат дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук / АН УССР. Совет Ин-та философии и Сектора государства и права. - Киев: [б. и.], 1967. Цит. по: URL:<https://search.rsl.ru/ru/record/01006394890> (дата обращения: 09.03.2021)
6. Гурвич Г. С. (1886-1964). Нравственность и право [Текст] / Г. С. Гурвич ; Социалистическая Академия, Секция права и государства. - М. : Тип.»Красная Печать», 1924. - 46 с. Цит. по: URL:<https://dlib.rsl.ru/01008567119> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Вестов Ф. А., Фаст О. Ф. Совершенствование отдельных институтов правового государства в целях экономического и социального благополучия в России // Основы экономики, управления и права. №1 (26). - Тольятти: Институт судебной строительно-технической экспертизы, 2021. - С. 64-68. Цит. по: DOI: 10. 51608/23058641_2021_1_64.
8. Шошин С. В. Неестественный монополизм и оперативно-розыскная деятельность: некоторые проблемы Российской специфики // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neestestvennyy-monopolizm-i-operativno-rozysknaya-deyatelnost-nekotorye-problemy-rossiyskoy-spetsifiki> (дата обращения: 10.03.2021).
9. Назаров В. Н. Теология морали в системе современного богословского знания // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. №2 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-morali-v-sisteme-sovremennoogo-bogoslovskogo-znaniya> (дата обращения: 10. 03. 2021).
10. Б. а. Атеисты тоже нуждаются в защите религиозных прав, заявил епископ // URL:<https://ria.ru/20201022/ateisty-1581058123.html> (дата обращения: 10.03.2021).

КЛАСІФІКАЦЫЯ І СІСТЭМАТИЗАЦЫЯ — МЕТАДЫ ПАЗНАННЯ ПРАВАВОЙ РЭЧАІСНАСЦІ І Х СУАДНОСІНЫ

В. Ю. Вячорка

старши выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржавнага ўніверсітэта,
Беларускі дзяржавны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
ve4erlaw@yahoo.com

Аўтар раскрывае паняцце сістэматызацыі як метаду пазнання прававой рэчаіснасці ў судносінах з класіфікацыяй. Вызначае лагічнае месца класіфікацыі і сістэматызацыі пры упрадкаванні нарматыўных масіваў, паслядоўнасць прымянянення іх у працэсе пазнання прававой рэчаіснасці. Вызначае задачы, якія вырашаюцца ў праве з дапамогай сістэматызацыі сумесна з класіфікацыяй.

Ключавыя слова: класіфікацыя; сістэматызацыя; сістэматызацыя права.

CLASSIFICATION AND SYSTEMATIZATION - METHODS OF KNOWLEDGE OF LEGAL REALITY AND THEIR RELATIONSHIP

V. Y. Viachorka

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
ve4erlaw@yahoo.com

The author reveals the concept of systematization as a method of knowledge of legal reality in relation to the classification. Determines the logical place of classification and systematization when ordering normative arrays, the sequence of their application in the process of cognition of legal reality. Defines the tasks to be solved in law with the help of systematization together with the classification.

Keywords: classification; systematization; systematization of law.

Навука ўяўляе сабой веды аб пэўнай сістэме матэрыяльных аб'ектаў, іх уласцівасцяў, сувязяў і адносін. Любое навуковае даследаванне, у тым ліку і познанне з'яў прававой рэчаінасці, немагчыма без выкарыстання метадычных прыёмаў, так ці інакш звязаных з падзелам вывучаемых з'яў у адпаведнасці з мэтай даследавання і выбранымі крытэрамі на такія сукупнасці, якія, «валодаючы вядомай агульнасцю, адрозніваюцца аднай адрознівай адрознівай аднай іншай устойлівымі прыкметамі» [5, с. 165]. Да прыёмаў такога тыпу, акрамя класіфікацыі, адносіцца і сістэматызацыя.

Сістэматызацыя, як і класіфікацыя выступае неабходнай перадумовай канкрэтызацыі аб'ектаў прававой сферы, больш за тое, класіфікацыя і сістэматызацыя па сваёй сутнасці з'яўляюцца «канкрэтызуючымі веды мэтадамі» [5, с. 165], таму ўяўляеца важным выпрацаваць аднастайнае разуменне ў тэарэтыка-метадалагічным сэнсе паняцце сістэматызацыі ў судносінах з класіфікацыяй. Для гэтага, перш за ўсё, трэба зразумець сутнасць сістэматызацыі як тэхніка-юрыдычнага прыёму, пры ўмове ўзаемадносін феноменаў (класіфікацыі і сістэматызацыі) выявіць сувязі паміж імі (сістэму адносін), высветліць лагічнае месца класіфікацыі і сістэматызацыі пры ўпрадакаванні нарматыўных масіваў, паслядоўнасць прымянянення іх у працэсе познання прававой рэчаінасці. І нарэшце, вызначыць задачы, якія вырашаюцца ў праве з дапамогай сістэматызацыі сумесна з класіфікацыяй.

Такім чынам, класіфікацыя і сістэматызацыя - гэта перш за ўсё лагічныя прыёмы, гэта значыць аналіз паняццяў, дакладней, утрымання паняццяў (уласцівасцяў і прыкмет), паколькі менавіта ў змесце адлюстроўваюцца ўласцівасці даследных аб'ектаў, якія ўтвараюць аб'ём паняццяў. Гэта тое агульнае, што характарызуе разглядаемыя прыёмы.

Розніца паміж імі складаеца, на думку аўтара, не ў спецыфіцы прымянянення уласцівасцяў і прыкмет, а выяўляеца ў стратэгіі парадкунніцтва і размежавання гэтых уласцівасцяў і прыкмет, накіраванасці і мэтах аналізу. Так, класіфікацыя - гэта паасобны і паслядоўны разгляд прыкмет. Класіфікацыя, напрыклад, нейтральная да сутнасці рэчаў, да набору базісных уласцівасцяў, арганічнае адзінства якіх і характарызуе сутнасць прадмета. Класіфікаваць можна абсалютна па любой ўласцівасці. У выпадку класіфікацыі гаворка ідзе толькі пра істотнасці той ці іншай прыкметы для мэтай класіфікацыі. Сістэматызацыя з гэтага пункту гледжання будзе пабудовай іерархічнай структуры прыкмет, ўзаемазалежных і ўзаемаабумоўленых функцыянальнымі сувязямі ў гэтай структуры, прычым яна будзе не толькі разглядаць іх ўнутраную структуру, але і ўключыць іх у сістэму большай ступені агульнасці.

У прававой літаратуры нярэдкім з'яўляюцца сітуацыі, калі сістэматызацыя праста ўвасабляеца з класіфікацыяй: «сістэматызацыя нарматыўных актаў мае сваёй мэтай ўпрадакаванне прававога матэрыялу, размяшчэнне яго па раздзелах і рубрыках, г. зн. класіфікацыю, якая палягчае пошук неабходных нарматыўных актаў і якая служыць умовай выканання патрабаванняў законнасці» [3, с. 133]. На нашу думку, такі падыход не можа быць прызнаны правільным. Нягледзячы на наяўнасць падобных прыкмет, у названых феноменаў нямала адрозненняў.

Хтосьці нядрэнна сказаў, што зразумець - гэта падхапіць і працягнуць пачатае [6, с. 13]. Тое ж самае можна сказаць і ў дачыненні да судносін класіфікацыі і сістэматызацыі пры даследаванні з'яў прававой рэчаінасці. Як справядліва адзначае Маркава-Мурашова С. А., «сістэматызацыя ўяўляе наступную пасля класіфікацыі ступень развіцця працэсу познання» [5, с. 170]. І сапраўды, на пэўным этапе познання класіфікацыя становіцца нямоглая. Класіфікацыйны метад мяркуе размеркаванне

доследных аб'ектаў па разрадах (класіфікацыйным адзінкам) паводле вызначаных прыкметах і не можа пайсці далей супастаўлення гэтых аб'ектаў па прынцыпах падабенства і адрознення. Ніякія схемы класіфікацый, нават самыя дасканалыя, не валодаюць спосабамі для таго, каб прадставіць доследнае як цэласную арганізаваную сістэму, не могуць раскрыць яе сістэмаўтаральных сувязяў. На гэтай стадыі магчымасці класіфікацыі, як лагічнага прыёму, вычарпаныя, далей пачынаеца вобласць сістэматызацыі, гэта значыць класіфікацыйныя даследаванні як бы падводзяць да наступнага этапу - сістэматызаванаму, накіраванаму на ўпарадкаванне і ўдасканаленне. Пры гэтым, аўтар звяртае ўвагу, што класіфікацыя «не застаецца ў баку».

У прававой вобласці класіфікацыя выступае інструментам сістэматызацыі, tym універсальным метадам, які дазваляе арыентавацца ў разнастайнасці аб'ектаў прававой сферы, з'яўляеца крыніцай ведаў пра іх. Класіфікацыя мяркуе супадпарадкаванне аб'ектаў прававой сферы і выкарыстоўваеца як сродак ўстанаўлення паміж імі сувязяў. Ажыццёўленая такім чынам сістэматызацыя становіцца плацдармам для далейшага нарошчвання ведаў. Яна вызначае тыя напрамкі, дае тыя арыенціры, якімі кіруюцца даследчыкі ў сваёй далейшай працы. Менавіта так адбывалася з найбуйнейшымі ў навуцы сістэматызацыямі, якімі былі і эўклідава геаметрыя, і ньютонаўская механіка, і эвалюцыйныя біялагічныя сістэматыкі.

Сістэматызацыю як з'яву ў праве варта разглядаць з двух бакоў. Унутраная сістэматызацыя, якая служыць дасягненнем унутранага адзінства прававых нормаў; тут гэта дзейнасць накіравана на ліквідацыю калізій і прабелаў. І знешняя сістэматызацыя - ўсебаковае ўпарадкаванне прававога матэрыялу, размяшчэнне яго па пэўных раздзелах і рубрыках, гэта значыць «класіфікацыя якая палягчае пошук неабходных норматыўных актаў, гэта значыць класіфікацыя чыста тэхнічнага характару» [2, с. 387].

Больш значная, на думку аўтара, унутраная сістэматызацыя. Паколькі, сапраўды, добра, калі норматыўны акт выразна аформлены, пабудаваны правільна лагічна і граматычна. Такое меркаванне, пры гэтым, не прымняшае важнасць праявы вонкавага боку сістэматызацыі. Так, напрыклад, навукова аргументаваная сістэматызацыя масіва норматыўных актаў дазваляе прававорчаму органу аператыўна, у кароткі тэрмін, у парадунні з унутранай сістэматызацыяй, ацаніць увесь масіў дзеючага заканадаўства, больш паспяхова і з меншым выдаткам сіл і сродкаў выявіць няўзгодненасць, супяречнасці, прабелы прававога рэгулявання і прыняць меры па іх ліквідацыі. Знешняя сістэматызацыя дазваляе досыць выразна праводзіць даведачна-інфармацыйную працу ў галіне права, якая ўключае збор норматыўнага матэрыялу, яго апрацоўку, захоўванне, размяшчэнне па раздзелах.

Пры гэтым, класіфікацыя, як прыём, «які ўключае працэдуру ўстанаўлення прычынна-следчых сувязяў» [7, с. 101], якія звязваюць класіфіцыруемыя аб'екты, і як метад дзялення, які ляжыць у аснове большасці практыка- і тэарэтыка- прававых канструкцый знаходзіць сваё адлюстраванне як ва ўнутранай, так і ў знешній сістэматызацыі.

Розныя формы сістэматызацыі прававых ведаў адрозніваюцца па сваёй структуры, а менавіта па тыпу функцыянеруючых у іх паняццяў і тых адносін, у якіх знаходзяцца паміж сабой паняцці. У той сістэматызацыі, якую ажыццяўляе класіфікацыя функцыянуюць так званыя класіфікацыйныя паняцці, гэта значыць паняцці, якія стасуюцца вывучаюмыя аб'екты з пэўнымі класамі, ці групамі [6, с. 13].

Які б выгляд ні мела класіфікацыя ў рамках сістэматызацыі, як бы яна ні выяўлялася - у выглядзе ці табліцы або ў выглядзе іерархічнага дрэва, - паняцці (класіфікацыйныя адзінкі, разрады), якія азначаюць класіфікацыйныя групы, знаходзяцца паміж сабой у адносінах падпарадкавання. Гэта значыць, мяркуеца такая спалучанасць кампанентаў сістэмы, дзе падсістэмы пэўнага ўзроўню аб'ядноўваюцца ў падсістэмы больш высокага ўзроўню [4, с. 4-5]. Гэта асабліва наглядна відаць на прыкладзе складаных іерархічных сістэм класіфікацыі (сістэмы права і сістэмы

заканадаўства), якія складаюцца з вялікага ліку класіфікацыйных груп рознага ўзроўню, або рангу. Падмурак такой іерархічнай сістэмы складае мноства індывидуальных аб'ектаў (у сістэме права - норма права; у сістэме зконодаўства - нарматыўна-прававы акт), а яе вяршыню - найбольш агульная класіфікацыйная група (у сістэме права і ў сістэме зконодательства - галіна). На розных узроўнях іерархіі паміж падставай і вяршынай размяшчаюцца розныя класіфікацыйныя адзінкі, кожная з якіх непасрэдна ўключаеца ў адну і толькі адну больш агульную класіфікацыйную адзінку і ў сваю чаргу непасрэдна ўтрымлівае уключаныя ў яе менш агульныя класіфікацыйныя разрады. Адпаведна паніцці, якія азначаюць гэтыя класіфікацыйныя групы, судносяцца па ступені агульнасці і знаходзяцца паміж сабой у адносінах падпарадкавання. А выснова ў такой сістэме ажыццяўляеца па правілах сілагізма.

Такім чынам, кожны структурны ўзровень такой сістэмы адлюстроўвае ў сабе наступныя моманты:

- адзінства паходжання нормаў, якія ўтвараюць змест мноства класіфікацыйных адзінак, па іх матэрыяльнаму прынцыпу - сістэме грамадскіх адносін;
- ўзрастанне складанасці кожнай групы класіфікацыйных разрадаў больш высокага парадку;
- дыферэнцыраванне кожнай групы класіфікацыйных разрадаў і аўтаномнасць яе функцыянавання.

З усяго вышэйнапісанага вынікае, што асноўная задача сістэматызацыі, вырашальна сумесна з класіфікацыяй, выяўляеца ў наступным:

- узгодненасць у яднанні структурных элементаў сістэматызаваннага мноства;
- іх разнастайная апрацоўка, у тым ліку структурнае абнаўленне;
- ў канчатковым рахунку, тэхніка-прававая стандартызацыя (выяўленне і адмена нормаў, якія супярэчаць асноўным прынцыпам права ў цэлым, нормам Канстытуцыі і асноўных законаў дзяржавы, пры гэтым яны павінны складаць строгі іерархічны парадак у залежнасці ад іх юрыдычнай сілы; новаствараючыя нарматыўныя акты не павінны парушаць гэтую субардынацыю), паколькі рост нарматыўнага масіва можа прывесці да страты яго сістэмных уласцівасцяў, «да эрозіі адзінай прававой прасторы» [1, с. 11].

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Казимирчук, В. П. Конфлікт закона и правовая реформа / В. П. Казимирчук // Государство и право. 1998. №12. С. 10–12.
2. Королев, А. И. Теория государства и права : учебник / А. И. Королев ; под редакцией А. И. Королева, Л. С. Явича. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. 504 с.
3. Лазарев, А. А. Теория государства и права: учебник для вузов / А. А. Лазарев, С. В. Липень. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спартак, 2000. 511 с.
4. Ляпунов, А. А. В чем состоит системный подход к изучению реальных объектов сложной природы / А. А. Ляпунов // Управляемые системы. 1970. № 6. С. 4-22.
5. Маркова-Мурашова, С. А. Классификация, типология, систематизация правовых понятий как методологические предпосылки конкретизации законодательства / С. А. Маркова-Мурашова // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 164 - 172.
6. Субботин, А. Л. Классификация / А. Л. Субботин. М. : ИФ РАН, 2001. 90 с.
7. Чуманов, Е. В. Классификация в Российском законодательстве : дис. . . канд. юрид. наук : 12. 00. 01 / Е. В. Чуманов ; Нижегородская академия. Н. Новгород, 2005. 199 с.

О ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Т. В. Иванова

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь,
law_a_order@hotmail.com*

В статье анализируется процесс формирования научных подходов к категории «юридическая деятельность», соотношение с понятием «правовая деятельность».

Ключевые слова: юридическая деятельность; правовая деятельность; инструментализм; деятельностный подход в правопонимании; механизм правового регулирования.

ON THE FORMATION OF THE CATEGORY OF LEGAL ACTIVITY IN SOVIET AND POSTSOVIET SCIENCE

Т. В. Ivanova

*Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian
State University,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
law_a_order@hotmail.com*

The author analyses the process of development of scientific approaches to the category of “legal activity”.

Keywords: legal activity; instrumentalism; activity approach in legal understanding; legal regulation mechanism.

Развитие современной юриспруденции характеризуется активным формированием категориального аппарата, в том числе развивающим динамическое бытие государства и права. При этом отдельные феномены еще не получили общепризнанного понятийного обозначения. Так в юриспруденции используется термин юридическая/правовая деятельность, который рассматривается как неотъемлемый функциональный элемент механизма правового регулирования, влияющего на эффективность правового регулирования.

К анализу феномена «юридическая/правовая деятельность» обращались П. П. Баранов, А. П. Вершинин, А. М. Витченко, В. М. Горшенёв, И. А. Галаган, А. П. Глебов, И. Я. Дюрягин, В. Н. Карташов, В. Н. Кудрявцев, Н. М. Кропачёв, Фаткуллин, Р. О. Халфина, Э. В. Чернова, А. Д. Черкасов, Б. В. Шагиев, Р. В. Шагиева и другие, в работах которых освещаются содержание, функции, виды юридической деятельности, соотношение ее с правовой деятельностью.

Категория «юридическая деятельность» в наиболее общем плане развивается в контексте осмыслиения и дальнейшего уточнения механизма правового регулирования. Это актуализирует значимость изучения данного феномена юриспруденции с позиций холистического осмыслиения [3, с. 56], соотношения ее с иными динамическими (механизм правового регулирования, функции правовой деятельности, правовая система) и статическими категориями (правовые нормы) в праве.

Существенное влияние на характер трактовки и использования категорий «правовое поведение», «юридическая деятельность», «правовая деятельность» оказали не столько общефилософские разработки, сколько некоторые научные идеи, получившие ранее развитие в правоведении (в области теории правоотношений и правопорядка). Во-

первых, более широкое применение поначалу получило понятие «поведение». Во-вторых, анализ деятельности в правовой сфере в основном связывался с изучением тех действий, которые регулируются правом и которыми реализуются правовые нормы, субъективные права и юридические обязанности.

Изначально юридическая деятельность может быть рассмотрена в качестве вида социальной деятельности. Внутренняя же структура юридической деятельности предполагает деление ее на определенные типы: правотворческую, правоприменительную, правоинтерпретационную, правоохранительную деятельность и др. При этом предметом дискуссии большинства ученых-юристов и практиков является соотношение правовой и юридической деятельности. С одной стороны, данные понятия могут быть рассмотрены как синонимичные, с другой стороны, - как частное и общее, либо как противоположные друг другу проявления социальной деятельности.

Изучение юридической деятельности имеет два источника. Во-первых, это собственно юридическое развитие данной категории (как например, категория «правовая политика» – это результат развития идеи правового регулирования). Во-вторых, одновременно вопросы юридической деятельности должны разрабатываться вслед за общефилософскими проблемами.

В основе общефилософского подхода к юридической деятельности лежит «деятельностная» трактовка, идеи которой были высказаны в 1985 году в журнале «Вопросы философии». Согласно деятельностному подходу, в естественноисторическом аспекте человек выступает как элемент производительных сил и формируется как следствие объективного процесса функционирования и развития способа производства. Тем не менее, в каждом акте жизнедеятельности человек стремится реализовать себя в этом мире, он воплощает в жизнь свои программы, ценности, идеалы. И в этом аспекте, когда субъект выбирает свой путь в определенных объективных условиях, на основе уже сложившейся системы ценностей, его поведение выступает как деятельность [5].

Методологические работы, появившиеся в обществоведении по вопросам деятельности и поведения, не могли не явиться теоретическим источником юридических исследований деятельности. Более глубоко были разработаны вопросы правового поведения, правовых форм деятельности государства, а также правомерного поведения.

Первоначально правовые аспекты юридической деятельности были концептуализированы термином «правовая деятельность». Понимание в качестве правовой деятельности, урегулированной правом, согласуется с определением правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом, столь распространенного в нашей юридической науке. В собственно юридическом смысле юридическая деятельность соотносится с механизмом правового регулирования и сводится к поведению субъектов в правовой сфере.

Некоторые авторы, предпринявшие критику данного подхода к рассмотрению правовых явлений, пришли соответственно к выводу, что «чисто» правовой деятельности (как и правовых общественных отношений) со специфическим правовым предметом не существует. В частности, Ю. С. Решетов писал по этому поводу: «Говоря о правореализующей деятельности, следует иметь в виду не какую-то особую разновидность человеческой деятельности, вписанную в нее в качестве одной из структурных единиц наряду с производственной, социально-политической, духовной деятельностью, а перевод соответствующих принципов и норм права из потенциального состояния в поведенческое, процессуальное состояние, в ходе чего решаются экономические, политические, социальные, идеологические задачи» [7]. Нам же представляется более привлекательной позиция тех ученых, которые исходили из наличия правовой деятельности как самостоятельной разновидности социальной деятельности. Таковой признавалась прежде всего процессуальная деятельность. В то же время некоторые авторы считали собственно правовой лишь деятельность специальных субъектов (законодательных органов, милиции, суда и т. д.), направленную на

организацию и поддержание правопорядка [7]. Поэтому В. Н. Карташов предпочтел использовать термин «юридическая деятельность», что позволило ему избежать упреков в чрезмерном ограничении сферы правовой деятельности [5].

Что же касается соотношения юридической и государственной деятельности, то они в ряде случаев практически тождественны. Разница лишь в субъектах: в государственной деятельности таковыми являются, как правило, государственные органы, а в юридической деятельности – не только они, но и, в отдельных случаях, граждане, их объединения, соответствующим образом управомоченные на совершение юридических действий и операций.

В. М. Сырых определяет юридическую деятельность через механизм правового регулирования и включает в качестве субъектов граждан: это правомерная деятельность граждан и иных субъектов права, направленная на сохранение либо совершенствование юридического механизма правового регулирования, в том числе его компонентов: механизмов правотворчества, правореализации и государственного принуждения [6, с. 193].

Согласно Н. А. Власенко, «юридическая деятельность представляет собой разновидность социальной деятельности человека. В общих чертах юридическую деятельность можно определить как систему целенаправленных действий и операций, направленных на решение какой-либо правовой задачи». Здесь автор отмечает социальную направленность юридической деятельности, а также совершенно верно включает в ее содержание систему действий и операций [2, с. 160].

По мнению Б. В. Шагиева, как категория общей теории права юридическая деятельность охватывает такие юридически значимые действия компетентных органов и должностных лиц, которые направлены на обеспечение внутреннего функционирования правовой системы путем принятия юридических решений, как общего, так и индивидуального характера, официально подтверждающих границы правового в общественной жизни, благодаря чему в ее рамках субъекты права (физические и юридические лица) реализуют социальные цели и задачи, удовлетворяя тем самым общезначимые интересы. Таким образом, компетентные органы и должностные лица выступают субъектами юридической деятельности [7, с. 56].

Юридическая деятельность отождествляется с правовым поведением, юридической практикой, активностью, правовыми формами деятельности государства, юридическим процессом, правоотношениями и другими смежными явлениями. Причём почти все авторы, дающие общее определение юридической деятельности, единодушны в том, что в качестве ее субъектов могут выступать любые субъекты права – отдельные граждане, социальные группы, государственные и общественные организации. Такой подход, связанный с расширением субъектного состава юридической деятельности, не позволяет отразить ее относительно самостоятельную природу как категории общей теории права, понять природу самой юридической деятельности и ее место и роль в правовой системе общества.

В качестве относительно самостоятельной системы (подсистемы) юридическая деятельность в обществе входит в системы более высокого порядка: рассматривается в связи с функционированием правовой системы общества, ее компонентов (правовое поведение, правовые формы деятельности, правомерное поведение). Конституирующими элементами юридической деятельности выступают субъекты и участники, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления, принятые решения и результаты действий.

Юридическая деятельность – это объективированная в официальных актах, опосредуемая правом, интеллектуально-волевая, управленческая, производственно-трудовая деятельность компетентных учреждений и организаций, которая осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направленная на

решение общественных задач и функций и удовлетворение тем самым публичных и частных потребностей и интересов [5, с. 4].

Целью юридической деятельности является создание норм права в определенных формах, законное и обоснованное рассмотрение и разрешение того или иного юридического дела, обеспечение законности и правопорядка для достижения общественно-полезного, социально-значимого результата. Не случайно, поэтому ученые подчеркивают правовую цель юридической деятельности.

На наш взгляд, юридическая деятельность обладает следующими признаками:

1. Субъектный состав юридической деятельности: государственные органы, а также в некоторых случаях – граждане, их объединения, уполномоченные законодательством на совершение юридических действий и операций (например, участие в референдуме) [1].

2. Опосредованность нормами права и реализуемость в правоотношениях.

3. Социальная значимость, нормативно одобренная деятельность. Соответственно, компетенция субъектов и юридический статус ее участников, их действия и операции устанавливаются правовыми нормами, в том числе (и в обязательном порядке) процессуальными. Отсюда следует процессуальность как признак.

4. Осуществление в рамках юридических технологий [4].

Таким образом, на формирование категории «юридическая деятельность» оказали влияние два источника: собственно юридический и общефилософский. Во-первых, это внутренний генезис, т. е. развитие феномена как уточнение его места в механизме правового регулирования. Во-вторых, внешний источник, т. е. изучение правовой деятельности на собственно философском уровне породило перенос «деятельностного подхода» на юридическую деятельность.

Юридическая деятельность выступает в качестве силы, преобразующей объективную и субъективную реальность: общественные отношения и институты. Юридическая деятельность осуществляется в рамках механизма правового регулирования, а именно: ее результаты (нормы права, правоприменительные акты, практика) являются элементами последнего. От результата юридической деятельности зависит эффективность правового регулирования.

Юридическую деятельность можно определить как вид социальной деятельности, систему определенных действий и операций компетентных и управомоченных субъектов, которые выполняются с применением правовых средств, в соответствующей процессуальной форме, позволяющей получать социально-значимые результаты в целях удовлетворения потребностей и интересов личности, общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Беляев, В. П. Понятие и сущность юридической деятельности / В. П. Беляев, В. И. Кузьменко, Е. И. Холодова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-yuridicheskoy-deyatelnosti/viewer>. Дата доступа: 09.02.2020.
2. Власенко, Н. А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники. М. : Юриспруденция, 2010. 365 с.
3. Калинин, С. А. Холизм и дополнительность в контексте постнеклассической методологии современной юридической науки // Право в современном белорусском обществе : Сб. науч. трудов, посвящ. доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь С. Г. Дробязко ; Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь / редколл.: Н. А. Карпович (глав. ред.) [и др.]. Выпуск 13. Минск : Калорград, 2018. С. 55–60.
4. Карташов, В. Н. Правоприменительная технология как разновидность юридической технологии (доктринальная интерпретация) // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика : закономерности и тенденции развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. : С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ, 2020. Ч. 1. С. 9-13.

5. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00. 01 ; НИИ советского государственного строительства и законодательства. М., 1990. 42 с.
6. Сырых, В. М. Социология права. М. : Юстицинформ, 2012. 472 с.
7. Шагиев, Б. В. Юридическая деятельность и ее система : монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.

НОРМЫ, ПРИНЦИПЫ, ПОЛОЖЕНИЯ: КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПРАВЕ

Н. В. Касияненко

*старший преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений
Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
natakasiyanenko@gmail.com*

В данной статье исследуется вопрос сущности таких правовых категорий как норма, принцип, положение. Помощью выделения критериев обосновывается необходимость их разграничения в правовой реальности. На основе текста Конституции Республики Беларусь иллюстрируется соотношение нормы, принципа и положения.

Ключевые слова: правовая норма; принцип; правоположение; аксиология; критерии отличия.

NORMS, PRINCIPLES, POSTULATS: CRITERIA OF DIFFERENTIATION IN LAW

N. V. Kasyanenko

*Senior Lecturer of the Department of International Law of the Faculty of International Relations of the
Belarusian State University,
Belarusian State University, 20, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
natakasiyanenko@gmail.com*

This article examines the essence of such legal categories as norm, principle, and postulate. By highlighting the criteria, the necessity of their differentiation in the legal reality is proved. On the basis of the text of the Constitution of the Republic of Belarus, the correlation of the norm, principle and postulate is illustrated.

Keywords: legal norm; principle; legal postulats; axiology; criteria of difference.

В правовой доктрине стран постсоветского пространства традиционным является подход, согласно которому разграничиваются нормы и принципы права. Содержательному анализу правовых положений уделяется незначительное внимание, а исследование триады норма–принцип–положение для отечественной юриспруденции в целом не характерно. При этом правореализация актуализирует вопросы уяснения сущности названных явлений, так как от понимания их соотношения зависит содержание общеправовых принципов (верховенства права, стабильности, определенности и др.), задающих вектор развития национальной правовой системы.

Методология установления соотношения норм, принципов и положений в праве (в контексте данной работы наиболее релевантными являются методы герменевтики и компаративистики), обусловлена конечной целью их дифференциации. Само по себе устранение пробела в соответствующей области правовой науки не является достаточным, хотя и выступает полезным сопутствующим научным результатом экспликации сущности тех или иных правовых явлений. Конечная цель установления соотношения правовых категорий – это эффективное выполнение юриспруденцией своей роли в правовой реальности.

Разграничение юридического текста и его значения (нормы, принципа и положения) позволяют не сводить роль законодателя лишь к описательной функции, то есть правильному с точки зрения юридической техники опосредованию социальных взаимодействий при помощи соответствующей юридической терминологии или корректной объективации понимания, намерения, замысла субъекта нормотворчества. Подобная возможность также исключается сложностью правотворческого процесса, в связи с чем, большое значение имеет деятельность субъектов по интерпретации правовых положений в процессе правореализации.

Прогрессивное развитие юриспруденции предполагает своевременное переосмысление следующих устоявшихся в науке выводов и постулатов относительно сущности и роли правовых норм, принципов и положений: положения равны нормам, положение является основой для толкования нормы, субъект правореализации лишь уясняет и (или) разъясняет положения, оформленные в принципы и нормы, а не реконструирует их и т. п. Для этого нет необходимости анализировать все существующие в правовой науке концепции на предмет соотношения норм, принципов и положений. Эффективнее выявить и критически проанализировать критерии дифференциации исследуемых явлений.

Норма права – это правило поведения (от лат. *norma* – образец, эталон), а принцип права – исходное положение, отражающееся в нормах (от лат. *principium* – начало, первопричина) [2, с. 32]. Данный этимологический подход к сущностной трактовке характерен для постсоветского сегмента правовой науки и на сегодняшний день нуждается в коррекции. Положение, а точнее «правоположение» – это категория, которая в русскоязычном правовом тезариусе используется в значении разъяснений, содержащихся в судебных решениях [3, с. 74], что представляется недостаточным, так как редуцирует истинную сущность явления. Более обоснованным представляется тезис С. С. Алексеева, отмечающего, что «... правоположения – это еще не нормы, но они уже выходят за пределы правосознания, простых суждений. Это формирующиеся нормы, которые представляют собой сгустки правосознания. Со временем они могут превратиться либо в стойкие правовые обычаи, либо в нормы, закрепленные законодателем» [1, с. 118]. Другими словами, в зависимости от доктринального толкования правоположения одновременно выступают прообразом норм и результатом их конкретизации, что свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования их правовой природы.

Опираясь на вышеприведенную коннотацию нормы, принципа и положения выделим критерии их дифференциации, которые эксплицируют дополнительные характерные черты исследуемых явлений для полного понимания их сущности. Разграничение правовых норм и принципов зависит от субъективных научных взглядов правоприменителей, имеет смысл и проявляется непосредственно в процессе их практической реализации.

1) Критерий гипотетико–условного характера. Норма применяется по формуле «если–то», другими словами, «условие–следствие». Если правила поведения заданы в норме, то они либо действительны для правоприменительной ситуации, либо нет. Принципы – не имеют определенного алгоритма своей реализации, а являются лишь основой для нахождения правоположения, соответствующего каждому конкретному случаю.

2) Критерий содержательной реализуемости. Норма может либо применяться полностью, либо полностью не применяться. Принцип реализуется постепенно и не имеет заранее установленного субъектом нормотворчества объема содержания для своего полного применения.

3) Критерий аксиологической основы. Субъект правореализации оперирует в разной степени определенными правовыми нормами. Подавляющее большинство из них абсолютно определены. Некоторые – являются относительно определенными, в

частности нормы, содержащие оценочно-правовые понятия. Последние в структуре своего содержания перманентно имеют аксиологическую составляющую, в связи с чем нуждаются в последующей конкретизации, осложненной дополнительным элементом – оценкой. Принципы, в отличие от правовых норм, всегда являются аксиологической основой для правоприменительных решений. С одной стороны они объективируют в праве ценностные приоритеты общества на конкретном этапе его эволюции, а с другой – детерминируют процесс правореализации.

4) Критерий способа разрешения содержательного противоречия.

Столкновение содержаний правовых норм может преодолеваться (устраняться) конкретными способами: признанием одной из норм недействительной, либо создание новой нормы, содержащей исключение из ранее установленного правила. Противоречие между принципами права преодолевается в каждом конкретном случае путем сопоставления соразмерности и релевантности их содержаний, динамичных и обусловленных совокупностью объективных факторов. С учетом этого, содержательное противоречие правовых принципов не может быть окончательно устранено.

Выделенные критерии расширяют понимание нормы исключительно как правила поведения: норма не сводится к ее форме в виде юридического текста, либо к ее содержанию в виде значения того или иного положения. Следовательно, она не может конструироваться единолично субъектом нормотворчества, а окончательно выкристаллизовывается в результате ее единообразной практической реализации. В результате могут образовываться различные комбинации правовых норм и принципов: нормы-правила, нормы-принципы и др., которые не всегда содержательно совпадают.

Нормы конструируются из положений (или правоположений в значении их прообраза нормы). Однако этот факт не позволяет утверждать, что то или иное положение априори содержит в себе правило или принцип, так как конечный результат нормотворчества зависит еще и от аксиологических связей, не оформленных в текст, а создаваемых скорее самими правоприменителями, которые в свою очередь ограничены правовым порядком, устанавливающим какие цели нужно достичь, какие ценности сохранить.

Различия между положениями, нормами и принципами очевидно проявляются в деятельности по проверке конституционности нормативных правовых актов. Конституционный Суд Республики Беларусь при исследовании конституционности нормы, проверяет различные значения, входящие в фундирующее ее положение.» Правовые акты или их *отдельные положения*, признанные в установленном законом порядке противоречащими *положениям Конституции*, не имеют юридической силы» [4, ст. 7]. Неконституционность нормы декларируется без изменения ее текста и касается лишь тех значений положения, которые не соответствуют значениям положений Конституции Республики Беларусь. Положение сохраняется, но истолкованные на его основе нормы, признаются недействительными. Следовательно, существуют положения, на основе которых можно истолковать более одной правовой нормы. В ряде случаев, имеется два и более положения на основе которых толкуется одна норма. Например, толкование значения таких конституционных положений как равенство перед законом [4, ст. 22], правовая транспарентность [4, ч. 4 ст. 7], недопущение произвола [4, ч. 2 ст. 7], верховенство закона выводит базовый принцип современного правопорядка – верховенство права [4, ч. 1 ст. 7]. Все это еще раз подтверждает выдвинутый ранее тезис об отсутствии однозначного соответствия между нормой, принципом и положением и необходимости их дифференциации во всех сегментах правовой реальности.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С. С. Право: азбука–теория–философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. М. : Статут, 1999. 710 с.

2. Дробязко, С. Г. Принципы в праве / С. Г. Дробязко // Проблемы развития юр. науки и совершенствование правопр. практики : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2005. С. 27–33.
3. Жилкин, М. Г. Понятие, происхождение, правовая природа правоположений и их роль в правовом регулировании / М. Г. Жилкин // Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2014. С. 73 – 78.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 г. с изм. и доп., принятими на Респ. референд. 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Наци. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д. С. Маркевич

*аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, младший научный сотрудник отдела правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права ГНУ «Института экономики Национальной академии наук. наук Беларусь»,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
dasha.markevich@gmail.com*

В статье рассматривается развитие идей о влиянии научно-технического прогресса на государство и право, а также выделяются технико-экономические факторы, ставшие основой для первого и второго технологических укладов. Автор определяет как общие, так и особенные предпосылки к индустриализации белорусской экономики, а также делает вывод об их роли в процессе формирования нового типа государства и права.

Ключевые слова: научно-технический прогресс; технологический уклад; правовое регулирование экономической деятельности; технико-экономические факторы; промышленное развитие Беларусь.

TECHNICAL AND ECONOMIC FACTORS AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF STATE AND LAW: HISTORICAL ASPECT

D. S. Markevich

*Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Junior Researcher of the sector of legal support for socio-economic development of the Center for State Building and Law of the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
dasha.markevich@gmail.com*

The article examines the development of ideas about the impact of scientific and technological progress on the state and law, and also highlights the technical and economic factors that became the basis for the first and second technological waves. The author defines both general and specific prerequisites for the industrialization of the Belarusian economy, and also comes to the conclusion about their role in the formation of a new type of state and law.

Key words: scientific and technological progress; technological wave; legal regulation of economic activity; technical and economic factors; industrial development of Belarus.

Изучением отдельных аспектов взаимного влияния технологического развития, экономики и политico-правовых феноменов занималось не одно поколение ученых. Так, о влиянии технологического развития на общество в целом и его отдельные подсистемы писали Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Э. Тоффлер, Д. Белл, А. Турен, М. Кастельс, К. Перес, Дж. Доси, К. Фримен, Н. Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов и др. Взгляды указанных и иных авторов получили свое обозначение при

помочи ряда категорий: «технологический уклад», «индустрия», «технико-экономическая парадигма», а также стали основой для формирования двух базовых концептов, находящихся в диалектической связи. Первый выражает самостоятельный характер технологического развития, которое не обусловлено трансформациями в политической, экономической и правовой сферах (технологический детерминизм), второй – взаимную корреляцию между способами разработки, внедрения и использования технологий, а также историческими силами, политико-правовыми основами определенного общества, задающих векторы научно-технического прогресса.

В настоящее время интерес к исследованию данной проблемы только усиливается, что во многом обусловлено увеличением влияния результатов научно-технического прогресса на различные сферы социальной жизни, что провоцирует значительные изменения в национальной правовой системе, пронизывающие практически все ее элементы. В этой связи большую актуальность представляет выявление технико-экономических факторов, оказавших наибольшее влияние на развитие государства и права по мере смены технологических укладов, с целью дальнейшего их осмысливания в контексте происходящих в настоящее время структурных изменений в экономике и обществе в целом. Отметим, что в течение длительного периода исследованию данной проблемы с позиции юриспруденции и экономической теории уделялось небольшое внимание, поскольку технологии и их развитие представлялись исследователям своего рода «черным ящиком», что позволяло лишь в самых общих чертах обосновывать необходимость «перенастройки» правовой системы в соответствии с нуждами и особенностями соответствующего технологического уклада. Значительный вклад в разработку проблемы взаимного влияния политico-правовой реальности и технологических укладов был сделан советской юридической наукой, что во многом было связано с задачами государственного строительства на указанном этапе, уровнем развития производственных отношений, достижениями в области исследований и разработок и др. В рамках доминирующей школы юридического позитивизма советские ученые рассматривали право в качестве инструмента, обеспечивающего решение задач, стоявших перед социалистическим государством.

В частности, С. С. Алексеев справедливо отметил способность права выступать инструментом прогресса, более того, прямым его выражением, гарантом. Вместе с тем автором был сформулирован концепт правового прогресса, отражающего качественные изменения в самом праве в процессе общественного развития, которые состоят в повышении уровня нормативных обобщений, усилении специализации права и развитии его структуры, совершенствовании и упрочнении обеспечительных механизмов, а также развитии нормативного и поднормативного регулирования [3, с. 181-186]. В. М. Ведягин, рассматривая проблемы соотношения права и научно-технического прогресса (далее – НТП), определил содержание понятия «правовое регулирование НТП», выделил тенденции и сформулировал три основных принципа правового регулирования отношений в области НТП (гибкого правового регулирования, правового стимулирования, комплексной оценки) [4].

Следует отметить вклад в исследование рассматриваемой проблемы С. Г. Дробязко, который раскрыл специфику общественных отношений в данной сфере, определил особенности их регулирования, провел классификацию факторов, которыми руководствуется законодатель в процессе регулирования. Данная классификация не утратила свою актуальность, поскольку позволяет говорить о необходимости учета объективных и субъективных аспектов в процессе регулирования. Так, к объективным материальным факторам следует относить объективные законы экономического и технологического развития, а также условия, в которых эти законы действуют. В свою очередь, идеологические факторы составляют закономерности политической организации, права, нравственности и других явлений. Субъективные факторы в законодательном регулировании обуславливают выявление объективных сил, участвующих в этом процессе, правильное их осознание, наиболее рациональное юридическое воплощение объективных требований [5].

А. М. Абрамович раскрыл понятие «управление научно-техническим прогрессом», сформулировал цели такого управления, а также основные направления, которые должны обеспечить реализацию поставленных целей. Большое внимание автор уделял вопросам определения приоритетных направлений научно-технического прогресса в промышленности, оптимизации организационных форм его реализации, проблемам интенсификации научной мысли, а также внедрения результатов научных исследований и передового опыта в практику организаций и др. [1, с. 141-142, 146; 2].

В настоящее время также формируется пласт исследований, посвященных анализу влияния технико-экономических факторов на политico-правовые явления, а также их обратного воздействия [7; 8; 9]. При этом названные тенденции могут быть обнаружены в истории практически любого государства, в том числе белорусского. В качестве наиболее общих свойств следует выделить то, что рост промышленного производства и снижение общей стоимости продукции, обусловленный стандартизацией – одним из важнейших технико-экономических факторов, был связан с качественными изменениями в трудовом праве, направленными на развитие наемного труда, модернизацией системы управления государством. Углубление разделения труда, усложнение производственных связей, увеличение числа торговых операций сделали актуальными развитие финансовых отношений, а с ними и законодательства о кредитно-банковской системе. Перераспределение капитала, формирование нового класса – буржуазии, занимавшегося предпринимательской деятельностью, привели к изменениям в сословном делении, что в итоге потребовало перехода к новому типу организации государственной власти, а также изменению ряда элементов политico-правовой системы.

При этом следует учитывать, что технико-экономическое развитие Беларуси характеризовалось рядом особенностей, обусловленных тем, что промышленный переворот происходил здесь позже по сравнению с Западной Европой и Российской империей, в состав которой входили белорусские земли. Так, среди особенных характеристик технико-экономического развития Беларуси в XIX веке следует назвать:

- в отличие от традиционной для первого технологического уклада текстильной отрасли промышленный переворот на белорусских землях начался с винокуренной, суконной, сахарной, мукомольной и металлообрабатывающей промышленности, причем был связан не только с использованием паровых двигателей, но изменениями в самой технологии;

- высокий уровень специализации производства, о котором свидетельствуют высокие показатели белорусских предприятий, а также качество производимой продукции, которое получало признание как на внутреннем, так и международных рынках [6, с. 22-52];

- до начала 60-х годов XIX века в белорусских губерниях преобладающей оставалась мелкая промышленность⁶, которая составляла конкуренцию фабрикам и заводам и давала более 53 % валовой продукции. Повышение производительности в мелкой промышленности было обусловлено не технологическим усовершенствованием средств производства, а усилением эксплуатации рабочей силы, существовавшей в условиях крепостнической системы;

- затягивался процесс первоначального накопления капитала, поскольку купечество и мещанство не могли в полной мере конкурировать с помещиками, имеющими вотчинное производство [10, с. 127-128];

---

⁶ К примеру, в 1860 г. на долю мелких предприятий, которые не использовали паровые двигатели и имели среднюю численность рабочих до 15 человек, приходилось 84 % произведенной продукции, мануфактуры производили 7,4 %, в то время как на фабрики приходилось лишь до 9 % [10, с. 126-127].

- наличие сильной конкуренции со стороны Центрального, Прибалтийского, Петербургского, Польского промышленных районов, в которых промышленная революция началась раньше и привлекла большие объемы инвестиционных потоков;

- новым явлением в экономике к концу XIX века стали технические конторы, которые предлагали своим клиентам не только отдельные машины и инструменты, но и занимались полным циклом создания предприятия: начиная с разработки проекта и заканчивая монтажом всего оборудования [6, с. 38].

Таким образом, наличие особенных характеристик технико-экономических факторов в рамках первого и второго технологического укладов, а также политico-правовое положение белорусских земель, находившихся в составе Российской империи, которое отличалось двойственным характером большинства проводимых реформ, привело к тому, что промышленная революция происходила с опозданием по сравнению с Западной Европой и даже Российской империей, а также на фоне активного противостояния между правительством и помещиками, которые были против государственного вмешательства в их экономические отношения с крестьянством. Однако углубление разделения труда, усложнение производственных связей, рост промышленного производства, снижение общей стоимости продукции, развитие торговли и ряд других предпосылок развития индустриального общества привели к формированию нового типа мышления – капиталистического, ядром которого стал новый класс, что привело к формированию нового типа государства и права.

Библиографические ссылки

1. Абрамович, А. М. Организационно-правовое регулирование научно-технического прогресса в промышленности // Управление промышленностью в союзной республике / В. И. Шабайлов, Ю. А. Тихомиров, Е. И. Орловская [и др.]; под. ред. В. И. Шабайлова, Ю. А. Тихомирова; АН БССР, Ин-т философии и права. Минск: Наука и техника, 1987. С. 141-162.
2. Абрамович, А. М. Организационно-правовое регулирование развития экономики Белорусской ССР как составной части народнохозяйственного комплекса страны // Белорусская ССР: Статус. Достижения. Развитие / В. И. Шабайлов, В. Г. Городнюк, А. П. Прокурин [и др.]; под ред. С. Г. Дробязко, В. И. Шабайлова; АН БССР, Ин-т философии и права. Минск: Наука и техника, 1989. С. 189-244.
3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. М. : Издательство БЕК, 1995. 320 с.
4. Ведяхин, В. М. Теоретические аспекты правового регулирования общественных отношений в сфере научно-технического прогресса: автореф. дис. . . д-ра юр. наук: 12. 00. 01 / В. М. Ведяхин; Ин-т государства и права. М., 1990. 44 с.
5. Дробязко, С. Г. Эффективность законодательства в создании материально-технической базы коммунизма (по материалам законодательства союзных республик в области промышленности): автореф. дис. . . д-ра юрид. наук: 12. 00. 01 / С. Г. Дробязко; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова; Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ленинград, 1969. 36 с.
6. Киштымов, А. Л. Экономические достижения Беларуси в XIX-XX в. / А. Л. Киштымов // Гісторыя Беларусі ў ўсходнім кантэксце: матэрыялы гіст. семінараў, якія адбываліся ў Мінскім міжнародным адукацыйным цэнтры ў 2001 г. / падрэд. Н. Стужынскай [i др.]. Мінск, 2002. С. 22-52.
7. Пашенцев, Д. А., Залоило, М. В., Дорская, А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. Москва : ИЗИСП : Норма : ИНФРА-М, 2021. 184 с.
8. Терехов, А. Н., Ткаченко, С. Л. Политическая экономия информационно-коммуникационных технологий: место России на мировом рынке [Текст] / А. Н. Терехов, С. Л. Ткаченко; Nat. исслед. Университет Высшая школа экономики. М. : Дом НИУ ВШЭ, 2019. 312 с.
9. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

10. Экономическая история Беларуси: учеб. пособие 4-е изд., стереотип. / В. И. Голубович [и др.]; под общ. ред. В. И. Голубовича. Минск : Экоперспектива, 2005. 400 с.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. Н. Фиронов

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
Fironov@bsu.by*

В статье рассмотрено соотношение правовой культуры и правовой системы, приведены три основных подхода, рассмотрены их общая составляющая и специфика каждого. Уделено внимание ценностной составляющей взаимодействия этих двух социально-культурных феноменов.

Ключевые слова: правовая культура; правовая система; ценностная составляющая.

LEGAL CULTURE AND LEGAL SYSTEM OF THE STATE: FORMS OF INTERACTION

A. N. Fironov

*Senior Lecturer of the Department of Theory and History of the State and law of the Faculty of Law of the
Belarusian State University,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
Fironov@bsu.by*

The article examines the relationship between legal culture and legal system, provides three main approaches, considers their general component and the specificity of each. Attention is paid to the value component of the interaction of these two socio-cultural phenomena.

Keywords: legal culture; legal system; value component.

Правовая система – одна из основополагающих и сложнейших категорий в юриспруденции, что предопределено множеством подходов к определению самого права, а также многоаспектностью данного явления. Сам термин «система» предполагает необходимость обращения в его изучении как теоретико-правовой категории к исследованию его элементов и связей между ними. При этом подавляющее большинство ученых как раз определяют правовую систему через ее элементы, выделяя разное их количество, так или иначе группируя и классифицируя.

В сообществах различного типа существуют правовые системы с различной структурированностью форм, сторон, элементов права. Как следствие, к пониманию структуры правовой системы необходим интегративный подход» [0]. Для этого следует обратить внимание на подходы разного рода, выделив общее и специфику каждого из них.

В первую группу можно включить представления о том, что правовая культура является частью правовой системы. Вторую группу составляют идеи о том, что правовая система является частью правовой культуры либо представляет отдельный этап в развитии последней. В третью группу можно отнести теории, в соответствии с которыми данные явления не соотносятся между собой как часть и целое, являясь разнорядковыми феноменами.

В соответствии с первым подходом правовая культура является содержательным элементом и результатом функционирования одной из нормативных систем общества.

При этом правовая культура может быть рассмотрена как индикатор состояния развития правовой системы на определенном этапе.

Как отмечает С. Г. Дробязко, «правовая система активно воздействует на регулируемые ею системы социальных отношений в плане соотношения ее функциональных закономерностей с закономерностями упорядочиваемых правом систем через человеческую поведенческую систему. Эта система включает в себя систему интересов, ценностей, идеологических, мировоззренческих, нравственных установок, биологических, экологических и других факторов, всего того, что формирует личность, которая выступает как субъект права» [2]. Таким образом, правовая система при данном подходе рассматривается как система, которая реализуется через деятельность человека, определяемую разными факторами, в том числе и культурными.

Структура правовой культуры, по мнению С. Г. Дробязко, включает в себя прогрессивное правосознание, правовые принципы, правовое законодательство, юридические формы (источники) права, правовые процедуры, законодательную технику, систематизацию законодательства, правовую законность, правовое воспитание, правовой порядок [2].

Правовая культура позволяет очертить круг объектов, которые должны охраняться правом, что, соответственно, находит отражение в правовой системе, а также соответствующим образом влияет на сознание личности как субъекта права. Правовая культура, таким образом, представляет собой активный, созидающий, мотивирующий компонент правовой системы.

С. А. Калинин отмечает, что «правовая система включает в себя ряд относительно самостоятельных разноуровневых систем элементов, связанных координационно и субординационно, относящихся как форма и содержание, часть и целое, причина и следствие, обладающих единством и различием, зависимостью и относительной самостоятельностью» [3]. Таким образом, он выделяет в системе права определенные подсистемы, рассматривая правовую систему как некую метасистему. В структуре этой метасистемы, по его мнению, выделяются: система права, определяющая содержание и расположение норм по отраслям, институтам; система законодательства, представляющая совокупность нормативных актов государства, отражающих содержание системы права; механизм реализации норм права; система юридических органов; правоприменительная практика; правосознание в различных формах; правовая культура; правотворчество; правовая наука [3].

Второй подход исходит из представления о том, что правовая культура – более широкое понятие по отношению к правовой системе, включающее в себя этот феномен. При этом сама правовая система может быть рассмотрена как определенный этап в развитии правовой культуры либо как ее формализованный элемент, выражющийся в определенном внешнем проявлении правовой культуры (в виде правовых норм, механизмов создания и закрепления правовых норм и правового регулирования, включающих определенные правовые процедуры и т. д.). Фактически соотношение правовой культуры и правовой системы в таком варианте сходно с представлениями о культуре и ее элементах в культурологии и антропологии. Правовая система характеризует конкретную правовую культуру, будучи набором определенных средств и методов для реализации регулятивной, нормативной стороны правовой культуры, объективирующей ценностную составляющую правовой культуры в конкретных формах и процедурах.

Так, например, В. Н. Синюков определяет правовую систему через понятие правовой культуры. Правовая система в его теории – это социальная организация, включающую основные компоненты национальной правовой культуры: право, законодательство, юридическую практику, а также господствующую в стране правовую идеологию (доктрину). При этом правовая система характеризуется им как «ключевой, управляющий центр политической системы, духовной культуры», оказывающей

значимое влияние на характер изменений в обществе, «даже если эти изменения осуществляются через целенаправленное реформаторское воздействие, предполагающее использование правозаконодательных программ и средств» [4, с. 8–9].

Третий подход говорит о том, что правовая культура и правовая система – разнорядковые, но связанные явления. Как отмечает И. Н. Мукиенко, к структурным элементам правовой системы необходимо относить: правопонимание, правотворчество, юридический массив (законодательство), правовые учреждения, механизм осуществления права, результаты действия права, «заключаемые в установлении в государственно-организованном обществе правопорядка, определяемым режимом законности и правовой культурой его субъектов» [5]. В данном суждении правовая культура не рассматривается как самостоятельный элемент правовой системы, а также может быть представлена внешним критерием оценки результатов функционирования правовой системы.

Можно утверждать, что современная геокультура, несомненно, оказывает влияние на национальные правовые системы, что зачастую приводит к внедрению не свойственных для этих правовых систем (а точнее, для этих правовых культур) норм и институтов, которые могут преподноситься как прогрессивные, но фактически не подкрепляются никакими ценностями, характерными для данных культур (тот же институт суррогатного материнства в Беларуси). Кроме того, данные нормы и институты манипулятивно преподносятся таким образом, чтобы идеи об их неприятности представлялись непрогрессивными, «отсталыми». Во многом такая политика срабатывает благодаря своеобразной «моде» на либеральные идеи и ценности, а в первую очередь – стремлению к улучшению материальной стороны жизни, обусловленной кризисом 90-х гг. на постсоветском пространстве. Понятно, что в первую очередь в поле зрения народа попадали «красивые картинки» материально благополучных США и стран Западной Европы, а также образы из многочисленных продуктов киноиндустрии США (отнюдь не шедевров, по большей части боевиков с нескончаемыми сценами насилия, секса, что повлекло, в свою очередь, распространение криминальных сериалов, воспевающих право силы и денег). Ценности, характерные для ментальности как русского, так и белорусского народа (фактически, это тот набор, о котором говорит И. А. Ильин, – духовность личности, сама духовная культура, семья, родина, право, превалирование духовной составляющей жизни над материальной, сочетание личной и общественной жизни), зачастую отходят на второй план перед индивидуализмом, погоней за материальным. Как справедливо отмечает А. Бен Саси, «глобализация вытесняет традиционные ощущения самосознания и принадлежности и заменяет их множеством различных вариантов, которые «борются» за наше внимание в контексте нового мира, где не существует ни границ, ни культуры без непрерывного континуитета» [6].

Таким образом, полагаем, что правовая культура и правовая система могут быть представлены как взаимодополняющие и оказывающие взаимное влияние друг на друга социально-культурные феномены, взаимодействие которых может быть охарактеризовано с позиций теории действия и при помощи функционального анализа, основанных на социологической концепции Т. Парсонса. Ценостная составляющая такого взаимодействия проявляется на следующих уровнях их взаимодействия:

– правовая система как связующее звено между личностью и правовой культурой создается в процессе взаимодействия личностей на основании правовых норм;

– правовое поведение личности формируется, в том числе, через усвоенные ею в процессе правовой социализации и правовой инкультурации паттерны соответствующего поведения;

– правовая культура выступает как система институционализированных правовых ценностных паттернов. Правовые ценности позволяют оценивать соответствующие правовые отношения, выбирать на их основе способ действия, а также являются основой для легитимизации системы социального взаимодействия;

- правовая культура по отношению к правовой системе выполняет функции интеграции, прогнозирования и адаптации, которые особо ярко проявляются в период социальных трансформаций, социальных потрясений и в кризисных ситуациях. В данных функциях максимально проявление ценностной составляющей правовой культуры, так как на основании присущих конкретной правовой культуре ценностей: 1) осуществляется оценка внешних и внутренних угроз целостности правовой системы, 2) прогнозируются возможные варианты развития правовой системы и ее элементов в случае «внедрения» в нее не свойственных ей элементов; 3) правовая система адаптируется к новым элементам, интегрирует их (в случае положительной оценки) либо отвергает их, обеспечивая сохранение традиционных правовых ценностей и целостность (и цельность) правовой системы.

Библиографические ссылки

1. Демидова, И. А. Правовая культура публичных должностных лиц органов местного управления и самоуправления: доктрина, нормативная модель, практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 01 / И. А. Демидова ; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2012. 25 с.
2. Дробязко, С. Г. Право как система и его закономерности / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1999. Вып. 10. С. 3–16.
3. Калинин, С. А. Понятие и структура правовой системы [Электронный ресурс] / С. А. Калинин // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1999. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28873/1/Калинин.pdf>. Дата доступа: 07. 03. 2021.
4. Синюков, В. Н. Российская правовая система: вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00. 01 / В. Н. Синюков ; Сарат. акад. права. Саратов, 1995. 37 с.
5. Мукиенко, И. Н. Многообразие и специфика современных правовых систем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12. 00. 01 / И. Н. Мукиенко ; Моск. ун-т МВД Рос. Федерации. М., 2008. 27 с.
6. Бен Саси, А. Сохранение национального культурного наследия в условиях глобалистского уничтожения национальных культур [Электронный ресурс] / А. Бен Саси // Геополитика. ru. Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/sohranenie-nacionalnogo-kulturnogo-naslediya-v-usloviyah-globalistskogo-unichtozheniya>. Дата доступа: 05. 03. 2021.

СЕКЦІЯ V. ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦІЯ ГАЛІНОВАГА ЗАКАНАДАЎСТВА

КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ю. А. Заіка

заведуючий отделом проблем частного права НІІІ частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор,

НІІІ частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины, ул. Раевского, 23а, г. Киев, Украина,
u.a.zaika@gmail.com

Статья посвящена исследованию такого правового явления как справедливость, которое характеризует общественные отношения на всех этапах развития государства. Раскрыто понятие и содержание принципа справедливости, соотношение справедливости с другими принципами частного права, влияние принципа справедливости на формирование современной системы гражданского законодательства.

Ключевые слова: справедливость; принцип справедливости; источники законодательства; система принципов права; гражданское законодательство.

CATEGORY "JUSTICE" AND THE MODERN CONCEPT OF CIVIL LEGISLATION

Y. A. Zaika

Head of the Department of Private Law Problems of the Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after Academician F. G. National Academy of Legal Sciences of Ukraine named after Burchaka, Doctor of Law, Professor,

Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after Academician F. G. National Academy of Legal Sciences of Ukraine named after Burchaka, 23a, Raevsky Str., Kyiv, Ukraine,
u.a.zaika@gmail.com

The article is devoted to the study of such a legal phenomenon as justice, which characterizes social relations at all stages of state development. The concept and content of the principle of justice, the relationship of justice with other principles of private law, the influence of the principle of justice on the formation of a modern system of civil law are revealed.

Keywords: justice; principle of justice; sources of legislation; system of principles of law; civil legislation.

Одной из фундаментальных базовых правовых категорий являются принципы права. В широком понимании под ними традиционно понимают руководящие положения основные начала права, которые выражают субъективные закономерности, тенденции и потребности общественного развития [7, с. 7]. Руководствуясь принципами права, законодатель совершенствует действующее законодательство, регулирует те общественные отношения, которые ранее не попадали в сферу правового регулирования. Кроме того, принципы права могут непосредственно применяться при регулировании конкретных правоотношений.

Для обоснования концепции принципов гражданского права чрезвычайно важно уяснить их правовую природу, существо, органическую взаимосвязь и проявление. Под содержанием принципа следует понимать не только непосредственную его формулировку в виде конкретной нормы или ряда норм, в широком смысле содержание принципа может включать в себя всю совокупность норм, которые сложились под влиянием того или иного принципа и являются его выражением. Различие в приемах

закрепления основных начал не может служить основанием или признания или отрицания существования того или иного принципа.

В последней кодификации гражданского законодательства практически во всех кодексах государств членов СНГ, в том числе и в Гражданском кодексе (далее ГК) Республики Беларусь, нашли отражение и закрепление такие принципы гражданского законодательства как принцип неприкосновенности собственности; свободы договора; недопустимости произвольного вмешательства в частные дела; добросовестности и разумности и др. [1]. В тоже время законодатель Украины в ст. 3 ГК расширил содержание последнего принципа включив в него кроме добросовестности и разумности еще и справедливость. В доктрине украинского частного права справедливость, добросовестность и разумность рассматривается не как три самостоятельных принципа, а как единый принцип, как это присуще европейскому частному праву (фр. - *bona fideas*). В ГК Российской Федерации принцип справедливости в системе принципов непосредственно не назван, но в ст. 6 указано, что при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Невозможно правильно применять и толковать конкретные законодательные нормы при отсутствии общих принципов той или иной отрасли права, которые являются опорными. И, как справедливо отмечается, на основе норм-принципов нормотворческими органами государства осуществляется формирование новых законов и подзаконных нормативных актов [3, с. 111]. Справедливость как идея относится к основным фундаментальным гуманитарным ценностям. К сожалению, провозглашая справедливость как принцип, как общее начало, которым надо руководствоваться, законодатель содержание этого понятия не раскрывает, несмотря на то, что все нормы гражданского законодательства органически должны содержать идеи справедливости.

Проблема защиты законных прав и интересов участников гражданских правоотношений всегда была и остается в центре внимания представителей науки гражданского права. Так в частности Я. А. Юхом отмечал, что белорусские ученые-цивилисты среди иных проблем главное внимание уделяют и «гражданско-правовому обеспечению прав и интересов граждан» [8, с. 7]. Что же представляет собою понятие справедливость в правовом понимании этой категории? Справедливость относится к тем содержательно ёмким феноменам, которые разрабатываются практически во всех социальных науках. Справедливость выступает в гражданском праве через систему оценочных понятий. Один из известных древнегреческих философов Платон отмечал, что при судебном разбирательстве усилия будут направлены на, то бы никто не захватывал чужого и не лишился своего, и это будет справедливым [6, с. 244]. Иными словами справедливость понималась как определенный и обоснованный баланс между частными и публичными интересами, а также меж конкретными частными интересами участников гражданских правоотношений. В эпоху расцвета римского частного права к пониманию справедливости обращались и римские юристы. Понимание идеи справедливости как правового равенства в правоприменении нашло выражение в комментариях одного из авторитетнейших римских юристов Ульпиана. Характеризуя один из эдиктов он отмечал, что этот эдикт устанавливает положение величайшей справедливости и не может вызвать чье-либо обоснованное неудовольствие: ибо никто не может возражать, чтобы по его делу было вынесено такое же решение, какое он сам выносит для других. Иными словами - право, которое кто-либо считает справедливым применить к другому лицу, должно применяться и в отношении этого же лица (Д. 2. 2. 1) [5, с. 189].

Эта идея нашла выражение в Решении Конституционного Суда Литовской Республики от 22 декабря 1995 г. по делу о соответствии отдельных положений Закона «О порядке и условиях восстановления в правах собственности граждан на

существующее недвижимое имущество». Обосновывая свое решение Конституционный суд отметил, что справедливость не может быть достигнута путем признания интересов только одной группы или одного человека, при этом отрицая другие интересы» [9].

Особенность юридической справедливости заключается в том, что при регулировании общественных отношений справедливость связана с принудительной силой государства и находится под его защитой. Сегодня можно констатировать, что развитие рыночных отношений создают почву для отхода от принципа юридической справедливости. Материальный аспект справедливости определяется наличием правовых норм, отвечающих установленным требованиям справедливости. И ярким примером этого несоответствия является соотношение прав и обязанностей сторон по кредитному договору. Так официальный уровень инфляции в Украине по данным Министерства финансов в 2020 г. был 5 %, а средние ставки по кредитам для физических лиц в банках составляли около 35% годовых [2], нетрудно посчитать размер «справедливого» вознаграждения кредитных учреждений, которые «с позиции силы» диктуют контрагенту условия договора. Поскольку кредитный договор по своей правовой природе является договором присоединения, то клиент практически лишен возможности выдвигать свои условия договора или оспаривать предложенные, поскольку стоит перед дилеммой: заключить договор на предлагаемых кабальных условиях или не получить денег вообще. Условия такого договора займа сложно признать справедливыми. Для сравнения достаточно вспомнить Кодекс византийского императора Юстиниана (первая треть VI в. н. э.), где размер процентов по договору займа ограничивался 6 %, а начисление «процентов на проценты» запрещалось [4, с. 499].

Принципы гражданского права основываются на доктринальных положениях, основанных на идеологии общества; являются нормативно-руководящими началами и сформулированы или в виде конкретной нормы или выражены в содержании ряда гражданско-правовых норм; обладают известной устойчивостью и распространяются на все гражданско-правовые отношения; определяют гражданско-правовую политику государства в сфере регулирования частных отношений; перспективы развития гражданского законодательства путем совершенствования его отдельных институтов и норм, а также защиты законных прав и интересов лиц.

Понятие справедливости в праве не должно быть абстрактным, существовать оторвано об общественной жизни и существующих в обществе реалий. Определяющим признаком любого правового принципа, в том числе и принципа справедливости, должно быть не только его отражение в нормах действующего законодательства на уровне общих начал, но и закрепление понятия принципа, его сущности, содержания, признаков в нормах действующего законодательства. Пока правовая идея не находит своего отражения в нормах действующего законодательства, которые только называют ее, но никак не определяют существо, содержание, она остается принципом на уровне доктрины, что обуславливает невозможность ее применения на практике, в частности, при рассмотрении дел в суде о защите прав и интересов участников гражданского правоотношения.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>
2. Винокуров Я. В правительстве сообщили, какими будут проценты по ипотечным кредитам до конца 2020 года URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/na-bukovine-umer-vtoroj-postradavshij-v-rezultate-pozhara-v-gorodskoj-bolnicy> (Последнее обращение: 23. 02. 2021).
3. Витушко В. А. Курс гражданского права. Общая часть. Том 1. : науч. -практ. пособ. Мин. : БГЭУ. 2001. 414 с.

4. Дождев Д. В. Римское частное право : Учебник / Под ред. В. С. Нерсесянца. М. : ИНФРА М-НORMA, 1997. 704 с.
5. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М. : Зерацало, 1997. 608 с.
6. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. Государство / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. —СПб. : Изд-во С. -Петерб. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. —752 с.
7. Сучасні тенденції розвитку спадкового права (порівняльно-правове дослідження) : монографія / Ю. О. Заіка, Н. Б. Солтис, В. В. Проценко, Є. О. Рябоконь; відп ред. В. В. Луць. К. : НДІ ПрПіП ім. акад. Ф. Г. Бурчака НАПрН України, 2015. 248 с.
8. Юхो Я. А. Юридическая наука в БССР за 60 лет // Правоведение. 1979. № 1. С. 3-10.
9. The Constitutional Court of the republic of Lithuania. Ruling « On the restoration of the ownership rights of citizens to residential houses». 22 December 1995. Case No. 9/95. URL: <https://www.lkt.lt/en/court-acts/search/170/ta981/content> (Last accessed: 23. 02. 2021).

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

C. M. Ананич

доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Белорусская нотариальная палата, заместитель начальника отдела по разработке проектов нормативных правовых актов и учебно-методической работе, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, s.ananich@tut.by

Автор анализирует изменения, внесенные в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье с момента его принятия до настоящего времени и акцентирует внимание на наиболее существенных вопросах правового регулирования Брачного договора в различные периоды времени.

Ключевые слова: брачный договор; общая совместная собственность супругов; договорное регулирование отношений супругов.

MARRIAGE CONTRACT IN THE FAMILY LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

S. M. Ananich

Associate Professor of the Department of International Private and European Law of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Deputy Head of the Department of Preparation of Regulatory Legal Acts and Educational and Methodological Work of the Belarusian Notary Chamber, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, 20, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus s.ananich@tut.by

The author analyses the changes made to the Marriage and Family Code of the Republic of Belarus since its adoption to date and focuses on the most significant issues of the legal regulation of the Marriage Contract at various times.

Key words: marriage contract; common joint property of spouses; contractual regulation of relations of spouses.

На момент обретения Республикой Беларусь независимости на основании Декларации Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 № 193-XII «О государственном суверенитете Республики Беларусь» семейные отношения

регулировались нормами Кодекса о браке и семье Белорусской ССР 1969 года, который затем был переименован в Кодекс о браке и семье Республики Беларусь. Применительно к регулированию имущественных отношений супругов, положения данного кодекса предусматривали в отношении их имущества только один вариант – возникновение общей совместной собственности супругов. Возможность определения отношений супругов на основании их взаимного соглашения (договора) не допускалась. Такое положение сохранялось вплоть до 1999 года, когда был принят Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), согласно ст. 13 которого супруги получили право заключить Брачный договор.

Следует отметить, что определенные изменения в правовом регулировании отношений супругов появились уже с принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 года (далее – ГК), который вступил в силу 1 июля 1999 года (за исключением некоторых положений). Согласно п. 1 ст. 259 ГК имущество, нажитое супругами во время брака, находится в их совместной собственности, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Соответственно, данная норма допускала появление договора между супругами, который мог изменить режим общей совместной собственности в отношении общего имущества супругов, хотя и не было прямого упоминания Брачного договора. В семейном законодательстве возможность заключения Брачного договора появилась со вступлением в силу КоБС – 1 сентября 1999 года.

Основные положения о Брачном договоре, закрепленные в первоначальной редакции ст. 13 КоБС, состояли в следующем: в качестве целей заключения данного договора определены укрепление брака и семьи, повышение культуры семейных отношений, осознание супругами своих прав и обязанностей, ответственности за детей и друг за друга; субъектами Брачного договора могли быть исключительно супруги; соглашение супругов могло относиться к урегулированию их имущественных отношений (в частности, включать соглашения о совместном имуществе и имуществе каждого из супругов; порядке раздела совместного имущества супругов в случае расторжения брака; материальных обязательствах по отношению друг к другу в случае расторжения брака), а также личных неимущественных семейных отношений (в частности, о формах, методах и средствах воспитания детей; месте проживания детей, размере алиментов на них, порядке общения с детьми отдельно проживающего родителя); перечень вопросов, которые могли найти отражение в Брачном договоре, был открыт, поэтому супруги могли определить не перечисленные в ст. 13 КоБС вопросы взаимоотношений между ними, при условии, что это не противоречит законодательству о браке и семье; для Брачного договора определена письменная форма с обязательным нотариальным удостоверением; при определении супругами условий данного договора установлено, что Брачный договор не должен нарушать права и законные интересы других лиц.

Впоследствии нормы ст. 13 КоБС, по мере внедрения института Брачного договора в качестве регулятора отношений супругов, неоднократно подвергались корректировке, на основании чего можно отметить три этапа совершенствования правового регулирования Брачного договора.

Первый этап связан с принятием Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье», согласно которому был расширен субъектный состав Брачного договора, поскольку право на его заключение было предоставлено не только супругам, но и лицам, вступающим в брак. Данная категория не определена в законодательстве и не предусмотрена необходимость подтверждения указанного статуса.»Право на заключение брачного договора существует независимо от подачи заявления о заключении брака» [3]. Однако особенность отношений сторон в этом случае обусловлена нормой, согласно которой для данной категории лиц Брачный договор

вступает в силу со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния, а если эти лица являются несовершеннолетними и не приобрели полной дееспособности, то они заключают Брачный договор с согласия своих родителей (попечителей).

Необходимо отметить, что сущность Брачного договора отражена в его названии и, как справедливо отмечается исследователями, проявляется в теснейшей связи Брачного договора и брака [2], зависимости данного договора от существования брачного союза между супругами. Но возможность заключения Брачного договора лицами, вступающими в брак, не изменяет его сущность, поскольку положения такого договора будут применяться только в том случае, если данные лица заключат в установленном порядке брак. Брачный договор может определять и отношения между бывшими супругами после расторжения брака, но заключен он должен быть в период брака. Таким образом, заключение и (или) действие брачного договора связывается законом со временем существования брака.

Наиболее существенные изменения в правовом регулировании института Брачного договора связаны с принятием Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 342-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье», который определил второй этап корректировки семейного законодательства в рассматриваемой сфере. Однако, несмотря на то, что ст. 13 КоВС была изложена в новой редакции, многие ее положения отражали редакционные изменения.

Прежде всего, были уточнены цели заключения Брачного договора. Причиной данного изменения фактически послужила достаточно распространенная практика заключения супругами Брачных договоров на стадии расторжения брака, в целях урегулирования преимущественно имущественных отношений между ними. Исходя из данных обстоятельств такая цель, как укрепление семьи, была исключена из части 1 ст. 13 КоВС.

Подверглись корректировке и положения, определяющие содержание Брачного договора. Используемые законодателем новые формулировки допускаемых законом соглашений, которые могут быть урегулированы сторонами в Брачном договоре, основной акцент делают на возможности определения имущественных прав и обязанностей супругов. Однако по-прежнему содержание Брачного договора могут составлять и личные неимущественные отношения супругов, поскольку установлено, что в Брачном договоре могут быть определены «иные вопросы взаимоотношений между супругами (порядокнесения каждым из них семейных расходов и т. п.), родителями и детьми, если это не нарушает права и законные интересы других лиц и не противоречит законодательству Республики Беларусь». Соответственно, с учетом открытого перечня возможных условий Брачного договора, изменение формулировок данных условий не носило сущностного характера [1] и фактически было направлено на обеспечение единообразного применения положений о Брачном договоре на практике.

В числе изменений 2012 года также следует отметить положения относительно определения момента прекращения действия Брачного договора – действие Брачного договора прекращается с момента прекращения брака, если иное не предусмотрено Брачным договором. Данное уточнение было необходимо для исключения спорных вопросов практического применения норм о Брачном договоре. Вместе с тем, закрепленный подход отражал сложившееся понимание периода действия данного договора с учетом положений КоВС о возможности определения взаимных прав и обязанностей супругов на случай расторжения брака. Соответственно, Брачный договор, предусматривающий права и обязанности бывших супругов после расторжения брака, действует до их исполнения.

Значительная корректировка положений о Брачном договоре нашла отражение в новой статье 13-1 «Форма и порядок заключения Брачного договора», которой был дополнен кодекс. Как и прежде, сохранена нотариальная форма Брачного договора, но

предусмотрены существенные особенности государственной регистрации Брачного договора и основанного на нем права собственности в отношении недвижимого имущества, с учетом положений, предусмотренных Законом Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним». В зависимости от наличия или отсутствия недвижимого имущества на момент заключения Брачного договора, а также иных особенностей, предусмотренных в договоре, государственная регистрация возможна как непосредственно после нотариального удостоверения Брачного договора, так и после или одновременно с государственной регистрацией создания недвижимого имущества либо возникновения прав в отношении этого имущества.

Третий этап совершенствования правового регулирования Брачного договора обусловлен принятием Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов», в котором было закреплено понятие Брачного договора – это соглашение лиц, вступающих в брак, либо супругов об определении их личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и после его расторжения. Данная норма не только отражает теоретически обоснованные подходы к пониманию сущности Брачного договора, но и позволяет сформировать комплексное представление об особенностях и основных характеристиках данного договора.

Дополнительно стоит отметить также указание на возможность расширения содержания Брачного договора не только за счет регулирования семейных отношений между супругами, но и определения механизма урегулирования потенциальных споров в будущем. Для этого ст. 13 КоВС дополнена нормой, согласно которой в Брачном договоре могут быть определены виды споров между супругами (бывшими супругами), вытекающих из брачных и семейных отношений, которые могут быть переданы ими на рассмотрение третейского суда или для урегулирования с участием медиатора (медиаторов). Появление данного положения отражает тенденцию активизации внедрения способов альтернативного разрешения споров в целях сохранения отношений супругов и оптимального разрешения конфликтных ситуаций между ними.

Таким образом, в процессе совершенствования положений семейного законодательства о Брачном договоре можно выделить три этапа. Первый этап связан с расширением субъектного состава за счет предоставления возможности заключения Брачного договора лицам, вступающим в брак. Второй этап характеризуется изменением целей заключения Брачного договора; корректировкой положений, определяющих содержание Брачного договора, с учетом выработанных в теории и используемых на практике подходов, что не привело к изменению принципов прежнего законодательного регулирования отношений супругов; уточнением норм о возможности действии Брачного договора не только в период брака, но и после его расторжения, что обусловлено особенностями определения условий договора; включением в КоВС специальных положений о форме и порядке заключения Брачного договора с акцентированием внимания на особенностях определения момента государственной регистрации Брачного договора в зависимости от его условий в отношении недвижимого имущества. Наиболее значимым изменением на третьем этапе является закрепление в КоВС понятия Брачного договора, отражающего особые характеристики данного семейно-правового договора относительно его субъектного состава, содержания и периода действия.

Библиографические ссылки

1. Ананич, С. М. Новации правовой регламентации содержания брачного договора / С. М. Ананич // Судовы веснік. 2012. № 3. С. 75-78.

2. Левушкин, А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах - участниках Содружества Независимых Государств и Балтии / А. Н. Левушкин. М. : Юстицинформ. 2012. 208 с.

3. Мыскин, А. В. Правовые проблемы заключения брачного договора до государственной регистрации заключения брака / А. В. Мыскин // Семейное и жилищное право. 2006. № 1. С. 34 – 36.

ВЫЗНАЧЭННЕ ЗМЕСТУ ПАНЯЦЦЯ КАНСТЫТУЦЫЙНА-ПРАВАВОЙ ПРЫРОДЫ

А. Л. Дашкевіч

дактарант кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржсаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук,

*Беларускі дзяржсаўны ўніверсітэт, вул. Ленінградская, 8, 220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь,
ladminsk@mail.ru*

Рассматривается понятие правовой природы в контексте определения содержания понятия «конституционно-правовая природа». Выделяются особенности конституционного права, которые обуславливают специфику понятия конституционно-правовой природы, его соотношения с понятием «правовая природа».

Ключевые слова: правовая природа; правовые явления; конституционное право; конституционно-правовая природа.

DEFINITION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE

A. L. Dashkevich

doctoral student of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty of the Belarusian State University,

candidate of legal sciences,

Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,

ladminsk@mail.ru

The concept of legal nature is considered in the context of defining the content of the concept of "constitutional-legal nature". The article highlights the features of constitutional law, which determine the specifics of the concept of constitutional-legal nature, its relationship with the concept of "legal nature".

Keywords: legal nature; legal phenomena; constitutional law; constitutional-legal nature.

Паняцце канстытуцыйна-прававой прыроды стала ўвайшло ва ўжытак у навуковых даследаваннях у межах вывучэння адпаведных канстытуцыйна-прававых з'яў [гл. напр. : 4, 8]. Адначасова, у адрозненні ад паняцця прававой прыроды, якое дастаткова актыўна даследуеца [гл. напр. : 1, 2, 10, 11], паняццю канстытуцыйна-прававой прыроды надаецца нязначная ўвага. Практычна гаворка ідзе аб простай экстрапаляцыі, вызначанага аўтарам прыярытэтнага разумення прававой прыроды да вызначэння зместу канстытуцыйна-прававой прыроды адпаведнай канстытуцыйна-прававой з'явы. У такіх варунках па-за ўвагай застаецца вызначэнне спецыфікі разглядаемага паняцця, у тым ліку, у дастасаванні да вывучаемага аб'екта. Такі падыход, па нашаму меркаванню, можа прыводзіць не толькі да "скажэння" вынікаў навуковага познання, але і да магчымых дэфектаў у канстытуцыйна-прававым рэгуляванні, што патрабуе вызначэння карэляцый прыкмет, што маюць універсальны харектар, вылучэнні тых, якія заснаваны на асаблівасцях канстытуцыйнага права.

У якасці агульнай дэтэрмінанты з'яўлення катэгорыі прававая прырода ў межах юрыдычнай навукі і практыкі вызначаюць неабходнасць больш дэталевага разумення

розных прававых аб'ектаў. Паняцце прававой прыроды выкарыстоўваецца ў навуковых даследаваннях, прававорчай, праварэалізацыяй (правапрымняльной) дзейнасці. Па меркаванні С. В. Малюгіна, прававая прырода ўяўляе сабою набор пастаянных істотных характырыстык юрыдычнага аб'екта, якія праяўляюцца ў працэсе пазнання. У якасці такіх аб'ектаў выступаюць, у тым ліку, розныя з'явы прававога жыцця, якія патрабуюць асэнсавання свайго месца і ролі ў юрыдычнай дзейнасці. У такой якасці могуць выступаць нормы права (юрыдычныя канструкцыі), галіны права, асобныя сферы дзеяння заканадаўства, нарматыўныя прававыя акты, розныя праваадносіны і грамадскія адносіны [11, с. 48-49].

На думку Р. Б. Галоўкіна, прававыя з'явы ўяўляюць сабою знешнje выражэнне розных аб'ектыўных і суб'ектыўных абставін, фактараў і працэсаў, якія ўплываюць на свядомасць і прававыя паводзіны людзей, з якімі нормы права, як правіла, звязваюць устанаўленне, змяненне і спыненне праваадносін. Канструкцыя прававой з'явы выступае ў выглядзе адносна ўстойлівых і ўзаемазвязаных элементаў, якія характырызуюць тую ці іншую аб'ектыўную ці суб'ектыўную з'яву як прававую. У якасці элементаў такой канструкцыі выступае знешне выяўлены працэс ці факт, рэальнае або патэнцыйнае ўсведамленне гэтага факту ці працэсу, рэгулятыўнае значэнне факта ці працэса, сувязь з працэсам ці фактам у выглядзе ўстанаўлення, змянення і спынення праваадносін [6, с. 193].

Як бачна, асноўная ўвага ў дадзеным выпадку, надаецца ўспрыманню прававой з'явы, у той ці іншай форме, у выглядзе юрыдычнага факта, што, на наш погляд, у дачыненні канстытуцыйна-прававых адносін, павінна карэліраваць з наяўнасцю асаблівасцей у дачыненні структуры нормаў, наяўнасцю на канстытуцыйным узроўні значнай колькасці нормаў-прынцыпаў і адпаведна існаванне агульных канстытуцыйных праваадносін. Па меркаванні прафесара Р. А. Васілевіча ў агульных праваадносінах выяўляюцца юрыдычныя патрабаванні больш высокага ўзроўню, калі не вызначаны іх суб'екты, правы і абавязкі [5, с. 11]. Яны ўзнікаюць непасрэдна з нормы, з'яўляюцца пастаяннымі і доўжацца, разлічаны не на дэталёвае ўрэгуляванне грамадскіх адносін, але на замацаванне грамадскага і дзяржаўнага ўладкавання, агульнага прававога рэжыму. Суб'ектны склад такіх праваадносін адрозніваецца ўсеагульнасцю, адсутнасцю строга індывідуалізаванага характару, яны ахопліваюць усю сістэму суб'ектаў прававых адносін [3, с. 11]. У сваю чаргу, асобнымі навукоўцамі выказваецца іншы пункт гледжання. На іх думку, праваадносіны заўсёды маюць канкрэтныя характеристары. Пры гэтым адзначаецца, што прававое рэгуляванне магчыма не толькі ў межах праваадносін, а таксама праз абсалютныя суб'ектыўныя правы [12, с. 59-60].

Намі адзначалася, што першы падыход дазваляе ў найбольшай ступені ўлічваць спецыфіку канстытуцыйнага права як “галоўнай” галіны права, разглядаць “уключанасць” суб'екта не толькі ў індывідуалізаваныя адносіны з іншымі суб'ектамі, але бачыць у гэтым і рэалізацыю праваадносін, якія найперш заснаваны на канстытуцыйных нормах-прынцыпах. Рэальная відавочнасць існавання агульных канстытуцыйна-прававых адносін магчыма толькі праз іх карэляцыю з канкрэтнымі канстытуцыйна-прававымі адносінамі [7, с. 34-35]. Адпаведна прававыя з'явы, якія вызначаюцца паводле канстытуцыі ў нормах-прынцыпах, характырызуюцца самым высокім узроўнем абагуленасці ў межах галіны і нацыянальной прававой сістэмы ў цэлым. Вызначэнне іх сутнасціх прыкмет, ролі і месца займае прыярытэтнае і вызначальнае становішча адносна іншых прававых з'яў, не толькі ў межах канстытуцыйнага права, але і ў дачыненні іншых галін права.

Менавіта на канстытуцыйным узроўні аб'екты і прадмет рэгулявання ўтрымліваюць найбольш значныя прававыя з'явы, дыферэнцыяцыя якіх, у пэўнай ступені, засяроджваецца на вызначэнні межаў рэгламентацыі з боку канстытуцыйных нормаў, адносна нормаў, што ўтрымліваюцца ў іншых крыніцах канстытуцыйнага права і адпаведных галін права, прававое ўздеянне якіх, у дадзеным выпадку, мае

падпараткаваны, у тым ліку, удакладняючы, канкрэтныя харктар. Пры гэтым нормы канстытуцыйнага права, якія замацаваны ў іншых нарматыўных прававых актах (не на канстытуцыйным узроўні), не маюць усеагульнага прыярытэту ва ўзаемадзяянні з нормамі іншых галін. У сваю чаргу канстытуцыйныя нормы маюць найбольшы ўзровень абагульнення ў дачыненні адпаведных прававых з'яў, вызначаючы асновы канстытуцыйнага ладу, прававыя падставы функцыянування дзяржавы і грамадзянскай супольнасці. Адначасова, прадметы і аб'екты канстытуцыйнага і канстытуцыйнаправавога рэгулявання не супадаюць. Сфера канстытуцыйна-прававога рэгулявання па вызначэнню больш шырокая, паколькі канстытуцыя найбольш важная, але не адзіная крыніца канстытуцыйнага права [9, с. 66].

Падсумоўваючы адзначым, што ўяўляеца перспектыўным ажыццяўляць вызначэнне зместу паняцця канстытуцыйна-прававой прыроды ў межах родавідавой мадэлі праз радавое паняцце “прававая прырода”, якое разглядаеца адносна права ў цэлым. У сваю чаргу відавое адрозненне будзе ўказваць на яго адметнасць у межах канстытуцыйнага права, у першую чаргу, праз спецыфіку прадметаў, аб'ектаў, крыніц канстытуцыйна-прававога рэгулявання. Такім чынам, на наш погляд, канстытуцыйна-прававая прырода можа ўяўляць сабою від прававой прыроды, заснаваны на вызначэнні сутнасці (сутнасных прыкмет), месца і значэння прававой з'явы ў межах канстытуцыйнага права.

Бібліографічныя спасылкі

1. Братусь, Д. Понятие «юридическая природа»: актуальные проблемы теории и практики / Д. Братусь // Юрист. 2009. № 8. С. 28 – 39.
2. Братусь Д. Понятие «юридическая природа»: актуальные проблемы теории и практики (продолжение) / Д. Братусь // Юрист. 2010. № 1. С. 29 - 35.
3. Бурцев, А. А. Система субъектов конституционно-правовых отношений: автореф. канд. юрид. наук: 12. 00. 02 / А. А. Бурцев; Московская государственная юридическая академия. М., 2005. 24 с.
4. Варфоломеева, Н. П. Конституционно-правовая природа и механизм разрешения споров о компетенции органов государственной власти: автореф. канд. юрид. наук: 12. 00. 02 / Н. П. Варфоломеева; Челябинский государственный университет. Челябинск, 2007. 27 с.
5. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь. Учебник. Мн. : Книжный дом; Интерпресссервис, 2003. 832 с.
6. Головкин, Р. Б. Понятие и конструкция правовых явлений / Р. Б. Головкин // Юридическая техника. 2013. №7 (ч. 2). С. 189—193.
7. Дашкевіч, А. Л. Грамадскія аб'яднанні як суб'екты канстытуцыйна-прававых адносін у Рэспубліцы Беларусь / А. Л. Дашкевіч // Право и демократия: сб. науч. тр. Вып. 21. / редкол. : В. Н. Бибіло (гл. ред.) и др. Минск: БГУ, 2010. С. 33 – 42.
8. Зинченко, Е. Ю. Конституционно-правовая природа прав, свобод и обязанностей человека и гражданина / Е. Ю. Зинченко, С. А. Акимова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. №4. С. 6-8.
9. Ким, Ю. В. О предмете и объектах конституционного регулирования / Ю. В. Ким // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. - №3 (101). С. 64-72.
10. Комиссарова Е. Г. Формально-логические аспекты понятия “правовая природа” / Е. Г. Комиссарова // Вестник Пермского университета. Выпуск 2 (16). С. 23-29.
11. Малюгин, С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению / С. В. Малюгин // Российский юридический журнал. 2016. №3. С. 55-58.
12. Чигринов, С. П. Некоторые теоретические проблемы конституционно-правовых отношений / С. П. Чигринов // Современные проблемы правовых отношений: сб. науч. тр. / под ред. В. А. Кучинского и Э. А. Саркисовой; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. С. 52-63.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД

О. М. Куницкая

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, volhakun@mail.ru

В статье проводится анализ правового регулирования инвестиционных отношений с точки зрения их исторического зарождения и развития. Показано, что объективный характер возникновения данных отношений обусловлен определенным уровнем развития экономических отношений. Определены условия и основания участия государства в инвестиционной деятельности.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционные отношения; правовое регулирование.

FORMATION OF INVESTMENT LEGAL RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS: HISTORICAL AND LEGAL VIEW

O. M. Kunitskaya

Associate Professor of the Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity of the Law Faculty of the Belarusian State University, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus, volhakun@mail.ru

The article analyzes the legal regulation of investment relations from the point of view of their historical origin and development. It is shown that the objective nature of the emergence of these relations is due to a certain level of development of economic relations. The conditions and grounds for the participation of the state in investment activities have been determined.

Key words: investments; investment relations; legal regulation.

Теоретическое осмысление и анализ правового регулирования инвестиционных отношений следует осуществлять с точки зрения исторического зарождения и развития указанных отношений, возникающих как в связи с вложением инвестиций, так осуществлением иной деятельности с этим связанной. Историко-правовой взгляд на проблему регулирования инвестиционных отношений призван способствовать более глубокому пониманию процессов, протекающих сегодня в этой сфере, содействовать устранению недостатков в существующем инвестиционном законодательстве, негативных последствий реформирования экономических отношений [2, с. 3].

Кроме того, как нам представляется, специфика правового регулирования данных отношений определяется экономическими особенностями исторического развития страны и ее инвестиционной политики, а также экономических приоритетов и достижений. Так, ключевой особенностью современных имущественных отношений является наметившееся широкое использование перспективных цифровых объектов гражданских прав (виртуальное имущество, цифровой товар (услуга), цифровые права и др.), правовой природа которых позволяет отнести их к инвестициям [5, с. 35].

Нельзя не отметить влияние интеграционных процессов на развитие инвестиционного законодательства в рамках выполнения международных обязательств Республики Беларусь, как государства-члена СНГ, ЕАЭС. Гармонизация национальных

законодательств в сфере регулирования инвестиционной деятельности уже предпринималась еще в 1990-е – начале 2000-х гг. в рамках СНГ и ЕврАзЭС.

Признание инвестиционной сферы важной для развития экономики и в целом для повышения уровня жизни граждан является побудительным мотивом к созданию инвестиционного законодательства. Правовое регулирование возникает, когда государство осознает его необходимость, и тогда инвестиционные отношения становятся правоотношениями [2, с. 10-11].

Примечательно, что авторы разделяют время возникновения отечественных и иностранных инвестиций, а также начало их правового регулирования [2, с. 6].

Начало развития инвестиционного законодательства исторически связывают с принятием нормативного акта, регламентирующего деятельность акционерных (паевых) обществ, участие в которых следует рассматривать как первую форму инвестирования. Возникновение акционерных обществ дало возможность развития портфельного инвестирования.

Первые акционерные общества возникали с целью совершения крупных торговых операций и торговых морских перевозок. Английская Ост-Индская компания, основанная в 1599 г., получила статус постоянно действующего акционерного общества в 1612 г. [6, с. 125].

В России первой акционерной компанией была созданная в 1757 г. Российская в Константинополе торгующая компания, капитал которой состоял из акций. В дальнейшем были созданы: Акционерный эмиссионный банк (1762), Российско-Американская компания (1798) [1, с. 14].

В зарубежной практике первый (до 1917 года) этап развития инвестиционного законодательства характеризуется постоянным поиском на законодательном уровне адекватных решений, которые позволили бы создать правовую базу инвестиционных процессов, протекающих в экономике.

Белорусские земли тогда входили в состав Речи Посполитой (1569–1795). В результате трех разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи в 1772, 1793 и 1795 годах.

В белорусской истории вторая половина XVII – первая половина XVIII в. – это наиболее тяжелый период, который характеризовался экономическим упадком. Многочисленные войны вызвали катастрофические разрушения и эпидемии. Во второй половине XVIII в. происходит подъем экономики Беларуси. В конце XVIII – первой половине XIX в. на белорусских землях проходил процесс разложения феодально-крепостнических отношений [7, с. 127-129]. Начали строиться предприятия, первые вотчинные мануфактуры. Развитие товарности производства, применение принудительного найма, денежная оплата, появление мануфактур – все это свидетельствовало о начавшемся процессе зарождения элементов капиталистического производства [4, с. 61]. Строительство крупных фабрик и заводов, коммунальных объектов было не под силу отдельным капиталистам. Поэтому начали возникать акционерные компании. В 1877 году начало действовать «Гродненское общество водообеспечения и эксплуатации водопроводов» – первое акционерное общество в Белоруссии, положившее начало концентрации капитала. В последней трети XIX века в экономической жизни Белоруссии активную роль начали играть банки [4, с. 135].

Как и само понятие «акционерная компания», так и важнейший правовой принцип, на котором она основана (ограничение ответственности акционеров по делам компании), были известны законодательству Российской империи с XVIII века. Но лишь после 1807 г. учреждение хозяйственных обществ регулировалось Манифестом «О дарованных купечеству выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». 6 декабря 1836 г. утверждается Положение о компаниях на акциях.

В 1917 г. произошло прерывание развития инвестиционного законодательства после Октябрьской революции. Произошла национализация акционерных предприятий на основании документа, который ВЦИК внес на рассмотрение 14 декабря 1917 г., и акции предприятий были аннулированы.

Однако уже в 1922 г. на основе постановления ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах» было разрешено создание АО. Более того, в 1922 г. был принят Гражданский кодекс, устанавливающий правила об акционерных компаниях.

Также были изданы подзаконные акты, например, Положение об акционерных обществах от 17 августа 1927 г., на основании которого было разрешено учреждение государственных АО.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 15 октября 1988 г. № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг» акции распространялись среди работников трудового коллектива, предусматривался также выпуск акций предприятий. Конечно, участие в таких АО не было в полной мере инвестированием, поскольку государство пыталось в тот момент решить проблему доступа работников к управлению предприятием и модернизировать социалистическую систему хозяйствования.

Со временем потребность в возрождении АО увеличивается, и 19 июня 1990 г. Советом Министров СССР было утверждено Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, а также Положение о ценных бумагах [3, с. 66]

Рассматривая развитие инвестиционного законодательства в перестроечный и постперестроечный период, следует отметить, что единственным видом инвестиций в промышленность к 80-м гг. XX в. в РСФСР были государственные капитальные вложения, а регулирование инвестиционной деятельности осуществлялось только посредством прямого участия государства в форме капитальных вложений.

Курс на «ускорение социально-экономического развития», трансформировавшийся в концепцию перестройки, привел к появлению нормативных актов, предопределивших, во-первых, новый этап правового регулирования государственных капитальных вложений и, во-вторых, развитие негосударственных форм инвестирования и соответствующего их правового регулирования.

Законы продемонстрировали зарождающуюся у законодателя во второй половине 80-х годов ориентированность на создание юридической основы для появления частных инвестиций. Появляется форма регулирования посредством создания благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений, выраженная в защите интересов инвесторов (предоставлении гарантий).

С момента обретения Республикой Беларусь независимости в 1991 г. берет свое начало современный этап развития инвестиционного законодательства, принятие самостоятельных нормативных правовых актов.

Первоначально основу правового регулирования инвестиций составили Закон от 29 мая 1991 г. № 824-ХII «Об инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» и Закон от 14 ноября 1991 г. № 1242-ХII «Об иностранных инвестициях на территории Республики Беларусь», который с изменениями и дополнениями действовал на протяжении 10 лет.

В 2001 году в Республике Беларусь был принят Инвестиционный кодекс, который ввел ряд новых норм, регулирующих инвестиционную деятельность. 12 июля 2013 г. на смену Инвестиционному кодексу пришел Закон «Об инвестициях», который был призван создать дополнительные стимулы для привлечения инвесторов, а также более пятидесяти различных правовых актов.

Таким образом, на основании анализа литературных источников становление и развитие инвестиционного законодательства условно можно делить на три периода: дореволюционный, советский и современный.

Инвестиционные отношения – отношения, объективный характер возникновения которых обусловлен определенным уровнем развития экономических отношений. Современные инвестиции невозможны без рыночной экономики, где инвестиционная сфера не может функционировать и развиваться без определенных правовых условий в стране.

Применяя инструменты правового регулирования на каждом историческом отрезке времени, следует находить оптимальные уровень и направление осуществления инвестиций без ущерба для выполнения государством своих социальных обязательств.

Исторический анализ также показал, что усиление непосредственного участия государства в инвестиционной деятельности наблюдается в тяжелое послевоенное время, а также в условиях мировых финансово-экономических кризисов. По мере стабилизации государство делает ставку на частную инициативу и сосредотачивает усилия на создании благоприятных условий для развития инвестиций.

Библиографические ссылки

1. Белицкая, А. В. Основы инвестиционного права Российской Федерации (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») / А. В. Белицкая // Предпринимательское право. 2012. № 1. С. 12-22.
2. Деревякин, А. А. Правовое регулирование инвестиционных отношений в России: историко-правовой анализ / А. А. Деревякин. Дис.... канд. юрид. наук: 12. 00. 01. Саратов, 2010. 189 с.
3. Инвестиционное право: учебник / Н. И. Беседкина, А. М. Косулина, А. А. Овчинников, Е. С. Якимова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 273 с.
4. Ковкель, И. И., Ярмусик, Э. С. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени. Минск: «Аверсэв», 2000. 592 с.
5. Куницкая, О. М. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь / О. М. Куницкая // Право. by. 2020. № 3. С. 34-39.
6. Цветков, В. А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб, 2011. 504 с.
7. Экономическая история: зарубежные страны и Беларусь: учебное пособие для студентов / Черкасов Д. Н. и др. ; под ред. Т. И. Повалихиной Минск: Экоперспектива, 2013. 202 с.

ПЕРАДУМОВЫ ІНСТИТУТА КАМПЕНСАЦЫІ МАРАЛЬНАЙ ШКОДЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ПРАВЕ

В. М. Лянцэвіч

*дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі права УА “Беларускі дзяржсаўны эканамічны ўніверсітэт”,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт,*

*Беларускі дзяржсаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Рэспубліка
Беларусь,*

Liantsevich.volga@yandex.ru

У артыкуле выкладзены гісторыка-прававыя аспекты ўзніклення і развіцця інстытута матэрыяльнай кампенсацыі маральной шкоды ў беларускім нацыянальным праве.

Ключавыя слова: маральная шкода; інстытут матэрыяльнай кампенсацыі маральной шкоды; пакрыццё шкоды; дарэвалюцыянае права.

PRECONDITION OF THE INSTITUTE FOR MORAL HARM COMPENSATION IN BELARUSIAN LAW

O. M. Lantsevich

Associate Professor of the Department of Theory and History of Law of the Belarusian State Economic University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belarusian State Economic University, 26, Partizanski Av., Minsk, Republic of Belarus, Liantsevich.volga@yandex.ru

The article examines the historical and legal aspects of the beginning and development of the institution of material compensation for moral harm in the Belarusian national law.

Keywords: moral damage; the institution of material compensation for moral damage; compensation for harm; pre-revolutionary law.

Катэгорыя “маральнай шкоды” з’явілася ў беларускім заканадаўстве параўнальна нядаўна. Станаўленне інстытута матэрыяльной кампенсацыі маральнай шкоды прыпадае ў нацыянальным праве на перыяд незалежнасці і такім чынам з’яўляецца адным з самых маладых. З’яўленне падобнага інстытута з’яўляецца заканамерным вынікам паступальнага развіцця грамадства, у якім прызнаеца перавага духоўнай сферы жыцця чалавека.

У той жа час карані дадзенай з’явы можна заўважыць у нашым праве ў часы першых дзяржаўных утварэнняў. “Руская Праўда” прадугледжвае шэраг артыкулаў, накіраваных на абарону жыцця, здароўя, гонару, а таксама маёмаснай сферы жыцця чалавека. Пры крадзяжы, незаконным карыстанні чужой рэччу, акрамя кампенсацыі маёмаснай шкоды, усталёўвалася асаблівая грашовая ўзнагарода “за обиду”: у арт. 13 Кароткай, а таксама арт. 34 Паширанай рэдакцыі адзначаецца, што ў выпадку крадзяжу каня, зброі або адзення, акрамя вяртання выкрадзенага, вінаваты плаціць ўласніку яшчэ і 3 грыўні “за обиду” [8, с. 7; 12]. Вырыванне вуса або барады каралася штрафам у 12 грыўняў, а пашкоджанне пальца – у 3 грыўні (арт. 7–8 Кароткай рэдакцыі); пры гэтым адпаведны артыкул Паширанай рэдакцыі (арт. 67) падкрэслівае, што штраф павінен выплючвацца ў выпадку наяўнасці сведкаў пашкоджання барады. Пры ўсёй нелагічнасці дадзенай сітуацыі варта адзначыць, што барада і вусы з’яўляліся сімвалам мужнасці іх гаспадара, таму падобная акцыя разглядалася як значна больш сур’ёзная абрэза, чым фізічная шкода [2, с. 43].

У перыяд Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) пісанае права ў выглядзе прывілеяў замацавала права пацярпелага боку на маральную і матэрыяльную кампенсацыю за прычыненую шкоду [3, с. 6]. Гэтыя ж нормы ў сістэматызаваным выглядзе захаваліся ў статутах ВКЛ. Так, за забойства чалавека ці нанясенне яму цяжкіх цялесных пашкоджанняў законам прадугледжваліся як меры крымінальной адказнасці (смяротнае пакаранне, турэмнае заключэнне, таліён), так і выплата “галаўшчыны” (штрафу за забойства) або “навязкі” (штраф за цялесныя пашкоджанні), якія можна разглядаць як аналаг кампенсацыі маральнай шкоды сваякам загінулага або самаму пацярпеламу [4, с. 46]. Памер кампенсацыі пры гэтым залежаў ад саслоўнага становішча пацярпелага; для непывілеяваных саслоўяў да таго ж – з улікам яго прафесійнай дзейнасці. На памер штрафных санкций ўплывала таксама месца здзяйснення злачынства, і нават этнічнае паходжанне абодвух бакоў [2, с. 48]. Дэталёва рэгламентуюцца памеры галаўшчыны і навязкі ў арт. 1–3, 6 р. 12 Статута 1566 г., а таксама ў арт. 27 р. 11 і арт. 3–7 р. 12 Статута 1588 г.

Асаблівае месца ў Статуте 1529 г. занялі артыкулы, якія папярэджвалі беспадстаўныя абвінавачванні суддзяў з боку ўдзельніка судовага працэсу (арт. 1 р. VI), а таксама нормы, накіраваныя на папярэджанне актаў, якія абражают гонар і годнасць

удзельнікаў працэсу падчас судовага пасяджэння: “Коли бы хто на другого рукою своею сягнул, пхнул, торгнул албо ударил перед судом, а не зринил, а тым-то сяганем суду кгвалт вчинил...” – караўся штрафам ў 12 руб. грошаў і пазбаўлення шляхецтва (арт. 17, р. VI). Разам з тым была прадугледжана адказнасць самога суддзі за абрэз у дзяянні [2, с. 47].

Пасля далучэння беларускіх зямель да царскай Расіі ў канцы XVIII ст. на іх паступова было распаўсюджана агульнае заканадаўства Расійскай імперыі. У цэлым кампенсацыя маёмынай шкоды ажыццяўлялася ў грашовым і натуральным выражэнні ў залежнасці ад фактычных страт. Што ж тычыцца маральнай шкоды, то сустракаліся як прыхільнікі, так і праціўнікі яе выплаты. У дарэвалюцыйным праве ўпершыню праблема кампенсацыі маральнай шкоды была закранутая правіламі Закона ад 21 сакавіка 1851 г. [7, с. 210–224]. Увогуле задавальненне маральнай шкоды не прызнавалася, за выключэннем двух выпадкаў: 1) плацёж за адсутнасць гонару, нанясенне асабістай крыўды, які прысуджаецца па просьбe пакрыўджанага у памеры ад 1 да 50 руб., прычым патрабаванне плацяжу за адсутнасць гонару не магло быць злучана з патрабаваннем пакарання вінаватага; 2) плацёж сумы за неправамернае асуджэнне і пакаранне па віне суда ў памеры ад 100 да 600 руб., калі пакаранне адбывалася ў турме, і ў памеры ад 10 да 60 руб., калі былі прызначаны папраўчыя работы. Аднак дарэвалюцыйны расейскі цывіліст С. А. Бяляцкін лічыў, што грамадзянскі закон не перашкаджае кампенсацыі маральнай шкоды ў іншых выпадках, паколькі ў законе няма “...даже тени напоминания о том, что возмещению подлежит исключительно материальный ущерб”, і “...раз закон не выразил своего категорического веления по этому предмету, он по меньшей мере развязал руки практике и, не заполнив всего содержания понятия, оставил место для приспособления закона к нуждам жизни” [1, с. 14].

У праве дарэвалюцыйнага перыяду намецілася развіцце тэарэтычных асноваў кампенсацыі маральнай шкоды. У 1913 г. было апублікавана рашэнне Сената па справе Дамбы, № 46 за 1909 г., у якім развіваецца тэорыя кампенсацыі нематэрыяльной шкоды. Па ўказанні Сената ў гэтым рашэнні закон, усталёўваючы адказнасць за прычыненую шкоду, не абмяжоўвае паняцце шкоды адным толькі матэрыяльным уронам пацярпелага: пад паняццем шкоды, у адрозненне ад страт, трэба разумець ўсякую шкоду, усякае зло, якому падвергнуўся пацярпелы. Далей, заўважае Сенат, хоць грошы ў падобных выпадках – далёка недасканалы способ узнагароды, але, тым не менш, могуць, да вядомай ступені, кампенсаваць для асобы зло, прычыненае ёй. Пазбаўленне ж чалавека ўсялякага права на такую кампенсацыю не апраўдвалася б ні законам, ні справядлівасцю [4, с. 70]. У 1917 г. быў распрацаваны праект закона “Аб абавязацельным праве”, які прадугледжваў пакрыццё нематэрыяльной шкоды пры: 1) цялесным пацкоджанні; 2) пазбаўленні волі, нават калі пацярпелы не панёс стратаў; 3) блудзе і спакушэнні; 4) у выпадку невыканання даўжніком сваіх абавязацельстваў, 5) наяўнасці намеру або грубай неасцярожнасці. Іншымі словамі, прадугледжвалася адказнасць за маральную шкоду ва ўсіх дагаворных адносінах і толькі ў некаторых дэліктах. Вядома, апошняя акалічнасць бачыцца недахопам праекта. Але ўсё ж яго прыняцце было б сур'ёзным крокам наперад па шляху ўдасканалення грамадзянскага заканадаўства. Приняцце праекта аказалася немагчымым па аўтэнтычных прычынах.

У адрозненне ад грамадзянскага права, у крымінальным і крымінальна-працэсualным заканадаўстве дарэвалюцыйнай Расіі існаваў парадынальны аналаг інстытута кампенсацыі маральнай шкоды. Неабходнай падставай для прад'яўлення патрабавання аб выплаце грашовай кампенсацыі (пені), якая не перавышала 50 рублёў, нароўні з крымінальной задавальненнем, з'ўлялася “асабістая крыўда”, – дзяянні, якія наносяць шкоду гонару і годнасці чалавека [5, с. 34]. Пры гэтым многія вядомыя дарэвалюцыйныя прававеды лічылі прад'яўленне такога патрабавання недапушчальным, што было хутчэй за ўсё звязана з менталітэтам дваранскага саслоўя, да якога належалі юрысты таго часу. На думку вядомага правазнаўцы Г. Ф. Шаршаневіча, асабістая абрэз

не паддаецца маёмынай ацэнцы, паколькі прычынне маральную, а не маёмынай шкоду, а атрыманне грашовай кампенсацыі за нанесеную крыўду і зусім прыніжае годнасць чалавека [9, с. 402].

Падзеі каstryчніка 1917 г. паклалі пачатак знішчэнню дзяржавай і прававой сістэмы Расійскай імперыі. Буржуазнае заканадаўства адмянялася, “...паколькі яно супярэчыла рэвалюцыйнай правасвядомасці”. У сувязі з гэтым пакрыцце маральную шкоды ў ліку іншых “чыста буржуазных” інстытутаў было на доўгія гады забыта ў тэорыі і практыцы савецкага права. Пераважным аказалася меркаванне аб недапушчальнасці такога пакрыцця, у сувязі з чым грамадзянскае заканадаўства савецкай Расіі да 1990 г. не прадугледжвала ні самога паняцця маральной шкоды, ні магчымасці яе кампенсацыі. Судовая практыка ў адпаведнасці з пануючай дактрынай адрознівалася стабільнасцю ў гэтым пытанні, і суды нязменна адмаўлялі ў зредку прад'яўляемых ісках аб кампенсацыі маральной шкоды ў грашовай форме [10, с. 148]. Сутнасць савецкай дактрыны заключалася ў тым, што прынцып кампенсацыі маральной шкоды разглядаўся як класава чужы для сацыялістычнага правапарадку. Асоба савецкага чалавека, з пазіцыі савецкага заканадаўцы і правапрымніцеля, знаходзіцца на такім недасягальным узроўні, што яе ніяк нельга ацэніваць за грошы. Аднак ідэя прыхільнікаў кампенсацыі маральной шкоды заключалася не ў вымярэнні асабістых немаёмынай правоў ў грошах, а ў абавязку правапарушальніка да дзеянняў маёмынага характару, накіраваных на згладжванне вастрыні перажыванняў, выкліканых правапарушэннем, г. зн. грошы разглядаліся не ў якасці эквівалента перанесеных пакут, а як крыніца станоўчых эмоцый, здольных поўнасцю або часткова пагасіць негатыўны ўзар, які быў прычынены псіхічнага чалавека ў выніку парушэння яго правоў.

Пазітыўныя погляды на гэту проблему, якія выказваліся ў асноўным да пачатку 1930-х гадоў, не падзейнічалі на заканадаўства і судовую практыку. Пасля поўнай перамогі сацыялізму ў СССР гэтыя дыскусіі спыніліся, і ў далейшым у выніку адпаведнай прарапаганды ў грамадскай правасвядомасці ўяўленні аб недапушчальнасці ацэнкі і кампенсацыі маральной шкоды ў маёмынай форме глыбока ўкараніліся. Дыскусія ў савецкай юрыдычнай навуцы зводзілася да прызнання альбо непрызнання маральной шкоды як юрыдычнага факту, які параджае адносіны адказнасці. Т. Корань вылучае наступныя падыходы: 1) поўнае адмаўленне кампенсацыі маральной шкоды; 2) кампенсацыя толькі ў асобных, вызначаных законам выпадках; 3) кампенсацыя ва ўсіх без выключэння выпадках яе прычынення [6, л. 3].

Фарміраванне інстытута кампенсацыі маральной шкоды ў беларускім праве прыйшло доўгі шлях, на працягу якога выспявалі асноўныя яго характарыстыкі; яно мела шматступенны і супярэчлівы характар. Першыя прыкметы бачацца ў часы “Рускай праўды”, што сведчыць аб звычайніх харэктары і мажлівай дадзяржаўнай традыцыі. У часы ВКЛ матэрыяльная кампенсацыя, звязаная з цялеснымі пашкоджаннямі і смерцю, насіла ярка выражаны саслоўны харэктар, што адпавядала ўзроўню тагачаснага грамадства. Першыя намаганні кампенсацыі маральной шкоды ў расійскім дарэвалюцыйным праве прыпадаюць на другую палову XIX ст., пры гэтым варта адзначыць элементы падыходу, харэктэрнага для сучасных дзяржаваў, з вызначэннем прыярытэту каштоўнасці чалавечай асобы. Менавіта па гэтай прычыні, як класава чужую, буржуазную, кампенсацыю маральная шкода не змагло замацаваць савецкае права. Толькі прызнанне на дзяржаўным узроўні прыярытэта каштоўнасці чалавечай асобы, імкненне абараніць не толькі матэрыяльную, але і духоўную сферу жыцця, дало мажлівасць сформіраваць у грамадзянскім праве інстытут матэрыяльной кампенсацыі маральной шкоды, які, безумоўна, патрабуе далейшай прававой рэгламентацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беляцкін, С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. А. Беляцкін, вступ. ст. Е. А. Борисовай. М. : Горадец, 2005. 62 с.

2. Вішнеўская, І. У. Да пытання аб абароне асабістых немаёмасных правоў па заканадаўству Беларусі (Х – XVI стст.) / І. У. Вішнеўская // Актуальные проблемы гражданского права. № 2 (10). 2017. Минск : Международный университет “МИТСО”, 2017. С. 42 – 50.
3. Возмещение вреда : информационный дайджест / ГУ “Витебская областная библиотека им. В. И. Ленина” ; Публичный центр правовой информации ; [Сост. А. И. Федулова]. Витебск, 2016. 26 с.
4. Голубев, К. И. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности / К. И. Голубев, С. В. Нарижний. 3-е изд., испр. и доп. С-Пб. : Юрид. центр пресс, 2004. 325 с.
5. Ершова, Е. В. История развития и современное правовое регулирование компенсации морального вреда в России / Е. В. Ершова // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. : Право. 2015. № 1-2. С. 33–41.
6. Корень, Т. А. Компенсация морального вреда в гражданском праве Республики Беларусь : дис. . . . канд. юрид. наук: 12. 00. 03 / Т. А. Корень. Минск, 2004. 112 л.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. XXVII. Отд. 1. СПб., 1852. С. 210 – 224.
8. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (Х век – 1917 год) / Сост. д. ю. н., проф. В. А. Томсинов. М. : ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2015. 381 с.
9. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права: По изданию 1907 года / Вступ. ст. Е. А. Суханова. М. : “Спарк”, 1995. 556 с.
10. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда : анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. 3-е изд., испр. и доп. М. : Волтерс Клювер, 2004. 320 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. Н. Романова

*заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета
Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
olgeras2@mail.ru*

Анализируется история становления и развития международного гражданского процесса Республики Беларусь (1991-2021 гг.). Определены основные этапы и тенденции в развитии международного гражданского процесса Республики Беларусь.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; гражданский процессуальный кодекс; хозяйственный процессуальный кодекс; реформирование гражданского и хозяйственного судопроизводства.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL CIVIL PROCESS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. N. Romanova

*Head of the Department of Civil Procedure and Labor Law of the Law Faculty of the Belarusian State
University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
olgeras2@mail.ru*

The article analyses the history of the formation and development of the international civil process of the Republic of Belarus (1991-2021). The author defines the main stages and trends in the development of the international civil process of the Republic of Belarus.

Keywords: international civil procedure; civil procedure code; economic procedure code; reforming civil and economic proceedings.

Международный гражданский процесс Республики Беларусь (далее – МГП), как объединение институтов гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права [1, с. 255-256] с момента обретения в 1991 г. Республикой Беларусь независимости по сегодняшний день прошел серьезный путь в своем развитии. Являясь неотъемлемой частью цивилистического процессуального права, МГП развивался в русле реформирования гражданского и хозяйственного судопроизводства, пройдя в своем развитии все соответствующие этапы. В качестве нормативного наследия СССР в сфере гражданского судопроизводства вплоть до 1999 г. применялся Гражданский процессуальный кодекс Белорусской ССР 1964 г. (далее – ГПК 1964 г.). В 1991 г. был принят и введен в действие с 1 июля 1991 г. Хозяйственный процессуальный кодекс Белорусской ССР (далее – ХПК 1991 г.). Следующей важной вехой в развитии МГП Республики Беларусь явилась кодификация 1998-1999 гг., в результате которой были приняты новые цивилистические процессуальные кодексы: Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. (далее – ГПК 1999 г.) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. (далее – ХПК 1998 г.). Объем настоящей статьи не позволяет провести детальный историко-правовой анализ становления и развития международного гражданского процесса, в связи с чем ограничимся лишь основными, наиболее, с нашей точки зрения, важными и принципиальными аспектами правового регулирования МГП во внутреннем процессуальном законодательстве Республики Беларусь в период с 1991 г. по настоящее время.

В ГПК 1964 г. вопросам международного гражданского процесса был посвящен раздел VI, который назывался «Гражданские процессуальные права иностранных граждан и лиц без гражданства. Иски к иностранным государствам, судебные поручения и решения иностранных судов международные договоры и соглашения». Данный раздел базировался на соответствующем разделе Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г., которым по оценкам некоторых исследователей был совершен «законодательный прорыв в сфере регулирования правовой помощи по гражданским делам» [2, с. 196].

Первоначально данный раздел содержал 6 статей (393-398 ГПК 1964), в которых регулировались основные вопросы международного гражданского процесса с разной степенью детализации. Только один этот количественный показатель наглядно, с нашей точки зрения, характеризует степень развития права того времени. Какой же была качественная, содержательная составляющая правового регулирования?

ГПК 1964 г. (ст. 393) в полном соответствии с Конституцией СССР (ст. 37), Законом «О правовом положении иностранных граждан» от 24. 06. 1981 г. (ст. 21) гарантировал иностранным гражданам право обращаться в суды Республики Беларусь и пользоваться гражданскими процессуальными правами наравне с гражданами Республики Беларусь. Аналогичным, в целом, образом был решен вопрос о праве на судебную защиту лиц без гражданства (ст. 394 ГПК 1964 г.) и иностранных предприятий и организаций (ч. 2 ст. 393 ГПК 1964 г.).

Вопросам международной подсудности в ГПК 1964 г. была посвящена ст. 394-1 (введена в 1977 г.), в соответствии с которой подсудность судам Республики Беларусь гражданских дел по спорам, в которых участвовали иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные предприятия и организации, а также по спорам, по которым хотя бы одна из сторон проживала за границей, определялась законодательством Республики Беларусь. При этом специальных правил определения компетенции судов Республики Беларусь в указанных случаях в разделе VI ГПК 1964 г. не содержалось и под законодательством Республики Беларусь подразумевались нормы статей 112-117

ГПК, которые выполняли таким образом двойную функцию – регулировали и международную, и внутригосударственную подсудность.

Отдельная норма в ГПК 1964 г. была посвящена искам к иностранным государствам и дипломатическому иммунитету (ст. 395 ГПК), в которой, учитывая политico-правовые реалии того времени, была отражена концепция абсолютного иммунитета.

Две статьи ГПК 1964 г. регулировали оказание международной правовой помощи в форме исполнения судебных поручений (ст. 396 ГПК 1964 г.) и исполнения решений иностранных судов и арбитражей (ст. 397 ГПК 1964 г.). При этом правовое регулирование исполнения судебных поручений иностранных судов и обращения судов Республики Беларусь с поручениями к иностранным судам было гораздо более детальным по сравнению с другими нормами раздела VI ГПК 1964 г. и, в конечном, итоге практически полностью было заимствовано в ГПК 1999 г.

Вопросам признания и исполнения иностранных судебных решений была посвящена одна отыюочная статья (ст. 397). В отличие от оказания правовой помощи в форме исполнения судебных поручений, исполнение иностранных судебных решений в отсутствие международного договора было невозможн[4, с. 526].

Первая кодификация в сфере хозяйственного судопроизводства, состоявшаяся в 1991 г. проходила под огромным влиянием традиций регулирования производства дел в государственных арбитражах [3, с. 96]. Были урегулированы лишь некоторые вопросы международного гражданского процесса и то крайне фрагментарно. В частности, иностранным юридическим и физическим лицами было предоставлено право на обращение в хозяйственный суд (по смыслу ст. 2 ХПК 1991 г. – наравне с юридическими и физическими лицами Республики Беларусь); были урегулированы также порядок представления доказательств иностранными юридическими и физическими лицами (ст. 7 ХПК 1991 г.), некоторые вопросы уплаты этими субъектами государственной пошлины (ст. 43). ХПК 1991 г. содержал также отыюочную норму (ст. 109) об исполнении решений судов иностранных государств, а также норму, устанавливающую приоритет международных договоров (ст. 110).

В ГПК 1999 г. и в ХПК 1998 г., отличались от своих предшественников значительно. Серьезным образом изменилась количественная и качественная составляющая норм международного гражданского процесса. Впервые в Республике Беларусь термин «международный гражданский процесс» нашел свое легальное закрепление в качестве названия соответствующего раздела в ГПК 1999 г. (раздел X). Правовое регулирование вопросов международного гражданского процесса в первоначальной редакции процессуальных кодексов было максимально схожим. Существенные отличия появились только в 2004 г., когда ХПК был изложен в новой редакции (Закон Республики Беларусь от 06. 08. 2004 N 314-3).

На сегодняшний день в ГПК 1999 г. и ХПК 1998 г. выделены в качестве самостоятельных структурных подразделений две совокупности норм:

нормы, регулирующие рассмотрение и разрешение дел, осложненных иностранным элементом (раздел X ГПК, глава 27 ХПК);

нормы, регулирующие признание исполнение (разрешение принудительного исполнения) иностранных судебных (арбитражных) решений (Приложение 4 к ГПК, глава 28, 29 ХПК).

Впервые в процессуальном законодательстве были закреплены специальные принципы судопроизводства при рассмотрении гражданских и хозяйственных (экономических) дел с участием иностранных граждан и юридических лиц (в процессуальных кодексах в настоящее время использованы разные способы фиксации данных принципов, что однако не изменяет вывода об их единстве).

Серьезные изменения коснулись процессуального положения зарубежных участников гражданского и хозяйственного процесса – процессуальная дееспособность

субъектов гражданского процесса стала определяться по личному закону указанных лиц; появились различия в вопросе предоставления иммунитета иностранным государствам (в отличие от ГПК, сохранившего в этом вопросе преемственность ГПК 1964 г., в ХПК 1998 г. появилась норма, отражающая концепцию функционального иммунитета). Изменения произошли и в вопросах представительства иностранных лиц в судах Республики Беларусь. В соответствии со ст. 551 ГПК иностранным гражданам и юридическим лицам было предоставлено право свободно и беспрепятственно пользоваться услугами иностранных адвокатов.

Для определения компетенции судов по трансграничным спорам и в ГПК 1999 г. и в ХПК 1998 г. сформулированы специальные нормы, т. е. предпринята попытка отхода от теории двойной функции. При этом следует признать, что в рамках хозяйственного судопроизводства эта попытка оказалась гораздо более успешной [5, с. 75-77]. ХПК 1998 г. содержит большое количество «привязок» к территории Республики Беларусь, позволяющих определить компетенцию белорусских судов (ст. 235), в том числе тесную связь спорного правоотношения с территорией Республики Беларусь.

Значительные изменения произошли в правовом регулировании порядка признания и разрешения принудительного исполнения иностранных судебных решений. До 2014 г. признание и исполнение иностранных судебных решений в порядке гражданского судопроизводства было обусловлено наличием международного договора, т. е. действовал принцип конвенциональной экзекватуры, в отличие от хозяйственного судопроизводства, где от этого принципа законодатель отказался с момента принятия ХПК 1998 г., предусмотрев возможность признания и исполнения иностранных судебных решений на началах взаимности.

Изменения, вносимые в ГПК 1999 г. последние несколько лет продемонстрировали тенденцию расширения круга вопросов, требующих, с точки зрения законодателя, специального регулирования, если в правоотношении в той или иной степени присутствует иностранный элемент. Так, законом Республики Беларусь от 8 ноября 2018 г. № 142-З в ГПК введена ст. 561-1 «Особенности рассмотрения просьб о взыскании алиментов на основании Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи»; законом Республики Беларусь от 18. 12. 2019 N 277-З в раздел VI «Исковое производство в суде первой инстанции» введена глава 28-2 «Производство по делам о возвращении ребенка или об осуществлении прав». Даже без глубокого анализа перечисленных норм, очевидны, на наш взгляд, определенные проблемы правового регулирования, связанные в первую очередь с отсутствием внутренней согласованности однопорядковых и однородных по своему характеру норм.

Подводя итог анализу некоторых аспектов становления и развития МГП в качестве основного вывода следует отметить следующее: МГП, будучи составной частью цивилистического процесса Республики Беларусь подчинялся в своем развитии основным тенденциям развития гражданского и хозяйственного процессов. Это явилось одной из причин того, что в настоящее время правовое регулирование вопросов, относящихся к предмету МГП в цивилистических процессуальных регламентах Республики Беларусь имеет существенные, не обусловленные спецификой регулируемых отношений различий.

Библиографические ссылки

1. Романова О. Н. К вопросу о понятии международного гражданского процесса / О. Н. Романова // Право и демократия: Сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т; Гл. ред. В. Н. Бибило. Минск: БГУ, 2013. Вып. 24. С. 249-259.
2. Григорьева, О Г. Международная правовая помощь по гражданским делам в советском праве. Историко-правовое исследование: монография / О. Г. Григорьева. - М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 335 с.

3. Колядко И. Н. Основные направления реформы Гражданского и хозяйственного судопроизводства в Республике Беларусь и других странах СНГ / Колядко И. Н. / Промышленно-торговое право. 2002. № 3. С. 91-102.

4. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР / Белова Т. А., Брежнева Ж. Д., Колядко И. Н. и др. ; Под общ. ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Мин. : Беларусь, 1989. 542 с.

5. Романова О. Н. Понятие, сущность и основные проблемы правового регулирования международной подсудности / О. Н. Романова // Право. 2017. - № 1 С. 69-77

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В. П. Скобелев

*заместитель декана по заочному обучению юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
s_v_p@tut.by*

В статье исследуется вопрос о соотношении юридической силы декретов, указов и процессуальных кодексов. Автор показывает, что в настоящее время декреты и указы имеют приоритет над процессуальными кодексами, но это соотношение не всегда имеет позитивный характер.

Ключевые слова: цивилистический процесс; декрет; указ; кодекс.

NORMATIVE LEGAL ACTS OF THE HEAD OF STATE AS SOURCES OF REGULATION OF THE CIVIL PROCESS

V. P. Skobelev

*Deputy Dean for Distance Learning of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
s_v_p@tut.by*

The article examines the issue of the relationship between the legal force of decrees, decrees and procedural codes. The author shows that currently decrees and decrees have priority over procedural codes, but this ratio is not always positive.

Key words: civil process; decree; edict; code.

Цивилистический процесс (т. е. гражданское и хозяйственное судопроизводство), как и любые иные области общественных отношений, нуждаются в ясной, непротиворечивой и иерархичной системе источников права. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА 2018 г.) определенные шаги в этом направлении сделал. Прежде всего Закон о НПА 2018 г. внес окончательную определенность в вопросе о том, как соотносятся друг с другом по юридической силе законы (в том числе кодифицированные) и нормативные правовые акты Главы государства. Норма п. 2 ст. 23 Закона о НПА 2018 г. гласит, что «в случае расхождения декрета или указа Президента Республики Беларусь с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа Президента Республики Беларусь были предоставлены законом. Такие полномочия должны быть оформлены в заключительных положениях закона».

Принципиально новым моментом здесь, по сравнению с аналогичной нормой ч. 3 ст. 137 Конституции Республики Беларусь и ч. 3 ст. 10 Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. №361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о НПА 2000 г.), является фраза «такие полномочия должны быть оформлены в заключительных положениях закона». Поскольку в заключительных положениях законов обычно упоминается не Президент Республики Беларусь, а Правительство (ему даются поручения по обеспечению приведения актов законодательства в соответствие с тем или иным законом, предоставляются полномочия по принятию собственных нормативных правовых актов и т. д.), то не будет ошибкой сделать вывод общего плана: декреты и указы Главы государства теперь всегда будут иметь верховенство над законами.

Правда, остается открытым вопрос (поскольку Закон о НПА 2018 г. по смыслу его ст. 66, главы 10 не имеет обратной силы), каким образом полномочия на издание декретов и указов должны были оформляться в законах (в том числе кодексах), принятых до начала действия Закона о НПА 2018 г., и, соответственно, в каких случаях декреты и указы (как ранее изданные, так и новые) обладают перед такими законами преимуществом. Хотя, например, у самих разработчиков декретов (указов) решение данного вопроса сомнений не вызывало и зачастую непосредственно в сам текст декретов (указов) ими включалась формулировка, свидетельствовавшая о безоговорочном верховенстве декретов (указов) над законами: «до приведения актов законодательства в соответствие с настоящим Декретом (Указом) они применяются (или действуют) в части, не противоречащей настоящему Декрету (Указу)» (см., например, п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 23 июля 2013 г. №320 «О некоторых вопросах урегулирования коллективных трудовых споров»). И, как показывала практика, эта формулировка правоприменительными органами неукоснительно соблюдалась.

Безусловно, можно немало дискутировать о том, насколько новелла п. 2 ст. 23 Закона о НПА 2018 г. (равно как и сложившийся до Закона о НПА 2018 г. в практике нормотворчества и правоприменения подход к соотношению законов и декретов, указов) с теоретической точки зрения является удачной и правильной, но один несомненно положительный момент все же в ней есть: решение законодателя вносит полную определенность в иерархию названных нормативных правовых актов, а такая определенность в сфере цивилистического судопроизводства очень важна, поскольку нередко нормативные правовые акты Главы государства предусматривают положения, расходящиеся с содержанием норм ГПК и ХПК.

Так, Декрет Президента от 5 марта 1999 г. №9 «О вступлении в силу Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь» фактически отменил действие ст. 562 ГПК (она определяла моментом вступления ГПК в силу день его официального опубликования), т. к. установил, что ГПК начинает действовать с 1 июля 1999 г. Декретом Президента от 12 марта 2003 г. №9 «О совершенствовании хозяйственного судопроизводства» был значительно расширен перечень требований, которые могли разрешаться по правилам ХПК в приказном производстве, а также введены правила о составлении хозяйственными судами мотивированной части решения лишь по ограниченному числу категорий экономических дел (впоследствии эти новеллы были имплементированы в новую редакцию ХПК).

Нормативными правовыми актами Главы государства также были фактически скорректированы (пока не были приняты законы о внесении соответствующих изменений и дополнений в процессуальное законодательство): положения ХПК о наименовании, структуре и компетенции судебных органов хозяйственной юрисдикции (Декрет Президента от 29 ноября 2013 г. №6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь», Указ Президента от 29 ноября 2013 г. №529 «О некоторых вопросах деятельности судов Республики Беларусь»); правила ГПК и ХПК о порядке

организации и ведения исполнительного производства (Указ Президента от 29 ноября 2013 г. №530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов»); нормы ГПК, а затем и ХПК о категориях требований, подлежащих разрешению в приказном производстве (Указ Президента от 11 августа 2011 г. №366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности»).

Изложенное с очевидностью говорит о том, что нормативные правовые акты Главы государства должны входить в число источников регулирования цивилистического процесса. В ХПК данное положение в полном объеме учтено: ч. 1 ст. 5 ХПК предусматривает, что судопроизводство в судах экономической компетенции регламентируется в том числе декретами и указами Президента Республики Беларусь, а почти все содержащиеся в тексте ХПК бланкетные нормы (абз. 7, 20 ст. 1, ст. 2, ч. 1-3 ст. 6, абз. 4, 5, 8 ч. 1 ст. 7, ст. 13 и др.) оперируют выражением «законодательные акты», которое всегда охватывало собой также декреты и указы (см. определение этого термина в абз. 6 ст. 1 Закона о НПА 2000 г., п. 5 ст. 2 Закона о НПА 2018 г.). Норма ст. 2 ГПК также включает декреты и указы Президента в состав законодательства о гражданском судопроизводстве, правда, не прямо, а через ссылку на то, что судопроизводство по гражданским делам помимо Конституции, ГПК регулируется «и другими законодательными актами Республики Беларусь». В то же время имеющиеся в ГПК бланкетные нормы очень часто используют термин «законы» (п. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 23, ч. 1 ст. 58, ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 86 и др.), что в ряде случаев приводит к ничем не оправданным коллизиям с нормативными правовыми актами Главы государства.

Например, ч. 15 ст. 47 ГПК допускает возможность установления правил альтернативной подсудности другими законами Республики Беларусь. Между тем именно Декретом Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (ч. 1 п. 11) было разрешено предъявление исков о взыскании расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении, также по месту нахождения детей на государственном обеспечении. Норма ч. 4 ст. 47 ГПК была дополнена таким положением лишь Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. №315-З.

Далее, согласно ч. 2 ст. 361 ГПК в порядке особого производства другие дела рассматриваются в случаях, предусмотренных законами Республики Беларусь. Но одна из категорий таких дел совсем не так давно была предусмотрена нормативным правовым актом Главы государства. Так, Указом Президента от 25 августа 2016 г. №319 «О внесении дополнений и изменений в указы Президента Республики Беларусь» (в той части, в которой он касался корректировки Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента от 10 января 2005 г. №9) было закреплено, что в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения дел особого производства, подлежат рассмотрению дела об ограничении физических лиц в посещении игорных заведений и участии в азартных играх. Причем несмотря на то, что эти положения вступили в силу спустя год после официального опубликования названного Указа (с 28 августа 2017 г.), соответствующими правилами ГПК был дополнен только в январе 2018 г. (см. Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. №94-З).

По смыслу п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК в порядке приказного производства допустимо разрешение лишь требований, перечисленных в ч. 1 ст. 394 ГПК, в противном случае судья должен отказать в принятии заявления о возбуждении приказного производства. Однако нередко перечень гражданских дел приказного производства расширяется нормативными правовыми актами Главы государства, которые, как мы уже отметили выше, имеют приоритет перед ГПК. Так, Декрет Президента от 24 ноября 2006 г. №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях»

впервые предусмотрел взыскание в приказном производстве (при соблюдении некоторых условий) расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении, с обязанных лиц (сейчас эта норма находится в ч. 5 п. 9 данного Декрета). В ч. 1 ст. 394 ГПК соответствующий новый пункт был включен спустя достаточно длительное время – Законом Республики Беларусь от 5 января 2008 г. №315-З. Декрет Президента от 7 декабря 2012 г. №9 «О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей промышленности» санкционировал возможность взыскания в порядке приказного производства сумм ежемесячных выплат (за ухудшение правового положения в связи с ограничениями на расторжение трудового контракта) с бывших работников предприятий, производящих продукцию деревообработки, контракты с которыми были расторгнуты по инициативе нанимателя либо по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон (подп. 1. 5, 1. 6 п. 1). Нормы ГПК так и не успели привести в соответствие с этим Декретом (Указом Президента от 27 мая 2016 г. №182 он был признан утратившим силу).

Полагаем, что присутствующие в ГПК бланкетные нормы должны учитывать возможность регламентации тех или иных вопросов не только законами, но и нормативными правовыми актами Главы государства, а потому используемый в этих нормах термин «законы» целесообразно заменить на «законодательные акты» или, как вариант, на «законодательство» (кстати, сам ГПК в этом плане не отличается последовательностью и в одних случаях указывает на законодательные акты (ч. 5 ст. 6, абз. 6 ст. 8, ст. 9, ч. 2 ст. 18 и пр.), в других – на законодательство (абз. 6 ст. 7, ст. 57-1, ч. 1 ст. 59, ч. 2 ст. 70 и т. д.) или акты законодательства (ч. 2 ст. 14, ч. 2 ст. 25, п. 1 ч. 1 ст. 37, ч. 2 ст. 38 и др.), что, вероятно, вряд ли можно отнести к позитивным моментам правового регулирования). То же самое следует констатировать и в отношении отыскочных норм ГПК, в частности таких, как, например, п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК, в связи с чем подобные отыскочные нормы имело бы смысл преобразовать в бланкетные или комбинированные отыскочно-бланкетные нормы (тогда п. 1 ч. 2 ст. 396 ГПК мог бы иметь такую редакцию: «заявленное требование не предусмотрено статьей 394 настоящего Кодекса, а также иными законодательными актами Республики Беларусь»).

Вместе с тем стоит заметить, что верховенство декретов и указов над процессуальными кодексами не во всех случаях себя оправдывает, поскольку иногда в нормативные правовые акты Главы государства попадают и сохраняются там в течение длительного времени заведомо ошибочные процессуальные нормы. Например, в ч. 5 п. 167 Положения о порядке прохождения службы в Следственном комитете Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента от 10 ноября 2011 г. №518, говорится, что жалоба (имеется в виду надзорная жалоба), поданная по истечении трех лет с даты вступления в законную силу решения суда об отказе в восстановлении в должности, специальном звании, на службе, рассмотрению не подлежит (фактически эта норма воспроизводит предписание, которое до января 2020 г. содержалось в ч. 5 ст. 242 ТК). Идентичная норма закреплена и в ряде других нормативных правовых актов Президента, регулирующих прохождение службы в аналогичного рода госструктурах.

Однако подобную норму не было никакой потребности включать в нормативные правовые акты Главы государства, поскольку порядок и условия подачи надзорных жалоб составляют предмет регулирования главы 33 ГПК, причем в главе 33 ГПК эти вопросы регламентированы, особенно после изложения данной главы в новой редакции Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. №94-З, совершенно иначе (не случайно поэтому предписание ч. 5 ст. 242 ТК было исключено). Так, теперь срок подачи надзорной жалобы составляет один год со дня вступления решения в законную силу (ч. 4 ст. 436 ГПК), пропуск же данного срока исключает рассмотрение надзорной жалобы в отношении абсолютно любого судебного решения, а не только того, которым заявленные требования были отклонены, кроме случая подачи надзорной жалобы ответчиком на судебное постановление, вынесенное в его отсутствие без своевременного и

надлежащего извещения о времени и месте рассмотрения дела, при условии, что дело не уничтожено в связи с истечением срока его хранения (ч. 5 ст. 436 ГПК).

В других случаях на уровне нормативных правовых актов Главы государства получают закрепление положения, которые хотя и не противоречат напрямую ГПК и ХПК, но которые заведомо невозможно реализовать с учетом требований действующих процессуальных кодексов. Например, в ч. 6 преамбулы Послания о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. №454, закреплена установка: «Выносимые решения должны быть понятны не только юристам, но и самим широким слоям населения». Но решения судов должны быть юридически обоснованы, т. е. содержать специальные правовые термины, правовые конструкции и т. д., которые «широким слоям населения» ввиду отсутствия у них юридического образования быть понятны априори не могут. Кроме того, согласно ст. 112, 305 ГПК и ст. 193 ХПК судебные решения по общему правилу выносятся без мотивированной части, а это еще одно препятствие для того, чтобы обеспечить их понятность «самым широким слоям населения».

Но бывают и обратные ситуации, когда несмотря на большую юридическую силу нормативный правовой акт Президента (содержащий совершенно правильные положения) так и не получает фактического превосходства над процессуальным кодексом. В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Подпункт 49. 2 п. 49 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. №205, в императивной форме предписал предусмотреть возможность обжалования (опротестования) решений Верховного Суда Республики Беларусь, вынесенных им по первой инстанции, а также унифицировать регулирующие сходные процессуальные отношения нормы ГПК и ХПК. Ни того, ни другого сделано не было, и это несмотря на то, что с момента одобрения названной Концепции ХПК был полностью изложен в новой редакции, равно как новую редакцию получил и раздел VIII ГПК, посвященный пересмотру судебных постановлений.

ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О. А. Хотько

доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
o.a.khatsko@gmail.com

В статье представлены концептуальные подходы к формированию нового направления в науке экологического права, касающегося инновационного развития технологий с учетом обеспечения экологической безопасности, и обоснована целесообразность его развития как в Республике Беларусь, так и на международном уровне. Сделан вывод о необходимости совершенствования экологического законодательства в данной области.

Ключевые слова: экологическое право; эколого-безопасное развитие; законодательство; инновации; технологии.

ECOLOGICAL-SAFE DEVELOPMENT OF HIGH-TECHNOLOGICAL PRODUCTION AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF ENVIRONMENTAL LAW AND LEGISLATION

O. A. Khatko

Associate Professor of the Department of Environmental and Agrarian Law of the Law Faculty of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus, o.a.khatko@gmail.com

The article presents the grounds that determine the conceptual approaches to the formation of a new direction in the science of environmental law, concerning the innovative development of technologies, taking into account the provision of environmental safety, the expediency of its development both in the Republic of Belarus and at the international level has been substantiated. The conclusion is made about the need to improve environmental legislation in this area.

Key words: environmental law; environmentally sound development; legislation; innovation; technology.

Одним из направлений развития государства на VI Всебелорусском народном собрании названо развитие высокотехнологичных отраслей и направлений, в том числе электроиндустрии и электротранспорта. Использование электромобилей и электробусов набирает обороты, осуществляется внедрение интеллектуальных транспортных систем, создаются новые технологические основы для развития экономики, касающиеся как развитых, так и развивающихся государств, что, несомненно, отражается на состоянии защищенности окружающей среды. В связи с вышеуказанным возрастает актуальность исследований, связанных с технологическим развитием и эколого-правовым обеспечением.

Стоит заметить, что в современных условиях обеспечение экологической безопасности не учитывается как основополагающий компонент в полном объеме при развитии технологий, что доказывает отсутствие правовых подходов в науке экологического права, наличие пробелов как в экологическом, так и иных отраслях законодательства. Переход к эколого-безопасному развитию государства невозможен без научной базы в области исследования эколого-правового обеспечения в контексте новых технологий и международного сотрудничества в данной сфере в силу опасности переноса трансграничных загрязняющих веществ и твердых частиц при использовании электротранспорта.

В белорусской научной литературе впервые исследованы правовые основы экологических инноваций профессором Н. А. Карпович [4], рассмотрены вопросы применения эко-инноваций [2], проанализированы проблемы обеспечения прав человека в свете вызовов техногенной деятельности [6]. Российский ученый М. М. Бринчук замечает, что «накопленные в науке знания о механизмах межвидового сотрудничества заставляют видеть экологические пределы применительно к генно-инженерной деятельности» [1, с. 183]. В эколого-правовой науке Н. Г. Жаворонковой обращается внимание на то, что проблема исследования и выстраивания системы «транспорт – экологическая безопасность – устойчивое развитие» имеет ряд взаимосвязей с правовыми механизмами пространственного развития [3]. Полагаем, технологии и инновации являются значимым фактором устойчивого роста экономики, а «зеленые» технологии включают использование экологически чистых источников энергии, рациональное использование природных ресурсов, использование инновационных подходов в управлении, эксплуатацию современных транспортных средств и иных возможностей, при которых обеспечение экологической безопасности взаимосвязано с устойчивым развитием.

Следует обратить внимание на особенности и правового регулирования в исследуемой сфере. Экологическое законодательство содержит требования в области охраны окружающей среды применительно к видам хозяйственной деятельности, однако высокотехнологичное производство требует модернизированного подхода к закреплению природоохранных требований к источникам, представляющим опасность для окружающей среды, с учетом переориентации существующих технологий в направлении эколого-безопасных и внесения вклада в устойчивое развитие общества. Следует обратить внимание на целесообразность отражения мероприятий по сокращению выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов в транспортном секторе при разработке Стратегии долгосрочного развития Беларуси с низким уровнем выбросов парниковых газов на период до 2050 г. Соответственно, деятельность, связанная с инновационным развитием технологий транспортной отрасли должна быть сопряжена с закреплением принципов правового обеспечения экологической безопасности [7], установлением экологических ограничений и строгим контролем за их выполнением, что диктуется Стратегией инновационного развития транспортного комплекса Республики Беларусь до 2030 года, утвержденной приказом Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 25 февраля 2015 г. № 57-Ц, а «знания об экологических пределах должны стать основой формулирования правовых норм и решений об экологически значимом и социальном развитии» [1, с. 215]. Полагаем, на основании таких знаний может формироваться новая культура и правосознание субъектов, производящих и реализующих новейшие технологии, способные оказывать воздействие на окружающую среду.

Безусловно, в свете возникающих вызовов и новых технологических возможностей «старая картина мира начинает тормозить развитие науки» [5, с. 215], требуются принципиально новые стратегии деятельности, «обеспечивающие коэволюцию человека и природы» [5, с. 30]. Полагаем, как для международного, так и национального экологического права особое значение приобретает обеспечение права на благоприятную окружающую среду в условиях всепроникающих цифровых и информационных технологий, развития искусственного интеллекта и внедрения технологических инноваций. Так, европейские страны достигли значительного прогресса в разработке мер по снижению загрязнения атмосферного воздуха. В частности, Германия проводит политику, сочетающую развитие технологических инноваций и ресурсосбережения, осуществляет законодательную поддержку, создавая тем самым обеспечение благоприятных условий для состояния защищенности окружающей среды. При этом признается, что значительным источником загрязнения воздуха сохраняется транспортный сектор, а усилия по ограничению его воздействия на окружающую среду в Европе недостаточны для достижения целей политики в области климата и окружающей среды [8]. С позиции М. М. Бринчука «нормы экологического права следует признать доминирующими над нормами всех других отраслей, кроме конституционного» [1, с. 343], что аргументируется факторами, влияющими на экологическую ситуацию, поэтому, должна быть реализована особая роль экологического права.

Инновационные технологии развиваются стремительно, при этом экологизация общественной жизни и отраслей законодательства должны выступать объективным требованием, реализация которого принадлежит науке экологического права. Так, в современном мире действуются аддитивные технологии в авиастроении, интеллектуальные транспортные системы, которые касаются не только повышения безопасности дорожного движения, но и иных сфер, используются литий-ионные батареи в электромобилях, воздушных судах, что также связано с воздействием на окружающую среду. Новейшие технологии в перспективе приведут к тому, что в аккумуляторных батареях будет заложен большой запас энергии, при этом проблема, касающаяся снижения негативного их влияния в связи с их при производством и

утилизацией при массовом использовании электротранспорта актуальной является уже сегодня. Для получения электроэнергии применяются все еще углеводороды, генерируются выбросы при производстве аккумуляторов, поэтому важно использовать экологичные материалы для декарбонизации экономики, снижения углеродного следа.

Отметим, что научные подходы по формированию направления в области обеспечения эколого-безопасного инновационного развития технологий при повышении технического уровня должны быть учтены при совершенствовании эколого-правовых требований к деятельности в сфере высокотехнологичного производства. Важно подчеркнуть, что не существует универсального решения для снижения вредного воздействия производства на окружающую среду, необходимо внедрять способы достижения целей устойчивого развития с учетом глобальности эколого-правовых проблем, отсутствия правового инструментария, касающегося адаптации изменения климата, рисков техногенной деятельности для будущих поколений.

Стратегические области, в том числе межгосударственные приоритеты сотрудничества, включающие интеллектуальные транспортные и логистические системы, инновационные решения, технологические решения для экологии, инновационные технологии добычи и переработки природных ресурсов и ряд других, указанных в Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2030 года, утвержденной решением Совета глав Правительств от 6 ноября 2020 г., требуют концентрации усилий в целях разработки правовых механизмов на международном уровне. Улучшение обеспечения экологической безопасности возможно при стабильном социально-экономическом развитии, устранении противоречий между экономическим и экологическим развитием, предупреждением конфликтов, институционализации в данной сфере, модернизации методов управления и повышения правосознания и культуры на основе критериев обеспечения экологической безопасности с обозначением комплексного подхода к решению вышеуказанных вопросов. Соответственно, необходимость развития научного направления в правовой науке, касающегося экологически безопасного развития технологий, объясняется также и тем, что проблема снижения вредного воздействия на окружающую среду технологий является глобальной и общей для большинства стран. Теоретические и законодательные положения следует наполнять и совершенствовать для достижения цели устойчивого и эколого-безопасного развития государств.

Библиографические ссылки

1. Бринчук М. М. Законы природы и общества : монография. В 2 ч. Ч. II / М. М. Бринчук. М. : Юрлитинформ, 2015. 408 с.
2. Довгялло, М. М. Эко-инновации как инструмент перехода к «зеленой» экономике / М. М. Довгялло // Проблемы правового регулирования инновационной деятельности : сб. науч. ст. / Ю. А. Амельченя и др. ; под ред. С. С. Лосева. Минск, Бизнесофсет, 2016. С. 169–178.
3. Жаворонкова, Н. Г. Правовые проблемы пространственного развития / Н. Г. Жаворонкова // Эколог. право. 2020. № 5. С. 55–61.
4. Карпович, Н. А. Правовое регулирование экологических инноваций / Н. А. Карпович // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Междунар. науч. -практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : И. Н. Колядко (гл. ред.) и др. Минск, 2010. С. 477–479.
5. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. М. : Прогресс-Традиции, 2000. 744 с.
6. Хотько, О. А. Некоторые аспекты обеспечения прав человека в контексте современных вызовов техногенной деятельности / О. А. Хотько // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы междунар. научн. -практ. конф., г. Минск, 3-4 октября 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Г. А. Василевич (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2019. С. 440–445.

7. Хотько, О. А. Система принципов обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности / О. А. Хотько // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы XVI Междунар. научно-практ. конф. (Моск. гос. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 4-6 апреля 2019 г.) : в 3 ч. Часть 2. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 217–222.

8. Transport: increasing oil consumption and greenhouse gas emissions hamper EU progress towards environment and climate objectives [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.eea.europa.eu/publications/transport-increasing-oil-consumption-and>. Дата доступа: 08. 02. 2021.

СООТНОШЕНИЙ ПОНЯТИЙ «ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЕТВЬ ВЛАСТИ» И «ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ВИД ВЛАСТИ»

A. V. Шавцова

доцент кафедры конституционного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук,

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
Shautsova@bsu.by*

M. A. Козак

старший преподаватель кафедры истории и теории права УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»,

*УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», пр-т Московский, 33, 210038, г. Витебск, Республика Беларусь,
kozak_m@tut.by*

В статье рассматриваются базовые понятия конституционного права «власть», «ветвь власти», «законодательная власть», «представительная власть», их содержание и соотношение. Авторами сопоставляются данные понятия и корреспондируемые им государственные органы, анализируются состав органов государственной власти, относимый к законодательной и представительной ветвям власти, обосновывается вывод о их нетождественности.

Ключевые слова: власть; ветвь власти; законодательная власть; представительная власть.

RELATIONS BETWEEN THE CONCEPTS OF "LEGISLATIVE BRANCH OF GOVERNMENT" AND "REPRESENTATIVE TYPE OF GOVERNMENT"

A. V. Shautsova

associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences,

*Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus
Shautsova@bsu.by*

M. A. Kozak

senior lecturer of the Department of History and Theory of Law of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov,

*Vitebsk State University named after P. M. Masherov, 33, Moskovskiy Av., 210038, Vitebsk, Republic of Belarus,
kozak_m@tut.by*

The article considers the basic concepts of constitutional law "power", "branch of government", "legislative power", "representative power", their content and correlation. The authors compare these concepts and the state bodies corresponding to them, analyze the composition of state authorities related to the legislative and representative branches of government, substantiate the conclusion that they are not identical.

Key words: power; branch of power; legislative power; representative power.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует легальное определение понятия «представительная власть». Более того, в научной литературе так же не существует общего мнения относительно определения и содержания данного понятия. Для установления единообразного понимания и употребления в современном научном и политико-правовом обороте данного понятия, необходимо определить его сущностные характеристики и содержание.

Определение понятия «государственная власть» не имеет легального закрепления национальной законодательстве. Ни в Конституции Республики Беларусь, ни в законах, направленных на урегулирование принципа разделения власти содержание данного понятия не раскрывается. Тем не менее, оно активно используется в нормативных правовых актах и научной литературе

В Конституции Республики Беларусь, иных нормативных правовых актах, термин «власть» используется в отношении власти народа, народовластия. Так, согласно статье 3 «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Данная статья имеет принципиальное значение, поскольку закрепляет народ как единственный источник государственной власти, четко и однозначно провозглашает одну государственную власть.

Положения данной статьи находят развитие в нормах об органах государственной власти, соотнося их с определенной ветвью или видом государственной власти. Следует отметить, что в *Конституции и иных нормативных правовых актах* термин «власть» используется, прежде всего, в отношении исполнительной и судебной власти, при этом отсутствует в положениях о законодательной. В то же время в *научной литературе* этот термин также применяется при характеристике и законодательной власти. То есть легальный правовой и научный подход отличаются.

Понятие «власть», прежде всего, следует рассматривать применительно к государственным органам, поскольку государственные органы выступают от имени народа и государства, наделяясь властными полномочиями. В общей системе государственных органов именно на органы власти возложены полномочия по реализации принципа разделения власти. Так, в частности, в статье 106 Конституции: «Исполнительную власть в Республике Беларусь осуществляет Правительство – Совет Министров Республики Беларусь – центральный орган государственного управления»; в статье 109: «Судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам». Однако, как уже отмечалось, в отношении Национального собрания термин «власть» вообще не используется. Статья 90 Конституции гласит: «Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь является представительным и законодательным органом Республики Беларусь». Для сравнения: по Конституции Республики Беларусь 1994 г (без изм. и доп.) Верховный Совет являлся «высшим представительным постоянно действующим и единственным законодательным органом государственной власти Республики Беларусь» (Глава 3. «Верховный Совет Республики Беларусь» статья 79).

В настоящее время это объясняется наличием в системе органов государственной власти еще одного органа власти, имеющего представительный характер и наделенного законодательными полномочиями – Президента. С появление института президентства законодательный орган утратил статус *единственного и высшего*. То есть Парламенту в полном абсолютном объеме законодательная власть не принадлежит (он не единственный) и он на общегосударственном уровне не занимает высшее положение в иерархии представительных органов государственной власти. Таким образом, Конституция не содержит прямого указания на законодательную власть, как это определено в отношении двух других видов власти.

Следуя данной логике, в государстве законодательную власть осуществляют два органа, прежде всего, Национальное собрание, а также Президент. Однако по нашему

мнению именно Парламент обладает прерогативой законодательной деятельности, которая является его главной компетенцией и предопределяет его сущность и цель его формирования. В то же время Президент согласно статье 28 Конституции издает декреты «двух видов – декреты, издаваемые на основании закона о делегировании Президенту законодательных полномочий, и временные декреты. Декреты и временные декреты имеют силу закона», а также имеет ряд полномочий в законодательном процессе. Однако анализ правового статуса Президента и отдельных его полномочий позволяет сделать следующие выводы:

- Президент издает нормативный правовой акт (декрет) *приравненный* к закону, но по своей правовой природе *не являющийся таковым*; оба декрета ограничены условиями принятия и действия: временный декрет временным характером действия, делегированный – согласием Палаты представителей на его издание («Временный декрет с письменным обоснованием необходимости его издания в трехдневный срок после его подписания вносится в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь, в том числе и в период между сессиями, Президентом или по его поручению Главой Администрации Президента Республики Беларусь» статья 30 закона «О Президенте Республики Беларусь»), в данном случае прослеживается субординация обоих органов в законодательной сфере;

- предметом правового регулирования декрета, который не ограничен для законов Национального собрания: «Не допускается делегирование полномочий Президенту на издание декретов, предусматривающих изменение и дополнение Конституции, ее толкование; изменение и дополнение программных законов; утверждение республиканского бюджета и отчетов о его исполнении; изменение порядка выборов Президента и Парламента Республики Беларусь, ограничение конституционных прав и свобод граждан. Закон о делегировании законодательных полномочий Президенту не может разрешать ему изменение этого закона, а также предоставлять право принимать нормы, имеющие обратную силу... Проект закона должен определять круг отношений, регулируемых декретом, и срок полномочий Президента на издание декрета» (статья 29 закона «О Президенте Республики Беларусь»);

- приоритет правовой воли, однозначное признание статуса Парламента как законодательного органа по отношению Президенту как к органу лишь наделенному отдельными полномочиями в данной сфере четко сформулирован в статье 30 анализируемого закона: «Палаты Национального собрания Республики Беларусь вправе отменить временный декрет большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат»;

- приоритет юридической силы закона по отношению к декрету следует из положения статьи 30 закона: «Палаты Национального собрания Республики Беларусь могут принять закон, по содержанию совпадающий с соответствующим временным декретом. Со вступлением такого закона в силу временный декрет утрачивает свою силу. При принятии закона, частично совпадающего по содержанию с временным декретом, этот декрет сохраняет свою силу в части, не урегулированной таким законом, если временный декрет в данной части не отменен в установленном порядке палатами Национального собрания Республики Беларусь».

- на последней стадии принятия закона Президент как участник законодательного процесса его подписывает. Однако статья 19 закона оговаривает ряд ситуаций, при которых закон может быть не подписан Президентом, при этом основной акцент делается на преобладающее по юридической силе решение Парламента: во-первых, «если Президент не возвращает какой-либо закон подписанным или со своими возражениями в течение двух недель после того, как он был ему представлен, закон считается подписанным», во –вторых, возражения Президента могут быть преодолены большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания Республики Беларусь, и закон подписывается Президентом в

пятидневный срок», закон также вступает в силу и в том случае, если он не будет подписан Президентом в пятидневный срок, наконец, если закон подписывается Президентом с оговоркой о несогласии с отдельными положениями закона и он вступает в силу, за исключением тех положений, относительно которых имеются возражения Президента;

- Президент имеет ряд полномочий в рамках исполнительной и судебной власти, но не относится к ним в то время как полномочия в законодательной сфере по мнению многих специалистов позволяют признать его органом законодательной власти.

Таким образом, во всех указанных случаях конституционно-правовой статус Президента, его полномочия, акты следует признать либо производными от законодательной власти, либо косвенными по отношению к ней, либо не являющимися равнозначными, равнозначными по политico-правовой природе.

Безусловно, полномочия Президента в законодательном процессе значительны, но они не являются главными в его конституционно-правовом статусе, а именно это требование является важнейшим индикатором и позволяет определять принадлежность того или иного органа к определенной ветви либо виду власти.

Данный анализ направлен на обоснование рассматриваемой выше проблемы допустимого использования понятие «законодательная власть» в отношении Национального собрания. Приведенные доводы направлены на аргументацию непринадлежности Президента к данному виду власти. В то же время, по мнению многих специалистов в области конституционного права именно обладание Президентом полномочий в законодательной сфере наряду с Парламентом позволяет использовать оборот «осуществляет законодательную власть» или «принадлежит» одновременно как в отношении Национального собрания, так и Президента, что, следовательно, исключает закрепление такого статуса на законодательном уровне в отношении только Парламента.

Анализируя далее статью 90 Конституции, согласно которой «Парламент – это представительный и законодательный орган», следует также сделать вывод, что она указывает на вид органа, но не на ветвь власти в отличие, например, от статьи 109 о судебной власти.

В научной литературе понятие «ветвь власти» встречается в основном в сочетании с видами власти из классической триады властей – законодательной, исполнительной и судебной. Каждой ветви власти соответствует своя система государственных органов, специфические признаки, принципы организации, нормативно-правовая база, «ветвь власти – не используемое в законодательстве, но вошедшее в политico-правовой лексикон обозначение трех основных подсистем государственной власти» [1, с. 46].

Следует отметить, что применение термина «ветвь власти» в нормативных правовых актах и его использование в научно-правовой литературе корреспондируется определенным государственным органами. Фактически конкретный вид власти реализуется определенным субъектным составом, видом государственных органов. Применительно к принципу разделения власти, можно сделать вывод, что только исполнительная и судебная власть от республиканского до местного уровня образуют соответственно две иерархические системы органов с централизацией, соподчиненностью, функциональным разграничением и взаимодействием. В целях обозначения каждой вертикали органов государственной власти используется термин «ветвь». В современной отечественной правовой научной литературе термин «ветвь» часто употребляется наряду с термином «вид» государственной власти без достаточной аргументации их совпадения или отличия.

Так, и исполнительная, и судебная власть имеют свою вертикаль органов, соподчиненных по иерархии. Однако законодательная ветвь власти, является единственной, которая не имеет своей вертикали, иерархии соподчиненных органов.

Законодательная власть представлена одним единственным органом – Национальным собранием, основной прерогативой которого является принятие законов.

Считаем, что в доктринальной правовой науке традиционно сложилась, выстроилась вертикаль: законодательный орган – местные Советы депутатов. Нередко, развивая мысль о законодательной ветви власти, ведется речь не только о самом законодательном органе, но и местных Советах депутатов. Анализ и исследование названия данной вертикали власти как «законодательной» в советской правовой науке не проводились, происходило традиционное использование этого термина. Полагаем, что это не вполне корректно с политico-правовой точки зрения, как в отношении советской правовой науки, так и в отношении современной. Именно поэтому целесообразно при раскрытии принципа разделения власти, прежде всего, говорить о научно-правовой обоснованности применения понятия «законодательная власть/ ветвь власти» в отношении не только законодательного органа – Национального собрания, но и соподчиненных ему местных Советов депутатов.

Местные Советы не относятся к законодательным органам. Даже формально-юридически ни в одном законодательном акте не указана их принадлежность к законодательным органам, поскольку они не обладают законодательными полномочиями. В этом отношении наша точка зрения совпадает с мнением Г. А. Василевича, который указывает, что «местные Советы в прямом смысле слова не относятся к законодательной власти, ...но являются представительными, обладающими нормотворческими полномочиями: их акты на соответствующей территории являются юридической основой для принятия органами исполнительной власти своих актов, т. е. играют роль своего рода «законов» на подведомственной территории» [2, с. 7].

Полагаем, что законодательная власть в Республике Беларусь в полном объеме принадлежит лишь Национальному собранию; отсутствие подчиненных ему органов государственной власти, обладающих соответствующими законодательными полномочиями исключает возможность говорить о наличии в Республике Беларусь «законодательной ветви власти»; Президент не относится к законодательной ветви власти по своей политico-правовой природе и конституционно-правовому статусу, но имеет отдельные *смежные* полномочия; местные Советы депутатов не правомерно относить к законодательной ветви власти в силу отсутствия у них компетенции и полномочий по реализации законодательной власти.

Вместе с тем, все данные органы относятся к представительным. Основным видом деятельности и признаком представительных органов следует считать представление интересов народа, что подтверждается положениями Конституции – Преамбула, ст. 3, 21, 37, 38, 83 и др. Представление интересов народа происходит, в том числе путем реализации законодательной функции, из чего следует неразрывность данных двух функций для парламента. Так, в подтверждение данной мысли, можно привести мнение М. В. Баглай, который отмечает, что «конституции в различных странах наделяют представительные органы различными полномочиями, но обязательными и важнейшими среди них является законотворчество» [3, с. 110]. Так, термин «законодательный» применительно к характеристике органа государственной власти дает возможность показать его *функциональное* назначение, указывает, что законодательная деятельность является *основной* функцией этого органа. В свою очередь термин «*представительный*» характеризует, прежде всего, природу и *порядок образования* органа, и его *основное функциональное назначение – представительство интересов народа*.

В тоже время необходимо отметить, что дискуссия ведется не только о содержании терминов «представительный» – «законодательный», но и о соотношении законодательной и представительной власти в целом. Хотелось бы выделить и поддержать позицию А. В. Савосякина, который подчеркивает, что, «несмотря на неразрывную связь двух терминов «законодательная власть» и «представительная власть», они не совпадают. Категория «представительная власть» не может

употребляться в отношении только законодательной власти, поскольку законодательные полномочия при определенных обстоятельствах могут осуществлять и иные, не представительные учреждения, например, при делегированном законодательстве. И наоборот, не все представительные органы обязательно наделяются законодательной властью [4, с. 23]. Аналогичного мнения придерживается А. С. Прудников, который указывает, что «представительное начало проявляется в порядке формирования этих органов..., законодательное – заключается в том, что названная деятельность является основной функцией этих органов» [5, с. 434].

Таким образом, «законодательный орган» и «представительный орган» понятия не тождественны, это разные качества, разные стороны одного и того же органа.

Выделяя представительную власть, следует говорить не о самостоятельной ветви власти, а об органах, которые объединены основным имманентным свойством – представительностью, то есть порядку формирования, по своим целям и задачам, образующих представительную власть. Представительный характер органов государственной власти является основанием их дифференциации в общей системе органов государственной власти. Органы, имеющие представительный характер могут между собой отличаться по компетенции, полномочиям, функциям, методам работы, не быть в соподчиненном статусе, могут находиться на разном уровне государственной власти в иерархии государственных органов, могут быть как коллегиальные, так и единоличные.

Полагаем, что в научно-правовой и правоприменительной лексике в отдельных случаях происходит отождествление понятий «ветвь власти» и «вид власти». Использование терминов «ветвь власти» и «вид власти» предполагает различные политico-правовые основания и обосновление в структуре государственной власти соответствующей каждому из этих понятий подсистемы органов.

Один и тот же орган не может быть отнесен к двум или трем ветвям власти одновременно, он может принадлежать только к одной ветви государственной власти. При этом, говоря о представительной власти как *виде* следует отметить, что представительные органы могут относиться к разным *ветвям* власти. На республиканском уровне к законодательной ветви власти – Национальное собрание, к исполнительной – Президент, на местном уровне – местные Советы депутатов, которые при этом в соответствии с Конституцией Республики Беларусь прямо не отнесенные к той или иной ветви власти.

Библиографические ссылки

1. Баглай, М. В., Туманов, В. А. Малая энциклопедия конституционного права. М: Издательство БЭК, 1998. 519 с.
2. Василевич, Г. А.»Коллегиальные представительные органы – основные субъекты конституционно закрепленной системы сдержек и противовесов //Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: материалы респ. науч. -практ. конф., 14 марта 2013г., Минск/ ред. кол. : Г. А. Василевич [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2013. 148 с.
3. Баглай, М. В., Габричидзе, Б. Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М. : Инфра-М, 1996. 512 с.
4. Савоськин, А. В. Представительная (законодательная) власть в России: конституционно-правовое исследование : автореферат дис. кандидата юридических наук : 12. 00. 02 / А. В. Савоськин; Челяб. гос. ун-т. Челябинск. 2007. 26 с.
5. Конституционное право России: учебник для студентов вузов / А. С. Прудников и [др]: под ред. А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. М. : Издательство: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 767 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА В БЕЛАРУСИ: НАУЧНЫЙ АСПЕКТ

И. С. Шахрай

*доцент кафедры экологического и аграрного права Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент,*

*Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
shis@mail.ru*

Н. А. Шингель

*доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского
государственного университета, кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика
Беларусь,
Singel.61@list.ru*

В статье анализируется вклад белорусской земельно-правовой науки в формирование отрасли земельное право. Рассматриваются основные направления научных исследований, обеспечившие теоретико-правовую базу для развития земельного права в период реформирования земельных отношений и в настоящее время.

Ключевые слова: земельное право; земельное законодательство; земельный участок; права на землю.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF LAND LAW IN BELARUS: THE SCIENTIFIC ASPECT

I. S. Shakhrai

*Associate Professor of the Department of Environmental and Agrarian Law of the Belarusian State University,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
shis@mail.ru*

N. A. Shingel

*Associate Professor of the Department of Environmental and Agrarian Law of the Law Faculty of the Belarusian
State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
Singel.61@list.ru*

The article analyzes the contribution of the Belarusian land law science to the formation of the land law branch. The authors consider the main directions of scientific research that provided the theoretical and legal basis for the development of land law during the reform of land relations and at the present time.

Keywords: land law; land legislation; land plot; land rights.

Особенности земли как природного объекта и основы экономического развития обусловили появление норм земельно-правового содержания уже на ранних этапах развития белорусской государственности [2; 3]. Первоначально правовому воздействию подвергались отношения по поводу земли и иных природных ресурсов как условия хозяйственной деятельности и объекта права собственности. Установление в советский период права исключительной государственной собственности на землю потребовало создания новой научной основы для формирования земельного права и

законодательства. В качестве наиболее значимого результата развития советской земельно-правовой науки и нормотворческой деятельности можно назвать формирование к 1940-м годам новой отрасли права – земельного права «в широком смысле» – и сложившееся в дальнейшем раздельное правовое регулирование отношений по охране и использованию природных ресурсов с выделением из земельного права соответствующих природоресурсных отраслей [4, с. 121-123]. Общими особенностями развития советского земельного права и законодательства предопределялся круг научных интересов белорусских исследователей: изучались тенденции и закономерности развития земельного права в условиях исключительной государственной собственности на землю, становления и формирования природоресурсных отраслей, в числе которых земельное право имеет системообразующее значение [10, с. 159]. Наиболее детально были исследованы проблемы реализации прав на землю граждан, организаций, в частности в сфере сельскохозяйственного землепользования (М. Ф. Степанко, В. И. Чувичко, А. А. Шингель и др.); широкомасштабное проведение мелиорации в нашей стране и ее влияние на состояние земельных и других природных ресурсов (В. Н. Бохуров, Т. Н. Зацепина, Н. В. Сторожев) и некоторые другие.

Новый этап в развитии земельного права и законодательства начался с момента обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета и протекал одновременно с реформированием земельных отношений. Он сопровождался систематизацией земельно-правовых норм, составляющих отрасль «земельное право». Формирование земельного законодательства происходило как на основе уже существующего законодательного материала, оставшегося от советской системы земельного права, так и на основе новых нормативных актов, принятых для регулирования земельных отношений [9 с. 225-226]. Результатом данного процесса стала ликвидация монополии государственной собственности на землю в Республике Беларусь, значительное видоизменение системы прав на земельные участки и механизма их распределения, которые характеризуются многообразием форм землепользования, обеспечивающих доступ к земельным ресурсам различных субъектов, и зарождением гражданского оборота земельных участков [9, с. 38-39]. Так, Кодекс Республики Беларусь о земле от 11 декабря 1990 г. впервые закрепил такие права как пожизненное наследуемое владение и аренда; право частной собственности граждан было введено Законом Республики Беларусь от 16 июня 1993 г. № 2417-XII «О праве собственности на землю», а юридических лиц – при изложении данного Закона в новой редакции от 24 декабря 1997 г.; учет инвестиционного потенциала земель обеспечило закрепление земель в качестве объектов концессии Инвестиционным кодексом Республики Беларусь от 22 июня 2001 г., а затем – и земельным законодательством. Эта система прав (включая также права постоянного и временного пользования, унаследованные от советского периода) в целом сохранилась и при дальнейшей систематизации земельного законодательства, в частности, в Кодексах Республики Беларусь о земле от 4 января 1999 г. и от 23 июля 2008 г. Идея о переходе к более оптимальной системе земельных прав (с преобладанием права частной собственности и аренды земельных участков), высказываемая при обновлении земельного законодательства во второй половине 2000-х годов, не была реализована, несмотря на перспективы развития гражданского оборота земель [7].

Как следствие указанных процессов, центром внимания белорусской науки земельного права, начиная с 1990-х годов, стали проблемы трансформации отношений собственности на землю как основы государственного суверенитета и национального богатства, развития правовых форм землепользования в новых социально-экономических условиях, связанных с внедрением рыночных регуляторов, обеспечения прав юридических и физических лиц в сфере земельных отношений. В ранний постсоветский период научно-исследовательская деятельность представителей

земельно-правовой науки была направлена на осмысление возможностей и перспектив вовлечения земель в гражданский оборот и создания на этой основе комплексной правовой отрасли земельное право, радикально отличающейся от присущего земельным отношениям в предшествующий исторический период императивного подхода в регулировании земельных отношений (этими проблемами занимались А. И. Бобылев, Д. М. Демичев, Н. В. Сторожев, Н. А. Шингель и др.).

Основой для формирования доктринального взгляда на перспективы эффективного развития земельного права Республики Беларусь стали проведенные научные исследования проблем реализации конституционных основ земельного права и государственного регулирования земельных отношений в современный период (Д. М. Демичев, Н. А. Шингель, Н. С. Минько и др.); оптимизации структуры земельного фонда Республики Беларусь (Н. А. Шингель, И. С. Шахрай и др.); внедрения частноправовых инструментов воздействия на участников земельных отношений, в том числе посредством закрепления системы вещных и обязательственных прав на земельные участки, расширения способов их распределения и вовлечения в оборот, формирования системы юридических гарантий прав землепользователей (Н. Г. Станкевич, Н. А. Шингель, И. С. Шахрай, Л. А. Самусенко, О. А. Хотько, К. А. Кобаса и др.); экологизации земельного законодательства, обеспечения правовой охраны и рационального использования земель, в том числе применительно к отдельным категориям земель (Т. И. Макарова, О. А. Бакиновская, И. П. Кузьмич, В. В. Саскевич (Игнатович), О. Н. Хоменко, Е. В. Шаршун, Г. Т. Джабаилдаева и др.).

Таким образом, на современном этапе можно говорить о сформированной в достаточной степени системе земельного права и законодательства, основанной на научных правовых взглядах о месте этой отрасли в системе права Республики Беларусь, об особенностях правового регулирования земельных отношений в условиях устойчивого развития, о правовых механизмах, обеспечивающих реализацию и защиту земельных прав граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [5, с. 35-58; 8]. Учитывая сложные межотраслевые связи земельного права, которое из относительно обособленной совокупности правовых норм превратилось в отрасль, имеющую многочисленные взаимосвязи с другими сферами правового регулирования, актуальными представляются междисциплинарные исследования вопросов, касающихся согласования норм земельного и иных отраслей законодательства применительно к земельным отношениям. Ряд важных теоретико-правовых проблем в сфере земельно-правового регулирования связаны с перспективами дальнейшего развития земельного права в условиях усиления экономической интеграции на постсоветском пространстве и в глобальном масштабе, в связи с чем возникает вопрос о сближении правовых механизмов, используемых в разных странах и разных правовых системах. В силу национальных различий правового регулирования земельных отношений проведение в этом направлении сравнительно-правовых исследований имеет важное научно-прикладное значение. Эффективность таких исследований была апробирована в рамках научного сотрудничества [1] специалистов земельно-правовой сферы. Отмечая положительные результаты проведенных за годы независимости Республики Беларусь земельных преобразований в части развития частноправовых форм реализации земельных прав, укажем на необходимость дальнейшего совершенствования системы государственного регулирования использования и охраны земель в целом, в том числе порядка распределения земельных участков [6; 10; 11] с учетом изменившихся социально-экономических потребностей; последовательное расширение прав отдельных категорий участников земельных отношений, заинтересованных в доступе к земельным участкам (иностранных граждан и лиц без гражданства, заинтересованной в решении земельных вопросов общественности); усиление механизма защиты земельных прав [12] на новом этапе обновления земельного законодательства.

Библиографические ссылки

1. Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. Междунар. науч. -практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. 307 с.
2. Демичев, Д. М. Земельные отношения в Великом княжестве Литовском (XIII—XVI вв.) / Д. М. Демичев // Юридический журнал. 2008. № 2(14). С. 10-15.
3. Карпович, Н. А. Деятельность в сфере «природа-общество» государственных образований на территории Беларуси в дореволюционный период / Н. А. Карпович // Гісторыя и сучаснаць: беларуская дзяржаўнасць ва усходненіяўрапейскім цывілізацыйным кантэксьце: зб. навук. прац, прысвяч. 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І. А. Юхно / рэдкал. : С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [i інш.]. Мінск: Бізнесофсет, 2012. С. 459-468.
4. Колбасов, О. С. Избранное : сб. науч. трудов / сост. И. О. Краснова ; отв. ред. И. О. Краснова, Г. А. Мисник ; Российский гос. ун-т правосудия. Москва : РГУП, 2017. С. 121-123.
5. Правовое регулирование споров в сфере природопользования и охраны окружающей среды : пособие для магистрантов, обуч. по спец. 1-24 81 05 «Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай, О. В. Мороз, А. Г. Авдей ; под ред. У. Хелльманна (рук. проекта), С. А. Балащенко (координатор проекта), Н. А. Шингель. Минск : Изд. центр БГУ, 2016. 183 с.
6. Шахрай, И. Правовое регулирование распределения и перераспределения земельных участков в контексте устойчивого развития / И. Шахрай // Юстиция Беларуси. 2015. № 4. С. 45-49.
7. Шахрай, И. Система правовых форм использования земли: требуются ли изменения? / И. Шахрай // Юстиция Беларуси. 2019. № 9. С. 51-57.
8. Шахрай, И. С. Альтернативные механизмы урегулирования административных споров в сфере земельных и иных природоресурсных отношений: проблемы и перспективы / И. С. Шахрай // Право. by. 2018. № 3. С. 68-74.
9. Шингель, Н. А. Проблемы становления земельного законодательства Республики Беларусь / Н. А. Шингель // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол. : С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2005. С. 225-232.
10. Шингель, Н. А. Природоресурсное право : учеб. пособие / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай. Минск : Вышэйшая школа, 2017. 399 с.
11. Шингель, Н. А. Перевод земель из одной категории в другую: особенности законодательства Республики Беларусь / Н. А. Шингель // Векторы развития законодательного обеспечения государственной земельной политики: опыт XX века и современность : сб. материалов Междунар. науч. -практ. конф., Москва, 18 декабря 2018 г. / Гос. ун-т по землеустройству ; сост. С. А. Липски, Е. А. Позднякова. М. : ГУЗ, 2018. С. 381-386.
12. Шингель, Н. А. Совершенствование механизма защиты прав граждан при возникновении прав на земельные участки в Республике Беларусь / Н. А. Шингель // Актуальные проблемы теории земельного права России: монография, коллектив авторов / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. С. 757-780.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЗДУШНЫХ ПОЛЕТОВ

И. В. Гринев

*соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030, г. Минск, Республика Беларусь,
givru922@mail.ru*

Рассматриваются проблемные вопросы обеспечения безопасности воздушных полетов, подчеркнута важность нормативного регулирования в данной сфере и необходимость создания его единых механизмов. Особое внимание уделено выявлению основных этапов нормативного регулирования обеспечения безопасности полетов.

Ключевые слова: Безопасность воздушных полетов; нормативное регулирование; этапы нормативного регулирования.

HISTORICAL STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF AIR SAFETY ISSUES

I. V. Grinev

*post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Belarusian State University,
Belarusian State University, 8, Leningradskaya Str., 220030, Minsk, Republic of Belarus,
givru922@mail.ru*

The problematic issues of ensuring the safety of air flights are considered, the importance of regulatory regulation in this area and the need to create its unified mechanisms are emphasized. Special attention is paid to the identification of the main stages of regulatory regulation of flight safety.

Keywords: Safety of air flights; regulatory regulation; stages of regulatory regulation.

С появлением первых летательных аппаратов возникла проблема обеспечения безопасности воздушных полетов, которая в дальнейшем исследовалась в основном теми прикладными науками, которые изучали законы и закономерности возникновения, развития и парирования особых (нештатных) ситуаций, возникающих при эксплуатации воздушного транспорта. Так, основу становления и развития обеспечения безопасности полетов создавали положения таких наук как аэродинамика, системотехника, теория надежности сложных систем, общая инженерная и авиационная психология, эргономика, общая и авиационная педагогика, математическая статистика (включая и теорию вероятностей) и др. Кроме того, важной эмпирической основой развития вопросов обеспечения безопасности полетов служили результаты анализа реальных авиационных происшествий, инцидентов и вызвавших их причин.

Таким образом, длительный период основным предметом научного исследования в вопросах безопасности полетов являлось состояние и функционирование авиационной системы в целом или отдельных ее структурных элементов, каждый из которых оказывал влияние на безопасность полетов, их взаимодействие или взаимовлияние в условиях возникновения и развития особых (нештатных) ситуаций.

При этом все большее значение, как отмечают ученые, стала приобретать нормативное регулирование многих вопросов в сфере обеспечения безопасности полетов. Особо важное место в нормативном регулировании занимали и занимают

технические нормы, которые используются для регулирования поведения человека в его отношениях с природой и техникой, указывая, как человек должен обращаться с орудиями труда, механизмами, реагировать на воздействие сил природы. Технические нормы представляют собой разработанные на основе знания законов техники и технологии правила работы с техническими и природными объектами. В силу своей значимости часть из них находит закрепление в законодательстве — это технические условия, различные ГОСТы, нормы и правила пожарной безопасности, классы опасности отходов производства и потребления, правила безопасности движения транспортных средств и т. д.

Именно появление в нормативных правовых актах предписаний, имеющих технический характер, поставило перед правоведами проблему изучения природы таких норм. Сравнительно недавно рядом ученых было высказано мнение о возможности существования юридических норм с техническим содержанием, которые в юридической науке получили название "технико-юридических норм" (А. Ф. Черданцев) [1], хотя в отдельных источниках они именуются как "юридико-технические" (А. Б. Венгеров) [2]. Такие нормы, регулирующие отношения типа «человек-машина», «человек-природа», в основном действуют в материально-производственной и управлеченческой сферах. Например: правила противопожарной безопасности, правила эксплуатации всех видов транспорта, в том числе воздушного и др.

Рассматривая вопросы обеспечения безопасности полетов, следует подчеркнуть, что они весьма многоаспектны, иногда противоречивы и в большинстве носят проблемный характер. При этом следует иметь в виду, что на сегодняшний день невозможно создать абсолютно безопасное воздушное судно и риск авиационного происшествия все рано будет иметь место [3, с. 18-19].

В связи с этим решение задач обеспечения безопасности полетов должно осуществляться на строго научной основе. Именно с этой целью необходимо изучение предыдущего исторического опыта воздействия права и его норм на обеспечение безопасности воздушных полетов.

Анализируя историческое развитие правового регулирования обеспечения безопасности полетов, прежде всего следует выделить ряд его важнейших этапов.

Так, на наш взгляд, первый этап - это период с 1903 по 1921 годы, когда имела место самостоятельная государственная практика правового регулирования, основанная на нормах действующего в каждом государстве административного законодательства относительно в целом государственной и общественной безопасности с необходимым привлечением к ответственности правонарушителей, а также появление первичной кодификации норм воздушного законодательства.

Второй этап (1921-1961 гг.) характеризовался появлением первых воздушных кодексов и дальнейшей специализацией воздушного законодательства (конкретизации нормативных предписаний) путем принятия правовых норм в развитие общих предписаний воздушного кодекса.

Третьему этапу (1961-1970 гг.) было свойственно расширение сферы правового регулирования и повышение его статуса (до уровня законов) путем введения в воздушные кодексы ряда статей, регулирующих новые сферы авиационной деятельности.

На четвертом этапе (1970-1997 гг.) в связи с принятием Глобального плана развития авиации ИКАО и Глобального плана (обеспечения) безопасности полетов ИКАО происходит имплементация и гармонизация национального законодательства с международным воздушным законодательством.

Пятым этапу (1997 г. – по настоящее время) в связи с наличием различного уровня развития авиации в государствах, входящих в Международную организацию гражданской авиации, характерно появление концептуально-правовых основ регулирования обеспечения безопасности полетов, основанных на постоянно-

развивающихся стандартах безопасности и призванных соответствовать развивающемуся представлению пассажиров и компетентных лиц (авиационного сообщества) о приемлемом уровне безопасности полетов.

На последних двух этапах особое значение приобретает регионально-правовое регулирование, основанное на индивидуальном уровне и скорости развития правового регулирования авиационной сферы в регионе и учитывающее требования Стандартов и Рекомендуемой практики с учетом их развития, основанных на концептуальных требованиях Глобального плана обеспечения безопасности полетов. В СНГ такой региональной организацией является МАК (Межгосударственный авиационный комитет, штаб-квартира которого находится в Москве).

Отдельное место среди этих этапов занимают чрезвычайные периоды (Вторая мировая война, региональные войны (Корея, Афганистан и др.), когда правовое регулирование осуществлялось в условиях военного времени и когда технические лаборатории и конструкторские бюро были максимально приближены к авиационному производству и ремонтным мастерским прифронтовой зоны, а работники авиационной промышленности, авиационные механики и другие лица, причастные к этому, руководствовались в своих действиях последними, еще не опробованными приемами и методами ремонта авиационной техники и др.

В этот период нормативные требования регламентация безопасности полетов часто не выполнялись и не действовали, а многие упущения в обеспечении безопасности полетов были списаны на военное время, что не содействовало эффективному выявлению, выработки мероприятий предотвращения опасных факторов и реализации этих мероприятий, для предотвращения (снижения уровня) аварийности. В связи с этим следует подчеркнуть, что вопросу обеспечения безопасности полетов и его правового регулирования в военное время, являющемуся отдельной исследовательской темой, ученые почти не уделяли должного внимания.

В целом выполнение задач обеспечения безопасности полетов, в том числе в части его нормативного регулирования, должно осуществляться на строго научной основе. Требуют научного исследования многие вопросы, касающиеся обеспечения безопасности полетов. Так, на наш взгляд, необходимо теоретическое обоснование создание единых механизмов правового регулирования и их единообразного применения, определение места правового института безопасности полетов в системе права, выработка единообразного терминологического аппарата и т. д. Дальнейшие научные изыскания в этой области в значительной мере будут содействовать обеспечению безопасности полетов.

Библиографические ссылки

1. Черданцев А. Ф. Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений / А. Ф. Черданцев // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 134-138.
2. Венгеров А. Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. (Теоретические вопросы) / А. Б. Венгеров. М. :Юридическая литература. 1978. 208 с.
3. Гринев И. В. Концептуальные основы безопасности полетов и деятельности по установлению причин авиационных происшествий / И. В. Гринев // Сборник докладов пятой научно-практической конференция по воздушному праву, 16 октября 2015 года, Санкт Петербург. / Университет ГА. СПБ. :УГА, 2015 С. 18-23.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ С МОМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ

М. Н. Гуминский

адъюнкт Академии МВД Республики Беларусь,
Академия МВД Республики Беларусь, просп. Машерова, 6, 220005, г. Минск, Республика Беларусь,
maksim-guminskii@mail.ru

В статье исследуются вопросы становления белорусского законодательства с момента становления независимого белорусского государства и принятия Конституции Республики Беларусь. Автором проводится историко-правовой анализ текстов нормативных правовых актов указанного периода с целью установления тенденций в области противодействия незаконного оборота наркотиков. В статье исследуется также содержание основных программных документов, стратегий современного периода.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков; противодействие; развитие законодательства.

DEVELOPMENT OF BELARUSIAN LEGISLATION IN THE FIELD OF COUNTERING ILLEGAL DRUG TRAFFICKING FROM THE MOMENT OF BELARUS

М. Н. Guminsky

post-graduate student of the of the Academy. Ministry of Internal Affairs of Belarus,
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 6, Masherova Av., 220005, Minsk,
Republic of Belarus,
maksim-guminskii@mail.ru

The article examines the issues of the formation of the Belarusian legislation since the formation of the independent Belarusian state and the adoption of the Constitution of the Republic of Belarus. The author conducts a historical and legal analysis of the texts of normative legal acts of the specified period in order to establish trends in the field of combating drug trafficking. The article also examines the content of the main policy documents, strategies of the modern period.

Keywords: drug trafficking; counteraction; development of legislation.

История развития законодательства Республики Беларусь в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ после распада СССР начинается с первых указов Президента Республики Беларусь, в рамках которых определялись основные направления работы и ответственные субъекты. Так, согласно п. 12 Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 1994 г. № 274 «О неотложных мерах по борьбе с преступностью и стабилизации обстановки в Республике Беларусь» было поручено «Министерству внутренних дел совместно с Комитетом государственной безопасности, Государственным комитетом пограничных войск, Государственным таможенным комитетом, органами исполнительной власти с участием Прокуратуры осуществлять операции по выявлению и пресечению преступных формирований, коррупции, контрабанды, незаконного оборота наркотических средств» [1]. Данный Указ носил сугубо общий характер, где наравне с иными видами преступной деятельности выделялся незаконный оборот наркотических средств. Кроме этого, в рассматриваемый период понятие «психотропные вещества и их прекурсоры» не были известны белорусскому законодательству.

Следующим Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 1995 года была образована межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и наркоманией при Совете Безопасности. Через год принимается первый программный целевой документ - Концепция государственной политики по контролю за наркотическими средствами и

психотропными веществами и их злоупотреблением в РБ [2]. Принятие Концепции обусловлено необходимостью выполнения положений закрепленных в международных соглашениях на уровне государств-участниц СНГ, а также набирающей рост преступной ситуацией в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Кроме Концепции в 1996 году была принята также Государственная программа комплексных мер противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 1997-2000 года [3]. В рамках Государственной программы были определены основные направления и формы работы в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств.

Следовательно, период с 1994-2000 гг. в Республике Беларусь стоит определить, как период принятия программных документов и определения базовых направлений в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. В рассматриваемый период происходит законодательная регламентация терминологии в рассматриваемой сфере, четкое следование положениям международных конвенций, а также соглашений, достигнутых на уровне СНГ.

Следующим комплексным и профильно-целевым документом стало принятие Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими веществами и их незаконному обороту на 2001- 2005 годы [4].

После 2005 года наркоситуация в Республике Беларусь ухудшается, что связано с незаконным ввозом и употреблением ряда синтетических наркотиков (героин, метадон). Основными причинами такой обстановки являлись географическое положение Республики Беларусь, интенсивное развитие транспортной инфраструктуры, а также прозрачность границ с Российской Федерацией. В 2008 году была принята новая Государственная программа комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009 - 2013 годы [5]. В рамках данной Программы были определены следующие мероприятия по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и с правонарушениями, связанными с ними: а) осуществление анализа ситуации, связанной с незаконным потреблением наркотических средств; б) анализ следственной и судебной практики в сфере противодействия незаконного оборота наркотических средств и др.

В рассматриваемый период также принят Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г. № 427-3, нормами которого установлен запрет на распространение в СМИ, а также на интернет-ресурсах сведений, пропагандирующих потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, а также сведений о способах и методах разработки, изготовления, использования и местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов [6]. Установление данного законодательного запрета в полной мере соответствовало направлениям борьбы в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, определенных в предыдущим государственным программах и концепциях.

К числу последних программных документов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров относится Информационная стратегия по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020-2025 годы, которая разработана в соответствии с пунктом 14 Комплексного плана мероприятий, направленных на принятие эффективных мер по противодействию незаконному обороту наркотиков, профилактике их потребления, в том числе среди детей и молодежи, социальной реабилитации лиц, больных наркоманией, на 2019-2020 годы, утвержденного Заместителем Премьер-министра Республики Беларусь 21.03.2019 [7]. Отметим прогрессивность данной Стратегии, которая определяется даже в ее названии «информационная». Употребление данного термина в Стратегии с точностью

определяет реалии современного развития государства, общественных отношений, информационных технологий, с помощью которых происходит распространение информации, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В рамках Стратегии под незаконным оборотом наркотиков понимается осуществляемая в глобальных масштабах незаконная коммерческая деятельность, включающая в себя культивирование, изготовление, распространение и сбыт веществ, подпадающих под действие запретительных законов о наркотиках [7].

В современный период на уровне законодательства Республики Беларусь принято достаточно большое количество нормативных актов, целью которых является оказание противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. В рамках Основного закона государства – Конституции Республики Беларусь определены основные конституционные ценности, которые поставлены под защиту государства. В частности, речь идет о здоровье населения, о признании человека высшей ценностью для общества и государства и др.

Важным этапом стало принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» (далее – Декрет №6) [8]. Целью принятия данного Декрета явились следующие: а) защита жизни и здоровья граждан; б) создание условий для безопасного развития детей и молодежи; в) пресечение распространения наркомании; г) обеспечение безопасности общества и государства.

Таким образом, развитие законодательства Республики Беларусь в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств по мере его становления было направлено на усиление ответственности за указанные действия. Большое значение в становлении законодательства имеют программные положения, в целях развития которых принимается ряд нормативных правовых актов, детализирующих их реализацию.

Библиографические ссылки

1. О неотложных мерах по борьбе с преступностью и стабилизации обстановки в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 1994 г. № 274: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 23 апреля 1999 г. № 231 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
2. Об утверждении Концепции государственной политики по контролю за наркотическими средствами и психотропными веществами и их злоупотреблением в РБ [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь 2 сентября 1996 года №583 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
3. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и психотропными веществами и их незаконному обороту на 1997-2000 года [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 15 октября 1996 года №660 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
4. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия злоупотреблению наркотическими веществами и их незаконному обороту на 2001- 2005 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 10 января 2001 года №25 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
5. Об утверждении Государственной программы комплексных мер противодействия наркомании, незаконному обороту наркотиков и связанным с ними правонарушениям в Республике Беларусь на 2009 - 2013 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 октября 2008 г. № 1634 (документ утратил силу) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

6. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 128-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

7. Об утверждении Информационной стратегии по профилактике наркопотребления и противодействию незаконному обороту наркотиков в Республике Беларусь на 2020-2025 годы [Электронный ресурс]: утверждена Министерством информации Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Республики Беларусь от 27 ноября 2019 года // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

8. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс]: Декрет Президента Республики Беларусь, 28 декабря 2014 г. № 6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Т. Б. Ежова

старший преподаватель, УО «БИП - Университет права и социальных информационных технологий (Могилевский филиал)»,

*УО «БИП - Университет права и социальных информационных технологий (Могилевский филиал)», ул. Комсомольская, д. 5, 212030, г. Могилев, Республика Беларусь,
Tanjashaituro1@mail.ru*

В статье дается характеристика истории правового института брачного договора в Республике Беларусь, основных положений белорусского законодательства, регулирующего брачно-договорные отношения. Основное внимание уделено анализу действующих положений законодательства, что позволяет определить позитивные и негативные аспекты правового опыта в исследуемой области.

Ключевые слова: институт брачного договора; контракт; исторический аспект; семейные отношения; древний текст.

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF MARRIAGE CONTRACT IN DOMESTIC LEGISLATION

Т. Б. Yazhova

Senior Lecturer, Belarusian Institute of Law - University of Law and Social Information Technologies (Mogilev Branch),

*Belarusian Institute of Law - University of Law and Social Information Technologies (Mogilev Branch), 5a, Komsomolskaya Str., Mogilev, Republic of Belarus,
Tanjashaituro1@mail.ru*

The article describes the history of the legal institution of the marriage contract in the Republic of Belarus, the main provisions of the Belarusian legislation governing marriage contractual relations. The main attention is paid to the analysis of the current provisions of the legislation, which makes it possible to determine the positive and negative aspects of legal experience in the studied area.

Key words: institution of marriage contract; contract; historical aspect; family relations; ancient text.

С древнейших времен было принято, чтобы невеста приносила приданое в дом жениха. Жених обеспечивал сохранность приданого с помощью платы «за вено», которая могла выступать в качестве подарка для невесты, а также выплатой ее родственникам. Выплата за вено могла быть символической или вообще сводиться к видимости умыкания. Отдавая или уступая венок парню, девушка признавала себя его

женой, так как венок из цветов символизировал девичество. Видимо от этого выплата жениха называлась платой «за вено». Представители же более богатых слоев населения усваивают смешанную систему, в которой плата принимает материальное значение.

В XV-XVI вв. в привилеях институт веновой записи получил свое дальнейшее развитие. Так, в привилеи от 20 февраля 1387 г. Установлено право вдовы на владение имуществом на правах вено требовало от вдовы исполнения земской и воинской обязанностей. Привелей Великого князя Литовского Александра Каземировича 1492 г. Установил, что имущество мужа находилось в пользовании вдовы, пока та не выходила замуж, при условии, что у нее были дети. Если детей не было, то имущество переходило к его родственникам. В том случае, если муж оставил вено, то этим имуществом она могла распоряжаться по своему усмотрению.

Более жестокие положения содержал Бельский привилей 1501 г., в соответствии с которым вдова при получении приданого или вено после смерти мужа отдавала его родителям или родственникам, которые отдавали ее замуж. В противном случае она теряла долю в наследстве.

Ухала от 16 января 1509 г., принятая Виленским соймом, закрепила размер вено, систематизировала порядок пользования им. Это был шаг вперед по сравнению с предыдущими привилеями, где размер веновой записи определялся в соответствии с местными обычаями или по договоренности между родителями [2, с. 13].

В статутах 1529, 1566, 1588 гг. институты приданого и вено были детально разработаны, выделялась законодательно зафиксированная часть приданого и вено. Доля приданого составляла четверть отцовского имущества, а размер вено определялся третьей частью недвижимого имущества мужа. Если третья часть недвижимого имущества мужа не соответствовала сумме приданого, то, в соответствии со Статутом 1566 г., отец невесты покупал имение в собственность дочери. В этом случае предусматривалось совместное владение имением при жизни мужа и жены, а после смерти мужа оно оставалось собственностью жены. По Статуту 1588 г. при расторжении брака судьбу приданого определяли светский и духовный суды. Если отсутствовала вина супругов при расторжении брака, каждая сторона оставалась при своем имуществе. Если вину признавали за женой, то она лишалась приданого. В случае развода по вине мужа, жена имела право на получение имущественного содержания от него [1, с. 70].

В Статутах достаточно детально разработаны положения, которые касаются веновых и невеновых вдов, имеющих несовершеннолетних детей, не имеющих детей вообще или имеющих детей от первого брака.

Таким образом, Статуты довольно четко регулировали личные и имущественные права, которые возникали на основе брака. Все эти положения напоминают современный брачный договор, поэтому можно предположить, что веновая запись являлась прообразом этого института.

В 1918 г. был принят Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, который действовал на территории Беларуси до 1972 г. В нем сохранился режим раздельности имущества, супруги полностью были уравнены в решении семейных вопросов. Была предоставлена возможность заключать сделки между мужем и женой, однако женщина не могла с помощью договора закрепить за собой право на часть имущества семьи и в случае развода ничего не получала [4, с. 185].

С 1 марта 1927 г. вступил в силу Кодекс законов о браке, семье и опеке БССР, где имущество, нажитое супругами в браке, считалось их общим имуществом. Ведение домашнего хозяйства и уход за детьми при определении доли в имуществе приравнивались к труду в общественном хозяйстве. В 1969 г. БССР приняла Кодекс о браке и семье, в котором провозглашалась совместная собственность супругов, изменение этого режима не допускалось.

В вышеперечисленных кодексах институт брачного договора еще не получил своего развития. На этих примерах можно лишь проследить, как изменились имущественные отношения между супружами.

Обретение в 1991 году Республикой Беларусь государственного суверенитета детерминировало реформу системы социальных регуляторов. Институт семьи одним из первых элементов социума воспринимает новое и адаптируется к изменениям в общественной жизни. Белорусская правовая наука переходного периода инициировала проведение реформы брачно-семейного законодательства.

Первый концептуальный этап реформы завершился принятием в 1999 году Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС). Длительное время белорусское семейное право состояло преимущественно из императивных норм, однако жесткая публично-правовая регламентация семейных отношений не соответствовала новым принципам государственной семейной политики Республики Беларусь, установленным Указом Президента Республики Беларусь № 46 от 21. 01. 1998 г.»Об утверждении основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь», в частности принципу «самостоятельности и автономности семьи в принятии решений относительно своего развития»).

В метод правового регулирования семейных отношений был привнесен диспозитивный элемент, особую роль при этом сыграло введение института брачного договора.

Существует мнение, что брачный договор полностью заимствован белорусским законодателем из правовых систем ряда государств – бывших республик СССР, которые ввели институт брачного договора, переняв правовой опыт стран западной Европы, Скандинавии, США. В свою очередь американские правоведы полагают, что современный институт, называемый брачным договором или брачным соглашением, берет свои корни в средневековом праве Англии. Однако это не означает, что страны иных правовых систем, не связанные с семьей общего права, не знали этого типа соглашений [3, с. 62].

Исторический анализ позволяет предположить, что в системе общественных регуляторов восточнославянских народов брачный договор (как соглашение супругов, определяющее их имущественные взаимоотношения на период брака и после его расторжения) имеет более древние корни. Он появился и развивался самостоятельно, вне зависимости от влияния западных правовых систем [5].

Так, еще в дохристианский период «во время обручения в оформляемой при этом «сговорной записи» могли устанавливаться условия, определяющие права и обязанности супругов по поводу имущества». Договор этот заключался чаще всего родителями малолетних жениха и невесты и обеспечивался неустойкой или задатком. Следовательно, сговорная запись являлась прообразом современных брачных договоров. Это опровергает теорию, что брачный договор был полностью заимствован из опыта правовых систем западных стран.

Правотворчество в семейном праве применительно к нормам, необходимым для регулирования брачно-договорных отношений, сопряжено с рядом сложностей. Следует отметить некоторую поверхностность, допущенную белорусским законодателем в сфере регулирования данных отношений. На уровне закона как наиболее значимого источника права соответствующие нормы содержатся лишь в двух статьях КоБС (ст. 13, ст. 13-1), а также в ст. 259 Гражданского кодекса Республики Беларусь, имеющей скорее декларативный, нежели практически значимый для правопримениеля характер.

Такая попытка сжать весь объем правовой информации о понятии, содержании, субъектном составе, основаниях признания недействительным, порядке заключения, изменения, расторжения и прекращения брачного договора до размера двух статей представляется недостаточной, поскольку влечет возникновение пробелов в праве.

Во исполнение и развитие законодательных норм Министерством юстиции Республики Беларусь была предпринята попытка предупреждения ряда проблем в области юридического оформления заключения брачных договоров посредством издания Указания о порядке нотариального удостоверения брачного договора, утвержденного приказом Министерства юстиции Республики Беларусь № 243 от 15. 11. 1999 г. Однако документ не дал ответов на ряд неурегулированных вопросов и имел скорее прикладное и разъяснительное значение. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22. 06. 2002 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» дает толкование нормам, содержащимся в ст. 13 КоАС [6].

Следовательно, развитие общественных отношений, постепенное изменение отношения к праву, в частности семейному, позволило закрепить институт брачного договора на правовом уровне. Так, в 1999 г. вступил в силу новый Кодекс о браке и семье, где введен институт брачного договора, что сделало норму общей совместной собственности супругов диспозитивной.

В нашей стране, как и в странах бывшего советского союза, брачный договор широкого распространения не нашел. Причины этого заключаются в менталитете, правосознании, как составной части правовой культуры людей. В сознании белорусов существует мнение, что брак должен быть построен на любви, а заключение брачного договора представляется, как заключение брака «по расчету», что является неприемлемым.

Библиографические ссылки

1. Аземша, Я. К. Брачный договор как способ регулирования правоотношений супругов / Я. К. Аземша // Юстыця Беларусі. 2003. № 6. С. 70–71.
2. Бадейко, Т. В. Брачный договор: учебно-методическое пособие / Т. В. Бадейко. Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. 44 с.
3. Бондов С. Н. Брачный договор: учебное пособие для вузов / С. Н. Бондов. М. : ЮНИТИ ДАНА, Закон и право, 2015. 95 с.
4. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 640 с.
5. Генералова, А. Брачный договор : мировой опыт / А. Генералова // Журнал Правильный Совет [Электронный ресурс]. 2020. Режим доступа: <http://www.pravsovet.com/semya/brachniy-dogovor-mirovoy-opit/>. Дата доступа : 17. 01. 2020.
6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9. 07. 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3. 06. 1999 года : одоб. Советом Респ. 24. 06. 1999 года : в ред. Закона Республики Беларусь от 18. 12. 2019 г. № 277-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

К ВОПРОСУ О РАЗРЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Е. А. Реутская

*старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, магистр юридических наук,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь,
reutckovich@mail.ru*

Исследуются основные этапы разрешения жилищной проблемы граждан в Республике Беларусь начиная с 90-х годов XX века и на ближайшее пятилетие.

Ключевые слова: жилье; жилищная проблема; жилищное строительство; кредитование; жилищные фонды; рынок жилья.

TO THE QUESTION OF ALLOWING THE HOUSING PROBLEM

E. A. Reutskaya

*Senior Lecturer of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Master of Laws,
Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 17, Moskovskaya Str., 220007, Minsk,
Republic of Belarus,
reutckovich@mail.ru*

The main stages of solving the housing problem of citizens in the Republic of Belarus are investigated starting from the 90s of the XX century and for the next five years.

Key words: housing; housing problem; housing construction; lending; housing funds; housing market.

Жилищная проблема – острая проблема во всем мире. Значительная часть населения всегда страдала от недостатка жилья, так как именно «жилище предназначено для длительного удовлетворения потребностей людей и для его приобретения необходимо одновременно затратить значительные средства» [1, с. 3].

Разрешением жилищного вопроса еще занимались в советское время.» В СССР, составной частью которого была Белорусская ССР, пути решения жилищной проблемы были зафиксированы в ст. 44 Конституции СССР. Она провозглашала право граждан на жилище. Оно, согласно Конституции, обеспечивалось развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением жилья под общественным контролем, а также невысокой квартирной платой. На этой основе решить жилищную проблему не удалось» [1, с. 4]. Эти же подходы в решении жилищного вопроса прослеживались и в Конституции БССР, и в Жилищном кодексе Республики Беларусь, принятом на восьмой сессии Верховного Совета Республики Беларусь десятого созыва 22 декабря 1983 г. и введенного в действие с 1 апреля 1984 г., текст которого в последствии (после 1991 г.) был изменен и дополнен. В этой редакции Жилищный кодекс Республики Беларусь регулировал жилищные правоотношения в Беларуси.

В условиях перехода к рыночным реалиям, законодатель не прекращал искать пути решения жилищной проблемы. Так, 24 февраля 1994 г. Верховным Советом Республики Беларусь была утверждена Национальная жилищная программа «Концептуальные положения жилищной политики в условиях перехода к рыночной экономике». Основной целью Национальной жилищной программы явилось создание рынка жилья, изменение структуры жилищного фонда путем развития частного жилищного фонда, переход от дотаций жилищно-коммунальному хозяйству к выплате государственных пособий гражданам для погашения части затрат на квартирную плату и коммунальные платежи, привлечение средств граждан и юридических лиц негосударственной формы собственности в жилищное строительство, кредитование и субсидирование граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий.» Суть этой программы состоит в преодолении сложившегося потребительского отношения граждан к жилью как бесплатно предоставляемому благу» [1, с. 4]. Эти же направления Национальной жилищной программы и сущность права граждан на жилище, были отражены в Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на референдуме 24 ноября 1996 г. Так, в ст. 48 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что граждане Республики Беларусь имеют право на жилище. Это право обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении жилья. Гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется государством и местным самоуправлением бесплатно или по

доступной для них плате в соответствии с законодательством. Никто не может быть произвольно лишен жилья.

С учетом этой конституционной позиции, 1 июля 1999 г. вступил в силу Жилищный кодекс Республики Беларусь, провозгласивший: свободу граждан и организаций в реализации жилищных прав и интересов, а также обеспечение юридических гарантий получения или приобретения жилых помещений гражданами, нуждающимися в улучшении жилищных условий, формирование конкуренции на рынке жилья и др. (ст. 4), дальнейшее развитие государственного и частного жилищных фондов (ст. 7). Положения Жилищного кодекса Республики Беларусь 1999 г. четко отражали реалии нового времени в стране.

Время 90-х и 2000 г. г. отмечено огромным всплеском жилищного строительства в Республике Беларусь. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 мая 1999 г. № 640 была утверждена очередная Национальная жилищная программа, суть которой состояла: в стабилизации и обеспечении роста объемов строительства; создание внебюджетного финансирования жилищной сферы; разделение государственных средств на прямые капитальные вложения и финансовую поддержку граждан в сфере строительства и др. Осуществление настоящей программы способствовало активному росту не только государственного, но и частного жилищного фонда.

Безусловно, жилищное строительство как способ удовлетворения жилищных потребностей граждан в жилье, наряду с появившимся наследованием и приватизацией жилья, является приоритетным направлением развития нашей страны.

В первую очередь жилищное строительство стимулирует развитие жилищного рынка. Во-первых, за счет жилищного строительства существенно расширяются возможности по удовлетворению жилищных потребностей граждан за счет увеличения количества новых квартир и домов. Во-вторых, жилищное строительство, способствует тем самым повышению его качества и формированию адекватного уровня цен на жилье [2, с. 3].

В целом, в стране за два десятилетия прослеживалась четкая тенденция активного роста строительства жилья как за счет государственного, так и частного финансирования. Итоги строительства жилья за последние годы и приоритетные направления развития жилищного строительства были сформулированы в Государственной программе «Строительство жилья» на 2016-2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2016 г. № 325. Так, реализация государственной политики в области жилищного строительства позволила в 2011-2015 гг. ввести в эксплуатацию 25,8 млн. кв. метров жилья, благодаря чему свои жилищные условия улучшили свыше 1 млн. человек. При этом около 53 % жилья построено гражданами, состоящими на учете улучшения жилищных условий. Наращивались объемы строительства жилья социального пользования и для многодетных семей, а также индивидуального жилищного строительства.

Как и планировалось, существенно увеличилась доля финансирования жилищного строительства из собственных средств граждан и организаций в общем объеме финансирования (превысило 60 %), но государственное финансирование отдельных категорий граждан, состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий (например, многодетных семей, малообеспеченных граждан, детей-сирот), оставалось приоритетным.

Государственная программа «Строительства жилья» на 2016-2020 гг. была направлена на создание условий для удовлетворения гражданами потребности в доступном и комфортном жилье согласно их индивидуальным запросам и финансовым возможностям.

С 2021 г. жилищное строительство в Республике Беларусь осуществляется в соответствии с Государственной программой «Строительства жилья» на 2021-2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января

2021 г. № 51. Безусловно, приоритетными направлениями реализации Государственной программы является сбалансированное развитие различных форм удовлетворения потребностей граждан в зависимости от их доходов, предпочтений и места проживания как с использованием мер государственной поддержки социально незащищенных категорий населения, так и с применением новых механизмов финансирования строительства (приобретение жилья в собственность, аренда жилья, развитие системы жилищных строительных сбережений, совершенствование механизмов ипотечного жилищного кредитования). С 2021 по 2025 гг. по решению Президента Республики Беларусь планируется поэтапное увеличение объемов строительства общей площади, жилья с государственной поддержкой, арендного жилья, в том числе для военнослужащих. Продолжится развитие комплексного индивидуального жилищного строительства, а также планируется возведение многоэтажного жилья с использованием энергосберегающих решений, технологий «умного дома». Одним из важных направлений останется обеспечение жильем состоящих на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий многодетных семей, а также детей-сирот, инвалидов и других социально уязвимых категорий граждан.

Таким образом, следует отметить, что жилищное строительство оказывает позитивное влияние не только на решение жилищной проблемы граждан и на жилищный рынок, но и в целом на социальную и экономическую ситуацию в стране.

Библиографические ссылки

1. Чигир, В. Ф. Договор найма жилого помещения: По новому жилищному законодательству. Минск: Амалфея, 2001. 368 с.
2. Калимов, Д. А. Кредиты и займы: приобретение, строительство, реконструкция жилья. Минск: Амалфея, 2003. 304 с.

ПРЕДЬЯВЛЕНИЕ ИСКА К НЕПРАВОСПОСОБНОМУ ЛИЦУ: ЗАКОН, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А. Д. Эрзин

*магистрант Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия),
Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина (Московская государственная юридическая академия), ул. Садовая-Кудринская, д. 9, 125993, г. Москва, Российская Федерация,
alexerzin@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос предъявления иска к неправоспособному лицу, анализируются способы устранения судами ошибки, связанной с принятием иска, предъявленному к неправоспособному лицу в российской правоприменительной практике, изучается вопрос возможности замены неправоспособного лица с использованием норм о замене ненадлежащей стороны.

Ключевые слова: ненадлежащий ответчик; неправоспособное лицо; гражданская процессуальная правоспособность.

BRINGING A CLAIM AGAINST A LEGALLY INCOMPETENT PERSON: LAW, THEORY AND PRACTICE

A. D. Erzin

*Master's student of Moscow State University. A. E. Kutafina,
Moscow State University. A. E. Kutafina, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9, 125993, Moscow, Russia,
alexerzin@yandex.ru*

The article considers the issue of filing a lawsuit against a legally incompetent person, analyzes ways for the courts to eliminate the error associated with the acceptance of the claim filed against a legally incompetent person in Russian law enforcement practice, examines the possibility of replacing the legally incompetent person using the rules on the replacement of the improper party.

Keywords: improper defendant; legally incompetent person; civil procedural legal capacity.

Для того чтобы гражданский процесс возник и развивался, в нём неизбежно должны участвовать лица, обладающие гражданской процессуальной правоспособностью. Так, М. А. Гурвич изначально давал следующее определение: «процессуальная правоспособность означает способность быть стороной в процессе по своему делу» [2, с. 55.] и безусловно относил её к числу предпосылок права на предъявление иска [2, с. 54.]. Впоследствии, М. А. Гурвич определил её как «способность быть субъектом процесса, в частности истцом, ответчиком или третьим лицом в процессе» [1, с. 47.]. Однако, поскольку обзор взглядов на круг субъектов и содержание правоспособности, предмет настоящего исследования не составляют, ограничимся констатацией того, что подход к правоспособности с любой из имеющихся точек зрения на правоспособность [о точках зрения см. 3, с. 85-89.] свидетельствует о том, что неправоспособное лицо не может являться ни стороной по делу, ни каким-либо иным участником процесса.

Но как следует поступить судье, который рассматривает вопрос о принятии иска, предъяvenного к неправоспособному лицу, к своему производству? Или как быть, если иск к неправоспособному лицу ошибочно принят к производству? Или же как следует поступить судье, если одна из сторон утрачивает правоспособность во время рассмотрения дела?

При анализе судебной практики были выявлены четыре способа устранения судами ошибки, связанной с принятием иска, предъяvenному к неправоспособному лицу. Проиллюстрируем на примерах.

1) Изначально иск был предъяven к представительству, то есть неправоспособному лицу, однако суд не вынес определение о прекращении производства по делу. Определение о замене ненадлежащего ответчика также не выносилось, а ошибка, которую суд посчитал технической, была устранена *уточнением исковых требований* [14.];

2) В Решении Осинского районного суда (Пермский край) от 26 августа 2014 г. по делу № 2-604/2014 [16.] суд указал на то, что иск предъяven к органу юридического лица и поскольку исковое заявление подано к неправоспособному лицу, *в иске должно быть отказано*;

3) Помимо этого, некоторыми судами анализируется возможность замены такого лица при помощи института замены ненадлежащего ответчика. Исходя из анализа Решения Бутурлиновского районного суда (Воронежская область) от 28 ноября 2011 г. [15.], исковые требования предъяvenы к неправоспособному лицу – филиалу и после того, как суд *предложил представителю истцы заменить надлежащего ответчика*, на что представитель истцы ответил отрицательно, суд не прекратил производство по делу, а вынес решение об отказе в иске;

4) Способ, соответствующий закону, применяется судами значительно чаще:

- Определением Хабаровского районного суда от 28 сентября 2011 г. по делу № 2-1575/2011 [12.] суд прекратил производство по делу на основании ст. 220 ГПК РФ, согласно которой суд прекращает производство по делу в случае, если после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство;

- Суд прекратил производство по делу по иску к неправоспособному лицу на основании п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ как дело, не подлежащее рассмотрению в судах [13.];

- Определением Медногорского городского суда (Оренбургская область) от 14 августа 2013 г. [11.] суд отказал в принятии искового заявления в связи со смертью ответчика.

При этом, чаще судебные ошибки встречаются в практике судов общей юрисдикции. Даже в тех случаях, когда суды в решениях указывают на обязанность суда прекратить производство по делу, ими выносятся решения об отказе в иске, а не определения о прекращении производства по делу.

В доктрине вопрос о неправоспособных лицах исследовался многими учёными. М. С. Шакарян, рассматривая вопрос о том, как должен поступить судья если истец или ответчик неправоспособны, приходит к выводу, что исходя из точного смысла закона, отказать в принятии искового заявления по такому основанию нельзя [4, с. 26.]. Такой вывод следует из анализа норм Основ гражданского судопроизводства СССР (статьи 31) и Гражданского-процессуального кодекса РСФСР (статьи 129). Следует отметить, что названные нормы предусматривали, что судья отказывает в принятии заявления если заявление не подлежит рассмотрению в судах (в ГПК РСФСР - в судебных органах) [9.]. При этом всеми учёными, которые рассматривали указанный вопрос, в том числе, и М. С. Шакарян, правоспособность относилась к предпосылкам права на предъявление иска и отсутствие последней неизбежно означало невозможность предъявление такого иска и, как следствие, должно было влечь за собой отказ в его принятии.

Представляется, что вопрос гражданского-процессуальной правоспособности лица при предъявлении иска лежит в области регулирования процессуального законодательства и должен разрешаться следующим образом. Поскольку если при принятии иска к производству, из такого заявления следует, что он предъявлен к неправоспособному лицу, такой иск не подлежит рассмотрению судами. Иное решение проблемы допускало бы возможность предъявления иска к животному или, например, к марсианам, и полноценному рассмотрению такого иска судом.

Действующее российское законодательство позволяет должным образом устранять проблему, связанную с предъявлением иска к неправоспособному лицу на стадии принятия иска к производству и в случае, когда такой иск был ошибочно принят к производству. В первом случае подлежат применению нормы п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 127. 1 АПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ, согласно которым суд отказывает в принятии искового заявления иск, который *не подлежит рассмотрению в судах*. В том случае, если такой иск принят к производству, производство подлежит прекращению на основании абз. 2 ст. 220 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 194 КАС РФ со ссылкой на указанные выше нормы. Таким образом, в российском законодательстве отсутствует какое-либо противоречие. Следует отметить, что формулировка основания для отказа в принятии искового заявления и прекращения производства по делу, вновь охватывающая случаи предъявления иска к неправоспособной стороне и споры, которые не подлежат судебной защите, была изменена лишь в 2018 году с принятием Федерального закона от 28. 11. 2018 N 451-ФЗ (ред. от 17. 10. 2019) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В законодательстве Республики Беларусь формулировки закона следует признать неудачными, поскольку указанные основания нормативно не закреплены – отсутствуют как в статьях 245 ГПК РБ и 164 ХПК РБ, посвященных отказу в принятии иска, так и в статьях 164 ГПК РБ и 149 ХПК РБ, закрепляющих основания для прекращения производства по делу. Из буквального толкования указанных норм следует, что в Республике Беларусь суд будет обязан принять иск к своему производству, пусть тот и предъявлен к лицу, у которого отсутствует гражданская процессуальная правоспособность несмотря на отсутствие предпосылки права на предъявление иска.

В том случае, когда иск правомерно был принят к производству, однако, одна из сторон «утратила» гражданскую процессуальную правоспособность в ходе рассмотрения дела, для прекращения производства по делу предусмотрены специальные

основания - абз. 7 ст. 220 ГПК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, п. 5-6 ч. 1 ст. 194 КАС РФ (прекращение производства по делу после смерти гражданина, являвшегося одной из сторон по делу, если спорное правоотношение не допускает правопреемство или ликвидация организации, являвшейся одной из сторон по делу, завершена). Аналогичные нормы присутствуют в законодательстве Республики Беларусь – ст. 149 ХПК РБ, ч. 5 ст. 164 ГПК РБ.

При этом, случаи предъявления исков к неправоспособным лицам связаны не только с предъявлением исков к животным либо марсианам, но и с менее очевидными обстоятельствами, свидетельствующими о неправоспособности ответчика. Например, иски предъявляются к умершим, о чём не всегда известно на стадии принятия иска к производству или иски предъявляются к представительствам, филиалам, органам юридического лица, посольствам, которые самостоятельной правоспособностью не обладают. В таких ситуациях суды ошибочно принимают к производству иски, предъявленные к неправоспособным лицам и в практике российских судов сложились различные подходы к устранению последствий такого принятия. Помимо этого, как уже было указано, существуют случаи, когда лицо утрачивает правоспособность в ходе рассмотрения дела (в случае смерти гражданина либо ликвидации организации).

Несмотря на то, что ситуация кажется регламентированной законодательно, в науке встречаются точки зрения, исходя из которых, считается целесообразным применение норм о замене ненадлежащего ответчика к неправоспособным лицам [4, с. 27.]. Такой подход, вероятно, основан на соответствующем представлении об отсутствии правовых возможностей для отказа в принятии искового заявления и прекращения производства по делу. Однако, следует признать, что такой подход не основан на доктрине гражданского процесса – нельзя заменить лицо, которое не является стороной процесса. В тех случаях, когда с очевидностью известным является лицо, которое должно отвечать по иску было бы целесообразно использовать механизмы введения в процесс таких лиц. Например, для введения в процесс юридического лица при предъявлении иска к его филиалу. Такой подход соответствовал бы «принципу» процессуальной экономии, однако, в действующем законодательстве такие механизмы отсутствуют.

Подводя итог размышлению, стоит подчеркнуть, что неправоспособное лицо не является ненадлежащей стороной процесса, поскольку ненадлежащая сторона (ненадлежащий ответчик) обладает правоспособностью. Различие в статусе неправоспособной и ненадлежащей стороны влечет неодинаковые юридические последствия. При этом, для эффективной реализации основополагающих начал процесса, в законодательство Республики Беларусь представляется необходимым внести соответствующие изменения, например, с заимствованием формулировок действующего российского законодательства.

Библиографические ссылки

1. Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. Пособие / М. А. Гурвич ; Под ред. : Бельдюгин В. Н. М., 1950. - 199 с.
2. Гурвич М. А. Право на иск / М. А. Гурвич ; ред. Клейман А. Ф. М: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 215 с.
3. Сергун А. К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК) / А. К. Сергун. Труды ВЮЗИ. Т. 38. 102 с.
4. Шакарян М. С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе : учеб. пособие / М. С. Шакарян ; отв. ред. : А. К. Сергун М. : РИО ВЮЗИ, 1983. 68 с.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // опубликован в «Российской газете» от 24 июля 2004 г. № 3534.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14. 11. 2002 № 138-ФЗ (ред. от 08. 12. 2020, с изм. от 12. 01. 2021) // опубликован в «Российской газете» от 20 ноября 2002 г. № 220.

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З: принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 18–19. 2/13.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // опубликован в «Российской газете» от 11 марта 2015 г. № 6620.
9. Основы гражданского судопроизводства СССР и Гражданского-процессуальный кодекс РСФСР. 1961-1964 гг. // <http://museumreforms.ru/node/13893> (дата доступа - 26. 02. 2021 г.).
10. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-З: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 авг. 2004 г. № 314-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 138–139. 2/1064.
11. Определение Медногорского городского суда (Оренбургская область) от 14 августа 2013 г. URL: <http://sudact.ru/> (дата доступа - 26. 02. 2021 г.).
12. Определением Хабаровского районного суда от 28 сентября 2011 г. по делу № 2-1575/2011// Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата доступа - 26. 02. 2021 г.).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11. 12. 2018 №№ Ф05-22081/2018, А40-28849/2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18. 10. 2019 №№ Ф05-17662/2019, А40-171991/2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
15. Решения Бутурлиновского районного суда (Воронежская область) от 28 ноября 2011 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата доступа - 26. 02. 2021 г.).
16. Решение Осинского районного суда (Пермский край) от 26 августа 2014 г. по делу № 2-604/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/> (дата доступа - 26. 02. 2021 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЯ ДАКЛАДЫ.....	3
ДОЎНАР Т. И. ТВОРЧАЯ СПАДЧЫНА ПРАФЕСАРА И. А. ЮХО – НАЛЕЖНЫ ПАДМУРАК ДАЛЕЙШАЙ РАСПРАЦОЎКІ ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ	3
ВАСИЛЕВИЧ Г. А. ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ).....	11
МАКАРОВА Т. И. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ОТРАСЛЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	16
МІХАЛЁВА Т. М. МІЖНАРОДНА-ПРАВАВЫ ІНТЭГРАЦЫЙНЫ ДЫСКУРС У ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ І ЮРЫДЫЧНЫХ ПОМНІКАХ БЕЛАРУСІ (ПАМЯЦІ ПРАФЕСАРА И. А. ЮХО)	20
ШИДЛОВСКІЙ А. В. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА УСТОЯВШИХСЯ ЦЕННОСТНО- МИРОВОЗЗРЕНЧСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ БЕЛОРУССКАЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	23
ГОЛУБЕВА Л. Л. ПЕРАЕМНАСЦЬ У ВЫВУЧЭННІ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ СПАДЧЫНЫ БЕЛАРУСІ: И. А. ЮХО, С. Ф. СОКАЛ.....	27
КАЛИНИН С. А. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ ПАРАМЕТРОВ БЕЛОРУССКАЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	35
СЕКЦЫЯ I. СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫ Ў БЕЛАРУСІ.....	40
СНАПКОЎСКІ У. Е. АБ УПЛЫВЕ И. А. ЮХО НА ФАРМІРАВАННЕ НАЦЫНАЛЬНАЙ ШКОЛЫ ДАСЛЕДЧЫКАЎ ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ	40
ТОМАШЕВСКІЙ К. Л. ТРИ БІОГРАФІИ ПРОФЕССОРОВ ПРАВА БГУ 1920-Х ГОДОВ: Н. Н. КРАВЧЕНКО, Б. В. ЧРЕДІН, В. Н. ШИРЯЕВ	45
ФРОЛОВА Е. А. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	49
ГУР’ЕЎ С. А. РАЗВІЦЦЁ АЙЧЫННАЙ КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ХХ СТАГОДДЗЯ.....	52
КОВАЛЁВА С. Г. ИНСТИТУТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XVI ВЕКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДІИ ПРОФЕССОРА И. А. ЮХО.....	55
ОРЛОВСКАЯ Е. И. ВОЗЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА А. В. ДУЛОВА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ	58
САРАКАВІК И. А. И. А. ЮХО І ЯГО ПАЧАТКОВЫ ШЛЯХ У ГІСТОРЫЮ ПРАВА БЕЛАРУСІ	61
ЧЕБУРАНОВА С. Е. ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	65
ГОЛУБЕВА А. И. ВКЛАД УЧЕНЫХ БЕЛОРУССКАЙ ССР В РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ ВЕКА.....	67
КОЖАР А. В. ПЫТАННЕ ПРАВАВОГА СТАНОВІЩА НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ Ў ПРАЦАХ ПРАФЕСАРА И. А. ЮХО	70
СЕКЦЫЯ II. ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫІ ПАЛІТЫЧНАЙ І ПРАВАВОЙ ДУМКІ	73
СКОРОБОГАТОВ А. В. МЕТОДОЛОГІЧСКІЙ ПОТЕНЦІАЛ ТЕЛЕОЛОГІЧСКОЙ ТЕОРИИ Р. ФОН ИЕРИНГА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	73
СЕДЕЛЬНИК В. В., СКІТОВІЧ В. В. ДМИТРИЙ ИВАНОВІЧ АЗАРЕВІЧ: ЮРИСТ, УЧЁНЫЙ, ПЕДАГОГ	76
ЖУК Д. С. УПЛЫЎ ПАЛІТЫКА-ПРАВАВЫХ ІДЭЙ АНТЫЧНАСЦІ НА ПАЛІТЫЧНУЮ І ПРАВАВУЮ ДУМКУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ПАД ЧАС РЭФАРМАЦЫІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI СТАГОДДЗЯ.....	80
ПАДАЛІНСКІ У. А. ПРАЦА Л. АКІНШЭВІЧА “ПРАВА ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА” (1953) І ЯЕ ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ ГІСТАРЫЯГРАФІ БЕЛАРУСІ	83

ШЧЭРБІК Д. В. УЛАДА І ПРАВА Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ СВЯДОМАСЦІ ЖЫХАРОЎ СТАРАЖЫТНАЙ БЕЛАРУСІ	87
БІЧУН В. М. ПАЛІТЫЧНАЯ І ПРАВАВАЯ ДУМКА ЛЬВА САПЕГІ	91
ВАЛЕЎКА А. В. ІДЭАЛАГІЧНЫЯ ПЕРАДУМОВЫ РЭФОРМ 1760-Х ГАДОЎ У РЭЧЫ ПАСПАЛАТАЙ	94
ПРАНЕВІЧ Д. А. ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЭІ ПАРТЫЙ І АРГАНІЗАЦЫЙ У БЕЛАРУСІ Ў ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ	97
СУЛЕЙКОВ А. А. ГОСУДАРСТВО І ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В УЧЕНИИ А. ГРАМШІ.....	99
 СЕКЦЫЯ III. ПРАБЛЕМЫ ГІСТОРЫ І ПРАВА	103
ВІШНЕЎСКАЯ І. У. АДКАЗНАСЦЬ ЗА ПАДРОБКУ ДАКУМЕНТАЎ ПА СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА	103
ДЗЕРБІНА Г. В. СТАТУТ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1529 Г. У ГІСТОРЫ ЮРЫСПРУДЭНЦЫ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ	106
ЕРМОЛОВІЧ В. И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БЕЛАРУСІ	109
ЗАЙЧУК Г. И. ОБЪЕКТЫ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	114
МИСАРЕВІЧ Н. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	117
ПАВЛОВ В. И. ВІЗАНТІЙСКОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛІТОВСКОГО: ПЕРВАЯ (БАЗОВАЯ) ВОЛНА РЕЦЕПЦІИ РІМСКОГО ПРАВА	121
ШАБУНЕВІЧ С. Н. ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО СТАТУТНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛІТОВСКОГО	128
ШАРШУН В. А. СІСТЭМА АБНАРОДАВАННЯ НАРМАТЫЎНЫХ АКТАЎ ЗГODНА СТАТУТУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1588 ГОДА.....	131
БАЙСЕЙТОВ Б. Б. РОЛЬ БАТЫРОВ В ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА	134
МІХНЕВІЧ А. А. ГІСТОРЫЯ ДАСЛЕДАВАННЯ СТАРАЖЫТНАГА ЎХОДНЕСЛАВЯНСКАГА СУДОВАГА ПРАЦЭСА І ЯГО ЎПЛЫЎ НА РАЗВІЦЦЁ СУЧАСНАГА ПРАЦЭСУАЛЬНАГА ЗАКАНАДАЎСТВА	137
 СЕКЦЫЯ IV. ТЭАРЭТЫЧНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА	144
ВЕСТОВ Ф. А., ФАСТ О. Ф. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ	144
ВЕРШОК І. Л. ПРАВАВАЯ РЭЧАІСНАСЦЬ І ПРАВАВАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ: МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПЫТАННІ СУАДНОСІН	147
ДАВЫДЕНКО С. С. ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССІОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	150
ДЕМИДОВА И. А. ТЕОРИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРАВОВЕДЕНИИ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	154
ЗОРЧЕНКО Е. А. О РАЗРАБОТКЕ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО АКТА	158
ЛАГУН Д. А. ОТРАЖЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ТИПА ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА	161
СЕРЕГІН А. В. СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ І ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКІ	165
ЧОЛАХЯН А. В. ТРАНСФОРМАЦІЯ НАЦІОНАЛЬНИХ ПРАВОВИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННИХ УСЛОВІЯХ.....	167
ШОШІН С. В. МОРАЛЬ І НРАВСТВЕННОСТЬ В ТЕОРИИ ПРАВА І ГОСУДАРСТВА	171
ВЯЧОРКА В. Ю. КЛАСІФІКАЦЫЯ І СІСТЭМАТИЗАЦЫЯ — МЕТАДЫ ПАЗНАННЯ ПРАВАВОЙ РЭЧАІСНАСЦІ ІХ СУАДНОСІНЫ	174

ИВАНОВА Т. В. О ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ НАУКЕ	178
КАСИЯНЕНКО Н. В. НОРМЫ, ПРИНЦИПЫ, ПОЛОЖЕНИЯ: КРИТЕРИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ПРАВЕ	182
МАРКЕВИЧ Д. С. ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	185
ФИРОНОВ А. Н. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ГОСУДАРСТВА: ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	189
СЕКЦЫЯ V. ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ ГАЛІНОВАГА ЗАКАНАДАЎСТВА	193
ЗАИКА Ю. А. КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	193
АНАНИЧ С. М. БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	196
ДАШКЕВІЧ А. Л. ВЫЗНАЧЭННЕ ЗМЕСТУ ПАНЯЦЦЯ КАНСТЫТУЦЫЙНА-ПРАВАВОЙ ПРЫРОДЫ.....	200
КУНИЦКАЯ О. М. ФОРМИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД.....	203
ЛЯНЦЭВІЧ В. М. ПЕРАДУМОВЫ ІНСТИТУТА КАМПЕНСАЦЫ МАРАЛЬНАЙ ШКОДЫ Ў БЕЛАРУСКІМ ПРАВЕ	206
РОМАНОВА О. Н. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	210
СКОБЕЛЕВ В. П. НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОЧНИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	214
ХОТЬКО О. А. ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	218
ШАВЦОВА А. В., КОЗАК М. А. СООТНОШЕНИЙ ПОНЯТИЙ «ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЕТВЬ ВЛАСТИ» И «ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЙ ВИД ВЛАСТИ»	222
ШАХРАЙ И. С., ШИНГЕЛЬ Н. А. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА В БЕЛАРУСИ: НАУЧНЫЙ АСПЕКТ	228
ГРИНЕВ И. В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЗДУШНЫХ ПОЛЕТОВ ..	232
ГУМИНСКИЙ М. Н. РАЗВИТИЕ БЕЛАРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ С МОМЕНТА СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ	235
ЕЖОВА Т. Б. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА БРАЧНОГО ДОГОВОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	238
РЕУЦКАЯ Е. А. К ВОПРОСУ О РАЗРЕШЕНИИ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	241
ЭРЗИН А. Д. ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА К НЕПРАВОСПОСОБНОМУ ЛИЦУ: ЗАКОН, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	244

Навуковае выданне

**ГІСТОРЫКА-ПРАВАВАЯ НАВУКА:
СПАДЧЫНА, СТАН і ПЕРСПЕКТЫВЫ**

**Матэрыялы
міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 100-годдзю з дня нараджэння
прафесара І. А. Юхно**

Мінск, 19–20 сакавіка 2021 г.

На беларускай і рускай мовах

У аўтарскай рэдакцыі

Адказны за выпуск *Д. В. Шчэрбік*

Падпісана да друку 14.10.2021. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.

Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 14,65. Ул.-выд. арк. 22,15.

Тыраж 100 экз. Заказ

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Надрукавана з арыгінал-макета заказчыка.